

Министерство
Образования и науки России

Российский Союз ректоров

Совет ректоров вузов
Дальневосточного федерального округа

Министерство
Транспорта России

ФГБОУ ВПО

«Дальневосточный
государственный университет
путей сообщения»

**СОЦИАЛЬНЫЕ
И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ**

Научно-теоретический журнал
издается с января 2004 года
выходит один раз в три месяца

№ 2 (42) 2014

Хабаровск, 2014

Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

Ministry of Transportation
of the Russian Federation

The Russian Rectors' Union

Federal State Budgetary Educational

Council of Rectors of Higher Educational
Institutions in the Far Eastern
Federal District

Institution of Higher
Professional Education
«Far Eastern State
Transportation University»

**THE HUMANITIES
AND SOCIAL STUDIES
IN THE FAR EAST**

Journal of Theoretical Research
Published since January 2004
Issued quarterly

№ 2 (42) 2014

Khabarovsk, 2014

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ю.М. Сердюков, д-р филос. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

К.И. Воробьева, д-р психол. наук, проф.; **М.А. Ковальчук**, д-р ист. наук, проф.;
Л.П. Лазарева, д-р пед. наук, проф.; **Р.Л. Лившиц**, д-р филос. наук, проф.;
Н.Е. Мерецкий, д-р юр. наук, проф.; **С.В. Пишун**, д-р филос. наук, проф.;
З.Г. Прошина, д-р фил. наук, проф.; **В.В. Романова**, д-р ист. наук, проф.;
О.А. Рудецкий, канд. филос. наук (ответственный секретарь);
Е.Н. Спасский, д-р полит. наук, проф. (заместитель главного редактора);
А.М. Шкуркин, д-р филос. наук, проф.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ларри Смит, PhD (США); **Нобуюки Хона**, PhD (Япония); **Чжан Байчун**, PhD (Китай);
Кальво-Мартинез Томас Мариано, PhD (Испания); **Кэрол Джой Макрае**, PhD (Австралия)

РЕДАКТОР ВЫПУСКА

З.Г. Прошина

СОТРУДНИКИ РЕДАКЦИИ

Ю.В. Пономарчук, канд. физ.-мат. наук (web-мастер);
Е.В. Листопадова (технический секретарь); **Е.Ю. Мальнева**, канд. фил. наук (переводчик)

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ

Печатается по решению Совета ректоров вузов Дальневосточного Федерального округа № СР/ДФО-54а От 9 октября 2002 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ

ФГБОУ ВПО «Дальневосточный государственный университет путей сообщения»
(680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № 77-16283 от 29 августа 2003 г.

Адрес редакции: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47, оф. 262,
Тел./факс: (4212) 40-71-93, E-mail: journal@festu.khv.ru

Web-site: www.eastjournal.ru

EDITOR-IN-CHIEF

Y.M. Serdyukov, Doctor of Science (Philosophy), Professor

EDITORIAL BOARD

C.I. Vorobyova, Doctor of Science (Psychology), Professor;
M.A. Kovalchuk, Doctor of Science (History), Professor;
L.P. Lazareva, Doctor of Science (Pedagogy), Professor;
R.L. Livshits, Doctor of Science (Philosophy), Professor;
N.E. Meretsky, Doctor of Science (Law), Professor;
S.V. Pishun, Doctor of Science (Philosophy), Professor;
Z.G. Proshina, Doctor of Science (Philology), Professor;
V.V. Romanova, Doctor of Science (History), Professor;
O.A. Rudetsky, Candidate of Science (Philosophy) (Executive Secretary),
E.N. Spassky, Doctor of Science (Political Science), Professor (Deputy Editor);
A.M. Shkurkin, Doctor of Science (Philosophy), Professor

INTERNATIONAL EDITORS

Larry E. Smith, PhD (USA); **Nobuyuki Honna**, PhD (Japan); **Zhang Baichun**, PhD (China);
Calvo-Martinez Tomás Mariano, PhD (Spain); **C. Joy McRae**, PhD (Australia)

MANAGING EDITOR

Z.G. Proshina

EDITORIAL STAFF

Y.V. Ponomarchuk, Candidate of Science (Physics) (Web Design);
E.V. Listopadova (Technical Secretary); **E.Y. Malneva**, Candidate of Science (Philology) (Translator)

*Journal of theoretical research is published in accordance with the decision
of the Council of Rectors of Higher Educational Institutions
in the Far Eastern Federal District № CR/FEFD-54a of October 9, 2002*

FOUNDER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education
«Far Eastern State Transportation University»
Office 262, 47 Seryshev Str., Khabarovsk, 680021
Media Registration Certificate PE № 77-16283 issued August 29, 2003
Editorial office address: Office 262, 47 Seryshev Str., Khabarovsk, 680021
Phone/fax: (4212) 40-71-93
E-mail: journal@festu.khv.ru

Web-site: www.eastjournal.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 10

СТАТЬИ..... 11

ЛОКАЛЬНОЕ В ГЛОБАЛЬНОМ: ЯЗЫК, ЛИТЕРАТУРА, МЕТОДИКА ИХ ПРЕПОДАВАНИЯ

<i>Асалиева С.И.</i> Имена существительные темпоральной семантики, называющие определенные промежутки времени в лезгинском и английском языках	11
<i>Бутенина Е.М.</i> Взаимодействие классических традиций в китайско-американской женской прозе	15
<i>Вишнякова Е.А.</i> Отражение ценностных ориентиров социума в специфике языковой номинации.....	20
<i>Гриценко Е.С.</i> Английский язык как семиотический ресурс в современной российской повседневности	27
<i>Джеймс Д' Анджело.</i> Японский вариант английского языка? Направляя дискуссию в новое русло.....	32
<i>Дюжева М.Б., Власова Т.М.</i> Заголовок журнальной статьи как прецедентный текст (на материале русского издания журнала «rollingstone»)	44
<i>Завьялова В.Л.</i> Специфика речевого взаимодействия на языке-посреднике в АТР: проблемы восприятия восточно-азиатского акцента	50
<i>Краюшкина Т.В.</i> К вопросу о глобализации фольклора (на примере этиологических легенд о кофе в русскоязычных интернет-ресурсах).....	58
<i>Ксензенко О.А.</i> Социокультурные и языковые аспекты функционирования рекламной коммуникации: тенденции, проблемы, решения.....	66
<i>Кузнецова А.О.</i> Английский язык в спортивной субкультуре алтимат фрисби	73
<i>Лазаретная О.В.</i> Преподавание английского языка: модели и стратегии обучения в условиях лингвистической относительности.....	78
<i>Лобанова Л.П.</i> Формирование языковой картины мира и ее характер в концепции В. фон Гумбольдта.....	84
<i>Мартынова Э.О.</i> Фонологические и орфографические особенности британских имен в камерунском варианте английского.....	92
<i>Мулладжанова Н.С.</i> Англицизмы в русской химической терминологии	97
<i>Омеличкина Е.О.</i> Диалог литературы и музыки на примере «вечных образов»	101
<i>Прошина У.М.</i> Автономная работа студентов в современной высшей школе	106
<i>Ривлина А.А.</i> Взаимодействие английского и русского языков в лингвистическом пейзаже современного российского города.....	110
<i>Ройба Н.В.</i> Локальное в глобальном политическом дискурсе	116
<i>Серкова Н.И.</i> Художественный перевод: системно-целостный подход	123
<i>Собянина В.А.</i> К вопросу об исследованиях особенностей немецкого языка мигрантов в Германии	133
<i>Фёдоров В.В.</i> Заимствования в современной китайской англоязычной газетно-журнальной публицистике.....	137
<i>Чернышова Е.Б.</i> Развитие представлений о языковом сознании в традиционной лингвистике	142
<i>Шаталова Н.А.</i> К вопросу о русском варианте английского языка.....	147

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

<i>Ахметова А.В., Бобышев С.В.</i> Государственная политика в сфере образования и воспитания традиционных этносов Дальнего Востока (60-е – первая половина 80-х гг. XX века)	154
<i>Березницкий С.В.</i> Исследования Фридриха Дербека на Дальнем Востоке России в начале XX вв.	158

<i>Гусева Е.И.</i> Н.В. Устрялов о российской эмиграции. Новый документ из архива внешней политики Российской Федерации	165
<i>Стасюкевич С.М.</i> Проблема голода и налоговая политика советской власти в дальневосточной деревне в 1922–1925 гг.	171
<i>Осипова Э.В.</i> Дальневосточный театр в условиях общественных трансформаций 20–30-х годов XX в.	179
<i>Пичугина Н.А.</i> Организация и проведение туристских железнодорожных маршрутов в Хабаровском крае (60–80-е годы XX в.).....	187
<i>Тронова Г.А.</i> Становление подготовки технических кадров для железнодорожной отрасли Дальнего Востока (конец XIX – начало XX вв.).....	193

РЕДАКЦИОННАЯ ПОЧТА

<i>Затулий А.И.</i> Зарубежная и российская системы образования: опыт сопоставления	197
НЕКРОЛОГ	202
К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ	203
К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ	204

CONTENTS

Editorial 10

ARTICLES 11

GLOCAL: LANGUAGE, LITERATURE AND METHODOLOGY OF TEACHING

<i>Asaliyeva S.I.</i> Nouns of Temporal Semantics Naming Definite Units of Time in the Lezgin and English Languages	11
<i>Butenina E.M.</i> Interaction of Classical Traditions in Chinese American Literature.....	15
<i>Vishnyakova E.A.</i> Representation of Cultural Values in the Type of Nomination	20
<i>Gritsenko E.S.</i> English as a Semiotic Resource in Everyday Russian Communication	27
<i>D'Angelo J.</i> Japanese English? Refocusing the Discussion.....	32
<i>Dyuzheva M.B., Vlasova T.M.</i> The Use of Precedent Texts in Magazine Article Titles	44
<i>Zavyalova V.L.</i> Peculiarities of Lingua Franca Communication in Asia-Pacific: Problems of East Asian Accent Perception	50
<i>Krayushkina T.V.</i> On Globalization of Folklore (Etiological Legends About Coffee in Russian Internet Resources)	58
<i>Ksenzenko O.A.</i> Sociocultural and Linguistic Aspects of Advertising Communication: Tendencies, Problems and Solutions	66
<i>Kuznetsova A.O.</i> English in Sports Subculture Called Ultimate Frisbee.....	73
<i>Lazaretnaya O.V.</i> English Language Teaching: Teaching Models and Strategies in the World of Linguistic Relativity	78
<i>Lobanova L.P.</i> The Formation of the Linguistic Picture of the World and Its Character According to W. von Humboldt's Philosophy of Language	84
<i>Martynova E.O.</i> Phonological and Orthographic Peculiarities of British Names in Cameroon English.....	92
<i>Mullyadzhanova N.S.</i> English Borrowings in Russian Chemical Terminology	97
<i>Omelichkina E.O.</i> Literature-Music Dialogue Illustrated by «Eternal Images».....	101
<i>Proshina U.M.</i> Student's Autonomy at Today's Tertiary School.....	106
<i>Rivlina A.A.</i> English-Russian Interaction in Modern Russian Linguistic Landscape	110
<i>Roiba N.V.</i> Local Perspectives in the Global Political Discourse.....	116
<i>Serkova N.I.</i> Literary Translation: an Integrated Approach.....	123
<i>Sobyanina V.A.</i> Research Into Specifics of the German Language of Migrants in Germany.....	133
<i>Fyodorov V.V.</i> Linguistic Borrowings in Contemporary Chinese Journalism in English	137
<i>Chernyshova E.B.</i> Development of Ideas About the Linguistic Consciousness in Traditional Linguistics	142
<i>Shatalova N.A.</i> On Russian English.....	147

PROBLEMS OF THE FAR EAST

<i>Akhmetova A.V., Bobyshev S.V.</i> Soviet State and Organization of Upbringing and Education of Indigenous Population of the Far East in the 1960s and the First Half of the 1980s.....	154
<i>Bereznicki S.V.</i> Friedrich Derbek's Research in the Far East of Russia at the Beginning of the XX Century.....	158

<i>Guseva E.I.</i> N.V. Ustrialov on the Topic of the Russian Emigration: New Documents From the Archive of Foreign Policy of the Russian Federation.....	165
<i>Stasyukevich S.M.</i> The Problem of Hunger in the Far Eastern Settlements in 1922–1925 and Tax Policies of the Soviet Government	171
<i>Osipova E.V.</i> Far Eastern Theater Under the Conditions of Social Transformations of the 20–30s of the XX century.....	179
<i>Pichugina N.A.</i> Organization and Maintenance of Tourist Railway Routes in the Khabarovsk Krai (1960s–1980s)	187
<i>Tronova G.A.</i> Commencement of Technical Training in the Far Eastern Railroad Industry (Late XIX Century and Early XX Century).....	193
AUTHORS GUIDELINES.....	215

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемый читатель !

Перед Вами выпуск журнала, посвященный *глокальности* филологического знания, что означает диалектическую неразрывность *локального* и *глобального*, проявляющуюся в языке, литературе и методике их преподавания и изучения. В настоящее время, когда глобализм стал всеобъемлющим фактором нашего времени, очень важно видеть элементы локального, вносящего специфику в глобальный континуум однородности и реализуемого в отдельных культурах, составными частями которых являются язык и литература. Термин *глокальность*, сначала появившийся в бизнесе, был внесен в филологический оборот сингапурским лингвистом Анной Пакир, видевшей в нем возможность «...открыться новым идеям и, вместе с тем, оставаться в своей собственной культуре» [1: с. 192].

Все мы являемся членами глобального сообщества на планете Земля, но также и представителями своих стран и культур. Мы пользуемся языком глобального общения, которым в настоящее время стал английский язык, но в нашем использовании он становится языком, отражающим локальные культуры. Часть локальных элементов заимствуется в дальнейшем другими языками и культурами, превращаясь в глобальные, или интернациональные явления. Вот почему в данном выпуске столько работ связано с проблемами регионально-локальной дифференциации английского языка – это русский вариант английского языка (статьи Н. Шаталовой, Е. Гриценко, А. Ривлиной, Н. Мулляджановой), восточно-азиатские варианты (статья В. Завьяловой), в том числе китайский (статья В. Федорова, Е. Бутениной) и японский (статья Д. Д'Анджело); камерунский вариант (статья Э. Мартыновой) и новозеландский (статья Е. Вишняковой). Подборка представленных работ также вклю-

чает сопоставительные исследования (например, лезгинского и английского – в статье С. Асалиевой), работы о взаимодействии языков в разных сферах деятельности (А. Ривлиной, А. Кузнецовой, Н. Мулляджановой, Т. Власовой и М. Дюжевой, В. Федорова, В. Собяниной), о фундаментальных концептах психолингвистики (Е. Чернышевой, Л. Лобановой) и социолингвистики (О. Ксензенко, Н. Ройба), новых моделях и стратегиях обучения (О. Лазаретной, У. Прошиной). Вопросы, связанные с проблемой взаимоотношения глобального и локального, исследованы в литературоведческих работах Е. Бутениной и Е. Омеличкиной, в фольклористском материале Т. Краюшкиной, в переводоведческом – Н. Серковой.

Соединение принципов глобальности и локальности наблюдается не только в тематике исследований, но также в географической представленности их авторов, среди которых – филологи из Португалии, Японии, Дагестана, Москвы, Санкт-Петербурга, Тулы, Нижнего Новгорода, Новосибирска, Благовещенска, Хабаровска, Владивостока, Петропавловска-Камчатского. Каждый из исследователей внес весомый вклад в изучение проблемы глокальности и диалектики локального и глобального в филологии. Редакционная коллегия журнала надеется, что читатель найдет в этом номере интересные идеи для дальнейшего развития своих изысканий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Pakir, Anne*. Bilingual education with English as an official language. Sociolinguistic implications // Georgetown University Round Table on Languages and Linguistics 1999 / Edited by James E. Alatis and Ai-Hui Tan. Washington, D.C.: Georgetown University Press, 2001. – P. 341–349. – Reprinted: World Englishes: Critical Concepts in Linguistics / Edited by Kingsley Bolton and Braj B. Kachru. – Vol. 6. – London and New York: Routledge, 2006. – P. 186–195.

СТАТЬИ

ЛОКАЛЬНОЕ В ГЛОБАЛЬНОМ: ЯЗЫК, ЛИТЕРАТУРА, МЕТОДИКА ИХ ПРЕПОДАВАНИЯ

ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ ТЕМПОРАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ, НАЗЫВАЮЩИЕ ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ПРОМЕЖУТКИ ВРЕМЕНИ В ЛЕЗГИНСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

С.И. Асалиева

Асалиева Саида Исмаиловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры второго иностранного языка факультета иностранных языков Дагестанского государственного университета (г. Махачкала).

Контактный адрес: SaidaAS1982@mail.ru

В настоящей статье рассматриваются имена существительные темпоральной семантики, называющие определенные промежутки времени в лезгинском и английском языках.

Приводится сравнительная характеристика некоторых единиц времени в рассматриваемых языках. Делается вывод о том, что в английском языке существительные, называющие единицы времени, носят исконный (индоевропейский) характер, а в лезгинском языке представляют собой заимствования.

Ключевые слова: имя существительное, темпоральная семантика, грамматическое и лексическое значение времени, временной промежуток, заимствование, исконное происхождение, единая модель, сопоставляемые языки, лезгинский язык, английский язык.

Специфическими свойствами времени, как известно, являются его текучесть, одномерность, необратимость. В философии, физике и других естественных науках объектом изучения языкознания является реальное время. В лингвистике речь идет не о самом реальном, объективном времени, а о тех грамматических и лексических значениях времени, которые выражаются различными языковыми средствами.

Так, М.В. Всеволодова, анализируя лексический состав именных групп с обстоятельственным значением времени, показала, что существительные в них образуют определенные семантические однородные классы, характеризующиеся способностью употребляться или не употребляться в определенных словоформах, при определенных условиях, вступать или не вступать в сочетания с определенными классами слов других частей речи [1].

К лексическим средствам выражения временных отношений, наряду с наречиями времени, относятся также имена существительные с временной семантикой. Имена существительные, называющие ограниченные временные единицы, выражают строго обозначенные отрезки времени, из которых каждый последующий отрезок содержит в себе определенное количество предыдущих. Прежде всего, это имена существительные, называющие часовое время. Рассмотрим основную группу слов, обозначающих различные временные промежутки. Мельчайшая едини-

ца измерения часового времени в рассматриваемых языках представлена словом «секунда»:

лезг. *секунд*, англ. *second* «секунда»: Са секунда инихь килиг! – Посмотри сюда на секунду!

Затем по временным рамкам следует слово «минута»:

лезг. *минут*, *декъикъа*, англ. *minute* «минута»:

Муъжуйд жедалди къад минут ама

или *муъжуйд жедалди къад декъикъа ама.*

Twenty minutes to eight «без двадцати (минут) восемь»;

В лезгинском языке представлены два слова для обозначения минуты – оба заимствования: *минут* – с русского языка и *декъикъа* – с арабского.

Гъа и минутда чаз къваниши къвалаяй аял шехъзавай сес хъана (Меджидов) – «В эту минуту мы услышали плач ребенка из соседней комнаты».

Вуна декъикъаяр вучиз гъисабзава, дуст кас? (Меджидов) – «Почему ты считаешь минуты, дорогой друг?»

В английском языке существуют два слова для передачи значения «минута»: *minute* и *moment*: *He may come back any minute (moment)*. Он может вернуться с минуты на минуту (букв.: в любую минуту); *It's a three-minutes' walk there*. Это расстояние вы пройдете за три минуты (Это расстояние в трех минутах ходьбы отсюда) и т.д.

Следующее слово, передающее значение точного времени, представлено словом «час»:

лезг. *сят*, англ. *hour* «час»;

лезг. *сятдин къудай нуд най* «три четверти часа»;

англ. *three quarters of an hour* «три четверти часа».

лезг. *зур сят* «полчаса»;

англ. *half an hour* «полчаса»;

лезг. *тамам тушир сят* «неполный час»

англ. *short hour*;

лезг. *сагъ са сят* «целый [добрый] час пути»;

англ. *a good hour*,

лезг. *сагъ са сятда гуьзлемии авун* «ждать битый час»;

англ. *to wait for an odd hour* «ждать битый час».

Такие мельчайшие единицы измерения времени, как «секунда» и «минута» имеют общеиндоевропейское происхождение (ср.: нем. *die Sekunde*, англ. *second*; нем. *die Minute* – англ. *Minute*), в лезгинском языке эти слова являются заимствованиями через русский язык.

Затем в данную группу входят имена существительные, называющие более крупные отрезки времени, например:

лезг. *югъ*, англ. *day* «день»;

лезг. *йикъан экв* «дневной свет»;

англ. *daylight* «дневной свет»;

лезг. *Къе вуч югъ я?* «Какой сегодня день?»;

англ. *What day is it today?*

лезг. *югъ акадариз (са шумуд югъ акадариз)*, «через каждый день (через каждые несколько дней)»;

англ. *every other day (few days)*,

лезг. *къе пакамахъ (экуьнакъ)* «сегодня утром»;

англ. *today in morning* «сегодня утром»;

лезг. *къве гьафтедилай (14 йикъалай)* «через две недели (14 дней)»;

англ. *in two weeks*,

лезг. *садра* «в один день, однажды»;

лезг. *югъди* «весь день»;

англ. *all day* «весь день»;

лезг. *йикъан къене* «в течение дня»;

англ. *during the day* «в течение дня»;

лезг. *югъди-йифди* «день и ночь (ночь и день) = сутки»;

англ. *night and day* «ночь и день = сутки»;

лезг. *рагъ алай юкъуз* «среди бела дня»;

англ. *in broad daylight* «среди бела дня»;

лезг. *(квалахикай) азад югъ* «свободный день»;

англ. *a day off* «свободный день», например:

Къецел гатфарин мад са югъ няни хъана (Меджидов) – «За окном закончился еще один летний день».

Антонимом слова «день» лезг. *югъ*, англ. *day* является существительное «ночь». Это слово, засвидетельствованное в восьмом веке, восходит к индо-

европейскому корню **nokt* – «ночь». Совпадение обозначения этого явления в подавляющем числе индоевропейских языков связано с его употреблением в качестве единицы измерения времени. В начальном периоде развития человечества время принято было измерять ночами, поскольку именно ночью видна Луна, наблюдения за которой были положены в основу определения месяца и года.

лезг. *йиф*, англ. *night* «ночь»;

лезг. *йифди* «всю ночь»;

англ. *all night (long)* «всю ночь»;

Сутки – это промежуток времени от одной полуночи до другой, 1/7 часть недели, промежуток времени в 24 часа. В исследуемых языках это понятие передается описательно:

лезг. *йиф-югъ* «ночь и день = сутки»;

англ. *night and day* «ночь и день = сутки».

Для лезгинского языка характерно следующее деление суток на временные отрезки: *утро, день, полдень, вечер, сумерки, ночь, полночь*.

Примечательно, что слово, обозначающее «сутки» во многих языках представлено сочетанием слов, составляющих данный промежуток времени «день» и «ночь». Причем в одних языках это слово начинается со слова «день», как например, в немецком (*Tag und Nacht*), в других – либо со слова «ночь», например, в английском (*night and day*), в лезгинском (*йифни югъ*), либо со слова «день» – *day and night, югъни йиф*.

Слово «день» как в лезг. *югъ*, так и в англ. *day* может обозначать не только светлую часть дня, но и сутки, т.е. время от одного восхода солнца до другого восхода солнца.

Названия частей суток представлены в разных языках по-разному:

«утро», «полдень», «вечер», «ночь» – это минимальная классификация, она представлена в обоих исследуемых языках. Эти существительные могут конкретизироваться добавлением слов «ранний» и «поздний», например:

Пакаман сегьер. Меркездиз атанвай мугъмандиз хариж ульквейрин инсанрикай арабар виридалайни цигел тир (Агъаев) –

«Было раннее утро. Гостя, прибывшего в столицу, больше всего из иностранцев интересовали арабы».

Кроме того, верующие лезгины делят сутки на пять временных отрезков в зависимости от времени совершения намаза:

Экуьнин (пакаман) вахт «время утреннего намаза»;

Нисин (нисинин) вахт «время обеденного намаза»;

Рагъдан вахт «время послеобеденного намаза»;

Няни (нянин) вахт «время вечернего намаза»;

Йифен вахт «время ночного намаза».

Далее в данную группу входит слово, обозначающее более крупный отрезок времени «неделя»: лезг. *гьафте*, англ. *week* «неделя».

Слово «неделя» почти во всех языках, имеющих общегерманское происхождение, обозначает временной отрезок, состоящий из семи дней.

В лезгинском языке слово *гьафте* «неделя», как представляется, имеет исконное происхождение, это свидетельствует о том, что лезгины издревле пользовались такой единицей измерения времени.

Каждый день недели имеет свое название:

лезг. англ.

ислен, *Monday* «понедельник»;

саласа *Tuesday* «вторник»;

арбе *Wednesday* «среда»;

хемис *Thursday* «четверг»;

жумья *Friday* «пятница»;

киш *Saturday* «суббота»;

гьяд *Sunday* «воскресенье».

В английском языке названия всех дней недели образованы по единой модели: «имя + имя», где второй компонент всегда представлен словом *day*, а первый как правило отсылает к имени бога: *Sunday* – Sun (Бог солнца), *Monday* – Moon (Богиня луны), *Tuesday* – Tiu (Бог неба), *Wednesday* – Woden (Бог Воуден), *Thursday* – Thor (Бог Тора), *Friday* – Fria (Богиня Фрига или Фрейя), *Saturday* – Saturn (Бог Сетерн) [7].

В лезгинском языке названия дней недели *ислен* «понедельник», *саласа* «вторник», *арбе* «среда», *хемис* «четверг» и *жумья* «пятница», *киш* «суббота», *гьяд* «воскресенье» заимствованы из арабского языка.

В качестве типологической универсалии выступает обозначение *месяца* – слова, обозначающего следующий по величине отрезок времени:

лезг. *варз*, англ. *month* «месяц»,

лезг. *вацра кьве сеферда* «два раза в месяц»;

англ. *twice a month* «два раза в месяц».

Следует указать, что не только движение Солнца выступало единицей измерения времени, в данном случае точкой отсчета представляется положение Луны.

Все названия месяцев английского языка имеют латинское происхождение. Следует отметить, что по древнейшему римскому календарю год состоял из десяти месяцев, а первым месяцем считался март. Позже, на рубеже VII и VI веков до н. э., из Этрурии был заимствован календарь, в котором год делился на 12 месяцев: после декабря следовали январь и февраль. У римлян год начинался с весеннего месяца марта, как известно, был назван *Martius* в честь Марса, которого почитали как бога земледелия и скотоводства. Название второго месяца *Aprilis* происходит от латинского *aperire* – «раскрывать», так как в этом месяце раскрываются почки на деревьях. Третий месяц *Mai* посвящался богине земли Майе, матери Меркурия, бога торговли, по-видимому, в силу того, что в этом месяце оживлялась торговля, особенно

заморская. Четвёртый *junius* «июнь» посвящен богине неба Юноне, покровительнице женщин, супруге Юпитера, а *Juliu s* – июль назван в честь Гая Юлия Цезаря. *Augustus август* – в честь императора Августа. *September* «сентябрь» – это седьмой месяц, *October* «октябрь» – восьмой, *November* «ноябрь» – девятый, *December* «декабрь» – десятый. Название *Januarius* – *января* – предпоследнего месяца древнеримского календаря – происходит, как полагают, из слова *janua* «вход», «дверь». Месяц был посвящен богу Янусу, который по одной из версий считался богом небесного свода, открывавшим ворота Солнцу в начале дня и закрывавшим их в его конце. Двенадцатый месяц был посвящен богу подземного царства *Фебрусу*. Само название происходит, по-видимому, от *februare* «очищать», но, возможно, и от слова *feralia*. Так римляне называли приходившуюся на февраль *поминальную неделю*. По истечении её в конце года они совершали *очистительный обряд «для примирения богов с народом»* [3].

В настоящее время практически все страны мира, в том числе и Великобритания, пользуются Григорианским календарем, и год начинается с января месяца.

Кроме обозначения календарного месяца, слово *month* означает также «луна, месяц». Дело в том, что германцы, да и не только они, издревле пользовались фазами луны для измерения времени.

В лезгинском языке, кроме обозначения календарного месяца, слово *варз* означает также небесное тело «луна, месяц». Это говорит о том, что лезгины также пользовались фазами луны для измерения времени. Связь этих двух слов – месяц (календарный) и месяц (луна) – наблюдается во всех дагестанских языках [4], например: ав. *моулул*, чам. *бослел*, лак. *барз*, дарг. *бадз*, таб. *вара*, арч. *бац* и т.д.

Названия всех двенадцати месяцев также имеют одинаковое происхождение – общегерманское и общеиндоевропейское.

Следующий по величине временной отрезок передается существительным «год»:

лезг. *йис*, англ. *year* «год»

лезг. *йиса садра*, англ. *once a year* «один раз в год»;

лезг. *1998 лагьай йисуз*, англ. *in (the year) 1998* «в 1998 г.»;

лезг. *са йис вилик*, англ. *a year ago today* «год назад»;

лезг. *кьудкьад лагьай йисар*, англ. *the eighties* «восьмидесятые (годы)».

Для наименования временного промежутка протяженностью шесть месяцев лезгины используют такую же модель, как и англичане: лезг. *зур йис*, англ. *half year* – «полгода».

Оппозиция времени года как в английской, так и в лезгинской языковых традициях была связана, прежде всего, с характером деятельности человека, в особенности с аграрным циклом. Год делится на четыре сезона, каждое время года имеет свое название:

лезг. *gamфар*, англ. *spring*, «весна»;

лезг. *гад*, англ. *summer*, «лето»;

лезг. *зул*, англ. *autumn*, «осень»;

лезг. *къуьд*, англ. *winter*, «зима».

Этот класс слов закрытый.

В лезгинском языке применяются такие единицы измерения времени, как *цIуд йисалай* «десятилетие» и *вад йисалай* «пятилетие», например:

ЦIуд йисалай са палтуну, вад йисалай са жуьт калуш-малуш гьалтзавай ана зегьмет чIугвазвайбу-рал (Агъаев).

«Рабочие, которые трудились здесь, получали каждое десятилетие по одному пальто и каждое пятилетие по паре калош».

Временной промежуток протяженностью сто и тысячи лет представлены в сопоставляемых языках следующими лексемами:

лезг. *виш йис*, англ. *century* «век»;

лезг. *агъзур йис*, англ. *millennium* «тысячелетие».

В лезгинском языке эта единица передается моделью *числительное + существительное* (*сто лет, тысячи лет*); в английском языке (*century* и *millennium*) – существительными латинского происхождения.

В английском языке мельчайшие единицы измерения времени носят исконный характер и восходят к общеиндоевропейскому уровню.

В лезгинском языке мельчайшие единицы измерения времени носят, как правило, заимствованный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Всеволодова М.В.* Категория именной темпоральности и закономерности ее речевой реализации : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / М.В. Всеволодова. – М., 1981.
2. *Гайдаров, Р.И.* Лексика лезгинского языка / Р.И. Гайдаров. – Махачкала, 1977.
3. *Климишин, И.А.* Календарь и хронология / И.А. Климишин. – М., 1990.
4. Сравнительно-сопоставительный словарь Дагестанских языков (СССДЯ). – Махачкала, 1973.
5. *Агъаев, А.А.* Пад хъайи рагъ (Лопнувшее солнце) / А.А. Агъаев. – Махачкала, 1975.
6. *Меджидов, Къ.* Къашкъа духтур (Доктор с седой прядью) / Къ Меджидов. – Махачкала, 1969.
7. *Douglas Harper.* Etymology Dictionary / Harper Douglas. – Global-teacher.net>mediacenter/English_history.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КЛАССИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ В КИТАЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ ЖЕНСКОЙ ПРОЗЕ

Е.М. Бутенина

Бутенина Евгения Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).

Контактный адрес: butenina.em@dvfu.ru

Изучение гибридной поэтики текстов, созданных авторами поликультурного происхождения, стало одним из интересных и важных направлений американистики. В статье рассматривается взаимодействие классических традиций Китая и США на примере прозы двух известных китайско-американских писательниц Максин Хонг Кингстон и Гиш Цзень.

Ключевые слова: гибридная поэтика, китайско-американская литература, литературная классика, культурное наследие.

В литературе США последних десятилетий заметную роль играет китайско-американская литература, что началось с широкого признания художественной автобиографии Максин Хонг Кингстон (Maxine Hong Kingston) «Воительница» (*The Woman Warrior*, 1976), и после этого приобрели популярность романы Эми Тань (Amy Tan) и Гиш Цзень (Gish Jen), пьесы Фрэнка Чиня (Frank Chin) и Дэвида Генри Хуана (David Henry Hwang)¹. Закономерно, что одним из интересных и важных направлений американистики стало изучение гибридной поэтики текстов, созданных авторами поликультурного происхождения. В данной статье этот аспект рассматривается на примере взаимодействия классических традиций Китая и США в прозе двух известных китайско-американских писательниц Максин Хонг Кингстон и Гиш Цзень.

Многие иммигранты из Китая, рожденные в США, отмечают, что китайские культурные основы они воспринимали неосознанно: так, в поэзии сианоамериканки Дайаны Чан критики ощущают некое «дзэнское чувство», которое она называет «совершенно инстинктивным», поскольку никогда не изучала философию дзэн систематически [12: с. 37]. Максин Хонг Кингстон в одном из своих телеинтервью назвала такой феномен инстинктивного воздействия «расовой памятью» и отметила, что и ей эта память дала многое из того, что она знает. В то же время писательница называет «Пять заповедей буддизма» среди книг, оказавших влияние на формирование ее личности [11: с. 33], поэтому вклю-

чение ее стихов в раздел дзэнской поэзии, например, в сборнике «Какая книга?! Буддийские стихотворения от битников до хип-хопа» (*What Book?! Buddha Poems from Beat to Hip-hop*), вполне закономерно. Как и другие авторы сборника, в своем творчестве Кингстон стремится к включению китайского наследия в американскую культуру.

Своим непосредственным литературным предшественником в американской литературной традиции Кингстон считает Уильяма Карлоса Уильямса и утверждает, что «непосредственно продолжает» сборник его эссе «На американской земле» (*In the American Grain*, 1925), в котором он «остановился в 1860 г.», а она «подхватывает» с этой даты [14: с. 182]. Писательница называет вторую часть своей автобиографической диалогии «Китайские мужчины» (вторым томом) книги Уильямса, открывшего как надо писать «мифическую историю» Америки, и вспоминает об особенно поразившем ее эпизоде в финале эссе «На американской земле», в котором Линкольн изображен в виде женщины, ходящей по полям сражений и подтыкающей одеяла солдатам [3: с. 67]. Чтобы подчеркнуть связь с американской классикой, Кингстон также использует название романа Гертруды Стайн «Становление американцев» в качестве названия одной из глав диалогии и объясняет этот прием так: «...Стайн создавала американский язык, а я пытаюсь создать американский язык с китайским акцентом, но это по-прежнему американский язык, развивающийся дальше» [14: с. 182–183].

Кингстон вписывает китайских иммигрантов в историю Америки, и первые ее предки на американской земле, прадед Бак Гун, работавший на гавайских тростниковых плантациях возле Сандаловых гор, и дед А Гун, строивший железную дорогу через горы Сьерра-Невада, подобны мифическим героям. Бака Гуна с шестью другими мужчинами отправили расчищать такие заросли, где «тростник стоял, будто зеленая армия» и «вдвое превышал

¹ В отечественном азиато-американистике нет единообразия при передаче имен китайско-американских писателей и исследователей на русский язык: синологи транскрибируют их по правилам китайской фонетической традиции, американисты чаще всего транслитерируют их как английские слова. Поэтому в русскоязычных работах и переводах рассматриваемые писательницы назывались Максин Хонг Кингстон и Гиш Чжэн(ь). В данной статье их имена, переданы согласно правилам транслитерации китайских слов [1: с. 409–416].

человеческий рост» [7: с. 100]. Покоряя дикую природу у подножия величественных гор, Бак Гун чувствовал, что однажды эти горы, подобно «огромному занавесу», могут открыться, и тогда он увидит, «кто действительно правит миром, добры или злы лица богов на самом деле» [7: с. 102]. Если Бак Гун лишь ощущал близость богов, то А Гун сам был «богоподобен», ибо своим трудом «изменял лицо мира» [7: с. 129]. Даже белые «художники-демоны», взобравшиеся в горы, чтобы сделать иллюстрации к газетной статье о забастовке китайских рабочих-строителей, рисовали их словно «совершенных молодых богов, прислонившихся к камням, и мудрое выражение было на их красивых, благородных лицах» [7: с. 139].

В следующем произведении Кингстон, «Обезьяна – мастер странствий», китайские и американские традиции взаимодействуют так же органично и ярко: с одной стороны, в роман вплетены аллюзии на эпопею китайского классика У Чаньэня (1500–1582) «Путешествие на Запад», до сих пор имеющую огромную популярность в Китае, а с другой – на поэзию Уолта Уитмена. Герой романа Витмен А Син (Wittman A Sing) в самом начале произведения заявляет, что он «сегодняшнее американское воплощение Царя обезьян» [10: с. 33], самой яркой фигуры в романе У Чаньэня и одного из излюбленных героев китайской популярной культуры. В имени героя, драматурга, мечтающего создать пьесу, в которой играли бы актеры всех цветов и рас, реализованы ономастические аллюзии на американскую классику: имя «Wittman» представляет собой трансформацию фамилии Уитмена, которая выражает горькую иронию писательницы и означает что-то вроде «умника». Мать и бабушка героя называют его «Wit Man», преобразуя его имя в псевдокитайский вариант, полный смысла для англоязычного читателя: ведь только безумный «умник» мог вознамериться создать театр как модель «бесклассового общества» по Уитмену, что практически невозможно в социуме, полном социальных и расовых предрассудков. Витмен провозглашает: «...Я приглашу всех, кого выбрасывают, и всех, у кого нет места» [10: с. 52]. Эта идея перекликается со знаменитой метафорой Уолта Уитмена «раса рас», в которой поэт «отказывается от всего, кроме собственного разнообразия». Фамилия А Син (Ah Sing) также значима: в слегка измененном виде она повторяет имя героя пьесы Брета Гарта «А Синь» (Ah Sin), возмущавшей Витмена пренебрежительной манерой изображения китайцев. Его фамилия словно бросает язвительный вызов всем стереотипам в отношении китайцев в американском обществе, сохраняющихся отчасти и до сих пор. Однако А Син конца XX в. отнюдь не безмолвен: он собирается заявить о себе в полный голос, поскольку в его фамилии можно услышать и

отголосок знаменитых слов Уитмена «Одного я пою» (*One's Self I sing*), переданных с китайским акцентом.

Присутствие великого поэта в романе Кингстон проявляется и в названиях его глав: например, неологизмы из первой строки четвертой части поэмы «Песня о себе» – «Странники и вопрошатели окружают меня»² – послужили названием первой главы, «Странники и вопрошатели» (*Trippers and Askers*); герои финальной строки этой же части поэмы – «Я смотрю назад, на мои минувшие дни, когда я пререкался с разными лингвистами и спорщиками» – встречаются в заглавии второй главы романа Кингстон, «Лингвисты и спорщики» (*Linguists and Contenders*). К «странникам» относится и сам Витмен, и встречающиеся ему наркоманы, с которыми он обменивается впечатлениями о странствиях-галлюцинациях, и это называется «ответить хорошим странствием на хорошее странствие» [10: с. 50]. Бесчисленные «вопрошатели», «лингвисты» и «спорщики» на протяжении всего романа изнуряют Витмена длинными разговорами. Кингстон продолжает начатый Уитменом ряд емких определений человеческих разновидностей и по аналогии называет третью главу своего романа «Обманщики и крикуны» (*Twisters and Shouters*), а четвертую – «Победители вечеринки» (*The Winners of the Party*), представляя новые типы божественной молодежи, проводящей время на грандиозных вечеринках, немногочисленные победители которых, включая Витмена, могут «заговорить всех остальных» [10: с. 131].

Название пятой главы романа, «Песня большой дороги Длинноногой Руби и Цеппелина» (*Ruby Long Legs' and Zeppelin's Song of the Open Road*), посвященной родителям Витмена, актерам, является прямой ссылкой на «Песню большой дороги» (*Song of the Open Road*) Уитмена, которую его редакторы называли его самым «жизнерадостным приглашением к приключению» [17: с. 66]. Странствием по большой дороге в поисках абсолютной свободы была и жизнь родителей Витмена, и его собственная. Подтверждением тому, что Витмену чуждо занятие, требующее пребывания в замкнутом пространстве, служит описание его эпопеи в бюро по трудоустройству в шестой главе, «Песня разных профессий», иронически воскрешающей в памяти «Песню разных профессий» (*A Song for Occupations*) Уитмена. Витмен стремится официально значиться либо чтецом классики в калифорнийских поездах, либо драматургом, на что ему советуют «указать какую-нибудь резервную должность, например, продавца розничной торгов-

² Все цитаты приведены в переводе К. Чуковского по изданию Уолта Уитмена. Избранные произведения. Листья травы. М.: Худ. лит-ра, 1970. 416 с.

ли» [10: с. 244]. Джеймс Таннер находит и менее явные аллюзии на поэмы «Песня о себе», «Рожденный на Поманок» (*Starting from Paumanok*), цикл «Дети Адама» (*The Children of Adam*), рассыпанные по всему роману о Витмене А Сине [17: с. 61–75].

Такое масштабное присутствие Уитмена в романе Кингстон объясняется родством главной идеи, утверждаемой величайшим демократическим поэтом Америки и китайско-американской писательницей: необходимость обретения себя как самостоятельной личности и в то же время неразрывной связи с окружающими людьми. Уитмен писал об этом в первых строках стихотворения «Одного я пою» (*One's-Self I Sing*): «Одного я пою, всякую отдельную личность,/ И все же Демократическое слово твержу, слово «En Masse»». И кингстонский Витмен сознает необходимость «сделать что-то совместное, противостоя изоляции» [10: с. 141], и, хотя финальный день многодневного представления в его театре называется «Соло-шоу», он вовлекает в него и китайско-американскую диаспору, и белых зрителей, потому что «с детства нуждался в племени» [10: с. 247] и понимал, что именно «создавая театр, мы создаем общность» [10: с. 261].

Как и всякая творческая личность, герой Кингстон многолик, и одна из ипостасей, которую он принимает в работе над пьесой для своего театра, – певец Жоан Фу, это имя ему «удавалось произносить как Жанна д'Арк и считать своим прозвищем» [10: с. 38]. В прозвище переплетены аллюзии и на французскую народную героиню, и на китайскую воительницу Фа Мулань, но при этом Витмену ближе именно восточная смысловая наполненность элемента инь его идентичности: Мулань после совершения своего воинского подвига, вернулась домой, к женским обязанностям, Витмен же и вовсе убежденный пацифист, решивший стать «американцем, который никого не убивает» [10: с. 235]. Очевидно, он полагает, что женская военная сила на самом деле стремится к миротворчеству, поэтому его вдохновляет женский «воинственный» псевдоним. Витмен уклоняется от призыва для участия во вьетнамской войне, и его действия в каком смысле одобрены свыше, поскольку роль рассказчицы в романе принадлежит Гуньинь, Богине Милосердия, о чем сообщает сама Кингстон в одном из своих интервью [13: с. 144]. Более того, Витмену удалось совершить невероятное: он стал пацифистом, поставив свою версию китайской эпопеи о войне Трех Царств, «грандиознейшей военной эпопее всех времен» [10: с. 340].

В своем романе об американской молодежи 1960-х писательница попыталась воплотить грандиозную художественную задачу – «интегрировать Восток и Запад» в «глобальной миротворческой миссии» и написать «контрапункт к Одиссее»,

ощущая себя одновременно китайской богиней милосердия Гуаньинь, Пенелопой и Афиной в попытке повлиять на власть жестокости и насилия в современном мире [16: с. 166–167]. Писательница продолжила реализацию своего замысла и в своей следующей работе, «Пятой книге мира» (*The Fifth Book of Peace*, 2003), в которой, начиная с названия, она вновь соединяет китайский миф и американскую реальность. Книга, по определению Кингстон, представляет собой «сэндвич из факта и вымысла» (*non-fiction-fiction sandwich*): первая часть повествует о пожаре в пригороде Сан-Франциско Окленде, уничтожившем дом писательницы и незаконченную рукопись ее нового романа, который должен был бы называться «Четвертая книга мира». Вторая часть рассказывает о легендарных китайских Трех книгах мира, безвозвратно утерянных, что и побудило писательницу создать свою версию мироздающего текста. Третья часть представляет собой продолжение истории о Витмене А Сине и его семье, и, наконец, четвертая посвящена рассказу о работе Кингстон с ветеранами вьетнамской войны, к которым она обратилась с призывом совместными усилиями создать книгу мира.

Если для творчества Максин Хун Кингстон характерен эпический размах с привлечением мощного мифологического, фольклорного и литературного пластов, то прозу Гиш Цзень отличает камерность и простота художественных средств, среди которых, однако, немалую роль играют аллюзии на китайскую и американскую литературные традиции. В романе «Типичный американец» (*Typical American*, 1991) буквально на первых страницах пародийно обыгрываются жизненные программы двух классических текстов американской литературы – «Автобиографии» Бенджамина Франклина и «Великого Гэтсби» Фрэнсиса Скотта Фицджеральда. Герой Цзень, в начале романа носящий китайское имя Ифэн, изо всех сил стремится как можно скорее стать настоящим американцем, поэтому еще на пути в Америку составляет список целей, которые он постарается достичь, и так создает собственную версию тринадцати добродетелей Франклина и «расписания» «великого Гэтсби». При этом первый пункт в списке Ифэна – «Я буду культивировать добродетель» – охватывает весь проект Франклина, затем он вслед за создателем американской конституции клянется в целомудрии, но быстро нарушает этот обет, как и «отец-основатель». В то же время в лучших традициях конфуцианской морали Ифэн выражает намерение «прославить доброе имя своей семьи» [6: с. 6] и в меру своих сил старается следовать этому правилу.

Американское имя героя тоже кажется произвольным лишь на первый взгляд: секретарь университетского международного отдела при оформ-

лении бумаг Ифэна перебирает в уме имена своих бывших ухажеров – Фрэд, Джон, Стив, Кен, Норман – и предлагает ему называться Ральфом, на что тот соглашается [6: с. 10–11]. Однако вскоре становится понятным, что неслучайно герой Цзень стал тезкой Ральфа Эмерсона. Однажды во время воскресной проповеди он вдруг понял, что «хочет быть как тот богочеловек... Он представил себе, что и он мог бы повторить все его чудеса. При этом он ощутил удивительную силу и ясность мыслей» [6: с. 88]. В этом описании устремления Ральфа Чана стать богочеловеком Цзень высмеивает концепцию самообожествления Эмерсона, сформулированную им в работе «Доверие к себе». Сразу после внезапно охватившего его стремления уподобиться «тому богочеловеку», Ральф поплатился: неожиданно его ужалила пчела, «прямо между глаз... Он почти не мог видеть... Лоб набух, словно на нем появился третий глаз» [6: с. 89]. В этой благоприобретенной примете внешности Ральфа явно содержится ироническая аллюзия на третий глаз бога Шивы, что дополняет «сходство» Ральфа с восточными богами: в самом начале романа сообщалось, что у Ральфа огромные уши, «торчащие, как боковые зеркала на машине его отца» [6: с. 3]. Как известно, с большими ушами всегда изображается Будда, поэтому и в Китае считается, что большие уши дарованы небесами и могут принести удачу их обладателям. Однако в Америке «буддоподобного» Ральфа приятели называли «смехотворной парой ушей» [6: с. 32]. Аллюзии на идею самообожествления американского философа (Ральфа Эмерсона), с одной стороны, и на мифологических восточных божеств, – с другой, позволяет Гиш Цзень с юмором показать несоразмерность тщеславных замыслов ее героя, который, очевидно, из-за случайного комического сходства с важнейшей фигурой китайского буддийского пантеона, решил, что в Америке ему по силам уподобиться христианскому богочеловеку. Позже, описывая приметы американизации Ральфа, Цзень сообщает, что он приобрел «шапку Дэйви Крокетта» [6: с. 123], и словно предлагает прочесть его историю в США как ироническую вариацию приключений знаменитого героя фронта.

Неразрывность драматического и комического в творчестве Цзень определяет и один из источников аллюзий на американскую классику в ее втором романе, «Мона в земле обетованной», который посвящен дочерям Ральфа Моне и Кэлли. Однажды Мона со своими еврейскими друзьями Барбарой и Сетом решают помочь афро-американцу Альфреду, которого Ральф уволил из своего ресторана, а подруга выгнала из дому и грозила сдать полиции за какие-то его темные махинации. Поскольку все спасатели – подростки, то им необходим элемент

игры в их благородной миссии, и они решают поселить Альфреда в пустующем помещении возле дома Барбары и разрешить входить в дом исключительно по заброшенному тоннелю, который они и отправляются для него исследовать и находят нечто, похожее на «острие закопанной кости», которое «при раскопках оказывается дверной ручкой» и провозглашается «талисманом их племени» [5: с. 148].

Начиная с комичного талисмана, все происходящее можно было бы воспринимать как забавное приключение, если бы не некоторые комментарии Альфреда, например, по поводу туннеля: «Эти туннели такие короткие, ребята. Мой дед говаривал, что в них еще и воняет. Он говорил, что его отец так добирался с Юга, в основном по рекам из-за собак. Но время от времени он забирался в туннели и говорил, что в них задохнуться можно, просто невозможно дышать» [5: с. 147]. Когда же Альфред оказывается в своем убежище, где ему нельзя шуметь и включать свет, он понимает, что «ему повезло прятаться здесь, как беглецу. Ему повезло, что ему надо ходить туда-сюда по туннелю. Ему повезло, что он живет в комнате слуг ... Но дело в том, что через неделю появляется ощущение тюрьмы, только нет других заключенных» [5: с. 153]. В истории с Альфредом явственно слышатся отголоски эпизода спасения Джима Томом Соьером и Гekom Финном: для белых мальчишек освобождение чернокожего тоже было интересной игрой, и Джим, покорный своей судьбе раба, безропотно им подчинился. Альфред подчиняется с большой долей сарказма и с пародийной почтительностью называет своих спасителей «белыми ребятами», которым, конечно, всегда видней, но близость страшного прошлого американского Юга в этом эпизоде подчеркнута довольно выразительно.

Размышляя о своеобразии своего стиля, Гиш Цзень заметила, что считает его «трагикомическим» и связывает это, в том числе со своей принадлежностью культуре, «где предметы одновременно могут иметь противоположные свойства ... Мир одновременно воплощает инь и ян». В то же время свой «комический голос» писательница объясняет и наполовину еврейским происхождением [15: с. 136], поэтому и героев своих со временем поселяет в еврейском районе Нью-Йорка и объявляет «новыми евреями».

Присутствие широкого поля китайской и американской культуры, в котором формируется художественная ткань произведений китайско-американских писательниц, и принцип неразрывного сплетения литературных и культурных аллюзий с китайским и американским колоритом являются органичным способом изображения процесса обретения героями этих произведений «двусоставной», китайско-американской идентичности. Многочисленные

примеры выразительного соединения восточной и западной поэтики в произведениях китайско-американских писателей, возможно, объясняется уникальной способностью китайского мышления к синкретическому сочетанию противоположностей, в том числе, противоположных культурных систем, символически выраженной в фундаментальной оппозиции китайской натурфилософии инь-ян.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прошина, З.Г. Английский язык и культура народов Восточной Азии / З.Г. Прошина. – Владивосток, 2001. – 476 с.
2. Approaches to Teaching Kingston's *The Woman Warrior* / Ed. by S. Geok-lin Lim. – New York: The Modern Language Association of America, 1991. – 178 p.
3. Chin, M. A MELUS Interview: Maxine Hong Kingston / M. Chin // MELUS. – 1989. – Vol. 16. – № 4. – P. 57–75.
4. Gish Jen's Typical American // Contemporary Literary Criticism Yearbook 1991. – Detroit: Gale Research Inc. – 1992. – Vol. 70. – P. 69–77.
5. Jen, G. *Mona in the Promised Land* / G. Jen. – New York : Vintage Books, 1996. – 304 p.
6. Jen, G. Typical American / G. Jen. – Boston : Houghton Mifflin / Seymour Lawrence, 1991. – 296 p.
7. Kingston, M. Hong. *China Men* / M. Hong Kingston. – New York : Ballantine Books, 1980. – 310 p.
8. Kingston, M. Hong. *The Fifth Book of Peace* / M. Hong Kingston. – New York : Alfred A. Knopf, 2003. – 402 p.
9. Kingston, M. Hong. *To Be the Poet* / M. Hong Kingston. – Cambridge, Massachusetts : Harvard University Press, 2002. – 111 p.
10. Kingston, M. Hong. *Tripmaster Monkey* / M. Hong Kingston. – New York : Vintage International, 1990. – 344 p.
11. Krasny, M. The Good Life / M. Krasny // Mother Jones. – 1995. – Vol. 20, № 3. – P.32–35.
12. Leo, H. A MELUS Interview: Diana Chang (Maskers and Tricksters) / H. Leo // MELUS. – 1995. – Vol. 20. – № 4. – P. 29–44.
13. Ling, A. Maxine Hong Kingston and the Dialogic Dilemma of Asian American Writers / A. Ling // Ideas of Home. Literature of Asian Migration. / Ed. by Geoffrey Kain. – East Lansing, Michigan : Michigan University Press, 1997. – P. 141–156.
14. Maxine Hong Kingston's Fiction // Contemporary Literary Criticism. – Detroit: Gale Research Inc., 1990. – Vol. 58. – P. 307–328.
15. Satz, M. Writing about the Things that Are Dangerous: A Conversation with Gish Jen / M. Satz // Southwest Review. – 1993. – Vol. 78. – № 132. – P. 9–19.
16. Simmons, D. Maxine Hong Kingston / D. Simmons – New York : Twayne Publishers, 1999. – 184 p.
17. Tanner, J. T.F. Walt Whitman's Presence in Maxine Hong Kingston's *Tripmaster Monkey*: His Fake Book (Maskers and Tricksters) / J. T.F. Tanner // MELUS. – 1995. – Vol. 20. – № 4. – P. 61–75.

ОТРАЖЕНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ СОЦИУМА В СПЕЦИФИКЕ ЯЗЫКОВОЙ НОМИНАЦИИ

Е.А. Вишнякова

Вишнякова Елизавета Александровна – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры английского языкознания филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; заведующая кафедрой английского языка Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого.

Контактный адрес: vishnyalis@yandex.ru

Вербально репрезентированные элементы культурно-ценностной шкалы социума широко представлены на уровне косвенной номинации. В новозеландском варианте английского языка процесс эвфемизации в значительной степени обусловлен реализацией национально-культурного компонента в семантике языковых единиц, а также тенденцией к использованию аббревиатур различных типов.

Ключевые слова: культурно-ценностная шкала, косвенная номинация, национально-культурный компонент, концепт, аббревиация, новозеландский вариант английского языка.

Проблеме языковой репрезентации наиболее значимых ценностных доминант англоязычных социумов посвящен целый ряд исследований различного характера, в основном ориентированных на анализ речемыслительных феноменов в рамках функционально-когнитивной парадигмы, с учетом специфики процессов концептуализации и категоризации, представленных на уровне естественного человеческого языка [2; 8; 14; 16; 17; 30; 33; 39; 40; 44; 47]. Язык, отражающий ценностные предпочтения и установки в данном социуме, чутко реагирует на те трансформации, которые происходят под влиянием различных факторов, например, в зависимости от уровня контекстности или другой культуры [27; 41]. Так, в процессе изучения способов вербальной репрезентации концепта «privacy» в различных англоязычных лингвокультурных сообществах установлено, что степень проявления его регулятивности различна: в континентальном европейском (нидерландском) социуме выявлена четко обозначенная внешняя референция, принимающая во внимание комфортность внутреннего состояния как субъекта, так и его окружения, в британском социуме акцент делается на традиционном и в значительной степени имплицитном выражении индивидуализма и эксцентризма, в американском – особая роль принадлежит факту низкоконтекстности культуры, где «privacy» реализуется не только как ценностный регулятивный концепт, но и как закрепленное законодательными актами понятие, обладающее более стройной, логической структурой и менее открытой семантической и ассоциативной сферой, чем связанный с эмоционально-экспрессивно-оценочной областью человеческого бытования концепт в собственном смысле слова [12]. Данная концептуальная структура характеризуется широким спектром способов языкового выражения (в отли-

чие, например, от русского языка, в котором на сегодняшний день отсутствует оптимальный переводной эквивалент данной единицы) и довольно разветвленной ассоциативной сферой [13; 21]. Ядерные языковые элементы – «privacy», «private» – также могут быть охарактеризованы как единицы, обладающие высокой степенью продуктивности, образующие целый ряд словосочетаний различного плана [43]: а) absolute privacy, complete privacy, total privacy, in relative privacy, individual privacy, personal privacy, consumer privacy, patient privacy, ensure privacy, preserve privacy, guarantee privacy, protect privacy, respect privacy, safeguard privacy, value privacy, in the privacy of one's own room, an intrusion of privacy, an intrusion on one's privacy, an invasion of privacy [59]; in strict privacy, the invasion of privacy by the press and TV [55], б) private letter, private theatricals, for private reasons, private means, at my private house, private account, private school, private enterprise, a letter marked «Private», for your private ears, private parts, in one's private capacity, private life, private member, private soldier [55] и т.д.

В работе «Основные типы лексических значений слова» В.В. Виноградов указывает: «...Всякий раз, когда новое значение включается в лексическую систему языка, оно вступает в связь и во взаимоотношение с другими элементами сложной и разветвленной структуры языка. Только на фоне лексико-семантической системы языка, только в связи с ней определяются границы слова как сложной и вместе с тем целостной языковой единицы, объединяющей в себе ряд форм, значений и употреблений» [11: с. 5]. Подходя к данному вопросу с точки зрения лингвосомиотики, А.А. Уфимцева отмечает способность языковых знаков вступать друг с другом в смысловые связи в линейном ряду, что создает возможность порождения бесконечного

числа новых знаков и новых семантических значимостей. Исследователь подчеркивает, что именно это свойство языковых знаков обеспечивает синтагматическую деятельность языка [45; 46]. Отмечая необходимость анализа процессов возникновения новых слов и словоупотреблений, Л.В. Щерба писал: «...Совершенно очевидно, что каждый культурный народ должен следить за изменениями в словаре своего языка. В своей основной и никогда не прекращающейся части работа эта должна состоять в просмотре всей вновь выходящей литературы и в выборе из нее всех новых слов и новых словоупотреблений» [49: с. 75].

Приведем ряд примеров реализации данной концептуальной структуры на уровне аббревиации, служащей одним из индикаторов степени регулярности воспроизводимости языковых единиц, поддающихся оптимизации в целях эффективности передачи сообщения, экономии речевых усилий, компенсации естественнoсущестующей языковой избыточности [9; 32]: Pte – private, PM – privatemessage, PFI – Private Finance Initiative, PLC – Private Limited Company, Private Limited Liability Company, VPL – Virtual Private LAN, VPLS – Virtual Private LAN Services, VPN – VirtualPrivateNetwork. Аббревиация может рассматриваться как один из возможных путей отражения процессов, характеризующих тот или иной социум в плане тенденций проявления особенностей языкового сознания и репрезентации наиболее значимых культурных доминант.

Номинативная функция языка, безусловно, играет основную роль в области фиксации значений и смыслов на уровне вербального выражения. Феноменам появления новых слов и реализации уже имеющихся в новых значениях (WortendenWelt – «ословливание» мира) посвящено значительное количество исследований [4–6; 20; 25; 26; 31]. Ахманова О.С. рассматривает языковое значение как «...известное отображение предмета, явления или отношения в сознании (или аналогичное по своему характеру психическое образование, конструированное из отображений отдельных элементов действительности), входящее в структуру слова в качестве так называемой внутренней его стороны, по отношению к которой звучание слова выступает как материальная оболочка, необходимая не только для выражения значения и для сообщения его другим людям, но и для самого его возникновения, формирования, существования и развития. Без материальной звуковой оболочки (которая лишь в определенных случаях может заменяться ее отображением, звуковым образом) воздействие действительности на сознание не могло бы иметь своим результатом то, что мы знаем как значение слова» [6: с. 92]. В области рассмотрения вопросов первичной и вторичной номинации (т.е. использо-

вания уже имеющихся в языке средств в функции новых наименований) [42: с. 129], изучения феноменологии косвенных наименований [22; 36], проблем эвфемизации и политкорректности [24] находится и вопрос о вербальной репрезентации ценностно-культурных ориентиров пестрого конгломерата англоязычных социумов, обладающих целым рядом этнокультурных и языковых особенностей и оказывающих влияние на мировые лингвокультурные сообщества [37].

Все более активное появление эвфемизмов, в определенном смысле отражающих распространившиеся по англоязычному миру особенности островного, британского менталитета [54], является одной из характерных черт функционирования английского языка. Наиболее значимой может считаться в этой связи тенденция проявления политкорректности, тесно связанная с репрезентативной спецификой упомянутого нами концепта «privacy». Так, например, в новозеландском социуме, характеризуемом когнитивной и в значительной степени языковой идентичностью мигрантских сообществ [34], отмечается такая вербальная реализация-эвфемизм, как «toconvert» – субститут глагола «tosteal» в законодательных актах: «**convert, conversion.** In New Zealand law a euphemism for stolen. The correct legal usage is 'converted to one's own use', being found guilty in court of stealing a car is referred to as a conviction for car conversion» [53: р. 42]. Данная реализация, очевидно, находится в сфере проявления тенденции политкорректного отношения к личности (с учетом внешней и внутренней референции), отражая основные репрезентативные свойства концепта «privacy» и укладываясь в рамки, очерченные важнейшими новозеландскими ценностями, такими как «христианство» и «государственность» [34]. Приведем для сравнения русскоязычный пример из той же тематической области, использованный Б.А. Лариным в статье «Об эвфемизмах», – «наклонность к чужому» вместо «вороватость» [29].

Исследователи отмечают, что предпосылками эвфемизации служат преимущественно моральные и религиозные факторы, а также называют лексические разряды, в которых процессы эвфемии (а также табуирования) протекают в английском языке наиболее интенсивно, включая в эти разряды единицы наименования, связанные со смертью, половыми отношениями, умственными недостатками, человеческими пороками, сверхъестественным [23]. В новозеландском английском фиксируется сокращенная единица «cardy» (от «cardigan, a knitted coat – like outer garment usually long-sleeved and either but toned or zipped up the front»), которая характеризуется некоторой негативной оценочностью и употребляется как эвфемизм – смягченный синоним полного от-

сутствия вкуса, что объясняется исторически и эстетически обусловленными национально-культурными предпочтениями: «The garment originated with James Thomas Brudenell, the Earl of Cardigan, who, in 1854, developed a buttoned, collarless knitted coat to wear in the Crimean War. The ‘Cardigan Bodywarmer’ was initially worn only by men. Women did not commonly wear knitted outer garments until the beginning of the 20th century» [53: p. 35].

Следует отметить тот факт, что уровень эвфемистичности подвергается в узуальной сфере трансформациям, которые выражаются в изменчивости и неустойчивости эвфемистической системы языка под влиянием изменяющихся социокультурных условий. Исследователи отмечают интенсивное проникновение в область эвфемии сленгизмов, уменьшение чёткости социальной стратификации эвфемистической лексики и фразеологии [23]. Например, в новозеландском английском получили распространение сленговые единицы «root» (sexualintercourse), «cark» (todie), «electricpuha» (marijuana) и др. Безусловно, важным фактором в этой связи являются культурно-языковые контакты [37] исконного местного населения маори (для которого политически корректным является определение «indigenous»), иммигрантов и их потомков (обозначаемые номинациями «pakeha», «kiwi» и др.). Так, в качестве примера можно привести эвфемистическое выражение «electric puha», содержащее маорийскую реалию: «Puha is a thistle weed much prized in Maori cooking, but lacks the electric quality which the leaves of *Cannabis sativa* provide» [53: p. 59].

Особого внимания в области эвфемизации заслуживает проблема отражения мистического, сверхъестественного, в первую очередь – связанного с религией, на уровне косвенной номинации [48]. В данном случае речь идет не столько о подборе смягчающих, нейтрализующих различные оценочные коннотации номинативных единиц, сколько о стремлении завуалировать суть характеризуемого явления, стремлении заменить традиционную языковую форму другим, косвенным способом репрезентации при очевидном сохранении смысла. В новозеландском материале встречается единица «Crikeydick», по принципу своей организации представляющая оксюморон и служащая для выражения целого спектра эмоций – гнева, удивления, отчаяния – и восходящая к таким номинациям экспрессивно-эмоционального характера, лишенным концептуальной полноценности [18; 43], как «Ohmygoodness», «Oh, My!» («Oh my God»), «Cripes», «Crikey» («Christ»), «Gee», «Jeepers» («Jesus»), «Golly», «Gosh», «Good gracious!» («God») или «God – Dear me!», а также «Deuce», «Dickens» («Who/What/Where the dickens?») («Devil»): «An expression of anger, surprise, shock or despair combining

twinned substitute euphemisms crickey (for Christ) and dick (for the devil). The expression is an example of the age-old practice of wanting to exclaim the name of a religious figure, while trying to avoid offence by doing so» [15; 53: p. 59].

В целом, как в использовании готовых языковых единиц, так и в создании новых наименований, в том числе эвфемистических, в новозеландском социуме наблюдается стремление к синтетизму, созданию более кратких и экономичных форм, оптимизирующих в единой номинативной структуре целый комплекс языковых значений.

В этом плане особая роль принадлежит аббревиации. В качестве примера можно привести состоящее из двух паронимических основ сложносокращенное слово *aggro*: «A combination of aggravation (made-worse, intensified) and aggression (over-readiness to attack), this contracted abbreviation came into use in the 1960’s to indicate annoyance and exasperation. The meaning of *aggro* has both widened and weakened: it can indicate either a potential street fight, or something as minor as a person being a few minutes late, thus causing *aggro* to be person waiting. *Bernie couldn’t play rugby on Saturday – he damaged his hands after some aggro in the street on Friday night*» [53: p. 9]. Как следует из приведенного комментария, семантика данной языковой единицы с течением времени подверглась трансформации под воздействием факторов социокультурного характера, специфичных для новозеландского социума, известного своей стабильностью и миролюбием [35: с. 319], чего, возможно, нельзя с такой же степенью уверенности сказать о других сообществах: так, в традиционных словарях английского языка единица *aggro* определяется как «aggression as shown by gang soften agers towards other gangs, racial minorities, etc» [55]. Вместе с тем отметим, что в настоящее время единица *aggro* в основном встречается в мире компьютерных игр, в текстах виртуального пространства (WorldofWarcraft): «Aggro is a jargon word in WoW, probably originally derived from the English words "aggravation" or "aggression", and used since at least the 1960’s in British slang. In MMORPGs, such as WoW, *aggro* denotes the aggressive interests of a monster/NPC» [50]. В целом, тенденция креализации сокращений различных типов отмечается повсеместно, на что с определенной долей сарказма указывают и новозеландские исследователи: «An ever-increasing tendency to create acronyms and use initialisms is most obvious in the areas of education, health, and national and local government administration in New Zealand, where DOC (Department of Conservation) and WINZ (Work and Income New Zealand) are in such everyday use that little thought is possibly given to their genesis. We might even be regarded as advantaged in being able to form a huge variety of terms that end in – nz,

examples being Fanz, Fenz, Finz, Fonz, Funz, not to mention Frenz, Frinz and Fronz. Newcomers to New Zealand English could easily be confounded by the acronyms that form words used in te reo Maori, such as Tamu (Tertiary Advisory Monitoring Unit) and Weta (Waikato English Teachers' Association)» [51].

Важными составляющими ценностной шкалы новозеландского социума, репрезентирующей реальность в мультикультурном и бикультурном преломлении, являются, по мнению О.В. Николаевой, такие комплексные концептуальные структуры, как «история освоения» и «экосистема» [34]. Ощепкова В.В., выделяя области концентрации национально-маркированных элементов в новозеландском лингвокультурном сообществе, отмечает необходимость изучения сферы «человек и общество», включающей такие тематические группы, как (1) флора и фауна; (2) характеристика коренного населения – маори и их образа жизни; (3) хозяйственная деятельность новозеландцев, в основном связанная с сельским хозяйством и добычей полезных ископаемых, а также некоторыми промышленными отраслями; (4) новозеландский образ жизни; (5) общественная и государственная деятельность; (6) климат и географическая среда; (7) название своей страны и ее жителей; (8) характеристика других стран и их жителей [35: с. 108]. Языковое представление действительности, в том числе на уровне эвфемизмов-лексем и эвфемизмов-фразеологизмов, во многом обусловлено использованием лингвистических единиц, семантически связанных с процессом вербализации концептов и относящихся к ним содержательных концептуальных областей «природа» (в первую очередь – «природа Новой Зеландии»), «климат», «флора и фауна», «окружающая среда», «новозеландский образ жизни».

Обратимся к материалу. В новозеландском английском употребляется словосочетание «gobush» («someone who cannot be found, evening a big city») по отношению к тому, кто куда-то исчез или скрывается, кого невозможно найти. Словосочетание «go bush» реализуется во фразеологических значениях «to eschew urban life altogether and live by choice in a rural area without the usual modern conveniences; to hide deliberately, as from authorities such as the police» [53: p. 69]. Данная реализация существует как аналогия британским выражениям «take to the woods», «out of the woods» («free from danger, difficulty»), а также семантически ассоциативно связана с более свойственными американскому английскому (согласно данным словарей) «bush-whack» («to push or cut your way through trees or bushes»), «bushwhacker» («someone who makes a path through thick woods, especially GUERRILLAS or others who fight in or attack from woods or rough land»). Данная единица также ассоциативно коррелирует с типичными

и особенно значимыми для южноафриканского, австралийского и новозеландского социумов номинациями «Bushman» («one who lives in the Australian bush») [57] и «bushranger» («someone who lives in an uncultivated or forested area with a small population away from civilization»). Причем единица «bushranger» обладает социокультурной окрашенностью: в новозеландском социуме – это «европеец-доброволец, отправляющийся сражаться против маорив XIX в.» [1], а также эвфемистически номинирует скрывающиеся от правосудия криминальные элементы («bushranger» – «a criminal living in such an area»). Национально-культурно-маркированной является и единица «bushranging» – «разбой, грабеж (осуществлявшийся беглыми каторжниками; термин вошел в употребление ок. 1805)» [1]. Анализируя реализацию «bushwhacker» в новозеландском английском, исследователи замечают, что она претерпела ряд социокультурно обусловленных трансформаций. Появившись в конце 1900-х гг., данная единица приобрела оценочный характер и тенденцию к употреблению в ироническом контексте («Over the ensuing decades it developed to include forms of behavior and make-do living style which would be normal in outback conditions but could seem comic in an urban context»), например: «He's hospitable enough, but the house is a real bushwacker's place» [53: p. 31].

Языковая единица «bush» – «low woody plant, smaller than a tree and with many stems», uncleared wild country, especially in Australia and Africa», «wild area in Africa, Australia, New Zealand» – выступает в качестве национально-культурно-маркированной и встречается в новозеландском (а также австралийском) английском в целом ряде различных реализаций (bush-faller, bushcraft, bush-coloured, bush dinner, bushfire, bush-farm, bush nursing и др.). Использование ее в эвфемистических выражениях связано в первую очередь с особенностями семантики, отражающей труднопроходимый, трудом преодолеваемый, запутанный характер чего-либо, что, например, отражено в английском языке в британском фразеологизме «to beat about the bush» и американском «to beat around the bush», – эксплицируемых как «to talk about something without saying what you mean clearly and directly, even though the person you are talking to may not like it» [58]. В новозеландском варианте встречается реализация «bushlawyer», характеризующая либо некомпетентного в юридическом отношении человека, либо (что наиболее часто) юриста, умышленно осложняющего ход дела. Данная единица также употребляется метафорически как название колючего вьющегося новозеландского растения – «Ruscissoides (known in Maori as tataramoa), so called because the thorns of the vine are as difficult to escape as the entanglements of the legal system». В этом же

метафорическом поле находится реализация «bush baptist» – «a person of strong religious belief whose desire to convert others is inclined to oversell the advantages of their particular faith. In some cases that faith can be of antiestablishment kind, unrelated to any known and recognized forms of worship» [15; 53: p. 9].

Ассоциативный компонент, определяющий косвенный характер номинации, лежащий в основе процесса создания эвфемизма, представлен и во фразеологическом сочетании «beinginthecactus», один из элементов которого семантически связан с предметным миром природы. Кактус может символизировать для новозеландцев труднодоступные территории, одиночество, опасность, угрозу получить повреждения: «To a New Zealander, any landscape naturally containing cactus is alien to their own – and slightly threatening. As a stand-alone, (the) cactus can simply mean a distant and isolated place» [53: p. 33]. В то же время, по мнению некоторых авторов, семасиологический сдвиг в направлении смягчения отрицательной оценочности в этом случае обусловлен тем фактом, что в концепции труднодоступности одновременно присутствует идея преодоления, освобождения: «Being in the cactus conveys difficulty and a prospect of a possibly painful exercise in order to become free» [53], – что позволяет рассматривать данный фразеологизм не только в терминах косвенной номинации, но и как эвфемизм в собственном смысле слова, направленный на представление состояния дел в более позитивном свете. Напомним в этой связи, что О.С. Ахманова характеризует эвфемизм как «троп, состоящий в непрямом, прикрытом, вежливом, смягчающем обозначении какого-либо предмета или явления» [7: с. 521].

Существенная роль принадлежит в данных случаях приобретающему определенный характер объективности и независимости от человеческой воли оценочному компоненту ассоциативно связанной с природными явлениями эвфемистической единицы. В этом плане возможно упомянуть и о влиянии религиозно-философских взглядов маори на формирование картины мира и особенностей языкового сознания социума, рассматриваемого в терминах бикультурализма и мультикультурализма: «Одна из ключевых идей философии маори – в единстве человека и природы. Маори объясняют это так: каждому творению (людям, богам, животным и растениям, земле, морям, воздуху) присуща частица жизненной силы ("маури"). Благодаря "маури" все, что существует в мире – взаимосвязано. Так как каждая часть зависит от всего остального, пренебрежение заботой об окружающем мире пойдет во вред человеку. Культура и религия маори в классическом виде требует соблюдения большого числа ритуалов, призванных минимизировать потенциальный вред, который может быть нанесен всей

природе в целом и человеку в частности. Интересно объяснение маори, почему нужно "не навредить" природе – для каждого действия, будь то охота на животного или срубленное дерево нужна веская причина и нужно специальным ритуалом попросить разрешения богов» [28; 52; 56].

Представление на вербальном уровне универсальных и культуроспецифических концептов [10; 39], образующих систему ценностей новозеландского лингвокультурного сообщества, обусловлено спецификой языкового сознания социума [3; 19], детерминированного процессом сложного исторического развития и взаимодействия различных культур, основной линией которого стало взаимовлияние культуры выходцев из Европы и культуры маори. Вместе с тем следует подчеркнуть мультикультурный характер новозеландского общества, на которое определенное влияние оказывают американская и восточные культуры, что, безусловно, находит отражение и в области языкового функционирования, в том числе – в динамически развивающейся области наименований.

Рассмотрение эвфемизмов в качестве результата процесса косвенной номинации в новозеландском социуме позволило заключить, что ценностные доминанты данного лингвокультурного сообщества могут быть отражены в семантике указанных языковых единиц, что обусловлено присутствием в них национально-культурно-маркированных составляющих. Эвфемизмы различных типов могут рассматриваться как один из способов обогащения словарного состава английского языка (в данном случае – его новозеландского варианта), характеризующегося тенденцией к оптимизации языковых средств и экономии речевых усилий, в связи с чем важное место в нем принадлежит все более интенсивному процессу аббревиации. Особого внимания в этой связи заслуживает метафорическая номинация «God's own country», упоминаемая поэтом Томасом Брэкеном: «Give me, give me God's own country! There to live and there to die, God's own country! Fairest region resting 'neath the southern sky», – на основе стяжения трансформированная в получившую признание языкового сообщества аббревиатуру «Godzone»: «By 1964 'God's own country' had occasionally been contracted to 'Godzone', the respelling attributed to poet Allen Curnow, and popularized by Bruce Mason and Curnow himself, and it has remained in use, somehow combining irony with a reluctant affection» [53: p. 5].

В заключение следует подчеркнуть, что процессы косвенной номинации в новозеландском варианте английского языка в значительной степени обусловлены потребностями вербализации содержательных элементов таких концептосфер, как «экология», «природа», «религия», «страна и госу-

дарство», «новозеландский образ жизни», определяющих основные направления развития ценностной шкалы данного социума.

ЛИТЕРАТУРА

1. Австралия и Новая Зеландия. Лингвострановедческий словарь / под рук. В.В. Ощепковой, А.С. Петриковской. – М.: Рус. яз., 2001. – 216 с.
2. Александрова, О.В. Концептуальное пространство языка и социокультурная картина мира / О. В. Александрова // Язык. Культура. Общение : сб. науч. тр. в честь юбилея заслуж. проф. МГУ им. М.В. Ломоносова С.Г. Тер-Минасовой ; отв. ред. Г.Г. Молчанова. – М., 2008. – С. 107–115.
3. Алефиренко, Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта; Наука, 2010. – 288 с.
4. Арутюнова, Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения / Н. Д. Арутюнова // Аспекты семантических исследований. – М., 1980. – С. 156–249.
5. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки рус. культуры, 1999. – I – XV. – 896 с.
6. Ахманова, О.С. Очерки по общей и русской лексикологии / О.С. Ахманова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 296 с.
7. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Сов. энцикл., 1966. – 607 с.
8. Баранова, Л.Л. Концепт «американская мечта»: его структура и реализация в языковой деятельности людей / Л.Л. Баранова // Когнитивная лингвистика: новые проблемы познания : сб. науч. тр. – М.: Рязань, 2007. – Вып. 5. – С. 78–84.
9. Будагов, Р.А. Человек и его язык / Р.А. Будагов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. – 429 с.
10. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – М.: Языки русской культуры, 1999. – I–XII. – 780 с.
11. Виноградов, В.В. Основные типы лексических значений слова / В.В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1953. – № 5. – С. 3–29.
12. Вишнякова, О.Д. Анализ культурного концепта в контексте «фамильного сходства» / О.Д. Вишнякова // Вестник Поморского университета. – 2009. – № 2. – С. 43–48. – (Серия «Гуманитарные и социальные науки»).
13. Вишнякова, О.Д. Лингвистические параметры транслируемости культурных концептов / О.Д. Вишнякова, Т.А. Пашутина // Сб. науч. и науч.-метод. тр. ; под общ. ред. проф. С.Г. Тер-Минасовой и доц. М.Г. Бахтиозной. – М.: Университетская книга, 2009. – Вып. 6. – С. 58–71.
14. Вишнякова, О.Д. Реализация знакового потенциала в текстах религиозного содержания / О.Д. Вишнякова // Горизонты современной лингвистики: традиции и новаторство : сб. в честь Е.С. Кубряковой. – М., 2009. – С. 787–792.
15. Вишнякова, О.Д. Структурно-содержательные трансформации языковых единиц с национально-культурным компонентом в новозеландском английском / О.Д. Вишнякова, О.В. Скурихина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – 2011. – № 6 (101). – Вып. 9. – С. 120–126.
16. Вишнякова, О.Д. Языковой знак как предмет семиотической концептологии / О.Д. Вишнякова. – Тула: Изд-во Тульского гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2008. – 196 с.
17. Воркачев, С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С.Г. Воркачев. – М.: Гнозис, 2004. – 236 с.
18. Гвишиани, Н.Б. Полифункциональные слова в языке и речи / Н.Б. Гвишиани. – М.: Высш. шк., 1979. – 200 с.
19. Гумбольдт, В. Язык и философия культуры : пер. с нем. яз. / В. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1985. – 451 с.
20. Заботкина, В.И. Слово и смысл / В. И. Заботкина. – М.: РГГУ, 2012. – 428 с.
21. Иная ментальность / В.И. Карасик [и др.]. – М.: Гнозис, 2005. – 352 с.
22. Карташкова Ф.И. Косвенная номинация в английском языке: Деятельностно-процессный подход : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Ф.И. Карташкова. – Иваново, 2001. – 391 с.
23. Кацев, А.М. Эвфемизмы в современном английском языке: Опыт социолингвистического описания: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / А.М. Кацев. – Ленинград, 1977. – 190 с.
24. Крысин, Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи / Л. П. Крысин // Русистика. – Берлин, 1994. – № 1-2. – С. 28–49.
25. Кубрякова, Е.С. О формировании значения в актах семиозиса / Е.С. Кубрякова // Когнитивные аспекты языковой категоризации. – Рязань, 2000. – С. 26–29.
26. Кубрякова, Е.С. Обеспечение речевой деятельности и проблема внутреннего лексикона / Е.С. Кубрякова // Человеческий фактор в языке: языки порождение речи. – М., 1991. – С. 82–140.
27. Кузьменкова, Ю.Б. От традиций культуры к нормам речевого поведения британцев, американцев и россиян / Ю.Б. Кузьменкова. – М.: МАКС Пресс, 2008. – 316 с.
28. Культура и обычаи маори [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://travelgeo.info/avstralija_i_okeanija/newzealand/665-legendy_maori.html.
29. Ларин, Б.А. Об эвфемизмах / Б.А. Ларин // Проблемы языкознания. – Л., 1961. – № 1. – С. 122–123.
30. Лебедев, М.Г. Время как когнитивная доминанта культуры / М.Г. Лебедев. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. – 243 с.
31. Максимова, Ю.С. К вопросу о способах номинации в описании коммуникативного поведения [Электронный ресурс] / Ю.С. Максимова // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2013. – № 1. – Режим доступа: <http://www.eastjournal.ru/docs/contArt/2013/1.htm>
32. Мартине, А. Основы общей лингвистики / А. Мартине. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 224 с.
33. Невструева, Т.Х. Психолингвистические исследования концепта «тоска»: этнический аспект [Электронный ресурс] / Т.Х. Невструева, И.А. Воробьева // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2008. – № 4. – Режим доступа: <http://www.eastjournal.ru/docs/contArt/2008/4.htm>
34. Николаева, О.В. Теория взаимодействия концептуальных картин мира: языковая актуализация (на материале новозеландского варианта английского языка и языка маори) : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / О.В. Николаева. – Владивосток, 2011. – 451 с.
35. Ощепкова, В.В. Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии / В.В. Ощепкова. – М.; СПб.: ГЛОССА;КАРО, 2006. – 336 с.
36. Панина, Т.Г. Вторичная косвенная номинация как языковой, когнитивный и культурный процессы [Электронный ресурс] / Т.Г. Панина // MagisterDixit. – 2012. – № 2 (06). – Режим доступа: http://md.islu.ru/sites/md.islu.ru/files/rar/statya_magister_dixit_ii.pdf
37. Прошина, З.Г. Динамика развития английского языка в его региональных вариантах / З.Г. Прошина // Вестник ИГЛУ. – Т. 2. – № 18. – С. 200–206. – (Серия «Филология»).

38. *Смирницкий А.И.* Значение слова /А.И. Смирницкий // Вопросы языкознания. – 1955. – № 2. – С. 79–89.
39. *Степанов, Ю.С.* Константы: словарь русской культуры: опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
40. *Степанов, Ю.С.* Семиотика концептов / Ю.С. Степанов // Семиотика: антология / сост. Ю. С. Степанов. – М., 2001. – С. 603–612.
41. *Стефаненко, Т. Г.* Этнопсихология : учеб. для вузов / Т. Г. Стефаненко. – М. : Аспект Пресс, 2004. – 368 с.
42. *Телия, В.Н.* Вторичная номинация и ее виды / В.Н. Телия // Языковая номинация (Виды наименований). – М. : Наука, 1977. – С. 129–221.
43. *Тер-Минасова, С.Г.* Словоупотребление в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах / С.Г. Тер-Минасова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1981. – 144 с.
44. *Тер-Минасова, С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 352 с.
45. *Уфимцева, А.А.* Лексическое значение: принципы семиологического описания лексики / А.А. Уфимцева ; под ред. Ю.С. Степанова. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 240 с.
46. *Уфимцева, А.А.* Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании картины мира / А.А. Уфимцева // Роль человеческого фактора в языке. – М., 1988. – С. 108–140.
47. *Чекулай, И.В.* Концепты жизнь и смерть как отражение высших ценностей в языке и речи / И.В. Чекулай, О.Н. Прохорова // Единство системного и функционального анализа языковых единиц : материалы Междунар. науч. конф., г. Белгород, 11–13 апр. 2006 г. В 2 ч. Ч. 1 / под ред. О.Н. Прохоровой, С.А. Моисеевой. – Белгород, 2006. – Вып. 9. – С. 204–208.
48. *Черникова, Е.М.* Эвфемизация теонимов и демонимов в некоторых индоевропейских и афразийских языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Е.М. Черникова. – Челябинск, 2007. – 254 с.
49. *Щерба, Л.В.* Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба. – Л. : Наука, 1974. – 428 с.
50. Aggro – WoWWiki – Your Guide to the World of Warcraft. Режим доступа: <http://www.wowwiki.com/Aggro>
51. *Bardsley, D., Hurley D.* New Zealand English in the 21st Century / D. Bardsley, D. Hurley. Режим доступа: [www.victoria.ac.nz/lals/research/nzdc/NZ %20English %20in %20the %2021st %20century.htm](http://www.victoria.ac.nz/lals/research/nzdc/NZ%20English%20in%20the%2021st%20century.htm)
52. *Benton, R.* Maori English: a New Zealand Myth / R. Benton // English Around the World: Sociolinguistic Perspectives / Ed. by J. Cheshire. Cambridge, 1996. – P. 187–197.
53. *Cryer, M.* The Godzone Dictionary of Favourite New Zealand Words and Phrases / M. Cryer – Auckland: Exisle Publishing Limited, 2006.
54. *Fox, K.* Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour / K. Fox. – London: Hodder, 2004. – 424 p.
55. *Hornby, A.S.* Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / A.S. Hornby. – London : Oxford University Press, 1974.
56. *Huygens, I.* Language Attitudes, Ethnicity and Social Class in New Zealand / I. Huygens, G. Vaughan // Journal of Multilingual and Multicultural Development. – 1983. – № 4. – P. 207–223.
57. Longman Dictionary of English Language and Culture : new ed. – Longman; Pearson Education Limited, 2005.
58. Longman Idioms Dictionary : over 6 000 idioms. – Harlow : Addison Wesley Longman Limited, 1998.
59. Oxford Collocations Dictionary for Students of English : Second edition. – Oxford University Press, 2009.

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК КАК СЕМИОТИЧЕСКИЙ РЕСУРС В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Е.С. Гриценко

Гриценко Елена Сергеевна – доктор филологических наук, проректор по научной работе, профессор Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова.

Контактный адрес: elena.s.gritsenko@gmail.com

В статье анализируется роль английского языка как средства смыслопорождения в русскоязычном коммуникативном пространстве. На материале различных дискурсивных практик показано, как англоязычные вкрапления и кальки передают спектр социокультурных коннотаций (престиж, прогресс, профессионализм, успешность, инновационность и т.п.), отражающих идеологии языка (родного и иностранного), циркулирующие в современной России. Работа направлена на устранение лакун в научном описании взаимодействия глобального и локального и углубление представлений о языке (дискурсе) как семиотическом ресурсе глобализации.

Ключевые слова: глобализация, язык, идеология, коммуникация, глобальный английский, индексальность.

Жизнь современного общества во многом определяют глобализационные процессы. Наряду с экономической, политической и культурной интеграцией, все шире осознается языковая (дискурсивная) составляющая глобализации, осуществляющая экспансию идей, которые формируют социальный контекст современного мира.

Коренным образом изменяя языковую ситуацию, глобализация оказывает существенное воздействие на динамику научных и обыденных представлений о языке. Исследователи отмечают трансформации в типологии и коммуникативном статусе языков [22], появление новых глобальных дискурсов и коммуникативных практик [2; 13]. Все большее внимание привлекают вопросы, связанные с межкультурным и межэтническим взаимодействием в контексте глобализационных процессов [12; 14], проблемы языковой и культурной гибридизации [2; 8], феномен «глокализации» как форма присвоения глобального в местной среде [1; 22; 27].

Глобальное распространение и «присвоение» английского языка приводит к изменениям в его концептуализации [20]. Одним из ярких проявлений языковой и культурной глобализации является формирование контактных разновидностей английского языка – испанского, немецкого, китайского, корейского, русского и др. В исследование последнего значительный вклад внесли работы З.Г. Прошиной [21]. Зарубежными учеными описано несколько «разновидностей» английского языка, которые претендуют на статус «лингва франка», например, ELF (English Lingua Franca) и BELF (Business English Lingua Franca). В первом случае речь идет об упрощенной функциональной разновидности английского языка, которую используют для общения между собой носители других языков [15]. Во втором – о еще более «оптимизированном» (за счет отсечения грамматических и лексиче-

ских «излишеств» и культурной специфики) варианте, выполняющем узкоспециализированную функцию общения партнеров по бизнесу [18].

Изменения в статусе и «материи» английского языка связаны с уплотнением языковых контактов и появлением новых «зон двуязычия», примером которых служит взаимодействие родного и английского языка в иммигрантских сообществах, сфере туризма, профессиональном общении сотрудников местных офисов международных корпораций [4], музыкальном дискурсе [3], спортивных субкультурах и молодежной среде [1; 27] и т.п. Одной из наиболее полно описанных «зон двуязычия» является коммуникативное пространство современных городов [5; 8; 11] где широко представлены англоязычная реклама, транслитерированные глобальные бренды, гибридные и игровые языковые практики в названиях магазинов, ресторанов, клубов, гостиниц и даже клиник. Исследования показывают, что англолизация городского ландшафта приобрела глобальный характер: все глубже «врастая» в пространство современных городов, английский язык становится неотъемлемой частью городской повседневности.

Аналогичные процессы имеют место и в других коммуникативных сферах, но протекают менее наглядно и не так подробно изучены.

Цель данной статьи – раскрыть индексальный потенциал английского языка как средства смыслопорождения в коммуникативном пространстве современной России. Речь пойдет об «усеченном» использовании языка (отдельных слов, морфем, словообразовательных и синтаксических моделей и т.п.) с целью манифестации групповой принадлежности, создания статуса, демонстрации престижа, разграничения «своего» и «чужого» и т.п. Статья направлена на устранение лакун в научном описании взаимодействия глобального и локального и

углубление представлений о языке (дискурсе) как семиотическом ресурсе глобализации.

Методологически работа базируется на трех основных теоретических конструктах:

- концепции социолингвистики глобализации и обоснованном в ней понимании «усеченного» использования языка и его статуса «мобильного ресурса» [10];

- теории индексальности, раскрывающей структурную многослойность и многозначность языковых ресурсов [24];

- исследовании в области языка и идеологии, показывающих связь между бытующими в обществе представлениями о языке и социокультурными системами (контекстами), которые питают эти представления [25; 26].

В статье используются результаты серии исследований, проведенных в 2010–2012 г.г. в рамках НИР «Глобализация и язык: анализ современной социолингвистической ситуации на материале русского, английского и немецкого языков» (проект ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России»). Актуальность работы связана с обращением к анализу «неявных» форм воздействия глобального английского как инструмента культурной и идеологической экспансии на состояние русского языка как сферы «локализации» глобальных коммуникативных практик.

Английский язык как смыслопорождающий ресурс имеет семантическое и семиотическое измерения. В первом случае речь идет о заимствованиях-неологизмах, используемых для обозначения новых явлений и заполнения лакун (*погултить, кликнуть, лайкать, ретвитнуть, пиар, элективы* и проч.), а также о появлении у русских слов новых значений под влиянием английского языка (*агрессивный дизайн автомобиля*). Во втором – об использовании единиц, которые имеют аналоги в русском языке, однако выбор английского слова (формы, модели) позволяет получить смысловые приращения, основанные на идеологиях английского языка – системах представлений, оценок и суждений о языке (родном и иностранном), циркулирующих в современном российском обществе.

Примером может служить текст объявления в одном из нижегородских фитнес-клубов, в котором родителей приглашают привести детей на занятие кружка, где их научат делать подарки своими руками:

«Хотите приятно удивить своих близких, родных и друзей? Уникальный подарок hand-made, который может сделать ваш ребенок станет идеальным решением. Пусть подарок будет неповторимым!»

Слово *hand-made* (в тексте выше сохранена орфография оригинала – Е.Г.) имеет в русском языке полный смысловой эквивалент. На вопрос о причи-

нах предпочтения английского языка сотрудница, написавшая объявление, пояснила:

«Так интереснее... привлечет внимание. Английский сейчас все знают – все поймут».

Ошибка в написании английского слова показывает, что подобная оценка иноязычных компетенции (своей и окружающих) явно завышена: речь в лучшем случае может идти об «усеченном» владении языком. Однако в данном случае орфография не является приоритетом: английский язык в объявлении выполняет семиотическую функцию – индексирует престиж, «продвинутость», креатив.

Еще одним примером индексального использования английского языка является название торгового центра на Комсомольской площади г. Нижнего Новгорода, которое представляет собой межязыковую игру с глобальной и локальной составляющими (рис. 1).

Рис. 1. Торговый центр на пл. Комсомольская (Н. Новгород)

Выделенная заглавными буквами часть названия омонимична английскому слову *mall* (крупный торговый центр с ресторанами, кинотеатром и т.п.). Англоязычный «фрагмент» вызывает ассоциации с глобальными рыночными ценностями, материальным благополучием, культурой потребления, а значение фонового слова (*комсомолка*) и визуальная символика (контур и цвета комсомольского значка) отсылают к идеологическим символам советского времени. «Игра» английского и русского языков соединяет в одном пространстве две разных исторических эпохи – и две идеологии.

Устойчивое соотнесение английского языка с идеями материального благосостояния и престижа отражено в названии новой серии молочных продуктов – *Luxigu* (рис. 2). Семантика и семиотика столь неожиданного для пищевой индустрии названия довольно четко позиционирует адресата: целевой аудиторией нового продукта является состоятельная и претендующая на образованность (знание английского) часть российского населения.

Пример с ряженкой *Luxigu* помогает раскрыть суть понятия «коммодификации языка», введенно-

го в научный обиход М. Хеллер [16]: английское название выступает в функции изысканной упаковки, создающей «добавленную стоимость» продаваемого товара.

Рис. 2. Молочные продукты Luxury

Одним из видов «коммодификации» является концептуализация английского языка как инструмента достижения материального благополучия. На интернет-форумах и рекрутерских порталах знание иностранного языка представляется как конкурентное преимущество, а время и средства, затраченные на его изучение – как доходная инвестиция, что полностью вписывается в логику рынка, определяющую иерархию ценностей в современном российском обществе [6]. По данным опроса нижегородских студентов, который был проведен для выявления мотивов изучения английского языка, большинство молодых людей считают, что знание английского поможет в будущем «*решать проблемы, связанные с карьерным ростом*» и получить «*престижную, хорошо оплачиваемую работу*» [2].

Разумеется, индексальный потенциал английского языка на рынке труда не ограничивается «товарной» семиотикой. Для работодателей и рекрутеров хороший английский кандидата индексирует ряд позитивных личностных качеств. По мнению директора одного из ведущих нижегородских кадровых агентств, человек, знающий английский язык, «...более образован, усидчив, интеллектуален, готов к пониманию западной культуры»; знание языка говорит о том, что «... человек в принципе целеустремленный, тянется к новым знаниям, дисциплинированный». А для сотрудников нижегородских офисов компаний «Интел» и «КПМГ» английский язык – это прежде всего индекс профессионализма. Их ответы на вопрос «*Что дает сотруднику компании знание английского языка?*» распределились следующим образом (рис. 3).

Респонденты в Интел по условиям опроса могли выбрать один из готовых ответов или предложить свой в графе «Другое». Респондентам в КПМГ была предоставлена возможность выбрать любое ко-

личество ответов и добавить свой комментарий. В обоих случаях для абсолютного большинства респондентов английский язык – индекс профессиональной компетентности. И даже те, кто предпочел графу «Другое», по сути тоже соотносят его с профессионализмом (ср.: «необходимое условие для успешной работы», «возможность читать техническую литературу и понимать коллег», «знание аудиторской терминологии» и т.п.).

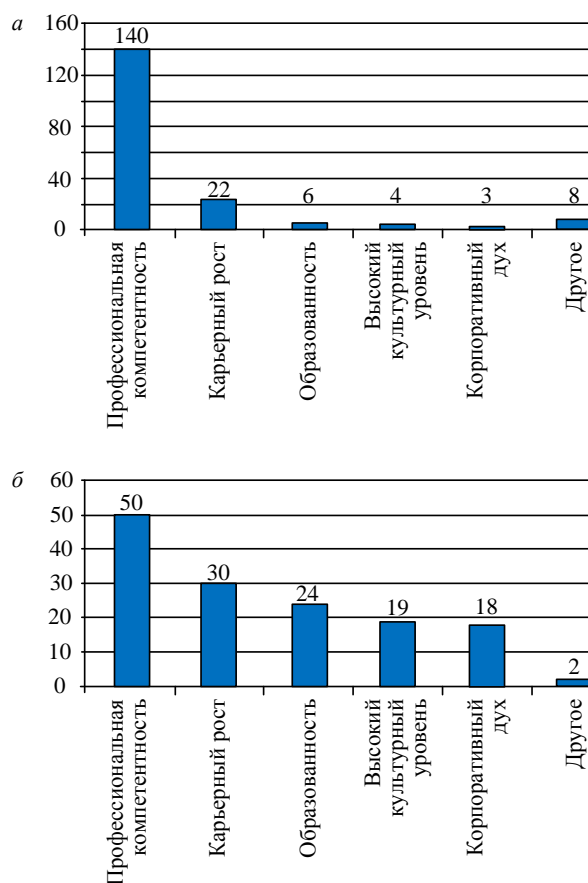

Рис. 3: Результаты опроса сотрудников международных компаний на вопрос «Что дает сотруднику компании знание английского языка?»: а – компания «Интел» (количество опрошенных – 187); б – компания «КПМГ» (количество опрошенных – 53)

Следует подчеркнуть, что между семантической и семиотической составляющими в процессе смыслопорождения нет четких границ. К примеру, популярная сегодня калька с английского «*дорожная карта*» обозначает особый (новый) вид планирования, т.е. заполняет семантическую лауну. Однако фактическое использование данного термина не столько указывает на изменения в планировании, сколько символизирует «новые подходы», приверженность передовым взглядам, ориентацию на глобальные ценности.

Обилие калек в современных российских дискурсах науки и образования (*треугольник знаний*,

предпринимательский университет и т.п.) коннотирует широкий спектр смыслов, объединенных идеей модернизации и инноваций. Актуализация данных смыслов не ограничивается лексикой. Индексировать прогресс, инновационность, принадлежность к глобальному миру могут и единицы других уровней. Например, в названии Молодежного форума ПФО «iВолга 2013» [7] префикс *i* коннотирует инновации (ассоциация с продуктами компании Apple), а название русской реки и изображение иволги на эмблеме форума передают локальные коннотации «русскости».

На синтаксическом уровне приоритет глобального акцентирует модель словосочетания N + N, где компоненты связаны примыканием: *Лобачевский плаза* (название торгового центра в Н. Новгороде), *Горбачев-фонд* и т.п. Поскольку для русского языка примыкание как тип синтаксической связи не характерно, в случае «локальной» ориентации данная модель неуместна. Например, целевой аудиторией *Фонда Потанина* является российское студенчество, что закреплено в традиционном с точки зрения русского синтаксиса названии организации.

Иллюстрацией индексального использования модели N + N в академической среде является новое имя Нижегородского госпедуниверситета – *Мининский университет*. Оно представляет собой кальку с английского (ср. Boston University, Oxford University) и появилось в ходе реализации проекта по повышению эффективности, первым этапом которого стал ребрендинг: НГПУ им. М. Горького был переименован в НГПУ им. К. Минина, а для английского названия университета выбрали аутентичную синтаксическую модель – *Minin University*. Интересно, что на страничке НГПУ в Твиттере первым идет английское название, а под ним – более мелким шрифтом – русское имя-бренд и официальное юридическое название вуза [19].

Данное обстоятельство примечательно по двум причинам. Во-первых, как иллюстрация высокого престижа английского языка в академической среде и его мощного индексального потенциала («бренд», признак инновационности и эффективности). Во-вторых, как пример «размывания психических границ языков» [5]: ресурсы русского и английского используются здесь «в одном ряду», при этом английский язык выполняет не функцию информирования, а функцию идентификации – т.е. играет роль, которая обычно отводится родному языку (ср. language for communication vs language for identification) [17].

Еще более очевиден феномен «размывания границ» в Редакционной статье первого выпуска журнала Нижегородского инновационного бизнес-инкубатора «Be Clever» (рис. 4). В ней выбор названия журнала объясняется совокупностью графиче-

ских и фонетических аналогий между английскими словами *clever, clover* и русскими «клевер», «клёво»:

«Четырехлистник клевера во всем мире считается символом удачи. Плюс к этому русскоязычное слово «клевер» по-английски вполне можно написать как *clever*, т.е. "умный". Логическая цепочка замкнулась: успех сопутствует умным! Новое название ориентировано прежде всего на технически и лингвистически образованную молодежь. Оно будет хорошо понятно и для иностранных коллег, поскольку "играет" на едином понимании двух разных по смыслу слов, вместе создающих образ символа успеха и интеллекта. Кроме того, слова "клевер" и "clever" легко трансформируются в молодежное сленговое "клёвый". Клёво, не так ли?» [19].

Рис. 4. Обложка журнала Be Clever

Этот незамысловатый «гимн» английскому языку как «символу успеха и интеллекта» дополняет его индексальное поле новыми смыслами, которые утверждают приоритет неолиберальных идей материального (рыночного) успеха и интеллектуального (личностного) роста. Задавая идеологический вектор концептуализации событий и действий, они становятся катализаторами ценностных трансформаций, определяющих динамику развития российского общества и культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гриценко, Е.С. Глобальное и локальное в речевых практиках молодежных субкультур / Е.С. Гриценко // Вестник Московского университета. – 2012. – № 2. – С. 87–93. – (Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация»).

2. Гриценко, Е.С. Глобализация и маркетизация: рыночная метафора в различных видах дискурсивных практик / Е.С. Гриценко // Политическая лингвистика ; гл. ред. А.П. Чудинов; ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург. – 2013. – Вып. 4 (46). – С. 184–191.
3. Гриценко, Е.С. Конструирование гендера в блюзе и рэпе: глобальное и локальное : монография / Е.С. Гриценко, Л.Г. Дунышева. – Н. Новгород: ФГБОУ ВПО НГЛУ, 2012. – 224 с.
4. Гриценко, Е.С. Многоязычие в профессиональной коммуникации / Е.С. Гриценко, А.О. Лалетина // Вопросы психолингвистики. – 2012. – № 1. – С. 46–55.
5. Кирилина, А.В. Перевод и языковое сознание в динамической синхронии: психические границы языка (на материале русского языка Москвы) / А.В. Кирилина // Вопросы психолингвистики. – 2011. – № 13. – С. 30–39.
6. Лалетина, А.О. Глобализация и идеологии языка в современной России: анализ метаязыковой рефлексии в профессиональной сфере / А.О. Лалетина // Вопросы психолингвистики. – 2012. – № 15. – С. 56–65.
7. Молодежный форум «iVolga 2013». – Режим доступа: http://ivolgaforum.ru/all_news
8. Ривлина, А.А. О некоторых особенностях и лингвистических проблемах процесса формирования массового русско-английского билингвизма / А.А. Ривлина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – № 1. – 2013. – С. 61–66.
9. *Be Clever*: Журнал Нижегородского инновационного бизнес-инкубатора. – № 1. – 2013.
10. Blommaert, J. The sociolinguistics of globalization / J. Blommaert. – Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press, 2010. – 213 p.
11. Bolton, K. World Englishes and Linguistics Landscapes / K. Bolton // World Englishes. – 2012. – Vol. 31. – № 1. – P. 30–33.
12. Dunn, J. Face Control, Electronic Soap and the Four-Storey Cottage with a Jacuzzi: Anglicisation, Globalisation and the Creation of Linguistic Difference / J. Dunn // Anglicisms in Europe: linguistic diversity in a global context / Ed. by R. Fischer; H. Pułaczewska. – Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publ. – 2008. – P. 52–71.
13. Fairclough, N. Language and Globalization / N. Fairclough. – London and New York: Routledge, 2006. – 186 p.
14. Flaitz, J. The ideology of English: French perceptions of English as a world language / J. Flaitz. – Berlin: Mouton de Gruyter, 1988. – 225 p.
15. Jenkins, J. English as a Lingua Franca: Attitudes and Identity / J. Jenkins. – Oxford: Oxford University Press, 2007. – 284 p.
16. Heller, M. The Commodification of Language / M. Heller // Annual Review of Anthropology. – 2010. – № 39. – P. 101–114.
17. House, J. English as Lingua Franca: A threat to multilingualism? / J. House // Journal of Sociolinguistics. – Vol. 7. – № 4. – 2003. – P. 556–578.
18. Kankaanranta, A. Business English Lingua Franca in intercultural (business) communication / A. Kankaanranta // Language at Work: Bridging Theory and Practice. – Vol. 3. – № 4. – 2008. – URL: <https://ojs.statsbiblioteket.dk/index.php/law/article/view/6193/5381>
19. Minin University // Twitter. – URL: <https://twitter.com/mininuniver>
20. Mufwene, S. Globalization, Global English, and World English(es): Myths and Facts / S. Mufwene // The Handbook of Language and Globalization/ ed. N. Coupland. Wiley-Blackwell. – 2010. – P. 31–55.
21. Proshina, Z. Slavic Englishes: education or culture? / Z. Proshina // The Routledge Handbook of World Englishes / Ed. by A. Kirkpatrick. – London and New York: Routledge. Taylor and Francis Group. – 2010. – P. 299–315.
22. Robertson, R. Globalisation or Glocalisation? / R. Robertson // Journal of International Communication. – Vol. 1. – № 1. – 1994. – P. 33–52.
23. de Swan, A. Language systems / A. de Swan // The Handbook of Language and Globalization/ ed. N. Coupland. – Wiley-Blackwell. – 2010. – P. 56–76.
24. Silverstein, M. Indexical order and the dialectics of sociolinguistic life / M. Silverstein // Language and Communication. – 2003. – № 23. – P. 193–229.
25. Silverstein, M. Language Structure and Linguistic Ideology / M. Silverstein // The Elements: A Parasession on Linguistic Units and Levels, April 20–21, 1979. – Chicago: Chicago Ling. Society. – 1979. – P. 193–247.
26. Rumsey, A. Wording, Meaning, and Linguistic Ideology / A. Rumsey // American Anthropologist. – Vol. 92. – № 2. – 1990. – P. 346–361.
27. Skapoulli, E. Local and global cultural encounters and the linguistic negotiation of youth identity in Cyprus. A dissertation submitted for the degree Doctor of Philosophy in Education / E. Skapoulli. – University of California: Santa Barbara, 2005. – 260 p.

ЯПОНСКИЙ ВАРИАНТ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА? НАПРАВЛЯЯ ДИСКУССИЮ В НОВОЕ РУСЛО

Джеймс Д' Анджело

Джеймс Д' Анджело – профессор колледжа мировых вариантов английского языка, Университет Тюкё, г. Нагоя. Главный редактор журнала «Asian Englishes» (издательство Routledge) (Япония).

Контактный адрес: dangelo@lets.chukyo-u.ac.jp

Эта работа написана на основе доклада, сделанного на 26-й конференции Японской ассоциации азиатских вариантов английского языка (JAFAE) в Университете дизайна г. Кобе в июле 2010 г. Доклад был прочитан на заключительном пленарном и назывался «Возможность существования японского варианта английского языка». В докладе рассматриваются вопросы связи ситуации в Японии и других странах Расширяющегося круга с парадигмой вариантов английского языка (world Englishes, или WE), анализируются первые и современные работы исследователей японского варианта английского языка и далее описываются последние достижения в области языковых контактов, изменения языков и их вариантности, включая новые концепты, возникновение которых обусловлено вариантологией (WE) – это английский как международный язык (EIL) и английский как лингва франка (ELF) – и значимость этих концептов для Японии. Автор утверждает, что более продуктивным подходом будет взгляд на концептуальном стыке этих динамично развивающихся парадигм, которые все больше обращают внимание ученых на использование английского как международного языка (EIL). Этот взгляд поднимается над традиционной качрувианской моделью трех концентрических кругов и утверждает необходимость признания того, что появляется японский вариант английского языка.

Ключевые слова: варианты английского языка, Расширяющийся круг, японский вариант английского языка, английский язык как лингва франка, английский как международный язык, функциональные варианты английского языка.

1. Введение

Уже почти пятьдесят лет, начиная с периода резкого подъема экономики в 1960–70-х гг. [12; 27], Япония принимает в качестве модели изучения, преподавания и использования английского языка весьма нереалистичную и в действительности нежелательную модель носителей языка. Такие исследователи, как Яно, связывают это с гораздо более глубокими корнями: с принципом *дацу-а, нюу-о* («оставь Азию, иди на Запад») политики Юкити Фукудзавы и других официальных лиц Сёгуната Токугава, которые проявляли чувство «преклонения и комплекс глубокой неполноценности перед представителями Западной цивилизации» [73: с. 132].

В связи с неправильной политикой, преподавание английского языка в Японии, несмотря на финансовую затратность, не достигло высокого уровня владения языком [30] и остается проблемой из-за ориентации на методику и преподавателей-практиков из Внутреннего круга при игнорировании локальной культуры и стиля обучения [8]. В своих часто цитируемых «шести мифах» изучения языка в Расширяющемся круге Брадж Качру подчеркивает опасности, которые несет такая «нэйтив-спикеристская» (ориентирующаяся только на носителя языка) модель *эйкава*: если английский язык рассматривается главным образом как средство общения с носителями языка, необходимо изучать американскую или британскую культуру; моделью правильности должен стать «стандарт» английского языка Внутреннего круга; английский

язык должны преподавать только «специалисты», чей родной язык – английский. Преимущественно это белые американцы среднего класса. Варианты английского языка, не относящиеся к Внутреннему кругу, – это в некотором роде ущербные вариации и т.д. [32: с. 9–10; 11: с. 291–292].

Несмотря на такую сильную приверженность носителям языка, в Японии увеличивается число прикладных лингвистов, все еще пока находящихся в меньшинстве, которые знакомы с ранними трудами Смита и Качру и продолжают работу над тем, чтобы повышать в Японии осознание того, что Ш.Н. Шридхар [64] называет «социолингвистической реальностью» использования английского языка в настоящее время. Эта «социолингвистическая реальность» заключается в том, что число монолингвов-носителей языка значительно уступает количеству мультилингвов, для которых английский не является родным языком, и поэтому право владения английским языком уже не может считаться исключительной прерогативой носителей Внутреннего круга [10; 24; 59]. Такао Судзуки, почетный профессор из Университета Кэйо, был одним из первых представителей этого движения, и он давно уже высказал мысль, что японцам не следует ставить на пьедестал американцев и американский английский [67].

Благодаря также «инклюзивному» принятию вариантологической парадигмой World Englishes вариантов Расширяющегося круга, например, японского английского [5; 14; 17], в сообщество миро-

вых вариантов английского языка¹ мы в Японии почувствовали в течение некоторого времени, что мы входим в движение, благодаря которому можем сказать много больше, и что это та сила, которая будет направлять развитие английского языка [43]. И все-таки, несмотря на попытки М. Бернс [4] развернуть перспективы исследовательской деятельности в Расширяющемся круге, ведущие японские ученые, принявшие вариантологическую теорию (WE) по-прежнему видят ограниченность этой парадигмы в контексте Расширяющегося круга. Н. Хонна, признавая важность языкового разнообразия и вариативности, тяготеет более к применению в Японии мультикультурной модели, что влечет синергию с областью межкультурной коммуникации [26], а Н. Хино давно уже чувствует, что характеристика Баджем Качру японского варианта английского языка как «речевого варианта» (performance variety) [25] привела нас к формированию комплекса неполноценности, к ощущению, что мы «граждане второго класса» в сообществе мировых вариантов английского языка, несмотря на то, что этот термин по-прежнему используется в последних работах о Расширяющемся круге – например, такой исследователь, как З. Прошина пользуется им для описания английского языка России [54: с. 30]. Хино заявляет о необходимости признания варианта, называемого «японский английский как международный язык» (JEL). В самом деле, вся теория английского языка как лингва франка (ELF) фокусируется на таком международном, а не внутринациональном использовании английского языка.

В качестве результата таких несоответствий в традиционной теории вариантов (WE) в этой работе мы рассмотрим более новые парадигмы, которые набирают силу в стремлении найти «теорию языка» [40; 41], более подходящую для Расширяющегося круга или даже, возможно, для *всех* контекстов использования английского языка в сложном современном мире: качрувианская прямая связь отдельных вариантов, таких как индийский английский или сингапурский английский, с национально-государственными границами становится менее значимой при описании нашей сложной «безграничной» языковой экологии [46; 59: с. 242; 11: с. 290, 302]. Интересно отметить, что на 18-й конференции IAWЕ в Гонконге/Гуандуне К. Болтон и сам высказался положительно по поводу этих новых парадигм, заявив, что английский как лингва франка (ELF), английский как международный язык (EIL) и развивающиеся варианты английского языка (WE) являются частью единого целого, предметную область кото-

рого представляет вариантология («The World Englishes Enterprise»).

2. Достижения вариантологической парадигмы (World Englishes)

2.1. Основы вариантологической парадигмы

Чтобы убедиться, каких успехов мы добились в вопросе безусловного неприятия норм носителей английского языка, благодаря концептам вариантологической парадигмы (WE), обратимся к историческому факту, известному всем индийским лингвистам, – расистским взглядам Томаса Бабингтона Маколея (Thomas Babington Macaulay), выраженным в известном протоколе заседания британской Палаты общин 2 февраля 1885 г., где заявлено, что лучший способ управлять колониальной Индией – следующий: «...Мы должны в настоящее время постараться сформировать класс людей, отличающихся по крови и цвету кожи, но имеющих английские вкусы, взгляды, мораль и интеллект» [68: с. 256]. То, что эта точка зрения связана с контекстом Индии, вероятно, объясняет, почему во главе парадигмы, помогающей нам преодолеть этот взгляд, встал индийский ученый Бадж Качру. В предисловии к своему знаменитому труду «Индианизация английского языка», изданному в 1983 г., Качру цитирует известного индийского писателя Раджа Рао: «...Английский язык будет с нами и среди нас, и не как гость или друг, а как наш, как язык нашей касты, наших убеждений, нашей веры и наших традиций» [55: с. 420], показав тем самым, что английский язык в полной мере вплетен социокультурный ковер Индии.

Получив независимость от бывших колониальных хозяев, различные страны мира стали рассматривать английский язык как прагматическое средство для выражения подавляемой в течение долгого времени идентичности, а не сердито высказывать против него реакционную точку зрения об английском как нежеланном пережитке прошлого,² как это показано в фундаментальном исследовании постколониальной литературы Б. Эшкорфта [1] «Империя пишет в ответ» или в обсуждении под названием «Империя говорит в ответ», организованном ведущими индийскими исследовательницами на конференции IAWЕ в 2002 г. в Иллинойском университете в г. Урбана. Точно так же, как независимый Сингапур не снес статуи бывшего колониального губернатора Томаса Раффлза, пользователи английским языком во Внешнем круге признают, что это язык не только часть их истории, но и часть их современного многоязычного репертуара.

¹ Подражание американскому варианту считается нежелательным, так как ведет к потере культурной идентичности.

² Следует, однако, помнить, что даже в вариантах Внешнего круга (Outer Circle), таких как филиппинский английский или сингапурский английский, часто ощущается недостаток такого рода контекстов [23: с. 63].

Работая в Центре «Восток / Запад» при Гавайском университете в конце 1970-х – начале 1980-х годов, Ларри Смит обратил внимание на замечательное явление: студенты из многочисленных азиатских стран способны осуществлять коммуникацию друг с другом при посредстве английского языка. Вот его слова, получившие известность: «...Тайцу вовсе не надо звучать по-американски, чтобы говорить по-английски с филиппинцем на заседании АСЕАН. Японцу вовсе не нужно принимать британский стиль жизни, чтобы осуществить бизнес-сделку с малазийцем. Китайцам не надо знать западную литературу, для того чтобы успешно использовать английский язык в своих публикациях. Политические лидеры Франции и Германии используют английский язык в политических дискуссиях, но не выражают при этом политические взгляды американцев. Пользователи английским языком не стремятся быть похожими на носителей английского языка» [62: с. 3–4].

Таким образом, благодаря Качру и другим ученым, утверждающим существование очень «реальных» вариантов английского языка, подверженных влиянию родных языков пользователей (Indigenized Varieties of English, или IVE), когда английский язык включается в диффузионный процесс и проходит адаптацию, приспособляясь к новой среде, а также благодаря кодификационному подтверждению этих процессов в четырехтомном труде, осуществленном издательством «Mouton de Gruyter» [64], где все варианты Внутреннего и Внешнего кругов подробно описаны на фонологическом, морфологическом, синтаксическом и, в некоторой степени, дискурсивном уровнях, пришло признание этих новых вариантов как легитимных языков как таковых, а не как своего рода «интеръязыков», или вариантов, свойственных обучающимся, (learner varieties), как это имеет место в терминологии большинства преподавателей английского как второго языка (SLA). Это непосредственно сказывается на методике преподавания языка. А. Мацуда показала суть этого явления: «...Исследователи вариантов английского языка использовали социолингвистическую реальность Внешнего круга для того, чтобы бросить вызов статусу кво и положениям традиционной методики преподавания английского языка» [52: с. 5].

2.2. Достижения вариантологии

Некоторые критики, например Р. Филлипсон [50] и Т. Тупас [69], упрекают Качру в чисто дескриптивном подходе к вариантам и игнорировании таких социополитических проблем, как гегемония английского языка и других. Другие же исследователи, например Ш.Н. Шридхар, полагают, что сила вариантологии – в объективном взгляде на варианты английского языка в мире – взгляде, не завися-

щем от политической конъюнктуры. Когда в 2010 г. на пленарном заседании конференции IAWE в Ванкувере К. Болтон обозначил новые основания нападок Филлипсона на вариантологию, это привело в негодование старейших исследователей вариантов английского языка Ш. Шридхара и А. Бокамба. Шридхар попросил слова и сказал, что он «сделал список десятка достижений вариантологии». Например он может выглядеть следующим образом.

- Вариантология изучает социолингвистическую реальность английского языка и основывается на дескриптивной, а не прескриптивной лингвистике / грамматике.

- Количество пользователей английского языка, для которых он неродной язык, значительно превышает число носителей языка, поэтому носители языка не могут заявлять о своем единственном праве на «владение» «стандартным английским».

- Там, где английский язык играет официальную роль в разных областях деятельности общества, развиваются местные эндонормативные стандарты, которые постепенно кодифицируются [58].

- Поскольку английский язык является «равноудаленным» по отношению к другим местным языкам, например, в Индии, он становится нейтральным средством общения для всех групп населения.

- Хорошо документированные варианты Внешнего круга сейчас широко признаются в качестве «легитимных» вариантов.

- Первый, или субстратный язык пользователей рассматривается как средство обогащения английского языка, а не как причина интерференции.

- Культура / ценности неродных вариантов английского языка (IVE) базируются не во Внутреннем круге, а проявляет оттенки локального контекста.

- Исследования понятности вариантов (intelligibility studies) доказали несостоятельность «кассандровских» и «вавилонских» опасений того, что говорящие на разных локальных вариантах английского языка перестанут понимать друг друга.

- Локальный вариант образованных пользователей становится моделью и преподается местными учителями, для которых английский язык не является родным языком.

- «Характерной чертой теории Качру» [5] является инклюзивность / равноправие для всех пользователей английского языка.

- Вариантология раскрывает ценность системной/функциональной грамматики, согласно которой язык изменяется для того, чтобы он удовлетворял всем необходимым требованиям функционирования и всем пользователям.

- Вариантология доказывает, что благодаря билингвизму английский язык не является «языком-убийцей».

Таким образом, английский язык является локальным и глобальным средством, которое может быть использовано для объединения людей разного этнического происхождения и с разными языками внутри одной страны, как например в Сингапуре, и он также может быть использован для объяснения своих собственных ценностей представителям других стран и регионов. Он способствует международному взаимопониманию и уравнивает отношения силы, вместе с тем позволяя индивидууму сохранить локальную идентичность [47]. Однако мы должны также понимать, на что обращает внимание Кубота [23; 34], что существует много людей, особенно в незлитных классах, у которых нет доступа к английскому языку. Это те случаи, которые К. Болтон, С. Майеркорд и Д. Грэддол пытаются показать в своей последней работе как «развивающиеся варианты» [6].

2.3. Усилия конкретизировать теорию Расширяющегося круга

Сами исследователи вариантов английского языка признают необходимость «расширения» [4] изучения значимости роли английского языка в Расширяющемся круге для того, чтобы сделать теорию вариантов английского языка более полной. Хотя в личной переписке с Саликоко Муфвене Качру признался, что «вариантология не зависит от того, становится ли английский язык глобальным языком» [13: с. 31], его ученица Марджи Бернс в своей статье 2005 г. «Расширяя границы "Расширяющегося круга": в каком направлении дальше двигаться контактной вариантологии английского языка (World Englishes)?» – писала об английском как «мировом феномене» [4]. В этой статье она пытается обратиться к ученым из Расширяющегося круга, очертить направления для их дальнейших исследований. Среди таких исследовательских направлений она называет следующие:

- Системное и всеохватывающее описание исследований в Расширяющемся круге [3].
- Метаанализ исследований в Расширяющемся круге: определение узких мест, выявление пересекающихся исследований, конкурирующих видов анализа, расхождения результатов.
- Общие явления; долгосрочные исследования.
- Исследования результатов категоризаций в группах стран (МЕРКОСУР, или Южноамериканский общий рынок, Варшавский пакт, АСЕАН, Балканские страны, НАТО и др.)
- Междисциплинарные исследовательские проекты широкого объема.
- Исследования различных подгрупп населения, а не только образованной элиты.
- Уточнение того, что обозначается термином «Расширяющийся круг».

- Возможности появления в Расширяющемся круге функций / сфер деятельности, подобных Внешнему кругу.

- Обзор образовательной политики и практики в рамках стран Расширяющегося круга и их сопоставление.

Свою статью Бернс завершает великодушными словами: «... становится все труднее относиться на полном серьезе к обвинениям в том, что варианты английского языка этого (Расширяющегося) круга являются результатом плохого преподавания и изучения» [4: с. 92]. Надо отдать ей должное в том, что тем самым она пытается оставить исследования Расширяющегося круга в семье вариантов английского языка, но, как мы покажем в разд. 4, может оказаться, что этого «слишком мало, слишком поздно», поскольку появились новые теории английского как лингва франка (ELF) и, что называется «новой теорией английского как международного языка (EIL)», заполняющей исследовательские лакуны и выходящей из рамок теории вариантов (WE).

3. Прежние и современные работы по японскому варианту английского языка

Некоторые ученые высказывали свои мнения относительно проблемы существования японского варианта английского языка (ЯпАЯ), признавая его или отвергая. Эти работы высвечивают потенциальные плюсы вариантологической перспективы (теории WE), но также подчеркивают недостатки ортодоксальной вариантологии (WEs studies) в отношении Расширяющегося круга и обращают внимание на продолжающиеся споры по вопросу: «Каковы критерии варианта как легитимного явления?»

Э. Муди, чей основной исследовательский интерес сосредоточен на вопросе кодового смешения в японской поп-музыке и других формах поп-культуры, высказал мнение, что японского варианта английского языка не существует, что он используется главным образом для декоративных и символических целей (2002) [21]. Дж. Стэнло в своей долгожданной книге о японском английском [65] также дает примеры в основном английских заимствований в японском языке, таким образом отрицая существование как такового варианта английского языка в Японии, что очень огорчает японских вариантологов английского языка. Автор этой статьи был очень удивлен, когда в 2002 г. на конференции IAWЕ в Урбане-Шампэйн на вопрос о современном состоянии английского языка в Японии (поскольку большую часть времени своего доклада Стэнло посвятил *нихондзин-рон* и другим концептам эпохи экономики мыльного пузыря 1980-х годов) Стэнло саркастически ответил: «На самом деле во время своей последней поездки в Японию я видел больше французского, чем английского язы-

ка, особенно в витринах булочных!» Действительно значительная часть авторов в книге «Английский в Японии в эпоху глобализации» под редакцией Саржанта [21] предлагают такое же негативное изображение английского языка в Японии, поскольку они придерживаются методологии «критического анализа дискурса».

Многие исследователи отмечают, что японцы говорят по-английски с языковыми чертами, свойственными японцам, на уровне фонологии, лексики, синтаксиса и дискурса, но не признают этот английский как вариант, который может быть кодифицирован. Большую работу проделал П. Нихалани, показавший, что система английских гласных в японском английском сводится к пяти основным гласным, которые строго соответствуют японским гласным, что объясняет, почему это вполне естественно, что японцы, говорящие по-английски, «звучат по-японски». Незнакомые с этим преподаватели-носители английского языка, моноглоты, работающие в Японии, характеризуют японскую фонологию как *katakana English* и стараются навязать японцам свою американскую фонологическую систему.

Многие авторы также характеризуют ЯпАЯ как «вариант учащихся» (*learner variety*), недостатком которого являются ошибки, или наклеивают ему уничижительный ярлык ‘*Japlish*’. Они пишут книги, подобные [2] – «Все о типичных ошибках японских учащихся в английском языке», отрицающие богатую креативность ЯпАЯ и позитивное влияние японской культуры и первого языка учащихся. Другие ученые, например К. Олагбоева и Я. Яно, пользуются субтрактивным дискурсом и используют одинарные кавычки (‘*Japanese English*’) каждый раз, когда говорят о ЯпАЯ, или употребляют маргинализирующее прилагательное «так называемый» (‘*so called*’) перед термином «японский английский» [48; 72]. С. Сиродза сообщает, что у большинства японцев сложился отрицательный концепт, выражаемый термином «японский английский», и указывает на огромное количество книг, издаваемых над фонологией японского английского и изображающих его как дефектную форму интеръязыка [61]. Фраза «Как добиться произношения, как у носителей языка» по-прежнему способствует продажам большей части учебных пособий по английскому языку.

М. Суэнэбу [66] опубликовал монографию, названную «Японский английский» – она стала важным каталогом отличий ЯпАЯ, но эта книга обращает внимание на девиации от стандартного американского английского, что получило название *эрратологии*; правда, надо признать, что некоторые отличия в японском английском он оценивает положительно. Он рассматривает следующие области:

- Вокабуляр / синтаксис: имеет небольшой вокабуляр и узкие значения.

- «Ошибки» в артиклях, частях речи, добавлении / опущении, ненормативное употребление «да / нет»; ошибки, вызванные воздействием японской культуры; слишком частое использование глаголов чувства и настроения (*think, want, feel*), простые прилагательные (*good/bad, happy, kind, beautiful*), неправильное употребление глаголов *go/come, take/bring, borrow/lend* и т.п.

- Тенденция японцев избегать прямых высказываний, предпочтение выражений скромности.

- Искусно созданные, креативные фразы: ‘*paper driver*’ (тот, кто имеет водительские права, но редко водит машину), ‘*soft tennis*’ (игра с более мягким мячом) и ‘*true chocolate*’ (валентинки, подаренные от чистого сердца, а не в знак обязательства перед кем-то на работе / в школе).

- Отход от методики «перфекционистского изучения английского языка», ставящей недостижимые цели, и толерантность к ЯпАЯ.

- Принятие своеобразия вариантов английского языка каждой страны, развитие японской идентичности у космополитов [66: с. 170].

Очень пессимистический взгляд на японский английский высказал Мартин Шелл в своей статье «Солингвизм» [57], опубликованной в журнале «*World Englishes*» в 2008 г., за которой последовала целая серия кратких отзывов от пяти известных вариантологов. Шелл пишет [57: с. 120]: «Предлагаю термин «со-лингв», который будет относиться к людям, говорящим друг с другом на одном языке. Два японца будут солингвами, говоря по-английски со своими американскими знакомыми, но не друг с другом. Японцы стараются говорить по-английски, только когда общаются с неяпонцами. В отличие от них, сингапурцы могут быть солингвами на втором языке, т.е. английском, когда общаются друг с другом, даже если их первый язык один и тот же. Таким образом, критерием разделения англофонных стран на нормообеспечивающие и нормозависимые является следующий: говорят ли соотечественники на английском языке, когда в их беседе не участвуют иностранцы?» Он продолжает: «Резонно предположить, что *новый вариант* возникает из устной речи, а не из письменной или интернетного чата. Обычно образование нового варианта английского языка, имеющего независимые нормы, которые выражают культуру страны, – это процесс, требующий долгого времени. Язык столь динамичен и мощен, что его создание как социальный консенсус требует взаимодействия большого количества со-лингвов, служащих в качестве критической массы. Можно утверждать, что у японцев нет намерения развивать независимый вариант английского языка...».

Так, в комментарии к статье Шелла С. Муффене выступает в защиту японского варианта английского языка, основываясь на качрувианских принципах инклюзивности и равенства относительно потенциала вариантов Расширяющегося круга, а также на глубоком понимании постепенного и органичного изменения языка на протяжении более долгого периода времени: «С другой стороны, я не понимаю, почему М. Шелл хотел бы отвлечь читателя таким утверждением, как "у японцев нет намерения развивать независимый вариант". Нативизация английского языка во Внешнем круге также не была целенаправленным и запланированным процессом; и еще более это касается образования креолов или современных вариантов английского языка, являющихся родными для их пользователей» [45: с. 134].

Вместе с тем Я. Яно, кажется, не склонен поддерживать идею существования японского варианта английского языка и выступает на стороне Шелла. В своем комментарии к статье Шелла, в том же журнале он пишет: «...Мартин Шелл справедливо утверждает, что у японцев нет намерения развивать независимый вариант английского языка» [72: р. 139]. В [74] Яно заявляет: «Не будет образовано дистинктивно различимой локальной модели, признаваемой как японский вариант английского языка, отражающей японскую культуру и язык. Тем не менее неизбежно то, что японские языковые и социально-культурные характеристики проникнут в тот английский, на котором говорят японцы. Вместе с тем японцы не будут использовать английский язык настолько интенсивно и экстенсивно, чтобы сформировать японский вариант английского языка, подобный индийскому или сингапурскому вариантам английского языка» [74: с. 125].

Далее он говорит: «Качру (2005, гл. 4) переоценивает возможность японского варианта английского языка ... их преклонение перед Западом и комплекс неполноценности не изменились со времен Фукудзавы Юкити» [74: с. 139].

Н. Хинно, напротив, кажется не чувствует, что развивается форма японского варианта английского языка для международного использования. В своем докладе на этой же секции конференции, где был прочитан и доклад автора, он описывает такую модель варианта английского языка: «...которая базируется на японских ценностях и используется в международной коммуникации ...для выражения японских ценностей». Для Хино не является проблемой отсутствие внутринационального использования, отсутствие кодификации и реализация ограниченных функций английского языка в Японии. Для него модель японского варианта английского языка будет эффективным средством коммуникации и самовыражения, изосиллабическим, в кото-

ром редко имеют место процессы элизии/редукции и ассимиляции. В нем будет симметричный тип аргументации, часто выраженные ответные реакции (*back-channeling*). Лексико-грамматические черты будут проявляться в конфуцианском способе обращения (фамилия-имя или «старший брат»), сравнительно частом употреблении определенного артикля «the», отсутствии различий между глаголами «will» и «be going to» и использовании сравнительно формальных слов, например, *commemoration* даже для печальных контекстов. В этой модели не будет необходимости использовать американизмы, такие как *sophomore*, потому что *2nd year student* («студент второго курса») будет гораздо лучше соответствовать японскому контексту.

Хонна довольно оптимистично утверждает, что в результате упорного по крайней мере шестилетнего изучения английского языка в средней школе японские студенты в самом деле имеют потенциал для эффективной коммуникации на английском языке, но преклонение перед носителями английского языка в Японии и тенденция к перфекционизму, на что также указывал Яно [73], вызывают у японцев чувство беспокойства и опасения при использовании английского языка: черта, хорошо описанная в литературе. А. Мацуда также указывала, что даже японские школьники имеют право на владение английским языком и могут сказать свое слово, какую форму он должен принять [43].

Что касается методики преподавания, Д' Анджело [12] утверждает, что развитие академического вокабуляра может помочь сформировать «образованный вариант ЯпАЯ», а в [15] он показывает, что не важно, принимаем мы или нет существование японского варианта английского языка, вариантологическая парадигма помогает нам осознать, что битва по поводу экзонормативности и эндонормативности легко выигрывается, и победа – на стороне эндонормативности. Существенно, что каждый аспект преподавания английского языка будет нести след и отражать локальный контекст и культуру при позитивном «аддитивном» влиянии первого языка пользователей [11].

4. Альтернативные парадигмы

Как указывалось в конце подразд. 2.3, М. Бернс и другие ученые пытались проводить исследования вариантов английского языка Расширяющегося круга, используя вариантологическую парадигму Качру, но благодаря появлению нескольких новых парадигм, конкурирующих с теорией Качру, ученые стран, которые раньше представляли варианты английского как иностранного языка (EFL), теперь проводят исследования преимущественно вне традиционной вариантологической парадигмы, но признают, что они многим ей обязаны. Что помо-

гают нам увидеть многие представители контактной лингвистики, например, С. Муфвене, Э. Шнайдер и Э. Киркпатрик, так это то, что все эти явления – результат долгого исторического процесса языковых изменений. Так, гораздо эффективнее наблюдать и описывать сферы, в которых растет использование английского языка, чем тратить силы на спор о том, существует или нет японский английский как вариант. Ниже я кратко очерчу эти новые области исследования.

4.1. Английский как лингва франка

Истоки. Приложение к английскому языку термина «лингва франка» стало появляться в 1990-х гг. [22; 44], но, как объяснил в своем докладе на конференции IAWE в Себу в 2009 г. Кингзли Болтон, ключевым фактором для появления ELF стало перемещение международного студенчества из США в университеты Великобритании и Европы после событий 11 сентября 2001 г., поскольку, заразившись ксенофобией, США ужесточили процесс выдачи учебных виз. Эта тенденция подтолкнула Дженнифер Дженкинс из Саутгемптонского университета и Барабару Зайдлхофер из университета Вены стать инициаторами развития концепции ELF, английского как лингва франка. Болтон объяснил: «Попытаюсь не быть деструктивным. Термин ELF не нов, но новым является дискурс. В конце 1990-х гг. ученые пытались "импортировать" теорию вариантов (WE) в Европу, но она не вписывалась в социолингвистическую реальность, поэтому в Европе она преобразовалась в ELF. В то же время большое количество иностранных студентов появилось в европейских и британских университетах, и значительная реорганизация была проведена в США. Дженкинс и Зайдлхофер, очевидно, осознавали эти изменения».

Этот комментарий был частью дискуссии, в которой принял участие Болтон. Мы уже видели, что ученые, составлявшие костяк вариантологической парадигмы (WE), – отсюда и комментарий Болтона о нежелании «быть деструктивным» – начали очень резко реагировать и выступать против ELF [33], особенно в отношении идеи Дженнифер Дженкинс о фонологическом «ядре лингва франка» ('Lingua Franca Core') и других утверждениях Дженкинс и Зайдлхофер о том, что английский как лингва франка ('Lingua Franca English'), возможно даже форма евроанглийского [53], находится в процессе своего развития и что этот язык-посредник ('LFE') может стать моделью обучения. А. Мацуда и П. Фридрих также критично высказывались против ELF, особенно в его измененной форме LFE (Lingua Franca English), где «лингва франка» стало препозитивным определением к слову «английский язык», таким образом термин ассоциируется с ва-

риантом (ср. индийский английский, сингапурский английский, филиппинский вариант английского языка), а не с функцией – точно также Ларри Смит отрицает существование международного английского (International English или IE) как варианта, при этом поддерживая, конечно, концепт английского как международного языка (EIL) как функцию. Автор данной статьи и, возможно, многие другие исследователи Расширяющегося круга, относятся менее критично к концепту ELF, потому что требуется долгий период времени, пока станут заметны языковые изменения, как это показано в работе о «языковой экологии» С. Муфвене [46] и в работе об этапах языковой нативизации Э. Шнайдера [58]. Это естественные исторические процессы, которые для доказательства требуют периода многих лет, поэтому нет ничего страшного в том, чтобы принимать разные интерпретации и «конструкты», о которых Г. Уиддоусон [75: с. 7, 8] пишет как об «удобных абстракциях», помогающих нам разглядеть трудноуловимую реальность.

Но как отметил Болтон в том же самом комментарии: «Давайте будем подходить дескриптивно к этому, понятие английского как лингва франка (ELF), сам дискурс, весьма полезно. Оно направлено на все вопросы методики преподавания английского языка (SLA). Оно дает нам данные об индивидуальном билингвизме..., анализе конкретного взаимодействия». Здесь Болтон подчеркивает, что, действительно, благодаря рассмотрению использования английского языка в международном масштабе, главным образом в его употреблении пользователями Расширяющегося круга, а не только в односторонней рамке теории взаимопонятности, развиваемой вариантологами, исследование ELF, а также «нового EIL (английского как международного языка)» может обогатить наши представления о функционировании английского языка в современном глобализированном мире, преодолев границы вариантов.

Теоретический сдвиг – что есть ELF? Итак, как было показано выше, из-за отсутствия поддержки вариантов Расширяющегося круга вариантологами, многие исследователи стали примыкать к новым парадигмам. Как сказал Э. Киркпатрик, на той же дискуссии в Себу «Вариантология (WE) занимается идентичностью, а ELF – коммуникацией». Для исследователей и пользователей Расширяющегося круга, где английский язык используется преимущественно в международных целях, этот фокус на коммуникацию очень важен. Поэтому автор утверждает, что для всех нас гораздо важнее внимательно наблюдать и описывать те сферы, где усиливаются использования английского языка в контексте Японии и других стран Расширяющегося круга, чем продолжать спорить о существовании

японского варианта английского языка как такового. Конечно, есть много тенденций того, что происходит процесс нативизации английского языка у использующих этот язык японцев, и он заметен на уровне фонологии, синтаксиса, морфологии и дискурса/прагматики, но я утверждаю, что с появлением ELF (и позднее «нового EIL») появились интересные области исследования, которые могут дать более ценные ответы на наши вопросы, чем теория вариантологии (WE), поэтому пора перенести фокус дискуссии на более интересные перспективы, а не искать свое место в пантеоне «новых вариантов».

Варианты Внешнего круга имеют свои компьютерные корпуса, которые фиксируют в деталях черты нативизированных вариантов английского языка (IVE), благодаря проекту Б. Кортмана: Международный корпус английского языка (ICE). Через 20 лет мы уже имеем ICE Великобритании, ICE Канады, ICE Австралии, ICE Индии, ICE Сингапура, ICE Филиппин и ICE Восточной Африки. ICE Америки, создаваемый под руководством Чарльза Мейера, еще не закончен. Однако этот проект не включал корпуса вариантов Расширяющегося круга. Зайдлхофер и Дженкинс постарались заполнить этот пробел, создав недавно завершенный Венско-Оксфордский корпус международного английского языка (Vienna-Oxford Corpus of International English, или VOICE). Поскольку многие страны Евросоюза относятся к Расширяющемуся кругу и используют английский язык в международном масштабе, возникла острая необходимость в новой парадигме, которая бы изучала пользователей и функционирование английского языка в таких контекстах. В своей книге «Фонология английского языка как международного», изданной в 2005 г., Дженкинс часто употребляет термин лингва франка, но этот термин в то время еще не пользовался такой популярностью, и поэтому его нет в заголовке. К 2007 г., когда у концепта появилось много сторонников, она назвала свою новую книгу «Английский как лингва франка».

Затранскрибировав и выставив в режиме онлайн записанные фрагменты взаимодействия участников более чем 20 стран Евросоюза (продолжительность времени данных записей составила 100 час.), исследователи VOICE получили возможность внимательно изучать язык и аккомодационные стратегии пользователей Расширяющегося круга. Ранее большая часть исследований английского как лингва франка (ELF) базировалась на «лингвистических универсалиях» [9], рассматривая процессы грамматического упрощения, которые были явно заметны в корпусном материале. Важно отметить, что это часто трактуется неправильно, словно ELF подразумевает какой-то дефектный или «редуцированный» код. Дженкинс / Зайдлхофер / Моранен

(о которых иногда говорят как о «матерях-основательницах» парадигмы ELF) указывают на то, что в течение всей истории периода Просвещения и последующих эпох основная часть фундаментальных научных трудов была написана на латинском как лингва франка, поэтому и коммуникация на ELF может быть высоко интеллектуальной, что касается ее содержания. Принимая все это во внимание, исследования ELF были и в какой-то мере продолжают быть направленными на общие черты ('shared features'), свойственные всем пользователям ELF. Краткий список таких черт включает следующее [35]:

1. Отсутствие формы '-s' в третьем лице единственного числа (e.g. 'he recommend').
2. Взаимозаменяемость относительных местоимений 'who' и 'which'.
3. Гибкое использование определенного и неопределенного артиклей.
4. Расширенное использование общих и частопотребительных глаголов.
5. Употребление неисчисляемых существительных во множественном числе.
6. Использование универсального разделительного вопроса (e.g. isn't it?)
7. Использование указательного местоимения 'this' для единственного и множественного числа.
8. Использование предлогов в других контекстах.

Одним из исследований, проведенных в рамках проекта VOICE, получившим большую значимость, была работа А. Брайтенедер [7], которая показала, что среди хорошо образованных пользователей ELF существует тенденция опускать окончание 's' в третьем лице единственного числа в 30 % случаев, даже среди говорящих, которые хорошо знают это правило и которые маркируют глагол этой флексией в других эпизодах своего разговора. Это, вероятно, происходит тогда, когда глагол заканчивается на группу согласных и где финальную 's' нелегко произнести, или когда у говорящего возникает ощущение, что маркировать третье лицо не надо, поскольку он использует личные местоимения 'he, she, it'. Стабилизируется ли эта черта в европейском английском или нет, покажет время, но данное исследование в самом деле выявило, что пользователи Расширяющегося круга формируют новые языковые сообщества, которые играют роль в формировании английского языка будущего, и время от времени принимают осознанные решения игнорировать прескриптивные нормы Внутреннего круга. Исследователи ELF рассматривают не только морфосинтаксические формы. На материале корпуса VOICE М. Питцль [51] изучила метафору, углубившись в культурные аспекты взаимодействия на ELF. С. Эренрайх [19] и другие провели

также важное исследование по деловому английскому как лингва франка (Business ELF, или BELF), сделав записи заседаний в крупнейших корпорациях Европы. В одном из интереснейших ее исследований рассматриваются обращения на деловых совещаниях посредством ELF. Она делает замечательные выводы о межкультурной осведомленности, гибкости и тонкости восприятия пользователей делового английского как лингва франка; показывает, что при межкультурном понимании в коммуникации на английском языке может быть много стратегий, которые могут быть столь же полезны, а может быть и более полезны, чем языковая компетенция.

Еще одно событие, которое пошло на пользу теории ELF – проект по созданию Азиатского корпуса английского языка (Asian Corpus of English, или ACE) под руководством Энди Киркпатрика [35] в Гонконгском институте образования (НКИЕ). В этом проекте участвуют крупнейшие университеты семи стран АСЕАН, а также еще трех стран (Китай, Японии, Кореи). Автор данной статьи возглавляет команду исследователей, собирающих данные в Японии. В каждой стране будет осуществлена 10-часовая запись, что будет соответствовать 100-часовому материалу VOICE. Э. Киркпатрик, в настоящее время, работающий в Университете Гриффита в г. Брисбейн (Австралия), осуществляет контроль над точностью спецификаций и соблюдением методологии, повторяющих корпус VOICE. Завершение проекта ACE должно произойти к концу 2013 г. Он будет полностью совместим с VOICE, так что оба корпуса могут быть сравнимы. Киркпатрик создал список из 10 важных исследовательских вопросов для изучения ACE:

1. Какие черты могут быть общими в разных вариантах английского языка, служащего в качестве ELF, несмотря на разнообразие?

2. Каковы наиболее часто используемые грамматические конструкции и слова?

3. Есть ли какое-либо соответствие между степенью приближения к вариантам Внутреннего круга и коммуникативным успехом?

4. Существуют ли часто используемые конструкции, лексические единицы и звуковые модели, которые считаются неграмматичными в стандартном английском носителей этого языка, но которые обычно остаются незамеченными в коммуникации на азиатских вариантах английского языка?

5. Каковы общие черты и различия между европейскими и азиатскими ELF?

6. Подразумевают ли найденные в п.5 черты универсальные или дистинктивные признаки / грамматику ELF?

7. Можно ли объяснить какие-либо из универсальных, но дистинктивных признаков факторами синтаксического упрощения и регуляризации, ко-

торые уже давно работают в «традиционных» вариантах английского языка?

8. Какие (прагматические) факторы могут привести к недопониманию и коммуникативным сбоям, с одной стороны, и успешности коммуникации, с другой?

9. Какие стратегии используют говорящие для урегулирования коммуникативных сбоев?

10. Какие выводы можно сделать из этих исследований для применения в практике преподавания английского языка в Азии?

ELF – это явно быстро развивающаяся область исследований, которая, как отметил Болтон, имеет 185 публикаций, включенных в индекс LLBA в 2010 г. Исследователи, работающие в этой парадигме, проведут VI международную конференцию в Риме в 2013 г. У них есть новый печатный орган – *Journal of English as a Lingua Franca*, который вышел в двух солидных номерах в свой первый год издания, 2012.

Очевидна значимость этой парадигмы для Японии. И пока исследования ELF сосредотачиваются на лингвистических чертах, которые могут быть общими для говорящих на английском как лингва франка из разных стран, а некоторые исследователи даже предполагают возможность возникновения европейского варианта или «азиатского варианта английского языка», большинство исследователей стали усиленно изучать вопросы аккомодации, согласования и других социальных навыков, что может быть гораздо важнее для успешного взаимодействия на английском как лингва франка.

4.2. «Новый» EIL

В то время как ELF уверенно набирает приверженцев, появилась несколько меньшая группа вариантologов, которые отвергают фокус на описание языковых черт ELF и уходят от дискуссии о функциональном или вариантном статусе ELF. Они более пристально изучают культурные факторы и функции международного общения. В результате они оживили работу над EIL, английским как международным языком, и предпочитают данный термин термину ELF. Таким образом, они оказались более тесно связанными с ранней работой Ларри Смита и такими исследователями, как Сандра МакКэй, продолжившей работать над EIL и опубликовавшей фундаментальную работу в 2002 г. [39]. Следует отметить, что Хино и Хонна продолжают работать больше над EIL, чем над вариантами (WE).

Среди самых известных ученых – Фарзад Шарифиан и Ая Мацуда. Шарифиан полагается на когнитивно-лингвистическую работу Дж. Лакоффа о ментальных категориях и метафоре и подчеркивает, что «межкультурная, или метакультульная компетенция должна рассматриваться как ядерный

элемент искусства владения английским языком на высоком уровне, необходимом для межкультурной коммуникации» [60]. Он провел важную работу по персидскому английскому и английскому австралийских аборигенов – двум вариантам, мало исследованным в вариантологии. Но он смотрит на эти варианты меньше всего с позиций языковых черт ELF, а больше всего обращает внимание на то, что выражают высказывания говорящих о глубинных «культурных концептуализациях». Для Шарифиана чрезвычайно важным фактором успешности коммуникации является развитие осознания этих концептуализаций.

Последняя работа А. Мацуда также обращена на EIL и ее философия тесно связана с идеями Ф. Шарифиана, П. Фридрих и других, которые подчеркивают, что EIL – это функция, а не вариант. А. Мацуда также руководит работой по исследованию педагогической основы EIL, разворачиваясь от теории к практике использования EIL в классе. Ее книга по преподаванию EIL, изданная в 2012 г., включает раздел в 40 страниц, об особых идеях преподавания в контекстах Расширяющегося круга, хотя она и признает, что «ее цель не состоит в том, чтобы создать такую единую учебную программу, которая бы подходила всем контекстам без разбору» [52: с. 7].

Видя все эти усилия, ведутся ли они в так называемой парадигме ELF или EIL, мы можем заключить, что в Расширяющемся круге ведется важная работа. В 2013 г. в издательстве «Cambridge Scholars» выйдет из печати книга о преподавании EIL под редакцией коллег Ф. Шарифиана Р. Марлина и Р. Гири. В 2012 г. Э. Киркпатрик также выступил редактором книги об EIL, показывая тем самым, что некоторые ученые хотят быть и в одном, и в другом лагере одновременно.

4.3. Функциональные варианты Мабуба

Последнее новое направление, недавно появившееся в рамках вариантологии, – это то, что автор называет «функциональными вариантами Мабуба». Ахмар Мабуб – известная фигура в среде второго поколения вариантологов. Он крепко опирается на системно-функциональную грамматику М. Хэллiday. Как и исследователи ELF и EIL, он также не находит полного удовлетворения во многих вариантологических работах, особенно тех, которые заостряют внимание на кодификации новых вариантов английского языка на уровне предикативной единицы и ниже, а также в стремлении вариантологов делить английский язык по национальным границам, в то время как на самом деле, например, английский, на котором говорят в Карачи, гораздо ближе английскому, на котором говорят в Дели, чем английский жителей Дели в сравнении с ан-

глийским жителей Бангалора и другими вариантами Южной Индии. Мабуб [40; 41] изучает большие куски текста/дискурса, которые лучше демонстрируют, как происходит процесс «создания смысла» у различных пользователей, а также исследует их функциональное использование языка. В настоящее время он разрабатывает теорию «динамического подхода к владению языком» ('dynamic approach to language proficiency', или DALP), в которой во внимание принимается и внутринациональное и международное использование английского языка, соединенные в одной модели. Он также показывает, что вариантологическая парадигма (WE) и исследования английского как лингва франка (ELF) упускают из виду письменное и глобальное функционирование английского языка, сосредотачиваясь в основном на локальном / устном употреблении. Мабуб считает, что хотя это правда, что носители языка больше не определяют международные нормы английского языка, но такие нормы все-таки существуют среди пользователей во многих профессиональных сферах деятельности, и слишком большой фокус внимания на локальных уникальных вариантах в преподавании английского языка окажет плохую услугу нашим студентам и помешает им овладеть дискурсом, который бы способствовал изменению их социального статуса и вхождению в профессиональное сообщество. Для нас в Расширяющемся круге очень важно продолжать такую работу и готовить наших студентов к тому, чтобы ставить конкретные цели и добиваться их выполнения.

5. Заключение

Появится ли японский вариант английского языка в будущем? Это обусловлено несколькими факторами, например, степенью использования английского языка как основного средства коммуникации в бизнесе, международной дипломатии и науке, а также степенью приоритетности английского языка, что зависит от мнения японских политиков. В самом деле не стоит отказываться от давно существующих утверждений о возможности существования легитимного варианта японского английского, который может быть подвергнут кодификации. Но в настоящее время этот аргумент несколько потерял актуальность из-за усиления работы над концепцией EIL и расширения исследований ELF в новых регионах Расширяющегося круга (ACE). Поэтому сейчас самое время перенаправить дискуссию в новое русло и описать те области, где английский язык имеет особую значимость и наиболее часто используется в современной Японии. Нет необходимости спорить о легитимности японского варианта английского языка для того, чтобы заявить о праве владения им и использования его для выражения нашей собственной точки

зрения. Концепт ELF и связанные с ним новые парадигмы подкрепляют нас в этом убеждении.

При этом исследователи, занимающиеся вариантами английского языка, его функционированием как лингва франка и как международного языка, должны работать не врозь, а вместе. Как сказала Б. Зайдлхофер, «Есть много общего между вариантологической парадигмой (WE) и исследованиями английского как лингва франка (ELF). Обе теории разделяют взгляд на плюрицентризм английского языка, который принадлежит всем тем, кто пользуется им. Растущее количество дескриптивных работ английского языка как лингва франка может быть серьезным дополнением ко всей области исследования в целом... может открыть свежую перспективу на некоторые конструкты, составляющие основу вариантологии» [59: с. 243]. Она добавляет: «...Исследования ELF могут даже подтолкнуть нас к вопросу о правильности наименований 'Englishes' и 'WEs', т.е. исчисляемых (собственных) имен, предполагающих отдельные, но связанные явления». Д'Анджело также предлагает термин «английский без границ» ('borderless English') для описания современного, очень сложного и разнообразного пространства английского языка и замечательных мультиязычных/мультикультурных способностей людей, говорящих на нем [11; 16: с. 290].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ashcroft, B., G. Griffiths & H. Tiffin. The Empire Writes Back. London: Routledge, 1989.
2. Barker, D. An A-Z of Common English Errors for Japanese Learners. Back to Basics. 2008.
3. Bautista, M. L. S. & K. Bolton. Philippine English: Linguistic and Literary Perspectives. Hong Kong: HKU Press, 2008.
4. Berns, M. Expanding on the Expanding Circle: where do WE go from here? // World Englishes. – 2005. – Vol. 24. – № 1. – P. 85–94.
5. Bolton, K. Where WEs stands: approaches, issues and debate in world Englishes // World Englishes. – 2005. – Vol. 24. – № 1. – P. 69–84.
6. Bolton, K., D. Graddol, & C. Meierkord. Towards developmental world Englishes // World Englishes. – 2011. – Vol. 39. – № 4. – P. 459–480.
7. Breiteneder, A. Exploiting redundancy in English as a European lingua franca: The case of the 'third person -s'. Unpublished MA Thesis: University of Vienna. 2005. Retrieved June, 20 2011 from http://www.univie.ac.at/voice/page/abstracts/breiteneder_2005.pdf
8. Canagarajah, S. Resisting Linguistic Imperialism in English Language Teaching. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
9. Chambers, J. K. Dynamic Typology and Vernacular Universals // Dialectology meets Typology. / Kortman, B. (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2004. – P. 127–145.
10. Crystal, D. English as a Global Language. Cambridge: CUP, 2003.
11. D'Angelo, J. Curriculum and WEs: Additive Language Learning as new SLA Paradigm // English in Southeast Asia: Features, Policy and Language in Use. / E. L. Low and A. Hashim (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2012.
12. D'Angelo, J. Educated Japanese English: Expanding oral/aural core vocabulary // World Englishes. – 2005. – Vol. 24. – № 3. – P. 329–350.
13. D'Angelo, J., Salikoko Mufwene on global English: Myths and facts // Journal of College of World Englishes. – 2004. – Vol. 6. – P. 29–32.
14. D'Angelo, J. The Kachru/Smith Ethos of Inclusivity in Japan: The Exonormative/ Endonormative Debate Resolved // Journal of College of World Englishes. – 2010. – Vol. 13. – P. 1–16.
15. D'Angelo, J. The Japan Context and the Expanding Circle: A Kachruvian Response to Debbie Ho // Asian Englishes. – 2008. – Vol. 11. – № 2. – P. 64–75.
16. D'Angelo, J. WEs-informed EIL Curriculum at Chukyo: Towards a Functional, Educated, Multilingual Outcome // Principles and Practices of Teaching English as an International Language / A. Matsuda (ed.). Bristol, UK: Multilingual Matters, 2012.
17. Davis, D. IAWE 2009 Presidential Address: The Inclusivity of world Englishes // World Englishes. – 2010. – Vol. 29. – № 1. – P. 21–26.
18. Dewey, M. Retraining Language Teachers in post-Normative Models: Learning the pedagogy of ELF. Paper given at the 4th Conference of English as a Lingua Franca, Hong Kong Institute of Education, May 27, 2011.
19. Ehrenreich, S. English as a Lingua Franca in Multinational Corporations—Exploring Business Communities of Practice // English as a Lingua Franca. / A. Mauranen & E. Ranta (eds.). Cambridge: Cambridge Scholars, 2009.
20. English as an International Language in Asia: Implications for Language Education / Kirkpatrick, A. & R. Sussex (eds.). – New York: Springer, 2012.
21. English in Japan in the Era of Globalization. / Seargeant, P. (ed.). – Basingstoke: Palgrave, 2011.
22. Firth, A. The Discursive Accomplishments of Normality: on lingua franca English and conversation analysis // Journal of Pragmatics. – 1996. – Vol. 26. – № 2. – P. 239–259.
23. Gonzales, A.FSC The Social Dimensions of Philippine English // World Englishes. – 2004. – Vol. 23. – № 1. – P. 7–16.
24. Graddol, D. English next: why global English may mean the end of English as a Foreign Language. London: British Council, 2006.
25. Hino, N. Endonormative Models of EIL for the Expanding Circle // Principles and Practices of Teaching English as an International Language. / A.Matsuda (ed.) Bristol: Multilingual Matters, 2012.
26. Honna, N. English as a Multicultural Language. Tokyo: Kuroshio, 2008.
27. Honna, N. and Y. Takeshita. On Japan's Propensity for Native Speaker English: A Change in Sight // Asian Englishes. – 1998. – Vol. 1. – № 1. – P. 117–137.
28. Jenkins, J. English as a Lingua Franca: Attitude and Identity. Oxford: OUP, 2007.
29. Jenkins, J. The Phonology of English as an International Language. Oxford: OUP, 2000.
30. J-myth 5: TOEIC Scores prove low Japanese English ability // SeekJapan. 2007. Retrieved June 19, 2012 from: www.seekjapan.jp/article/1271/J-myth+5.
31. Kachru, B. The Indianization of English. Delhi: Oxford University Press, 1983.
32. Kachru, B. World Englishes in the Classroom: The Japanese Context // Proceedings: First Conference on World Englishes in the Classroom / D'Angelo and French (eds). 2003.

33. *Kachru, Y. & L. Smith.* The Karmic Cycle of World Englishes: some futuristic constructs // *World Englishes.* – 2009. – Vol. 27. – № 1. – P. 133–134.
34. *Kawashima, T.* Current English Speaker Models in Senior High School Classrooms // *Asian Englishes Studies.* – 2009. – Vol. 11. – P. 25–48.
35. *Kirkpatrick, A.* English as a Lingua Franca in ASEAN. Hong Kong: HKU Press, 2010.
36. *Kirkpatrick, A.* Multilinguals, Asian ELF and Asian Varieties of English. The 15th International Conference of the IAWE. Cebu City, Philippines. 22–24 October 2009.
37. *Kirkpatrick, A.* Researching English as a Lingua Franca in Asia: the Asian Corpus of English (ACE) Project // *Asian Englishes.* – 2010. – Vol. 13. – № 1. – P. 4–19.
38. *Kubota, R.* Globalization and language learning in rural Japan: the role of English in the local linguistic ecology // *TESOL Quarterly.* – 2010. – Vol. 43. – P. 593–619.
39. *MacKay, S.* Teaching English as an International Language. Oxford: OUP, 2002
40. *Mahboob, A.* World Englishes: Language Variation and Language Proficiency. Special lecture delivered at Chukyo University, July 5, 2012.
41. *Mahboob, A. and E. Szenes.* Construing Meaning in World Englishes // *The Handbook of World Englishes / Kachru, B., Kachru Y. and C. Nelson (eds.).* – Blackwell, 2010. – P. 580–598.
42. *Matsuda, A.* NNESTs Insights in Teacher Preparation Programs: Current Practices and Teacher Educators' Beliefs. Paper given at the 17th IAWE conference, Monash University, November 24, 2011.
43. *Matsuda, A.* The Ownership of English in Japanese secondary schools // *World Englishes.* – 2003. – Vol. 22. – № 4. – P. 483–496.
44. *Meierkord, C.* Lingua franca English: characteristics of successful non-Native–non-Native speaker discourse // *Erfurt Electronic Studies in English* 1998.
45. *Mufwene, S.* Comment 3» in response to Martin Schell's «Colingualism among bilinguals.» // *World Englishes.* – 2008. – Vol. 27. – № 1. – P. 133–134.
46. *Mufwene, S.* The Ecology of Language Evolution. Cambridge: CUP, 2001.
47. *Nihalani, P.* The Phonology of non-native accents. // *The Three Circles of English.* / E. Thumboo (ed.). Singapore: UniPress, 2001.
48. *Olagboyega, K.* «Japanese English»: A Descriptive Grammar of the Nominal Phrase of the Educated Written English in Japan. Unpublished paper submitted to *Asian Englishes.* 2009
49. *Parasher, S.V.* Indian English: Functions and Forms. Delhi: Bahri Publications, 1991.
50. *Phillipson, R.* Linguistic Imperialism Continued. London: Routledge, 2010.
51. *Pitzl, M.-L.* Creativity in English as a lingua franca: Idiom and metaphor. PhD thesis, University of Vienna. 2011.
52. *Principles and Practices of Teaching English as an International Language.* / Matsuda, A. (ed.). Bristol: Multilingual Matters, 2012.
53. *Prodromou, L.* English as a Lingua Franca: A corpus-based analysis. London: Continuum, 2008.
54. *Proshina, Z. & I. Ustinova.* English and Asian Flavor in Russian Advertising of the Far East // *Asian Englishes.* – 2013. – Vol. 15. – № 2. – P. 30–59.
55. *Rao, R.* The Caste of English // *Awakened Conscience: Studies in Commonwealth Literature.* / C.D. Narasimhaiah (ed.). New Delhi: Sterling Publishers, 1978.
56. *Sakai, S. and J. D'Angelo* A Vision for World Englishes in the Expanding Circle // *World Englishes.* – 2005. – Vol. 24. – № 3. – P. 323–328.
57. *Schell, M.* Colingualism among bilinguals // *World Englishes.* – 2008. – Vol. 27. – № 1. – P. 117–130.
58. *Schneider, E.* Postcolonial English. Cambridge: CUP, 2007.
59. *Seidlhofer, B.* Common Ground and Different Realities: world Englishes and English as a Lingua Franca // *World Englishes.* – 2009. – Vol. 28. – № 2. – P. 236–245.
60. *Sharifian, F.* English as an International Language: Perspectives and Pedagogical Issues. Clevedon: Multilingual Matters, 2009.
61. *Shiroza, S.* «Japanese English»: A local model or a negative model? Paper given at the 14th IAWE Conference, City University of Hong Kong, December 3, 2008.
62. *Smith, L.* Readings in English as an International Language. Oxford: Pergamon Press, 1983.
63. Speak Good English Movement (2012) Retrieved 20 Nov. 2012, from: www.goodenglish.org.sg.
64. *Sridhar, S.N.* World Englishes and theories of bilingualism and second language acquisition. Focus lecture given, the 14th conference of the International Association for World Englishes, City University of Hong Kong, 4 December 2008.
65. *Stanlaw, J.* Japanese English. Hong Kong: HKU Press, 2005.
66. *Suenobu, M.* Japanese English. The Institute of Economic Research: Kobe University of Commerce, 1999.
67. *Suzuki, T.* Words in Context. Tokyo: Kodansha International. 1978, 2001
68. *The Other Tongue / Kachru, B. (ed.).* Urbana-Champaign: University of Illinois Press, 1982, 1992.
69. *Tupas, T. R.* World Englishes or worlds of English? Pitfalls of a post-colonial discourse in Philippine English // *Philippine English.* / Bautista, M. L. and Bolton, K. (eds.). Hong Kong: HKU Press, 2008.
70. *Varieties of English 4: Africa, South and Southeast Asia / Mesthrie, R. (ed.).* Berlin: Mouton de Gruyter, 2008.
71. *Wang, Y.* Eastern vs. Western: Undertaking Asian ELT under a Framework of Relevance // *Asian Englishes.* – 2011. – Vol. 14. – № 2. – P. 40–55.
72. *Yano, Y.* Comment 5 in response to Martin Schell's «Colingualism among bilinguals» // *World Englishes.* – 2008. – Vol. 27. – № 1. – P. 139–140.
73. *Yano, Y.* English as an International Language and 'Japanese English' // *English in Japan in the Era of Globalization / P. Seargeant, (ed.).* Basingstoke: Palgrave, 2011.
74. *Yano, Y.* World Englishes in 2000 and beyond // *World Englishes.* – 2001. – Vol. 20. – № 2. – P. 119–132.
75. *Widdowson, H. G.* ELF and the inconvenience of established concepts // *Journal of English as a Lingua Franca.* – 2012. – Vol. 1. – № 1. – P. 5–26.

ЗАГОЛОВОК ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТЬИ КАК ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ТЕКСТ (на материале русского издания журнала «RollingStone»)

М.Б. Дюжева

Т.М. Власова

Дюжева Мария Борисовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры профессионально ориентированного перевода Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).

Контактный адрес: dyuzhevamaria@gmail.com

Власова Татьяна Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры профессионально ориентированных иностранных языков Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).

Контактный адрес: vlasova.tm@dvfu.ru

Журнальный заголовок должен привлечь внимание читателя, «зацепить» его, заставить его прочитать статью. Реализации этих целей способствует использование в заголовках прецедентного текста, который обладает такими характеристиками, как легкость восприятия, узнаваемость, эмоциональность, оценочность, яркость и др.

В статье анализируются заголовки статей, опубликованных в журнале «RollingStone» (русское издание). Авторы рассматривают приемы актуализации явления прецедентности, а также определяют источники прецедентных текстов, используемых в заголовках.

Ключевые слова: прецедентность, прецедентный текст, характеристики журнальных заголовков, способы реализации прецедентного текста, источники прецедентных текстов.

Прецедентность – это лингвистическое явление, зародившееся в древности [7: с. 604–607] и широко используемое в дискурсе СМИ в настоящее время. В данной работе предпринимается попытка рассмотреть, проанализировать и классифицировать прецедентные тексты в современных журнальных заголовках.

Появление термина прецедентность связано с работами Ю.Н. Караулова, который впервые упомянул понятие «прецедентный текст», подразумевая под ним текст: (1) значимый в познавательном и эмоциональном отношении; (2) имеющий «сверхличностный характер», т.е. хорошо известный широкому кругу лиц; (3) обращение к которому неоднократно повторяется [3: с. 216]. В современной лингвистике в рамках теории прецедентности существуют следующие понятия: прецедентное имя, прецедентная ситуация, прецедентный феномен, прецедентное высказывание, прецедентный текст и др. [1: с. 102; 4: с. 172–173]. Стоит отметить, что все вышеназванные единицы могут рассматриваться в качестве частных случаев прецедентного текста, понимаемого нами, вслед за Ю.Н. Карауловым, предельно широко.

Создавая заголовок статьи, журналист преследует следующие цели: заинтересовать читателя, привлечь его внимание и убедить его прочитать основной текст. Чтобы заголовок выполнил свою

функцию, он должен быть кратким, легко воспринимаемым и эффективным. Не удивительно, что именно в языке заголовков средств массовой информации особое распространение получает феномен прецедентности, так как такие тексты обладают яркой экспрессивностью, которая проявляется при помощи «актуализации коннотативных компонентов значения слова» [1: с. 156]. Эффект экспрессивности в этом случае обычно связан с оценкой. При этом оценка, выраженная с помощью прецедентного текста, выразительна, эмотивна и субъективна. Происходит «апелляция не к норме, а к эталону, представляющему собой «крайнюю точку» на шкале оценки, наиболее полно воплощающему то или иное качество, апелляция не к понятию, но к образу» [1: с. 157]. Таким образом, прецедентный текст позволяет автору выразить субъективную эмоциональную оценку, которая всегда вызывает повышенный интерес читателей.

Анализ 163 заголовков статей русского издания журнала «Rolling Stone» [8] в контексте содержания самой статьи и соответствующего визуального оформления позволил сделать вывод, что большинству заголовков, созданных на основе прецедентных текстов, свойственна образность, эмоциональность, оценочность, оригинальность, граничащая с парадоксальностью. Так, в мартовском номере за 2009 г. находим два заголовка – «Отпуск на Тали-

бах» и «Пираты талибского моря», – относящихся к материалам о путешествии в Афганистан. В данных текстах прослеживается связь с Карибскими островами и Карибским морем, а также с прецедентным текстом – «Пираты Карибского моря», что создает эффект романтизации материала и положительную *оценку*. С другой стороны, создается оценочный оксюморон: Карибы – явление положительное, в то время как «талибы» и движение «Талибан» в общественном сознании имеет отрицательную оценку. Интересны заголовки «Принц Чарльз» (октябрь 2005) и «Леди Ди» (май 2008), предваряющие статьи вовсе не о членах королевской семьи, а лишь о людях, носящих похожие имена (писателе Чарльзе Буковски и актрисе Кэмерон Диас). Ассоциация же с британским королевским домом создает положительную оценку материала в восприятии читателя.

Заголовок мартовского выпуска 2009 г. «Не в бровь, а в Глазго» отличает *эмоциональность* благодаря отсылке к прецедентному тексту – русской народной поговорке «Не в бровь, а в глаз», а фольклор, как известно, характеризуется образностью и экспрессивностью. Эмоциональность свойственна и заголовку «Баба-його»: в соответствующей статье речь идет о певице Мадонне, практикующей йогу. Использование фольклорного прецедентного текста из разряда сниженной лексики («баба») усиливает эмоциональный заряд и создает яркий эффект.

Для многих журнальных заголовков характерна *образность*. Например, заголовок статьи «Пушной – зверь», посвященной известному телеведущему и музыканту Александру Пушкину, ассоциируется с прецедентным текстом «пушной зверь». Однако использование дефиса меняет синтаксическую структуру устойчивого словосочетания, в результате чего создается образ героя статьи как сильного, мощного хард-рок музыканта. Заголовок статьи о Мэрилин Мэнсоне «*Дьявол носит Prada*» отражает inferнальный образ музыканта и демонический характер его музыки. Заголовок «*Истребитель Мик*», предваряющий интервью с Миком Джаггером, вызывает у читателя ассоциацию с мощным и грозным летательным аппаратом и создает образ музыканта, который, несмотря на свой преклонный возраст, остается в строю, сохраняет боевой настрой и активность и по-прежнему поражает свою аудиторию.

Каким образом прецедентные тексты помогают журналисту реализовать такие качества журнального заголовка, как образность, эмоциональность, яркость, оригинальность, оценочность? Ответ кроется в особенностях функционирования прецедентного текста, а именно – в его способности употребляться в качестве «сложного знака», обладающего не только простым набором значений, но и дифференциальным признаком, составляющим ядро инварианта его вос-

приятия. При этом не требуется специально расшифровывать или комментировать прецедентный текст, он оказывается «самодостаточным», способным выразить нечто большее, чем очевидное и непосредственное значение знака [4: с. 83].

За прецедентными текстами кроется обширное культурное содержание, вскрываемое за счет «выхода имен из «ближнего круга» употребления и приобретения социальных коннотаций [6: с. 167]. Подобные коннотации могут быть локальными и недолговечными, но обязательно имеют «смысловую ассоциативно-образный и эмоционально-оценочный компоненты» [5: с. 55].

Прецедентные тексты относятся к ядру языковых средств хранения культурной информации и определяют шкалу ценностей данной лингвокультуры. Эта особенность позволяет прецедентным текстам задавать «ценностную шкалу того или иного лингвокультурного сообщества, влияя тем самым на модели социального поведения членов этого сообщества» [1: с. 158].

Анализ приемов, с помощью которых актуализируется прецедентность в заголовках статей в журнале «Rolling Stone», позволяет сделать вывод о том, что в большинстве рассмотренных нами единиц прецедентный текст используется в измененном виде, причем трансформация может происходить на фонетическом (паронимия), грамматическом, графическом (изменение написания, пунктуации) уровнях, а также на интерлингвальном уровне (варваризмы, транслитерация, частичный перевод). Трансформация отмечается Ю.Н. Карауловым как один из способов существования прецедентных текстов [3: с. 217].

Фонетическая трансформация прецедентных текстов, как правило, связана с явлением паронимии, при котором один из элементов прецедентного текста замещается близким по фонетическому оформлению словом. Например, «*Леннонские горки*» (сентябрь 2006). Статья под этим заголовком повествует об истории группы The Beatles. Как известно, Джон Леннон был одним из лидеров данного музыкального коллектива. Название публикации соединило эргоним «Ленинские горки» и антропоним Леннон, создав игру слов. Другой аналогичный пример – «*Плант боевых действий*» (февраль 2007), где в устойчивое словосочетание «план боевых действий» инкорпорируется антропоним Плант, являющийся именем музыканта Роберта Планта – героя статьи.

Следует отметить, что фонетические трансформации занимают лидирующее место среди всех исследуемых заголовков – 43,8 %. Среди наиболее продуктивных моделей можно выделить следующие:

1. Замена одной или двух фонем, по сути создающая новое слово, которое сохраняет, однако, исходное значение благодаря прецедентному кон-

тексту. Например, «Признаки поло» (об открытии магазина футболок-поло), «Августовский Бутч» (певица Бутч летом издала книгу), «Си-Ло духа» (о музыканте Си-Ло), «Стас уполномочен заявить» (интервью со Стасом Барецким), «Черноплодная Регина» (о певице Регине Спектор), «Когда рок на горе свистнет» и др.

2. Синкопа, т.е. выпадение одной или двух фонем, что также дает новое слово, связанное, однако, со значением прецедентного текста: «Добро и Ло» (о новом альбоме Дженнифер Лопес, певицы по прозвищу Джей Ло), «Рабские эмираты» (статья о крепостном праве в современной Бразилии), «Несбыточная одежда», «Эфир за вредность» (интервью с ведущей Тиной Канделаки), «С нами Бо» (материал о Богдане Титомире), «Оля к победе» (статья об Ольге Куриленко, ставшей «девушкой Бонда»), «Пьянству – Бо» (публикация о Бо Диддли) и пр.

3. Эпентеза, т.е. появление дополнительной неэтимологической фонемы, приводящее к созданию нового слова, сохраняющего исходное значение за счет прецедентного контекста: «И вновь продолжается Бойл» (статья о Дэнни Бойле, британском режиссере), «Корган внутренних дел» (интервью с Билли Корганом), «Троллевые игры» (о группе «Мумий Тролль»), «Приступ древности» (материал о 69-летней модели), «Горе от шума» (об индустриальной шумовой музыке), «Смеховое изделие» (о комических моноспектаклях), «Частный спектор» (о продюсере Филе Спекторе) «Блог в помощь», и т.д.

4. Трансформация, охватывающая несколько фонем: «Брюс как рыба об лед» (о Брюсе Уиллисе), «Кокоррозия металла» (текст о хэви-металл группе SocoRosie), «Ковбой с тенью» (интервью с Русланом Хасбулатовым), «Не в бровь, а в Глазго» (материал о группе Franz Ferdinand, образованной в Глазго), «Бутылка Кифера» (об актере Кифере Сазерленде), «Петти и фолк» (о поп-рокере Томе Петти), «Ноэлов ковчег» (о группе Oasis, солистом которой является Ноэл Галлахер), «В запой идут одни старики» и др.

Графические трансформации прецедентных текстов включают деформацию написания всего текста или его отдельных компонентов, а также изменение пунктуации внутри прецедентной единицы, вследствие чего создаются дополнительные коннотации. «Скоттское поведение» – заголовок статьи о хип-хоп продюсере Скотте Сторче, позволяет сочетать значение разговорной сниженной фразеологической единицы с именем героя статьи, достигая этим выразительной эмоциональности и экономии языковых средств. Сюда же можно отнести ряд заголовков, написание которых совпадает с фонетической формой соответствующих прецедентных текстов, что создает однозначные ассо-

циации между ними: «Есть только Мик», «Истребитель Мик», «Мик свободы» (все три статьи посвящены Мику Джагеру), «Рвал и металл» (материал о группе Metallica), и др.

Чаще всего графическая трансформация осуществляется за счет введения в прецедентный текст антропонима и написания последнего с заглавной буквы: «Дурацкий у тебя Ник», «Это Хит», «Определение Пола», «Сочинения в двух Томах», «Общий Барак», «Выдвижной Люк», «Сильный Пол», «Двойной Аксель», «Запах Гарри», «И вновь продолжается Бой», «Облака уплывают в Даль» и др. Преимущества подобных заголовков заключаются в моментальной узнаваемости героев публикации в сочетании с ярким контекстом исходного прецедентного текста.

Деформация прецедентного текста за счет изменения пунктуации, как правило, выглядит в журнальных заголовках следующим образом: «Состояние «Нирваны»», «Остросюжетное «Кино»» и др. В структуре данных устойчивых словосочетаний один из компонентов из имени нарицательного переводится в разряд собственных (аздонимов [2]), что графически обозначено заглавной буквой и кавычками. Стоит отметить, что в обеих статьях речь шла о музыкантах из соответствующих групп.

В целом графические трансформации достаточно широко распространены в журналистском дискурсе и охватывают 12,6 % исследуемого материала.

Интерлингвальные трансформации прецедентных текстов интересны тем, что в их структуру включены англоязычные слова – в исходной или транслитерированной форме. При этом полный смысл заголовка и его прецедентный контекст становятся понятны лишь читателям, знакомым с данным иностранным языком и, как минимум, знающим произношение используемых слов. Например, «Целый чемодан Кэша» (о музыканте Джонни Кэше, который изображен с чехлом от гитары), «Nine Inch Nails гвоздь программы» (здесь следует знать, что слово nails, входящее в аздоним, переводится на русский как «гвоздь»), «Властители Doom» (статья о дум-металлистах, в названии которой – английский термин, обозначающий данное музыкальное направление), «Между Strokes» (материал о группе The Strokes), «Beach Божий» (интервью с лидером группы Beach Boys), «Led тронулся», «Ledниковый период» (статьи о группе Led Zepelin), «Я Wham! спою» (интервью с Джорджем Майклом, лидером группы Wham!, название которой фонетически совпадает с русским местоимением «вам»), «Вместо сердца – пламенный Motor» (о группе «Motor») и т.д.

Другой случай интерлингвальной трансформации – использование англоязычных прецедентных текстов, в которые включены русские слова на ос-

нове транслитерации, паронимии и других приемов, что создает языковую игру. Например, «Forever Янг» (братья Малькольм и Ангус Анг размышляют о будущем своей группы), «Амба One» (новый альбом группы Мумий Тролль под названием «Амба»), «Миша Impossible» (интервью с Михаилом Ефремовым) и др.

Общее количество интерлингвальных трансформаций – 9 % от всего количества контекстов.

Грамматическая трансформация имеет место в том случае, когда один из компонентов прецедентного текста получает другое управление, грамматический род или число. Например, в заголовке «Группа блестящих» вместо именительного падежа оригинального аэдонима «Блестящие» используется родительный падеж. Речь в данной статье идет о самых известных драгоценностях, принадлежащих представителям американского хип-хопа. Создаваемая за счет грамматической трансформации аллюзия с группой «Блестящие», состоящей из хрупких девушек, подчеркивает брутальность героев статьи, а сам заголовок становится своеобразным оксюмороном. Еще один пример грамматической трансформации – «Сказки Андерсон», где в традиционном словосочетании антропоним мужского рода заменен на соответствующий женский. Как можно догадаться, в статье идет речь о Памеле Андерсон, фотомодели и актрисе.

Заголовок статьи «Пушной – зверь» также уместно рассмотреть в этом разделе, так как здесь происходит субстантивация атрибута устойчивого словосочетания «пушной зверь», более того, в роли этого подлежащего выступает соответствующее имя собственное, ведь речь идет об Александре Пушном, телеведущем.

Интересен еще один заголовок – «Ясный перец», где также прослеживается грамматическая трансформация: в состав исходного устойчивого словосочетания входит краткое прилагательное («ясен перец»), в то время как в данной статье использована его полная форма. Можно предположить, что в данной ситуации деформация позволяет привлечь внимание читателей. В целом грамматические трансформации подобного рода в нашем материале встречаются в 3 % случаев.

Также к грамматическим можно отнести трансформации слияния – в структуре заголовка отчетливо выделяются два прецедентных текста, грамматически оформленные в единое целое. Например, в заголовке статьи «Алкогольный бред Пита» читается устойчивое словосочетание «алкогольный бред» и антропоним «Бред / Брэд Питт», при этом в самой публикации речь идет о новом альбоме музыканта Пита Доггерти, известного своей тягой к спиртному. Другой подобный случай находим в заголовке статьи «Мистер Бин ладен»: слияние ан-

тропонимов Мистер Бин и Бен Ладен с фонетической трансформацией последнего. В статье речь идет об известном герое английской комедии Мистере Бине. Количественный показатель трансформации слияния – 1,2 % от общего числа исследуемых заголовков.

Нетрансформированные прецедентные тексты используются в журнальных заголовках достаточно часто, возможно, потому, что обеспечивают однозначный и безошибочный выход на прецедентный текст, в то время как в случае трансформаций читатель не всегда способен распознать источник того или иного заголовка. Однако нетрансформированные прецедентные тексты используются в журналистском дискурсе лишь в том случае, когда они так или иначе созвучны теме статьи, несут значимые ассоциации или создают игру слов. «Как свежи были розы» – заголовок архивного интервью с Акселем Роузом, лидером группы Gun's'Roses. Известная стихотворная строчка в данном контексте приобретает новое звучание: значение слова «Roses» («розы») в составе названия группы понятно большинству любителей рок-музыки, а вся цитата является напоминанием о том, что пик творчества и популярности группы – в прошлом.

Среди других примеров использования прецедентных текстов в «чистом виде» можно перечислить: «Свой в доску» (статья о скейтборде), «Голстые обстоятельства» (интервью с Феклой Толстой), «Травяной сбор» (материал о контрабанде марихуаны), «Во имя отца и сына» (публикация о детях известных музыкантов), «Какая низость» (статья о низком росте актрисы Риз Уизерспун) и др. В этих случаях наблюдается частичная дефразеологизация устойчивых словосочетаний, достигаемая за счет концептуальной связи с реальным объектом статьи: в заголовке актуализируются как фразеологическое значение, так и прямое. Подобная семантическая размытость создает определенный юмористический эффект, способствует привлечению внимания, а сами заголовки несут эмоционально-экспрессивный заряд. Количество подобных случаев составляет 29,4 %.

Что касается **источников** прецедентных текстов в журнальных заголовках, то можно обозначить такие культурно-социальные области, как популярная массовая культура, повседневный быт, Библия и церковный обиход и др. Количественный показатель заголовков, отнесенных к той или иной культурной области, позволяет говорить о значимости этих областей в социуме (в случае данного исследования – в молодежной среде, поскольку журнал «Rolling Stone» позиционировался как издание о музыкальной культуре и был ориентирован на молодежную аудиторию).

Так, 36 % исследуемых журнальных заголовков относятся к сфере **бытовой, повседневной культуры**. Столь высокий количественный показатель объясняется тем, что журнал не имеет узкой специализации и использует бытовой язык, понятный всем.

Фразеологизмы, лежащие в основе данных единиц, обладают различной степенью устойчивости и, как следствие, различной степенью прецедентности. Если большая их часть относится к устойчивым словосочетаниям («*Сильный Пол*» – статья о Поле Верховене, кинорежиссере; «*Игорный дом*» – статья об Игоре Талькове-младшем; «*Звездная болезнь*» – интервью с режиссером «Звездных войн»; «*Смеховое изделие*» – статья о комике Пахомыче; «*Кухонный Корбайн*» – об Антоне Корбайне, голландском фотографe), то некоторые заглавия обладают условной устойчивостью: «*Это Хит*» (материал об актере Хите Леджере), «*Сила Харризмы*» (о певице Дебби Харри), «*Дурацкий у тебя Ник*» (о Нике Кейве, певце), «*Скользкий Пол*» (о голливудском актере Поле Джаматти), «*Запах Гарри*» (интервью с Г. Каспаровым) и др. Следовательно, и прецедентность подобных заголовков будет пограничной.

В данной группе следует отметить ряд единиц, относящихся к разряду сниженной разговорной лексики: «*Свой в доску*» (интервью со скейтбордистом), «*Ты просто гонишь*» (интервью с известным гонщиком) и т.д.

К сфере **кино и телевидения** имеют отношение 18 % исследуемых журнальных заголовков. Прежде всего, в качестве прецедентных текстов используются названия фильмов, причем как старых, так и современных, как зарубежных, так и отечественных, например: «*Облака улетают в Даль*» (статья о Броуди Даль), «*Мистер Бин Ладен*» (статья о мистере Бине), «*Крутой Уокер*» (о певце Скотте Уокере), «*Миша Impossible*» (о Михаиле Ефреме, прецедентный текст «Mission Impossible»), «*В запой идут одни старики*» (журналист берет интервью у А. Макаревича во время обильных возлияний), «*Вонг-Конг*» (статья о корейском режиссере Вонге Кар-Вае) и др. К этой же области можно отнести журнальные заголовки, построенные на основе известных фраз из фильмов, например, «*Led тронулся*» (статья о Led Zeppelin) и др.

Область телевидения репрезентирована в заголовках, например, «*Программа передач*» (статья о полузащитнике ЦСКА, Алане Дзагоеве), «*Стас уполномочен заявить*» (интервью со Стасом Барецким), «*Русская дружба новостей*» (интервью с Никитой Высоцким и Михаилом Ефремовым) и пр.

При этом 7,8 % журнальных заголовков имеют отношение к сфере **политики и социально-политических институтов**. Прецедентные тексты из этой области охватывают исторические реалии: «*Боярская дума*» (статья о М. Боярском), «*Как за-*

вещал великий Леннон» (интервью с Дж. Ленноном), «*Билл о правах*» (интервью с Биллом Гейтсом), «*Августовский Бутч*» (статья о певице Бутч) и др., а также термины, номинирующие современные политические явления: «*Корган внутренних дел*» (статья о Билли Коргане), «*Грин-карта*» (об Эл Грин), «*Партия зеленых*» (о группе Green Day), «*Полицейский передел*» (о группе The Police) и др.

Шесть процентов исследуемых заголовков относятся к области **литературы**. Причем среди прецедентных текстов встречаются апелляции как к западным произведениям, например, «*Пластилин колец*», (статья об авторе пластилиновых мультфильмов), так и к отечественным, например, «*Горе от ума*», (статья об индустриальной шумовой музыке), «*Чеховские мотивы*», (интервью с Анфисой Чеховой); обращение как к фольклору, например, «*Баба-йога*» (об увлечении Мадонны йогой), так и к литературным источникам, например, «*Сказки Андерсон*», (статья о Памеле Андерсон), «*Дьявол носит Prada*» (статья о Мэрилин Мэнсоне).

Шесть процентов прецедентных текстов, лежащих в основе журнальных заголовков, относятся к области **медицины и биологии**. Здесь можно упомянуть такие статьи, как «*Оздоровительный Бек*» (о гитаристе Беке), «*Травяной сбор*» (о контрабанде марихуаны), «*Состояние «Нирваны»*» (о дележе наследства Курта Кобейна, лидера Нирваны), а также «*Бобовые культуры*» (о Бобе Дилане), «*Черноплодная Регина*» (о Регине Спектор), «*Майский жук*» (о солисте группы «Ласковый май» по фамилии Жук) и др.

Шесть процентов журнальных заголовков имеют отношение области **религии**. По большей части, прецедентные тексты берутся из христианского арсенала: «*Во имя отца и сына*» (интервью с детьми известных музыкантов), «*Многие лета*» (обзор главных фестивалей лета), «*Beach Божий*» (статья о лидере группы Beach Boys), «*Блог в помощь*», «*Си-Ло духа*» (интервью с музыкантов Си-Ло), «*С нами Бо*» (один из двух подобных заголовков относится к Богдану Титомиру, второй – к Бо Диддли) и др. Несколько названий можно отнести к иудаизму: «*Звезда Дэвида*» (статья о Дэвиде Боуи), «*Нозлов ковчег*» (о Нозле Галлахере) и др.

Так, 5,4 % исследуемых единиц представляют область **географии**. При этом используются самые разнообразные объекты топонимики: города и страны, например, «*Нью Йорк*» (статья о Томе Йорке из группы Radiohead) и «*Рабские эмираты*» (о крепостном праве в современной Бразилии); топонимы Москвы, например, «*Большая Никитская*» (фотографии Никиты Высоцкого), «*Леннонские горки*» (история The Beatles словами друзей и родственников), а также общие названия городской топонимики: «*"Зоопарк" культуры и отдыха*» (ста-

тья о группе «Зоопарк»), «Гаражный кооператив» (о гаражном роке), «Частный спектор» (о продюсере Филе Спекторе) и др.

К области **экономики** так или иначе относятся 4,2 % рассматриваемых заголовков. В качестве исходных прецедентных текстов используются как эргонимы – названия предприятий: «Компания Эпл» (статья о певице Фионе Эппл), «Фанк реконструкции и развития» (статья о группе The Black Eyed Peas, экспериментирующей с фанком), «Сберегательный фанк» (интервью с основателем фанка), так и устойчивые словосочетания из области экономики: «Панковский перевод» (интервью с панк-командой), «Панковский счет» (статья о лидере Sex Pistols), «Пиратская копия» (интервью с Джонни Деппом после выхода «Пиратов Карибского моря»).

Журнальные заголовки, имеющие отношение к области музыки, составили 2,4 %. Здесь можно выделить аэдонимы: «Коррозия металла» (прецедентный текст – группа «Коррозия металла»), «Группа блестящих» (прецедентный текст – группа «Блестящие»), «Мои ракетки вверх» (прецедентный текст – группа «Мои ракеты вверх») и антропоним – «Иосиф пригожий» (статья об Иосифе Кобзоне, прецедентный текст – Иосиф Пригожин, продюсер).

Такое же количество заголовков относится к сфере **армии и военной службы**: «Дедовщина» (статья о 105-летнем карикатуристе Борисе Ефимове), «Истребитель Мик» (интервью с Миком Джаггером) и «Плант боевых действий» (интервью с Робертом Плантом).

К области **спорта** можно отнести 1,2 % заголовков: «Двойной Аксель» (статья о музыканте Акселе Роузе) и «Пальма первенства» (о голливудском режиссере Брайне де Пальма).

Ряд заголовков журнальных материалов построен на основе русских народных пословиц: «Не в бровь, а в Глазго» (статья о группе Franz Ferdinand, образованной в Глазго), «Брюс как рыба об лед» (статья о Брюсе Уиллисе) и «Когда рок на горе свистнет» (статья о 100 лучших голосах мира).

Исследование заголовков статей, напечатанных в журнале Rolling Stone, позволяет сделать вывод о

том, что явление прецедентности широко используется в современном медийном дискурсе. Подавляющее большинство заголовков представляют собой трансформированный по различным моделям прецедентный текст. Большая часть прецедентных текстов, лежащих в основе журнальных заголовков, относится к сфере бытовой, повседневной культуры. Другими источниками прецедентных заголовков являются: кино и телевидение; политика; литература; медицина и биология; религия; география; экономика; спорт; армия. Ряд заголовков журнальных материалов построен на основе русских пословиц и поговорок.

Феномен прецедентности получил большое распространение в языке заголовков журнальных статей, в том числе и публикациях русской версии журнала «Rolling Stone», поскольку характеристики заголовков статей, основанных на прецедентных текстах (их эмоциональность, образность, оценочность), помогают авторам привлечь внимание читателей, заинтересовать их своими публикациями и таким образом усилить эффективность их журналистской деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гудков, Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д.Б. Гудков. – М. : Гнозис, 2003. – 288 с.
2. Дюжева, М.Б. Англоязычные названия музыкальных групп (лингвокультурологические аспекты) / М.Б. Дюжева. – LAP Lambert Academic publishing, 2011. – 212 с.
3. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 264 с.
4. Красных, В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : курс лекций / В.В. Красных. – М. : Гнозис, 2002. – 284 с.
5. Отин, Е.С. Коннотативные онимы и их производные в историко-этимологическом словаре русского языка / Е.С. Отин // Вопросы языкознания. – 2003. – № 2. – С. 55–72.
6. Пак, С.М. Имя собственное: функционально-прагматический аспект (на материале американского дискурса XIX–XX вв.) / С.М. Пак. – М. : МАКС Пресс, 2003. – 180 с.
7. Толстой, Н.И. Имя в контексте народной культуры / Н.И. Толстой, С.М. Толстая // Язык о языке. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 597–624.
8. «Rolling Stone» (русская версия). 2000–2010 гг.

СПЕЦИФИКА РЕЧЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА ЯЗЫКЕ-ПОСРЕДНИКЕ В АТР: ПРОБЛЕМЫ ВОСПРИЯТИЯ ВОСТОЧНО-АЗИАТСКОГО АКЦЕНТА*

В.Л. Завьялова

Завьялова Виктория Львовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).

Контактный адрес: zavyalova.vl@dvfu.ru

В статье приводятся результаты исследования специфики речевой коммуникации на английском языке в АТР. В фокусе внимания находится звуковой строй разновидностей английского языка Восточной Азии и проблемы его восприятия носителями английского языка. Описывается методика выявления проблемных зон при восприятии акцентной речи носителями языка, приводится анализ полученных данных. Делается вывод о возможности описания типологии акцента в английской речи носителей китайского, корейского и японского языков, а также выработки стратегий восприятия акцентной речи.

Ключевые слова: английский язык в странах в АТР, фонетическая вариативность при билингвизме, типология акцента в речи неносителей, восприятие акцентной речи носителями английского языка.

В условиях постоянно растущих международных связей английский язык прочно утвердился в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, завоевав позиции языка-посредника во всех сферах деятельности. Сегодня это мощный коммуникативный инструмент Китая, Японии, Кореи, Вьетнама, Таиланда и других стран региона. В задачи настоящего исследования входило установление особенностей речевого взаимодействия на лингва франка в АТР, и, в частности, выявление типологических признаков звукового строя восточно-азиатских разновидностей английского языка через определение проблемных зон при восприятии акцентной речи исконными носителями английского языка.

Разновидности английского языка, функционирующие на территории Восточной и Юго-Восточной Азии и находящиеся на той или иной стадии формирования, характеризуются своеобразием на всех речезыковых уровнях в силу генетической и типологической дистантности языков и картин мира, контактирующих в сознании и речи азиатов-билингвов. Поэтому интерес лингвистов к когнитивным процессам, связанным с синергетическим взаимодействием лингвокультурных систем в мозгу билингвов, к изменениям, происходящим в каждом из вступающих в контакт концептуальных миров и языков, к механизмам интерференции, к акцентным явлениям в английской речи азиатов является закономерным [11; 17].

Настоящее исследование лежит в русле работ, посвященных изучению языковой вариативности при билингвизме. Как отмечает Г.М. Вишневская, «языковая вариативность, вызванная контактом английского языка со множеством языков мира, заслуживает пристального внимания ученых...» [2: с. 1].

Это объясняется целым рядом факторов, включающих социальные, коммуникативные, психологические, лингвистические и другие аспекты данного явления. В рамках данной статьи рассматривается главным образом феномен фонетической вариативности в сравнительно-типологическом и перцептивно-фонетическом ключе. Заметим, что проблема фонетической вариативности в английской речи носителей языков Восточной Азии является предметом изучения фонетистов Дальневосточного федерального университета более пятнадцати лет. Исходным при изучении признаков фонетической вариативности, типичных для организации английской речи носителями восточных языков, послужило классическое положение о том, что устойчивые навыки восприятия и воспроизведения звуков первичного языка выступают в качестве эталонных моделей, проецируемых на слуховые и артикуляторные особенности организации звуковой последовательности на неродном языке, а следовательно, лежат в основе фонетической интерференции [9; 15].

Для описания фонетических особенностей английской речи жителей Восточной Азии нами предварительно был проведен сопоставительный анализ базовых звуковых эталонов и правил их организации в исследуемых языках, который позволил определить проблемные для азиатов зоны при освоении ими артикуляторных, акустических, перцептивных и функциональных признаков фонетического строя английского языка [3]. Сравнительно-сопоставительный метод анализа фонетического строя контактирующих языков подкреплялся методикой проекции особенностей фонетической адаптации англоязычных заимствований в восточных языках на специфику производства и восприятия английской речи носителями восточноазиатских языков [4]. Результаты были подтверждены в ходе сравнительного слухового и акустического видов

* Работа выполнена при поддержке «Научного фонда ДВФУ».

анализа звуковых образцов эталонной английской речи и английской речи в реализации носителей исследуемой группы восточных языков корпуса RACE¹. Задачи получения более полной и объективной типологической картины восточно-азиатского акцента в мировом языке-посреднике и описания специфики его восприятия в межкультурной коммуникации потребовали обращения к дополнительным методам исследования.

Несмотря на то, что межкультурное взаимодействие на английском языке-посреднике в современном мире преимущественно (около 80 % случаев) происходит между неносителями по схеме *неноситель + носитель*, коммуникация по схеме *неноситель + носитель* сохраняет свою актуальность². В связи с этим на этапе выявления типологических признаков звукового строя восточно-азиатских разновидностей английского языка был использован аудиторский анализ – метод перцептивной фонетики, при котором к анализу восприятия речевого материала привлекаются носители языка. В качестве аудиторов выступили 18 носителей языка, из них 14 американцев, 2 британца и 2 австралийца. Следует отметить, что в силу геополитических особенностей региона количество контактов с гражданами США в АТР значительно превышает число контактов с представителями других англофонных культур. Материалом послужили англоязычные устные тексты в реализации дикторов-носителей китайского, корейского и японского языков, отобранные из корпуса RACE, а также аудиоматериалы из сети Интернет. Общая продолжительность звучания составила ~ 30 минут. По лектальному уровню все тексты варьируют в пределах мезолекта.

Эксперимент проводился в специально оборудованной речевой кабине. До прослушивания аудиторам давались краткое описание типа текста (монолог/диалог) и общая формулировка тематики. Аудиторам предлагалось воспроизвести в микрофон услышанный через наушники речевой фрагмент – синтагму или несколько синтагм в зависимости от протяженности – в специально отведенной паузе после его проигрывания. Дополнительные инструкции включали задачу точного («слово в слово») воспроизведения услышанного. Речь аудиторов записывалась в программе *Adobe Audition 3.0*. Экспериментальная методика включала также метод анкетирования: после работы с каждым текстом участникам эксперимента предлагалось заполнить анкету, вопросы которой касались степени сложности восприятия и конкретизации наиболее

проблемных акцентных явлений; информантам предлагалось также определить, по возможности, национальную принадлежность говорящего и описать стратегии восприятия акцентной речи.

Ниже представлена предлагаемая аудиторам форма анкеты:

QUESTIONNAIRE
(**Speaker-Listener Interaction Mode: OC-IC**)
Please specify your native language

Please specify other languages you have command of

1. How would you rate this accent on these scales?

Heavy	Mild	Not accented	Other impression
1-3	4-6	7	

2. How would you describe this accent based on the recording you have just heard?

3. Can you identify the speaker's country of origin?

4. How would you rate the intelligibility of this accent?

Unintelligible Intelligible
1 2 3 4 5 6 7
Least _____ → Most _____

4. If you had difficulties with perceiving this accent, please indicate which of the following factors affected your comprehension:

• *Pronunciation of particular sounds*

1 2 3 4 5 6 7
Least _____ → Most _____

• *Restructuring of syllables*

1 2 3 4 5 6 7
Least _____ → Most _____

• *Shifting word stress*

1 2 3 4 5 6 7
Least _____ → Most _____

• *Modification of rhythm in the whole phrase*

1 2 3 4 5 6 7
Least _____ → Most _____

• *Modification of melodic contours*

1 2 3 4 5 6 7
Least _____ → Most _____

• *Modification of tempo*

1 2 3 4 5 6 7
Least _____ → Most _____

• *Inadequate placement of pauses*

1 2 3 4 5 6 7
Least _____ → Most _____

• *Other factors (please, specify)*

1 2 3 4 5 6 7
Least _____ → Most _____

Additional questions

1. Can you distinguish between European and Asian accents?

2. If so, which are more comprehensible: European or Asian accents?

3. Can you describe the most salient features of an Asian accent?

4. What are your perception strategies when listening to heavily accented speech?

¹ RACE – Корпус образцов английской речи ДВ России и стран АТР: Russian-Asian Corpus of English [8].

² Соотношение числа неносителей к числу носителей английского языка в работах разных авторов приводится по-разному: либо 2/1, либо 4/1 [18: с. 7].

Количественная обработка данных анкетирования позволила определить фонетические факторы, которые, по мнению аудиторов-носителей английского языка, препятствовали скорости, точности и правильности восприятия акцентной восточно-азиатской английской речи.

Согласно субъективной оценке аудиторов-участников перцептивного эксперимента наибольшую сложность при восприятии представляют искажения в английской речи носителей на уровне отдельных звуков речи (20 %), слоговой структуры (15 %), в акцентно-ритмическом рисунке (15 % и 20 % соответственно), а также в мелодическом контуре фразы (15 %). Перцептивные сбои вследствие неверной локализации и избыточности внутри- и межсинтагменных пауз оцениваются на уровне 10 %. Замедление темпа речи не играет значительной роли при восприятии (2 %). В качестве дополнительных факторов (3 %) указываются следующие: случаи употребления личных имён, ограниченность контекста, отсутствие визуальных подсказок, при этом подчёркивается повышение лёгкости восприятия при наличии зрительного контакта с говорящим. Не все информанты точно определили национальную принадлежность каждого диктора, в то же время акцент во всех стимулах – предлагаемых к прослушиванию фрагментах речи – был установлен как азиатский практически безошибочно (90 %). В ответах на дополнительные вопросы анкеты все аудиторы (100 %) отмечают возможность перцептивного различения европейского и азиатского типов акцента³ и признают принципиально более понятным европейский тип акцента (90 %), 10 % информантов при этом подчеркивают необходимость учитывать фактор индивидуальных особенностей говорящего, вариативности внутри двух акцентных типов и прецедентного перцептивного опыта восприятия акцентной речи⁴. В качестве наиболее характерных черт азиатского типа акцента в английской речи упоминаются отсутствие/недодифференциация сегментных фонологических контрастов между звуками /r/-/l/ и /æ/-/e/, подмена некоторых звуков («*some specific sounds are substituted*»), редукция или искажение конечных звуков или целых слогов в словах («*cutting off the ends of words*»; «*ending syllables missing or misspronounced*»), чрезмерная длительность и назальность гласных, отсутствие словесного и фразового

ударения и, наоборот, избыточная акцентуация, искажения интонационного контура, отсутствие фонетической связности («*lack of linking*»), акустическая «слабость», т.е. отсутствие акустических контрастов в речи («*weak sound*»). Отвечая на последний вопрос анкеты, касающийся индивидуальных стратегий восприятия акцентной речи, информанты отмечают следующее: полезно признавать и быть осведомлённым относительно общих акцентных черт в речи носителей; по возможности, прибегать к стратегии повтора (просить собеседника повторить непонятый фрагмент); к стратегии прогнозирования (достраивания содержания из контекста); фокусироваться на контексте; вслушиваться в опорные сегменты (узнаваемые слоги); догадываться о значении некоторых слов; переформулировать услышанное с целью проверки правильности понимания сообщения; сравнивать/контрастировать речь говорящего с речью знакомых носителей того же языка и т.д.

Данные анкетирования в целом подтвердились в ходе дальнейшего слухового и электроакустического видов анализа исследуемого аудиоматериала, которые проводились в описываемой ниже последовательности. Первичная обработка полученного аудиоматериала заключалась в прослушивании, транскрипционной и орфографической записи. Оба варианта – оригинал (акцентная речь в транскрипции) и результат восприятия носителем, а также письменный текст оригинала записывались в таблицу в виде параллельных текстов. На основании сравнительного анализа выявлялись и отмечались графически случаи расхождения (или отсутствия текста при полном непонимании в речи носителей). Наиболее значительные перцептивные сбои вновь идентифицировались в аудиозаписях и подвергались электроакустическому анализу, выполняемому в компьютерной программе Praat (<http://www.praat.org>), позволяющей проводить многоуровневую сегментацию и разметку визуализированного речевого сигнала. Ниже представлен образец табличной репрезентации полученного материала.

Ниже представлены примеры электроакустического анализа интерферентного варианта произнесения английских слов и результата их восприятия в реализации исконных носителей английского языка.

Пример 1. Слово *beautiful* в реализации корейского диктора, воспринятое и реализованное как *built for* носителем австралийского варианта английского языка (рис. 1, 2).

Пример 2. Слово *parties* в реализации китайского диктора, воспринятое и реализованное как *practice* носителем американского варианта английского языка (рис. 3, 4).

³ Варианты ответов: «*Yes, I think so*»; «*It is very easy to distinguish between the two*», etc.

⁴ Варианты ответов: «*European (is easier to comprehend – 3B/I) since the pronunciation of English words seems closer to my native language (English)*»; «*Depends on individual speaker, which European/Asian accent & familiarity of that accent with the speaker*», etc.

Фрагмент табличной репрезентации исследуемого материала

Фрагмент письменного текста оригинала	Фрагмент транскрипционной записи текста оригинала, начитанного носителем	Фрагмент орфографической записи текста, начитанного носителем в результате восприятия речи носителя
1. <i>You couldn't have called her beautiful</i>	1. /ju: (pause) kɑ: hæ: 'bjʊt'fɔ:/ (NNS ⁵ – Korean)	1. <i>You can't have built for.</i> (NS ⁶ – Australian)
2. <i>If you took her to pieces...</i>	2. /ɪf ju: tɔ:k hæ: tɔ: pæ: sɪs/ (NNS – Japanese)	2. <i>Something about taking her places...</i> (NS-American)
3. <i>She was ... amazingly well-read</i>	3. /ʃi: wɑ:(s) æ:nɪmɪzɪli wedrə/ (NNS-Chinese)	3. <i>Something about animals...</i> (NS-American)
4. <i>Her parties were a mixture of ...</i>	4. /hɜ: pɑ:ti:s wɑ: ə mɪkəsətʃərə/ (NNS-Chinese)	4. <i>Her practice was a mixture of...</i> (NS-American)

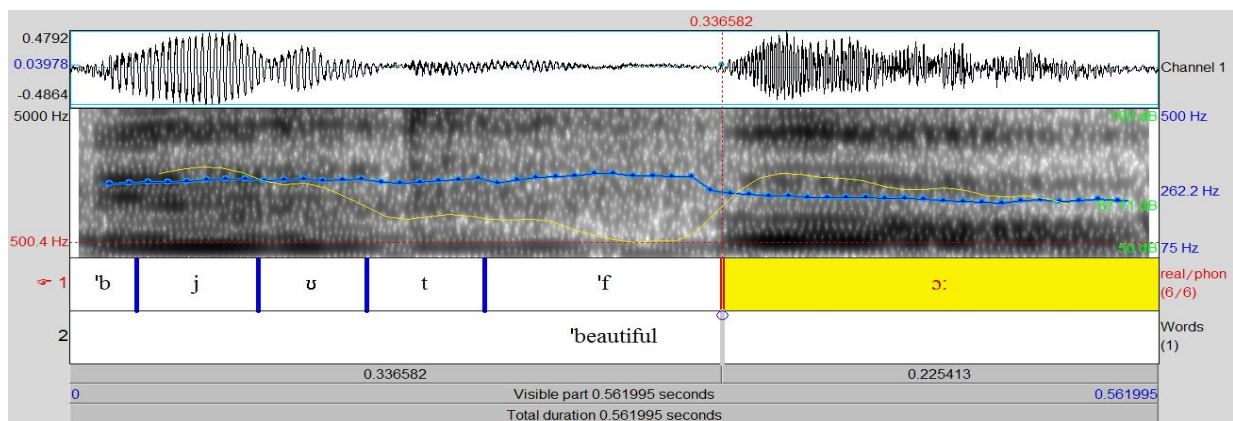

Рис. 1. Осциллограмма, график ЧОТ, спектрограмма, фонетическая сегментация и транскрипция английского слова *beautiful* ['bju:tfʊl] в реализации корейского диктора (ж)

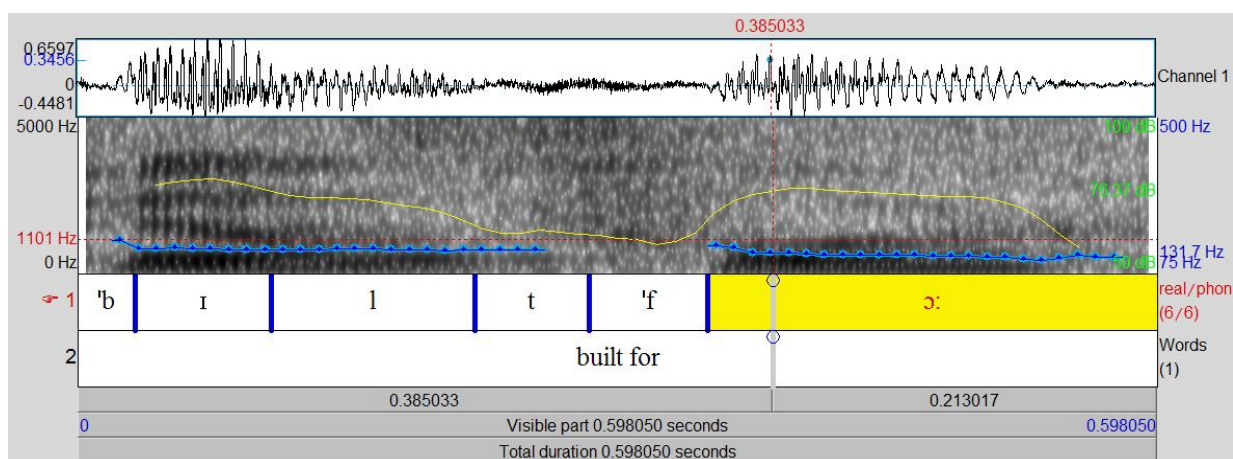

Рис. 2. Осциллограмма, графики ЧОТ и интенсивности, спектрограмма, фонетическая сегментация и транскрипция слов *built for* ['bɪlt 'fɔ:] – озвученного австралийским информантом результата восприятия интерферентного варианта слова *beautiful* /'bjʊt'fɔ:/

⁵ NNS – носитель.

⁶ NS – носитель.

⁷ В случае непонимания услышанного информанты проговаривали фразы типа: *I don't understand/Nothing / Something about...*

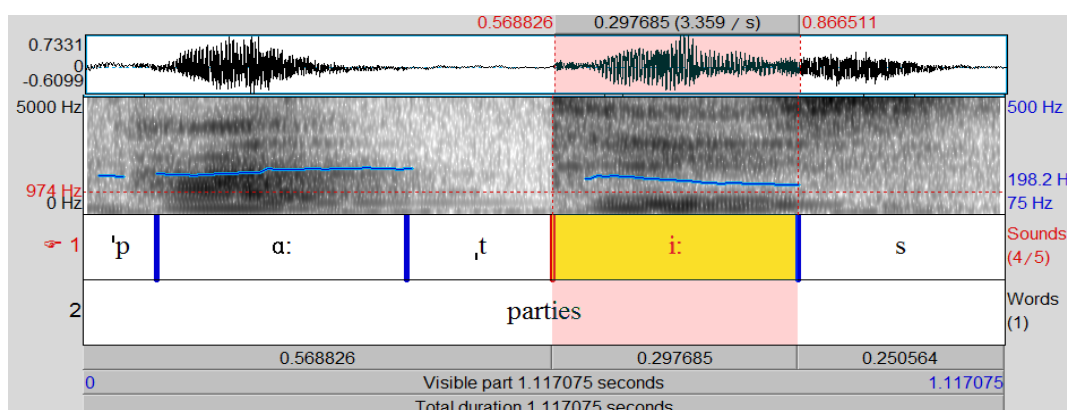

Рис. 3. Осциллограмма, график ЧОТ, спектрограмма, фонетическая сегментация и транскрипция английского слова *parties* [ˈpaːtɪz] в реализации китайского диктора (ж)

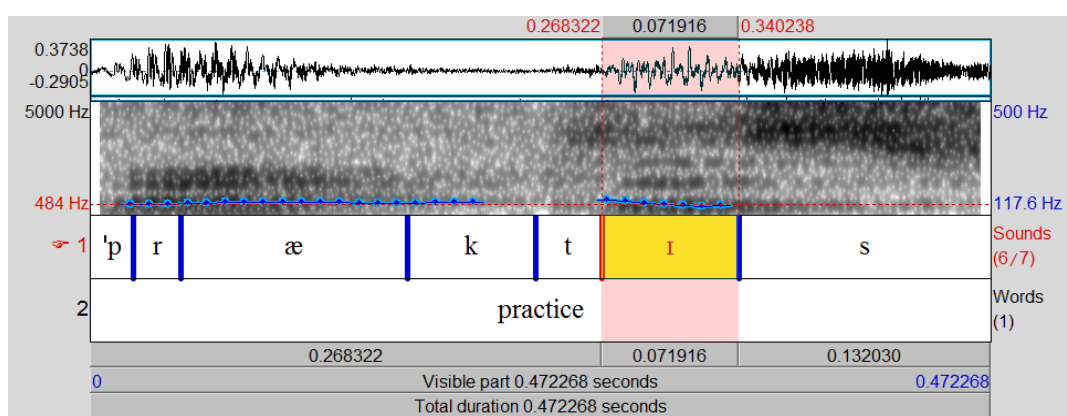

Рис. 4. Осциллограмма, график ЧОТ, спектрограмма, фонетическая сегментация и транскрипция слова *practice* [ˈpræktɪs] – озвученного американским информантом результата восприятия интерферентного варианта слова *parties* /ˈpaːˈtiːs/

Визуализация вышеприведённых акустических последовательностей позволяет провести их сравнительный анализ на базе предварительной фонетической сегментации и определить звуки (звукокомплексы) и просодические трансформации, оказавшиеся сложными для декодирования носителями. Проведенный анализ свидетельствует о том, что на сегментном уровне наиболее часто звуковой образ слова (или последовательности слов) изменяет недодифференциация носителями языков Восточной Азии следующих фонематических контрастов:

- 1) по звонкости/ глухости в парах согласных, например: *p/b, k/g, t/d, s/z, f/v, etc.*;
- 2) по краткости/длительности в парах гласных, например: *ʌ/aː, i/iː, ʊ/uː, etc.*;
- 3) по характеру гласного звука – монофтонги/дифтонги, например: *ʌ-aː/ʌʊ, v-ɔː/ɔɪ, v-ɔː/əʊ, iː/iə, e-æ/eə, ʊ-uː/ʊə, etc.*

Причиной подобной недодифференциации или подмены звука является отсутствие соответствующей оппозиции в китайском, корейском и японском языках, являющихся родными для исследуемой группы информантов-билингвов. В ходе исследо-

вания было рассмотрено в общей сложности 40 фонем корейского языка, 21 фонема японского языка и 59 фонем китайского языка⁸ в сравнении с фонетическим составом английского языка, включающим 44 фонемы. Сопоставление фонетических систем четырёх языков было выполнено с привлечением метода матричного анализа⁹.

Проведенный матричный анализ подтвердил наличие значительных фонетических несоответ-

⁸ Хотя базовой фонетической единицей китайского языка традиционно считается слог (силлабофонема), в целях типологического анализа исследуемых фонетических систем возможно обращение к более мелким предельным составляющим элементам китайского слога, выделяемым в результате линейного членения речи, – фонемам. Следует отметить, что несмотря на влияние тенденций романизации китайского языка и законодательное утверждение в 1958 г., в КНР, наряду с иероглифическим письмом звукобуквенного алфавита, для описания китайской фонетической системы «классическое понятие фонемы оказывается неадекватным» [5: с. 182].

⁹ Метод матричного анализа служит для систематизации выявленных сходств и различий и их графической фиксации в форме таблиц.

вий исследуемых языков, вызванных их типологическими различиями. В то же время выявлены некоторые общие черты в звуковых системах восточных языков, отличающие их от английского, например, отсутствие в инвентаре межзубных согласных звуков, ряда дифтонгов (или полная лакуарность), а также отсутствие в фонетических системах оппозиции согласных по звонкости и глухости, а гласных по длительности/краткости (за исключением японского). В группе восточных языков можно отметить некоторую близость отличительных признаков фонетического инвентаря корейского и японского языков, в то время как китайский язык характеризуется большей обособленностью.

Несмотря на то, что в исследуемом материале, полученном в результате аудиторского анализа, отмечаются многочисленные случаи коммуникативных сбоев по причине изменения сегментно-фонетического состава слова, значительную сложность при восприятии акцентной английской речи носителями представляют сопутствующие просодические девиации, реализуемые на более крупных речевых единицах (словах, фонетических словах, синтагмах и фразах).

Например, отмечаются случаи неверной интерпретации слов (целых фраз) вследствие наличия в перцептивных стимулах искажений акцентно-ритмических схем (АРС¹⁰) английского слова, которые сводятся к следующим базовым типам: (1) смещение локализации ударения на нормативно неударный слог; (2) появление дополнительного ударения; (3) кардинальное структурное изменение – плюс–сегментация (появление дополнительного слога); (4) кардинальное структурное изменение – минус–сегментация (редукция слога); (5) смешанный тип (любая комбинация типов 1–4). Например:

Слово	Нормативная речь	Акцентная речь
<i>agent</i>	2/1	2/2 (2-й тип)
<i>choice</i>	1/1	2/1 (3-й тип)
<i>enough</i>	2/2	1/1,1/1 (2-й тип)
<i>land</i>	1/1	2/1 (3-й тип)
<i>ideal</i>	2/2	2/1 (1-й тип)
<i>level</i>	2/1	1/1 (4 тип)
<i>mistakes</i>	2/2	2/1(1-й тип) или 1/1,1/1 (2-й тип)
<i>perfectly</i>	3/1	1/1,2/1 (5-й тип)
<i>recognize</i>	3/1	3/1, 1/1 (5-й тип)
<i>variety</i>	3/2	4/1 (5-й тип)

¹⁰ Акцентно-ритмическая схема слова (АРС) записывается в виде дроби, числитель которой соответствует общему количеству слогов, а знаменатель – порядковому номеру ударного слога.

Так, фраза *We've signed up a few agents recently* в реализации диктора-китайца звучит как /'wivə 'sinəd 'l(p) ə 'fju: 'l'g/ken(t)s 'ri:'sɪn'teli/ и интерпретируется аудитором-американцем как *We've seen a few accounts recently*. Перенос ударения на второй слог в слове *agents* ['eidzənts] > /'l'g/ken(t)s/ в речи носителя приводит к изменению АРС: 2/1 > 2/2, что в условиях модифицированного сегментного контекста – отсутствие четкой дифференциации по признаку звонкости/глухости *g/k* – вызывает перцептивный сбой. Приведенный пример подтверждает положение о значимости четкой фонетической реализации начала (слова) фразы, в значительной степени определяющей успешность последующего перцептивного декодирования речевого высказывания в целом (о перцептивной значимости начала слова см. [6]). Это касается не только сегментной, но и просодической структуры слова. Следовательно, можно заключить, что смещение локализации ударения на нормативно неударный слог по схеме 2/1 > 2/2 более проблематично для восприятия, чем по обратной схеме 2/2 > 2/1.

Анализ многочисленных супrasegmentных нарушений в перцептивных стимулах свидетельствует о том, что в большинстве случаев они вызываются модификациями, происходящими на уровне слога и слоговой последовательности, которые, в свою очередь, влекут за собой изменения акцентно-ритмического и мелодического рисунков фразы. Учитывая иерархичность фонетической системы языка и признавая, что «планом выражения каждого более высокого ... уровня выступает его структура в терминах единиц нижележащих уровней» [5: с. 453], можно считать закономерной структурно-функциональную детерминированность нарушений комплекса просодических единиц слоговой спецификой родного языка билингва.

Слоговой код подгруппы азиатских языков ограничивает количественный состав фонем в пределах не более четырех звуков, не допускает стечения согласных в пределах слога, характеризуется отсутствием слогаобразующих сонантов, предписывает открытый тип слога (структура СГ) в качестве доминантного, ограничивает качественную и количественную редукцию слогаобразующего гласного [10; 12; 13], в то время как в английском языке бифонемные и многофонемные консонансы в составе слога и слоговой цепочки являются нормативными, доминантным типом слога, определяются структуры СГС и СГ, сонорные согласные могут формировать ядро отдельного слога, гласные (и некоторые согласные) подвергаются значительной редукции вплоть до полного выпадения в безударном слоге [14].

Таким образом, использованный в работе метод выявления типологических характеристик восточ-

но-азиатского акцента через определение проблемных зон при восприятии английской акцентной речи исконными носителями английского языка, является продуктивным для системного описания звукового строя разновидностей английского языка Восточной Азии и специфики речевой коммуникации на английском языке в АТР. По результатам исследования можно говорить о возможности описания типологии акцента в английской речи носителей китайского, корейского и японского языков, универсальными чертами которого можно считать: (1) недодифференциацию консонантных контрастов по звонкости/глухости; (2) отсутствие четкой оппозиции долгих и кратких гласных, а также дифтонгов и монофтонгов; (3) подмену английских звуков близкими по звучанию звуками родного языка; (4) явления плюс- или минус-сегментации в случае многокомпонентных консонантных кластеров в инициальной и чаще финальной слоговой позиции; (5) нарушения акцентно-ритмической структуры английского слова и синтагмы (фразы), проявляющиеся, с одной стороны, в изменении типа структуры и размытости её границ, с другой; (6) избыточную фразовую акцентуацию и, как следствие, отсутствие редукции (сегментной и просодической¹¹), свойственной английскому языку как акцентному; (7) избыточную макросегментацию, реализуемую посредством паузации; (8) отсутствие четкой корреляции фонетических и синтактико-семантических маркеров в пределах фразы; (9) нечеткость пограничных сигналов (просодических коррелятов синтагмораздела) и акцентуации как ключевых средств логико-смыслового структурирования высказывания; (10) сужение общего высотного диапазона и сглаженность интонационного контура в синтагме (фразе).

Совокупность вышеуказанных черт зачастую разрушает акустико-фонетическую опору успешного кодирования азиатами и декодирования носителями английского языка передаваемого речевого сообщения. Следует отметить, что в основе типологического сходства акцента в английской речи китайцев, корейцев и японцев лежат базовые различия слогового кода английского и соответствующих восточноазиатских языков, которые естественным образом детерминируют закономерности структурно-функциональных изменений комплекса супrasegmentных просодических средств. Своеобразие организации английской речи носителями восточных языков определяется также другими типологическими особенностями фонетических систем их родных языков, а именно:

- различиями в инвентарных и системных свойствах сегментно-фонетического уровня языков;
- закрепленностью определенных звуков за определенными позициями в рамках восточного слога и жестко регламентированной дистрибуцией звуков;
- недопустимостью стечения согласных в пределах одного слога;
- отсутствием слогаобразующих сонантов;
- преобладанием открытого типа слога;
- слоговым характером ритма восточных языков (китайский и корейский языки являются языками слогоритмического типа, японский – моросчитающего типа);
- несоответствием акцентно-тональных черт исследуемых языков (китайский язык является тональным, японский характеризуется мелодическим типом ударения, природа корейской просодии не определена).

Вышеуказанные отличия, выступающие в качестве эталонных моделей, проецируемых на артикуляторные (и слуховые) особенности организации звуковой последовательности на неродном языке, позволяют объединить интерференционные явления в английской речи носителей китайского, корейского и японского языков термином *восточно-азиатский акцент*. Следует отметить гетерогенную природу восточно-азиатского акцента: английская речь корейцев и японцев имеет больше внутренних сходств, в то время как китайский английский несколько обособлен, что объясняется типологическими отличиями исследуемых языков Восточной Азии. Описание характерологических особенностей восточно-азиатского акцента в английской речи позволяет прогнозировать трудности, которые могут возникнуть в условиях устной речевой коммуникации на языке-посреднике в АТР. Полученный в ходе описания языковой материал может быть использован для выработки и систематизации коммуникативных, в частности перцептивных стратегий необходимых для успешного ведения политического, экономического, образовательного и культурного диалога российских граждан с жителями Восточной Азии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Верещагин, Е.М.* Понятие «интерференции» в лингвистической и психологической литературе / Е.М. Верещагин // Иностранные языки в высшей школе. – 1968. – № 6. – С. 103–110.
2. *Вишневская, Г.М.* Межкультурная коммуникация, языковая вариативность и современный билингвизм [Электронный режим] / Г.М. Вишневская // Педагогический вестник. Ярославский государственный педагогический университет. – 2002. – № 1. – Режим доступа: <http://www.yspu.yar.ru/vestnik/number/3/>

¹¹ Следует выделять в реальной речи не только явления сегментной редукции, но просодической (в частности, акцентной) редукции [7; 16].

3. Завьялова, В.Л. Интерференция звуковых систем английского и восточных языков / В.Л. Завьялова // Вестник № 2 Российского университета дружбы народов. – М., 2012. – С. 94–101. – (Серия «Лингвистика»).
4. Завьялова, В.Л. Фонетическая адаптация англоязычных заимствований в тибетском и японском языках / В.Л. Завьялова // Вестник ПГЛУ, № 1. – Изд-во Пятигорского гос. лингвистического университета, 2010. – С. 174–177
5. Касевич, В.Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания / В.Б. Касевич. – М.: Наука, 1983. – 295 с.
6. Касевич, В.Б. Еще к вопросу о перцептивной значимости начала слова / В.Б. Касевич, Е.В. Ягунова // Лингвистическая полифония: сб. в честь юбилея проф. Р.К. Потаповой; отв. ред. В.А. Виноградов. – М.: Языки славянских культур, 2007. – С. 363–375.
7. Касевич, В.Б. Ударение и фонетическое слово в русском языке / В.Б. Касевич, Е.В. Ягунова // Проблемы социо- и психолингвистики. – Пермь, 2003. – Вып. 3. – С. 19–25.
8. Корпус образцов английской речи ДВ России и стран АТР: Russian-Asian Corpus of English (RACE): база данных / составители: В.Л. Завьялова, С.А. Горбенко, Л.П. Бондаренко, М.А. Полянская, Н.Л. Ищенко / Рег. номер 2011620408. Регистрационный номер объекта учета в ЕР РНТД 13240.2536014538.11.1.007/001 от 26.10.2011 // Официальный бюллетень Федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам «Программы для ЭВМ, базы данных, топологии интегральных микросхем» RU ОБПТ № 3(76), 2011 (20.09.2011). – М.: ФГУ ФИПС, 2011. – С. 630.
9. Любимова, Н.А. Фонетическая интерференция / Н.А. Любимова. – Л.: ЛГУ, 1985. – 55 с.
10. Мазур, Ю.Н. Корейский язык / Ю.Н. Мазур // Языки мира. – М.: Индрик, 1997. – С. 361–398.
11. Прошина, З.Г. Лингвоконтактология: статус, проблемы, перспективы / З.Г. Прошина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – Хабаровск, 2005. – № 1 (5). – С. 124–128.
12. Румянцев, М.К. Фонетика и фонология современного китайского языка / М.К. Румянцев. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 302 с.
13. Рыбин, В.В. Звуковой строй японского языка: сегментная и супraseгментная фонетика: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / В.В. Рыбин. – СПб, 2011. – 56 с.
14. Торсуев, Г.П. Строение слога и аллофоны в английском языке / Г.П. Торсуев. – М.: Наука, 1975. – 240 с.
15. Трубецкой, Н.С. Основы фонологии / Н.С. Трубецкой. – М.: Высш. шк., 1960. – 372 с.
16. Ягунова, Е.В. Вариативность стратегий восприятия звучащего текста (экспериментальное исследование на материале русскоязычных текстов разных функциональных стилей): монография / Е.В. Ягунова. – Пермь, 2008. – 395 с.
17. Pickering, L. Current research on intelligibility in English as a lingua franca / L. Pickering // Annual Review of Applied Linguistics, 26, 2006. – P. 219–233.
18. Seidlhofer, B. A Concept of International English and Related Issues: From 'Real English' to 'Realistic English'? / B. Seidlhofer. – Strasbourg: Council of Europe. – Режим доступа: www.coe.int/t/DG4/linguistic/Source/SeidlhoferEN.pdf.

К ВОПРОСУ О ГЛОБАЛИЗАЦИИ ФОЛЬКЛОРА (НА ПРИМЕРЕ ЭТИОЛОГИЧЕСКИХ ЛЕГЕНД О КОФЕ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСАХ)

Т.В. Краюшкина

Краюшкина Татьяна Владимировна – доктор филологических наук, заведующая центром истории культуры и межкультурных коммуникаций, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока (г. Владивосток).

Контактный адрес: kvtbp@yandex.ru.

В данной статье рассматривается проблема глобализации фольклора. В качестве материала для анализа выбраны этиологические легенды о кофе (пастух Калди, шейх Омар, Магомет, обжарка кофейных плодов и пр.) в русскоязычных Интернет-ресурсах. Делаются выводы о новых функциях фольклорных жанров, о трансформации характеристик устного народного творчества, о влиянии на тексты этиологических легенд таких явлений, как узкий кругозор и недостаточная грамотность авторов Интернет-ресурсов.

Ключевые слова: глобализация, фольклор, этиологические легенды, Интернет-ресурсы, кофе, русский язык.

Интернет по праву считается одним из популярных источников информации. Устное народное творчество – важная составляющая культуры, с той или иной степенью активности используется в разнообразных Интернет-ресурсах, предназначенных для детской или взрослой аудитории, что способствует популяризации устного творчества своего народа или знакомству с фольклором других этносов. В этом ключе интересно использование прозаических жанров фольклора, в частности легенд [33: с. 150–158]. В данной статье речь пойдет о глобализации фольклора. В качестве материала исследования были выбраны этиологические легенды о кофе с 72-го Интернет-ресурса.

Как правило, эти источники информируют об одном из самых популярных в мире напитков – кофе, но встречаются и сайты, где речь идет о кофе и чае; кофе, чай и шоколаде или же о трех обозначенных напитках и так называемых «вкусняшках» (слово заимствовано с Интернет-ресурса). Преимущественно это информационные ресурсы, посвященные кофе (некоторые из них содержат ссылки на рекламу товаров, связанных с обозначенным напитком), весьма многочисленны Интернет-магазины, торгующие кофе, кофемашинами и сопутствующими товарами, встречаются веб-сайты реально существующих заведений (кафе, кофейня, пizzeria). В других Интернет-ресурсах информация о кофе представлена в чередке прочих. Это сайт туристической компании, рекламирующей отдых в Турции, кулинарные сайты, женский журнал, сайт для всей семьи, сайты о психологии сексуальности, здоровом питании, народной медицине, на них представлены выставленные в свободном доступе рефераты, а также сайт о растениях и разнообра-

зные блоги. Перечисленные Интернет-ресурсы предназначены для взрослой целевой аудитории. Лишь один из сайтов, содержащих легенды о кофе, создан для школьников, увлекающихся биологией. Сайты преимущественно русскоязычные. Лишь несколько из них имеют иноязычные версии (перевод на английский язык; на украинский; на английский и литовский; перевод на восемь европейских и восточных языков; детский сайт автоматически переводится на 81 язык).

Содержание Интернет-ресурсов зависит от его функций. Интернет-магазины, в которых продается кофе, информируют о происхождении кофе, рецептах, историях и легендах, связанных с кофе. Изредка встречаются страницы юмора о кофе, о кофейных гаданиях, советах или фактах, связанных с популярным напитком. Подход у продавцов кофемашин отличается некоторой претензией на глобальность: они на своих сайтах, кроме рецептов и информации о сортах, повествуют о географии и культуре, странах-производителях и кофейнях, церемониях и фарфоре, дают советы, что подарить кофеману или с чем следует пить кофе. На туристическом сайте легенды о кофе представлены среди разнообразных этнографических материалов и информации об археологических раскопках. В этом случае использование произведений фольклорного жанра служит для повышения интереса к рекламируемой стране у потенциального клиента. На женских или семейных сайтах встречаются сообщения на тему «Кофе и здоровье», «Кофе и давление», «Кофе и красота», «Кофе и беременность» или же статьи о пользе и целебных свойствах кофе. На детском сайте легенды о кофе находятся в окружении информации о поделках, раздела для умников

и умниц, горячих новостей, стихотворений, материалов к урокам, интересного видео.

Некоторые Интернет-ресурсы уделяют внимание этимологии слова *кофе*. Как правило, дублируется (иногда откорректированный вид) следующая часть текста: «*О происхождении слова "кофе" нет единого мнения. Некоторые считают, что оно образовалось от арабского слова «кауэ» – «сила, энергия». Другие связывают его с названием южно-эфиопской провинции – Каффа, что более вероятно. В этой провинции до сих пор сохранились дикие лесные заросли аравийского кофе»* [56]. Нам встретились две ссылки на авторитетные для авторов текстов Интернет-ресурсов источники, к которым относятся лингвисты («*Лингвисты не пришли к определенному мнению относительно происхождения слова "кофе"*» [15]) и специалисты («*До сих пор специалисты не пришли к единому мнению о происхождении этого слова»* [68]). Кроме того, перевод слова *кофе*, по утверждению некоторых авторов текстов, размещенных на Интернет-ресурсах, означает «возбуждающий». Встречается еще одно объяснение термина. Согласно ему, этимология слова *кофе* связана с мифическим царем древнего Ирана – Кавусом Каем, в честь этого персонажа напитков называли «кава». Далее следует объяснение, которое, несомненно, можно отнести к разряду народной этимологии: «*...Возможно, что это как-то связано с последующим названием какао»* [70]. Объяснение этимологии кофе может предварять легенду, легенда может начинаться с него или завершаться ею.

Напиток, согласно текстам легенд, существует от шестисот до тысячи лет; он был открыт в V в н.э. или даже ранее. Значимым оказывается документальное подтверждение возникновения напитка. В этом случае используются ссылки на Авиценну и Абу Бакр Мухаммеда Ибн Закарию Эль Рацина, известного персидского ученого-энциклопедиста (правда, сайт его именуется Абу Макр Мухаммедом Ибн Закарией Эль Рацином), якобы именно они первыми описали кофейный напиток. «*Некоторые полагают, что кофе был открыт в еще более далекой древности, но документальных доказательств этому сейчас уже нет»* [27].

Кроме этимологии и времени первого упоминания о популярном напитке, в Интернет-ресурсах присутствуют и ссылки на культуру употребления кофе народами Африки. Познавательными, по мнению авторов, текстами Интернет-ресурсов, являются сведения об употреблении кофе в пищу: «*...Эфиопские племена и нубийские берберы толкли плоды кофейного дерева, смешивали их с животным жиром и скатывали из этой массы небольшие шарики. Эти шарики брали*

с собой в дорогу, так как жиры, смешанные с питательными плодами кофе, придавали людям силу, а кофеин – бодрость» [34].

В исследованных Интернет-ресурсах было выявлено 3 группы этиологических легенд (т.е. таких легенд, в которых повествуется о происхождении окружающего мира, человека, представителей фауны и флоры, предметов, явлений и пр.) о кофе: это легенды об открытии необычных свойств плодов кофейного дерева, об обжарке его плодов или открытии (дарении, узнавании) напитка кофе.

Весьма многочисленны в Интернет-ресурсах легенды о пастухе Калди (Калдима, Kaldi, Кальди, Калиде, Калмиде, Халиде, Кади, Кадди, Канди). Он именуется *эфиопским пастухом, пастухом из Эфиопии, пастухом из Аравии, арабским пастухом, «пастухом, жившим и работавшим в провинции Каффа (это где-то в Эфиопии)»* [8], «*пастухом горной исламской обители Шахада вблизи города Таузза»* [2], а также *монахом, пасшим коз*. Только одна легенда утверждает, что Халид был исследователем, а не пастухом [5]. Чаще всего говорится о том, что Калди пас коз, хотя встречается и подобная интерпретация: «*<...> (в разных источниках фигурируют козы, овцы, бараны) <...>*» [56], но в проанализированных Интернет-ресурсах нами этого выявлено не было. Время действия упоминается не так часто, при этом оно обозначено следующим образом: действие происходило *приблизительно в 650 г.*, пастух жил «*приблизительно в III веке нашей эры»* [43], *приблизительно в 850 г.*, «*между V и X веками нашей эры, хотя чаще говорят о IX»* [5], *в начале далекого XV века, более 1500 лет назад*. Одна из легенд содержит ссылку на «авторитетный» источник: «*А вот еще одна история, которую рассказывал своим ученикам маронитский монах Антонио Фаусто Найроне, учитель теологии в Сорбонне в XVIII веке»* [57]. Другие легенды указания на псевдоавторство лишены.

Итак, Калди замечает, что поведение его коз меняется. В одних текстах утверждается, будто персонаж сразу понимает причину происходящего, в других же легендах описывается, что Калди наблюдает за козами и только после этого узнает причину изменения их поведения: они поедали красные (красные и желтые плоды) или листья с неизвестного кустарника. Именно после этого поведение животных менялось: они становились *резвыми, бодрыми, активными; чрезвычайно взволнованными и беспокойными, «стали гиперактивны, прыгали, резвились, не хотели ночью спать и своим блянием мешали ему»* [60], «*животные не только не спали две или три ночи в неделю, но и танцевали какие-то удивительные танцы»* [60].

тельные «танцы»» [67], «становились очень активными и работоспособными» [41] и пр.

Пастух сам пробует неизвестные плоды, и с ним происходит то же, что и с козами: он чувствует прилив сил и бодрость духа, он не смог спать почти трое суток. Если же персонаж не догадывается о причине изменения в поведении коз, то идет в монастырь и советуется со старцем-аббатом, а тот уже догадывается и сам пробует ягоды. Вкус напитка не понравился пастуху или монаху (монахам) и они, испытывая негативные чувства (чаще всего говорится о гневе), бросают ветки с плодами в огонь. И таким образом происходит открытие обжарки кофе. В одном из текстов обжарка кофе открывается после лесного пожара, а в другом тексте настоятель монастыря называет кофе дьявольским творением и в гневе бросает его в огонь. В третьем тексте обжарка кофе становится известна посредством опытов, которые производят монахи. Секрет кофе пастух передает окружающим его людям: «Почувствовав приятное возбуждение, Канди поспешил рассказать об этом своему народу. Вскоре кофе стал самым любимым напитком среди арабов» [10]; «Канди рассказал об этом своим соседям, те попробовали, а дальше... кофе стал любимым напитком арабов» [73].

В Интернет-ресурсах выявлен и сюжет-перевертыш: это не монахи узнают о чудесных свойствах кофе от пастуха, а пастух – от монахов. «Существует старинная эфиопская легенда о пастухе, заснувшим посреди дня и растерявшем всех животных из-за этого <...>» [61]. Персонаж, горюя, идет к монахам, и получает от них совет жевать плоды кофе.

В легендах на другой сюжет кофе открывает не пастух, а служители культа. Обращает на себя внимание, что в их роли выступают как христиане, так и мусульмане (мулла, имам), а действие может происходить как «в арабском монастыре» [12], так и в «Йеменском монастыре Кеходет» [59]. В легендах говорится об открытии кофе монахами, но причина этого иногда остается за рамками повествования. Если же причина обозначена, то это, как и в легендах о пастухе Калди, произошло благодаря козам: «Как-то один монах обратил внимание на то, что козы, объедая ветви неизвестных кустов вместе с плодами, становятся очень активными и чуть ли не танцуют» [44]; «<...> арабский мулла, заметив, как после поедания листьев и плодов кофейного дерева козлы начинают вести себя более энергично <...>» [45]. Чудесное свойство напитка было использовано и христианами, и мусульманами для одной и той же цели: напиток позволял «долго бодрствовать и молиться в ночные часы» [59];

«Имам готовил напиток, который позволял всем монахам испытывать бодрость ночь напролет» [12]; мулла «стал давать напиток из зерен кофейного дерева своим ученикам, чтобы те были активнее во время молитв» [45]. Сюжет и этой легенды не миновал мотива об обжарке кофе, при этом стоит отметить, что он встречается лишь в одном тексте. Открытие происходит совершенно случайно: «Однажды один из монахов вытащил обгорелую ветвь из огня и попробовал обжаренные ягоды. Эффект получился еще более выраженным» [44].

Второй сюжет говорит об открытии чудесных плодов кофе шейхом Омаром. Было выявлено три разновидности этого сюжета. В первой из них, самой упрощенной, повествуется лишь о талантливом враче, случайно открывшем кустарник кофе и изобретшем напиток из плодов этого растения. За рамками большинства текстов остается место проживания персонажа, лишь в двух из них сообщается, что целитель «ушел от мирских забот, отказался от привилегий знатного происхождения и поселился в пещере» [71]; в еще двух текстах текст шейх Омар именуется изгнанником. Шейх Омар, бродя по холмам или прогуливаясь по необозначенному локусу, обнаружил «небольшое деревце с благоухающими цветами и красными ягодами» [56], «случайно обратил внимание на дерево с благоухающими цветами необычайной красоты и привлекательными плодами» [8], кроме того, дереву приписывается и неизвестный аромат или благоухающие цветы. Обнаружение кофе могло произойти и намеренно: шейх Омар выявлял свойства различных растений, среди прочих обнаружил и кофе. В некоторых текстах описывается, что герой увидел кофе благодаря чудесной птице, привлечшей его внимание необычайной красотой и невероятными трелями, иногда птица даже именуется *райской*. Существуют легенды, где птица не показывает чудесные плоды шейху Омару, а производит их: цветы и плоды появляются на деревце благодаря птице: «Она пела чудесные песни, и на месте, где сидела эта птица, появлялись цветы и невиданные плоды» [37]. Шейх Омар решает исследовать на себе свойства обнаруженных плодов (цветы во всех текстах остаются без внимания).

Персонаж готовит отвар из плодов (или добавляет плоды кофе в отвары из целебных растений) и принимает его в течение нескольких дней, отвар принимают его пациенты или же шейх и пациенты. (Правда, некоторые тексты утверждают, что причина употребления кофе была более прозаической: страдая от голода, шейх Омар решил приготовить обед из плодов кофе). Мотив поджаривания зерен включен и в

сюжет легенды о шейхе Омаре. Он, страдая от голода, решил улучшить вкус неизвестных ему плодов, потому что тот был *«слишком жгучим»* [67]. Персонаж задумал их жарить на костре, а затем, *«чтобы сделать их более мягкими, он решил их кипятить в воде»* [67]. В другой легенде жареные ягоды оказались слишком твердыми, и шейх Омар решает размочить их в воде, но ягоды мягче не становятся: *«<...> получился коричневый напиток, который Омар и выпил, совсем отчаявшись»* [20].

После употребления кофе персонаж заметил изменение в своем состоянии: он стал бодрее и веселее; улучшилось настроение и повысилась работоспособность; стал способен работать без усталости несколько часов подряд; его пациенты стали чувствовать себя значительно лучше. Кроме этого, в нескольких легендах говорится о двух недугах, исцелению которых помогает отвар из плодов кофе: это головные боли и несварение желудка. В большинстве текстов делается акцент на сохранении полученного знания: шейх Омар держал в тайне свое открытие, лишь на смертном одре сообщил о нем своему сыну. Только в одной легенде сообщается, будто отвар из кофе стал достоянием всех целителей: *«Слух о чудодейственном отваре разлетелся по всей стране. Вскоре все врачеватели стали выписывать кофе своим пациентам от любых недугов»* [8]. За открытие напитка шейха Омара даже якобы провозгласили святым и в его честь *«выстроили Монастырь»* [38] или мечеть.

В легендах на другой сюжет о шейхе Омаре говорится об изгнании героя (в одиночку, с прислугой или с группой учеников, в компании друзей) в пустыню (в местность Усаб). Большинство текстов приводят следующую информацию: изгнание в пустыню равнялось смертной казни. Причина изгнания в значительной части легенд остается за рамками повествования, лишь в одной из них говорится, что причиной изгнания стало *«не очень хорошее моральное поведение»* [20], а в другой сообщается о кознях врагов. В легенде (только в одном из текстов) упоминается даже дата произошедшего события: 1258 г., правда, со ссылкой на приблизительность. В тексте в том или ином виде фигурирует город Мокко (Мекка, Мухха): как родина страдальца, как населенный пункт, около которого происходили описываемые события, или же как место триумфального возвращения героя.

Употребление плодов кофе происходит из-за нужды: шейх Омар (вместе с группой других изгнанных) страдает от голода и вынужден употреблять в пищу плоды незнакомого растения. Так были открыты чудесные свойства кофе. С помощью открытого напитка герой исцелял приходящих

к нему больных. По другой версии, выживание изгнанных было воспринято жителями Мокко *«как религиозный знак»* [60]. Впоследствии напиток получил название в честь близлежащего города. Кофе, исцеливший многих больных, помог шейху Омару вновь вернуться к людям. Шейх Омар получил и другую награду – правитель Мекки в его честь построил монастырь.

Легенды третьей разновидности повествуют о путешествии шейха Омара в Мокку (по другой версии, со своим учителем или владельцем). По дороге его спутник умирает. Шейх Омар приходит в город, где свирепствует чума (сильный мор), исцеляет молитвами многих людей, среди которых оказывается дочь короля (правителя города). И в одном из текстов сообщается даже о неудачном похищении девушки. После этого-то шейх Омар и был с позором изгнан из города. Далее сюжет третьей разновидности легенд соединяется с сюжетом первой разновидности: необычайной красоты птица показывает шейху Омару деревце кофе, после чего шейх начинает заваривать плоды неизвестного ему прежде растения. Чудесный напиток и в этой разновидности легенд помог изгнаннику с почетом вернуться к людям.

Обжарка кофейных зерен также упоминается в легендах второй группы (впрочем, обжарка кофе как мотив может быть включена в другие сюжеты). Первая обжарка кофейных зерен произошла случайно: на лесном пожаре, случившемся в обширных долах Абиссинии (на обширной территории Абиссинии, в районах Каффы), где росли кофейные деревья. Аромат от обжаренных зерен был такой силы, что разнесся на многие десятки километров (или до ближайшей деревни). Аромат привлек людей, и они пошли выяснить причину столь сильного благоухания. Так была открыта обжарка зерен кофе. После этого люди стали специально поджигать ягоды кофе. Другая легенда утверждает, что обжаренный кофе открыл некий абиссинец: он *«обратил внимание на приятный запах, который исходил от горевшего дикого кустарника»* [34].

Третья группа легенд повествует о даровании напитка кофе (или о получении знания о нем от других). Весьма популярна легенда о том, что чудесный напиток пророку Мухаммеду (Мухамеду, Моххамеду, Мохаммаду, Мухаммаду, Магомеду, Магомеду) принес архангел-посланник Гавриил (Габриэль, Джibriил) (лишь в одном тексте – некий безымянный ангел). В некоторых легендах упоминается, будто сделано это было по воле Аллаха, но в большей части легенд данный мотив отсутствует: инициатором выступает именно архангел Гавриил.

Для дарования кофе нужна была причина. Этой причиной называется плохое самочувствие персонажа. Магомет назван *умирающим, лежащим на смертном одре, больным, тяжело больным, болеющим и обессилым, плохо себя почувствовавшим, почувствовавшим себя очень плохо*. В других текстах причиной именуется сонливость, это мог быть единичный случай («крепко проспал и не выполнил свои обязанности» [26]), непреодолимое желание заснуть во время работы над «Кораном») или склонность (архангел понял, что «сонливость Мухаммеда может помешать в достижении целей» [66]).

Далее акцент делается на отличительных качествах самого напитка. Во-первых, описываются его цвет и вкус, при этом сразу же определяется и название напитка, причем формулировка указывает на то, что напиток уже был известен людям: «Он был черным и горьким. Назывался этот эликсир «кахва»» [44], хотя другая легенда, идентично описывающая напиток, утверждает, что этот напиток не был прежде знаком людям. В другом тексте напиток именуется *удивительным*, при этом его темный цвет сравнивается со священным черным камнем Мекки, «обычно называемого «qawa»» [12]. Напиток также именуется *темным эликсиром* или *зельем*, он *крепкий* или *необычный*. Спящий персонаж воспринимает принесенный напиток иначе – посредством обоняния: «Гавриил разбудил Муххамеда запахом кофе» [69]. Гавриил приносит напиток в чашечке, в чаше или в сосуде, хотя в значительной части текстов этот момент остается за рамками повествования. В одной из легенд точно называется, что это и был кофе; в тексте может использоваться апелляция к догадливости читателя: «Этим эликсиром, как вы, наверно, догадались, был кофе» [60]; кроме того, тип напитка может определяться конкретно, а разновидность – с некоей долей вероятности: «<...> (подразумевается, что это был кофе, возможно, даже эспрессо)» [30].

После того как Магомет выпил кофе, его физическое состояние тут же меняется: *к нему возвращаются силы; он восстает из мертвых; он становится бодрым и способным к новым деяниям*; кроме бодрости, в теле пророка появляются *ясность рассудка и ощущение свежести утреннего ветра*; Магомет *исцеляется; встает на ноги и набирается сил*; подчеркивается мгновенное действие напитка («тут же выздоровел и был готов к великим свершениям» [25]); ему хватило нескольких глотков, чтобы *вернуться к жизни; внезапно к пророку вернулись силы*. Часто описывается и колоссальная физическая сила, которая стала свойственна Магомету после употребления кофе: он победил сорок человек одним ударом, выбил из седла сорок рыца-

рей или же стал способен сделать это. Впрочем, сила увеличивается не только у Магомета: «Энергия чудодейственного напитка была так велика, что придала мужества Моххамеду и 40 его воинам для походов и прославления своей религии» [16]. Именно с кофе легенда связывает создание империи: «Благодаря божественной силе напитка Магомет <...> продолжил создавать самую могущественную во все времена Исламскую империю» [56]; в другой легенде утверждается, что с заряда бодрости от выпитого напитка «началось создание могущественной Исламской империи» [27]. Даже сообщается, что кофе стал *благословением от Аллаха на распространение ислама*. Число сорок упоминается и вот в какой интерпретации: увеличивается не только физическая сила, но и потенция персонажа после кофе (он стал способен сделать счастливыми сорок женщин). Кофе активно влияет и на писательские способности персонажа: благодаря кофе Магомет дописывает «Коран». Кроме всего этого, кофе приписывается и способность влиять на возникновение особого состояния у человека: «<...> напиток является источником экстаза, способным вознести дух в небесные сферы» [57], при этом делается акцент на древность легенды.

Существует еще один сюжет легенды, связывающий кофе с пророком Магометом. В двух текстах говорится об открытии «способа приготовления напитка из кофе» [23] архангелом Гавриилом Магомету, кроме того, напиток включается в число прочих добродетелей, которые архангел открыл пророку. Но в этом случае Магомет выступает дарителем. Так, в легенде повествуется, что некий йеменский купец приехал в Эфиопию. Во время одного из ночлегов пастухи «предложили ему попробовать напиток, о котором он никогда раньше не слышал» [53]. Подобно персонажу из рассмотренной выше легенды, и купец испытал изменение состояния: он «почувствовал прилив сил и бодрости» [53]. И во сне он увидел пророка, протянувшего «несколько ростков кофе и сказал, чтобы он взял их с собой, посадил и ухаживал за ними» [53]. Проснувшись, купец обнаруживает в изголовье два ростка кофе. Но чудесность дара нивелируется: в тексте делается предположение, будто ростки кофе были подарком пастухов. Купец забрал с собой ростки и посадил их на родине.

Существует сюжет о случайном открытии напитка кофе. С предыдущим его роднит вот что: знакомство с кофе осуществляется через представителя иного мира, как и в рассмотренном выше сюжете. Так, некий бедный землепашец остался ночевать в поле. Проснувшись от страшного грохота и спрятавшись в кустах, он увидел двух дивов.

Один из дивов набрал плодов с неизвестного кустарника и заварил их в кипятке. *«Когда по поляне разнесся удивительный аромат, дивы сняли отвар с огня и, обжигаясь, стали его пить»* [71]. И в этой легенде говорится о свойстве кофе бодрить: *«На глазах удивленного крестьянина изможденный див становился таким же бодрым и сильными, как и его товарищ»* [71]. Дивы уходят, и крестьянин готовит себе такой же напиток. Но ощущения от напитка у человека описываются детальнее: крестьянин *«<...> ощутил в теле удивительную легкость, всю его усталость как рукой сняло, он стал бодрым и сильным, как будто бы не работал вчера до изнеможения и не провел бессонную ночь <...>»* [71]. Персонаж возвращается домой и информирует односельчан о чудесном напитке. Крестьяне тут же изъявляют желание опробовать этот напиток на себе.

Мотив узнавания напитка включен и в легенду о бае. В ней повествуется о том, что крестьяне *«нашли кустарник с удивительными плодами. Когда они готовили из этих плодов напиток, замечательный аромат охватывал все селение»* [71]. Благодаря чудесному напитку у них появились силы, исчезла усталость, благодаря чему они веселились *«всю ночь напролет»* [71]. Бай решил узнать причину такого веселья, подозревая, что они стали плохо работать днем. Переодевшись торговцем, он прикидывается ограбленным, крестьяне стремятся помочь ему, в том числе предлагая и чудодейственный напиток. Это единственный сюжет легенды, в котором говорится о запрете кофе (во всех других рассмотренных нами текстах он представлен как благословение Бога, его открытие имеет только положительное значение). Бай, испытав на себе воздействие кофе, пугается: *«<...> а вдруг эти люди, выпив чудесного напитка, однажды ощутят себя такими могучими, что больше не захотят работать на бая, да еще и разорят его?»* [71]. И бай издает указ о запрете кофе. С тех пор люди начали употреблять кофе тайно.

Итак, проделанный анализ позволяет сделать ряд выводов. Фольклор в настоящее время подвержен влиянию глобализации, Интернет стал стабильным способом передачи произведений устного народного творчества. Посредством использования словесного народного творчества в Интернет-ресурсах такие свойства фольклора как анонимность, вариативность и традиционность предстают в несколько ином ключе (т.е. причины их функционирования отчасти трансформируются), что объясняется влиянием нашего времени. Налицо изменение функций устного народного творчества: для рассказчика, в лице которого выступают владельцы Интернет-ресурсов, фольклор выполняет

утилитарную функцию, служит для привлечения внимания к сайту, работает на повышение продаж, при этом же способствует и вуалированию истинных интересов владельцев сайта. Отбор фольклорных произведений для размещения в Интернет-ресурсах осуществляется с опорой на представление авторов (владельцев) сайтов об эстетической ценности того или иного произведения. Лицо, воспринимающее фольклорный текст, изначально преследует другие задачи: оно ищет в Интернет-ресурсах необходимую ему информацию (о покупке кофе и кофейных машин, способах приготовления кофе и пр.), при этом осуществляется знакомство с произведениями устного творчества других народов, которое изначально в задачи потребителя не входило. Таким образом происходит включение легенд о кофе в информативное поле русскоязычного читателя и как результат – пополнение представлений о мировом фольклоре.

Выбранные нами для анализа этиологические легенды о кофе, использованные в русскоязычных Интернет-ресурсах, отличаются рядом характеристик. Они могут быть написаны на хорошем литературном языке или же с разнообразными нарушениями норм литературного языка. Знание авторов (этот термин используется весьма условно) текстов о пунктуации может быть как на высоте, так и не быть таковым. Изредка встречающаяся измененная орфография слов свидетельствует об узком кругозоре (например, имам назван иманом, титул *шейх* становится частью имени собственного). Таким образом недостаточный кругозор способствует возникновению новых вариантов фольклорных текстов. На это же работает, видимо, и авторское право: были выявлены идентичные тексты со ссылкой на первоисточник (т.е. Интернет-ресурс, с которого заимствован данный текст), но чаще всего встречаются легкие корректировки текста (где активно используются синонимы). Таким образом копирайтеры вносят свой посильный вклад в создание новых вариантов легенд.

Кроме того, легендам о кофе изредка предшествуют вступления, за ними следуют выводы. В основном, это та или иная информация, связанная с кофе. Изредка включаются комментарии к легендам (о достоверности, сказочности сюжетики легенд). Тексты легенд представлены как в характерном для устного народного творчества виде, так и переработанные в художественном ключе (т.е. представляют собой литературное произведение). Довольно часто в Интернет-ресурсах представлены не полные тексты легенд, а их краткое содержание (два-три предложения). И таким образом обедненность сюжета и сжатость повествования становятся

чертами рассмотренного нами жанра. При этом легенды представлены как достоверный источник, который предшествует череде исторически достоверных фактов или плавно продолжает их. Еще одной характерной особенностью глобализации фольклора можно считать неразличение прозаических жанров: этиологические легенды путают с мифами, преданиями, историческими анекдотами. С одной стороны, это является нормой для средне-статистического обывателя. С другой стороны, перечисление жанров работает на масштабность восприятия фольклорных текстов, представленных в Интернет-ресурсах. Следует отметить и такой момент как навязывание истинности собственного мнения владельцев Интернет-ресурсов (авторов текстов): практически каждый из сюжетов (о пастухе Калди, о шейхе Омаре, о Магомете) был заявлен на том или ином Интернет-ресурсе как самый популярный, известный, распространенный (к сожалению, не встретилось ни одного указания на локус распространения: в Интернет-ресурсах или в районах бытования).

ЛИТЕРАТУРА

1. Азбука стройности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.abcslim.ru/> (дата обращения: 15.01.2014).
2. Азиз, Нарзикулов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.roastmaster.ru/> (дата обращения: 15.01.2014).
3. Апельсиновый форум [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://apelsiny.ucoz.ru/> (дата обращения: 15.01.2014).
4. АристократЪ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://aristokrat.nprb.ru/> (дата обращения: 15.01.2014).
5. Блог о кофе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://coffeexpert.com.ua/> (дата обращения: 15.01.2014).
6. Большая коллекция рефератов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.0gn.ru/> (дата обращения: 15.01.2014).
7. Веселый жираф [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.happy-giraffe.ru/> (дата обращения: 15.01.2014).
8. Все о кофе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cofeolga.ucoz.ru/> (дата обращения: 15.01.2014).
9. Все о кофе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://coffee.ks.ua/> (дата обращения: 15.01.2014).
10. Все о кофе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://coffeelovers.ucoz.com/> (дата обращения: 15.01.2014).
11. Всё о кофе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cupcofe.ru/> (дата обращения: 15.01.2014).
12. Все о кофе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cupworld.org/> (дата обращения: 15.01.2014).
13. Все о кофе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://istoriya-kofe.coffeeclubx.ru/> (дата обращения: 15.01.2014).
14. Все о кофе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://okofe.ru/> (дата обращения: 15.01.2014).
15. Все о кофе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vashkofemem.ru/> (дата обращения: 15.01.2014).
16. Всё о кофе и мобильном кафе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://starkava.ua/> (дата обращения: 15.01.2014).
17. Все о кофе! [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ozimnadius.ru/> (дата обращения: 15.01.2014).
18. Готовлю сам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gotovlusam.ru/> (дата обращения: 15.01.2014).
19. Гурмания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gurmaniya.uz/> (дата обращения: 15.01.2014).
20. Дом кофе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://domkofe.com.ua/> (дата обращения: 15.01.2014).
21. Дом кофе для поклонников изысканного напитка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kava-shop.com.ua/> (дата обращения: 15.01.2014).
22. Занимательная биология [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://luts.ucoz.ru/> (дата обращения: 15.01.2014).
23. Кофе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.generalfreight.ru/> (дата обращения: 15.01.2014).
24. Кофе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wmortensen.com/> (дата обращения: 15.01.2014).
25. Кофе в офис [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.italco.ru/> (дата обращения: 15.01.2014).
26. Кофе из Мексики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://blog.chefn.ru/> (дата обращения: 15.01.2014).
27. Кофе сервис [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://coffeservis.ru/> (дата обращения: 15.01.2014).
28. Кофе сервис [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kofe-servis.ru/> (дата обращения: 15.01.2014).
29. Кофе. Форум о кофе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://coffeeforum.ru/> (дата обращения: 15.01.2014).
30. Кофе... Кофе... Кофе... [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://drink-drink.ucoz.ru/> (дата обращения: 15.01.2014).
31. Кофейная Кантата [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cantata-coffee.livejournal.com/> (дата обращения: 15.01.2014).
32. Кофемашины и кофе в офис [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://coffeeru.ru/> (дата обращения: 15.01.2014).
33. Краюшкина, Т.В. Легенды Индии, Китая и Японии о чае как составляющая контента русскоязычных Интернет-ресурсов / Т.В. Краюшкина // Гуманитарный вектор. – 2013. – № 2(34). – С. 150–158.
34. Кулинарные рецепты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mmenu.com/> (дата обращения: 15.01.2014).
35. Курро [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kurro.ru/> (дата обращения: 15.01.2014).
36. Легенды о кофе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.liveinternet.ru/users/3344739/post307412283/> (дата обращения: 15.01.2014).
37. Легенды о кофе, Львов и Львовское кофе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.guid.lviv.ua/> (дата обращения: 15.01.2014).
38. Милано [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://milano.oporadv.ru/> (дата обращения: 15.01.2014).
39. Мир кофе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fresh-coffee.ru/> (дата обращения: 15.01.2014).

40. О жизни в Хургаде устами резидента [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hurghada-life.ru/> (дата обращения: 15.01.2014).
41. Осознание [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://osoznanie.org/> (дата обращения: 15.01.2014).
42. Психология сексуальности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.master-sense.com/> (дата обращения: 15.01.2014).
43. Рефераты курсовые, сочинения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.coolreferat.com/> (дата обращения: 15.01.2014).
44. Рецепты и кулинария [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.povarenok.ru/> (дата обращения: 15.01.2014).
45. Сайт о растениях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pro-rasteniya.ru/> (дата обращения: 15.01.2014).
46. Сайт развлечений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://avivas.ru/> (дата обращения: 15.01.2014).
47. Симао [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://simao.pisem.net/> (дата обращения: 15.01.2014).
48. Тет-а-тэт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.t-tet.ru/> (дата обращения: 15.01.2014).
49. Турция. Туризм и советы для путешественников [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://aboutturkeytravel.com/> (дата обращения: 15.01.2014).
50. Форум любителей одного сериала [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.margosha-forum.com/> (дата обращения: 15.01.2014).
51. Чай и кофе в офис [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ptea.com.ua/> (дата обращения: 15.01.2014).
52. Чай, кофе со всего мира [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sibtea.ru/> (дата обращения: 15.01.2014).
53. Чашечка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.chashechka.net/> (дата обращения: 15.01.2014).
54. Энциклопедия кофе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sweetcoffee.ru/> (дата обращения: 15.01.2014).
55. Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.1coffee.ru/> (дата обращения: 15.01.2014).
56. Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.caffeesspresso.ru/> (дата обращения: 15.01.2014).
57. Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.cellinicaffe.it/> (дата обращения: 15.01.2014).
58. Электронный ресурс. – Режим доступа: CoffeeClub <http://coffeeclub.ru/> (дата обращения: 15.01.2014).
59. Электронный ресурс. – Режим доступа: coffee-klatsch <http://coffee-klatsch.ru/> (дата обращения: 15.01.2014).
60. Электронный ресурс. – Режим доступа: coffeepiant <http://coffeepiant.narod.ru/> (дата обращения: 15.01.2014).
61. Электронный ресурс. – Режим доступа: coffeepoint <http://coffeepoint.ru/> (дата обращения: 15.01.2014).
62. Электронный ресурс. – Режим доступа: coffeesponge <http://coffeesponge.ru/> (дата обращения: 15.01.2014).
63. Электронный ресурс. – Режим доступа: coffemanika.ru <http://coffemanika.ru/> (дата обращения: 15.01.2014).
64. Электронный ресурс. – Режим доступа: dreamfood.info <http://dreamfood.info/> (дата обращения: 15.01.2014).
65. Электронный ресурс. – Режим доступа: f-journal.ru <http://f-journal.ru/> (дата обращения: 15.01.2014).
66. Электронный ресурс. – Режим доступа: freshcoffe.com <http://freshcoffe.com.ua/> (дата обращения: 15.01.2014).
67. Электронный ресурс. – Режим доступа: Kaffa <http://www.kaffa.ua/> (дата обращения: 15.01.2014).
68. Электронный ресурс. – Режим доступа: kofevars <http://kofevars.org/> (дата обращения: 15.01.2014).
69. Электронный ресурс. – Режим доступа: La cimbali <http://www.cimbali.ru/> (дата обращения: 15.01.2014).
70. Электронный ресурс. – Режим доступа: latte.by <http://latte.by/> (дата обращения: 15.01.2014).
71. Электронный ресурс. – Режим доступа: nnre.ru <http://www.nnre.ru/> (дата обращения: 15.01.2014).
72. Электронный ресурс. – Режим доступа: Saeco <http://www.saecomarket.ru/> (дата обращения: 15.01.2014).
73. Электронный ресурс. – Режим доступа: teamoty.com <http://teamoty.com/> (дата обращения: 15.01.2014).

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ЯЗЫКОВЫЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЕКЛАМНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ТЕНДЕНЦИИ, ПРОБЛЕМЫ, РЕШЕНИЯ

О.А. Ксензенко

Ксензенко Оксана Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва).

Контактный адрес: kseniaksen@mail.ru

В статье обсуждаются особенности функционирования рекламной коммуникации как составляющего элемента системы массовых коммуникаций; рассматриваются вопросы влияния рекламы на языковую норму и нормы социального поведения. Внимание уделяется также вопросу оптимизации методов исследования в области рекламоведения с учетом интегративного характера данной области.

Ключевые слова: Интегративный подход, рекламная коммуникация, система массовых коммуникаций, социокультурно маркированные языковые единицы, фоновые знания, языковая норма.

С учетом того, что в настоящее время Россия принимает все более активное участие в международном экономическом и культурном обмене, специалисты в различных профессиональных областях все чаще встречаются с необходимостью приобретения языковых, социокультурных и прагматических навыков общения с коллегами. Данное обстоятельство представляется актуальным в плане развития исследовательской и дидактической парадигм гуманитарных отраслей по ряду причин: во-первых, поскольку тенденции развития гуманитарных наук в определенной мере отражают стремление развития общества. Сложно отрицать, что идеологическая ситуация в обществе определяет не только тематику и тональность гуманитарных исследований, но и избираемые исследовательские методы. Во-вторых, формирование (или реконструкция) и развитие различных отраслей профессиональной деятельности предопределяет необходимость разработки методологии преподавания профессиональных навыков будущим специалистам в той или иной области, а в определенных случаях – не только совершенствования имеющихся методов передачи профессиональных знаний, но и создания профессиональных традиций и школ.

Сейчас, когда развитие гуманитарных наук происходит столь активно и порой по различным векторам, становится крайне важным обсуждение вопросов общетеоретического и общеметодологического характера. Формирование новых научных направлений, отраслей и подотраслей обуславливает актуальность разработки методологии исследования в этих областях. В особой мере это относится к интегративным отраслям, специфика развития которых все чаще оказывается в фокусе серьезных

научных исследований, посвященных изучению различных сфер профессиональной деятельности, в том числе правоведения, философии, педагогики, массовых коммуникаций [6; 10].

Определение объектных границ и целевых установок интегративных научных направлений является одной из актуальнейших эпистемологических проблем, появившихся как следствие гуманизации и интеграции научного знания. В ряду таких новых, активно формирующихся направлений следует назвать направление, сфокусированное на изучении закономерностей функционирования систем массовых и маркетинговых коммуникаций. Все более пристальное внимание уделяется, в частности, исследованию различных аспектов рекламной коммуникации. Это направление является особенно актуальным для российских исследователей: реклама все более настойчиво проникает в различные сферы жизни нашего общества, поэтому вопрос об изучении рекламы и рекламных текстов является очень важным для отечественной лингвистики. Следует отметить, что в последнее время все чаще внимание обращается не только на экономическую, но и на культурологическую роль рекламы, не только на ее финансовую эффективность, но и на то, каким образом реклама функционирует в социокультурном пространстве, какое влияние она оказывает на мировоззрение целевой аудитории и на языковую норму.

В задачи данной статьи входит обсуждение следующих вопросов:

– об особенностях функционирования рекламы в общей системе средств массовой коммуникации, а так же как одной из форм интегрированных маркетинговых коммуникаций;

– необходимости использования интегративного подхода к изучению рекламной коммуникации для получения научно достоверных и практически значимых результатов;

– особенностях использования языковых единиц в рекламной коммуникации с учетом социокультурных факторов, влияющих на их употребление в данном коммуникативном пространстве;

– специфике воздействия различных рекламных стратегий на нормы социального поведения и на языковую норму.

Актуальность вопросов, связанных с изучением закономерностей использования языковых единиц в рекламной коммуникации с учётом особенностей её функционирования в определенном коммуникативном пространстве, обусловлена рядом объективных причин: развитием международных контактов, особенностями формирования и развития медийного пространства, ростом значимости маркетинговых коммуникаций, взаимопроникновением и взаимовлиянием культур.

Реклама занимает пограничное положение между различными профессиональными сферами и привлекает внимание представителей различных профессий. Выделение отдельных направлений деятельности в рекламной сфере свидетельствует об определенном уровне ее развитости.

В книге «Реклама: принципы и практика» указываются роли, которые играет реклама: маркетинговая, коммуникативная, экономическая, социальная [16]. Следует заметить, что авторы указанного исследования опираются на маркетинговую концепцию рекламы (о которой пойдет речь ниже). Тем не менее рассмотрение рекламы сквозь призму ее маркетинговых характеристик не умаляет в глазах исследователей значимости ее социальной и коммуникативной функций. Это еще раз свидетельствует о том, что реклама играет значительную роль не только в бизнесе, но и в формировании общественных взглядов и языковой нормы и подтверждает необходимость разработки основ и принципов интегративного подхода к изучению рекламных процессов.

Трактовка сути рекламного процесса, и следовательно, определение понятия «реклама» в значительной степени зависят от того, какой концепции придерживаются исследователи рекламы. В числе несомненных научных достижений в сфере рекламоведения видится выделение определенных векторов (концепций) его развития, осуществленное российскими учеными (В.В. Ученовой, Н.В. Старых, А.А. Романовым). В настоящее время выделились две основные концепции рекламы: культурологическая (или историко-культурологическая) и

маркетинговая (или конкретно-прагматическая). Следует отметить, что если в отношении закономерности формирования маркетинговой концепции сомнений у исследователей не возникает, то важность культурологической концепции на начальном этапе формирования приходилось обосновывать [11]. С течением времени все больше ученых – как отечественных, так и зарубежных – подчеркивают необходимость рассмотрения рекламы не только в контексте ее маркетинговой эффективности, но и с позиции ее социокультурной значимости (S. Moriarty, В. Agboola, О.А. Феофанов, Н.Г. Чаган и др.). Следует заметить, что существенное внимание изучению рекламы как социального института оказывалось еще в работах Чарльза Сэндиджа [14]. И хотя обсуждение социальных, идеологических и эстетических аспектов рассматриваемого феномена проводилось с позиции существования рекламы в рамках экономической среды, в работах Ч. Сэндиджа и его последователей, безусловно, можно увидеть предпосылки формирования культурологического взгляда на рекламу.

Заслуга формирования культурологической концепции изучения рекламы принадлежит отечественным специалистам, прежде всего, В.В. Ученовой, в чьих работах были выделены и описаны принципы формирования социокультурного подхода к исследованию рекламы, рассмотрены история и философия рекламной деятельности [11]. Выделение культурологической концепции рекламы видится как научное достижение, поскольку эта концепция не является механическим объединением группы работ по тематическому признаку, а выражает принципиально новый подход к изучению рекламы.

В исследованиях А.А. Романова упомянутые основные концепции рекламной деятельности обозначаются соответственно как коммерческая и коммуникативно-психологическая [10]. Интегративный подход к изучению рекламы воплощается в концепции, обозначаемой как универсальная концепция рекламы.

Расчет степени успешности рекламной коммуникации возможен при условии учета всего спектра факторов, обуславливающих коммуникационные процессы и влияющих на них – социальных, культурологических, психологических, языковых. При этом существенным является следующее. Во-первых, достоверность исследования рекламных процессов обеспечивается применением интегративного подхода к изучаемым явлениям. Во-вторых, важным представляется не только изучение функционирования рекламы в различных национально-культурных сообществах: не меньшего внимания заслуживает изучение механизмов воздействия рекламных сообщений на

представителей различных социумов. Кроме того, обеспечение действенной рекламной коммуникации предполагает понимание сути и природы маркетинговых коммуникаций, поскольку реклама является составляющей системы интегрированных маркетинговых коммуникаций.

В исследовании «Стратегический маркетинг» под маркетинговыми коммуникациями понимается совокупность сигналов, исходящих от фирмы в адрес различных аудиторий, в том числе клиентов, сбытовиков, поставщиков, акционеров, органов управления и собственного персонала [9]. Комплекс маркетинговых коммуникаций (называемый также комплексом стимулирования) включает в себя несколько элементов. Следует отметить, что по поводу их состава до сих пор ведутся споры между специалистами в области маркетинга (как отечественными, так и зарубежными).

Массовый характер целевой аудитории рекламных сообщений является одним из факторов, усложняющих прогнозирование результатов процесса декодирования сообщения и расчет показателей, которые могут оказать влияние на успешность коммуникации. В этом плане необходимым методологическим условием является понимание принципов анализа и оценки картины мира потенциальной аудитории.

Кроме того, реклама представляет собой так называемый «однаправленный» тип коммуникации: согласно исследованию «The Language of Advertising», реклама представляет собой однаправленный, публичный тип общения, в котором используются как вербальные, так и невербальные средства [15]. Это определенным образом сужает спектр возможных механизмов воздействия на аудиторию.

Поэтому в рекламных сообщениях на достаточно «ограниченном пространстве» (поскольку одной из характерных особенностей рекламных текстов является краткость) можно наблюдать крайне высокую концентрацию разнообразных стилистических приемов. В рекламных текстах практически каждая лингвистическая единица является не только семантически значимой, но и имеет особую коммуникативную силу. В этом плане рекламные тексты сопоставимы с текстами художественной литературы, в которых, по словам В.В. Виноградова, «...резко изменяются, как бы смешиваются и тем самым приобретают новую образно-выразительную силу любые отношения элементов общей системы языка и ее стилей» [2: с. 133].

Для того чтобы рекламный текст возымел действие, необходимо, чтобы он распространялся по соответствующему каналу и был надлежащим об-

разом воспринят целевой аудиторией. При построении рекламной коммуникации одной из первичных задач является анализ качественных характеристик целевой аудитории и выбор адекватного задачам данной рекламной кампании (advertising campaign) средства распространения рекламы.

Каждый тип рекламы рассчитан на определенный сегмент рынка и на конкретный сегмент текущих и потенциальных потребителей. В этом плане необходимо рассмотреть различные факторы, обуславливающие наличие определенных характеристик у целевой аудитории – как социальные, так и национальные. Эффективность и успешность рекламного текста (т.е. его перлокутивный эффект) зависит от того, насколько успешно данный текст ориентирован на целевую аудиторию. Именно поэтому крайне необходимым представляется предварительный анализ характерных признаков потенциальной целевой аудитории с опорой на данные когнитивных исследований.

Современное медийное пространство носит поликультурный характер. Знание о разнородных элементах данного пространства, об особенностях входящих в него субкультур и социокультур, а также представление о системе ценностей, установок, моделей поведения определенных групп людей, составляющих потенциальную целевую аудиторию рекламного текста, является залогом успешной коммуникации.

В данной связи автор обращается к понятию «успешная коммуникация», которое было подробно рассмотрено, в частности в исследовании В.В. Красных «Свой среди чужих: миф или реальность». В разделе «Условия успешной коммуникации» отмечается, что «одним из важнейших факторов, ... обуславливающих адекватность коммуникации, ... является наличие общего фонда знаний коммуникантов» [8: с. 99].

Ниже дан пример функционирования в рекламной коммуникации социокультурно-маркированных языковых единиц, обладающих способностью останавливать внимание. Очевидно, что при использовании в качестве средства коммуникативного воздействия социокультурно-маркированных единиц, создателям рекламных текстов необходимо принимать во внимание целый ряд факторов, которые обуславливают возможность адекватной интерпретации языковой игры, основанной на использовании социокультурно-маркированных единиц, и влияют на эффективность текста.

Успех рекламы зависит от степени ее соответствия ценностной картине мира воспринимающей аудитории. Поэтому реклама должна составляться с учетом ценностных ориентаций общества, его

культуры. В каждом обществе существуют свои этические нормы, правила поведения, обычаи, традиции, свои приоритеты и понимание престижности, свои наиболее популярные литературные герои, знаменитые личности.

Создатели рекламы обращаются к наиболее популярным литературным образам, фольклорным персонажам. Достаточно часто в рекламных текстах указывается факт приобретения известной личностью того или иного товара, приводятся высказывания знаменитых людей о том или ином продукте. Образ, используемый в рекламе, должен быть известным той аудитории, которой предназначен этот текст, и восприниматься этой аудиторией как пример для подражания. Последнее замечание особенно важно, поскольку требует как изучения культурных ценностей и картины мира целевой аудитории, так и учета того, что поведение и имидж личности могут меняться.

В рекламных текстах используются шутки и аллюзии, адекватная интерпретация которых зависит от наличия определенного минимума фоновых знаний. Например:

Just imagine that milicia will find out it...

Dunkin' Donats.

Для адекватной интерпретации указанного текста нужно быть знакомым с шуткой о том, что американские полицейские очень любят пончики. Подобный прием достаточно широко распространен во всех типах рекламных текстов, независимо от тематики или средства рекламирования. Для понимания каламбуров, шуток, а также определенных выражений, используемых в рекламных текстах, необходимо иметь представление о картине мира той аудитории, на которую рассчитан данный текст.

При создании рекламных текстов следует учитывать модель фоновых знаний реципиента, особенности социокультурного фона и набора исторических знаний и понятий, существующих в данном обществе, которые являются очень важными факторами, влияющими на степень запоминаемости текста.

Использование цитат, аллюзии, искаженных идиом, а также иноязычных внесений в рекламе предполагает наличие общих фоновых знаний у создателя текста и его получателя. Особую значимость подобные явления приобретают в рекламе товаров, представленных на международном рынке, поскольку в данном случае требуется адаптация рекламных сообщений с учетом особенностей языковой картины мира той аудитории, которой данный текст адресован. Так, например, в заголовке рекламы Royal Mail используется аббревиатура XXXX: *Its guaranteed to go down well when you send your love with lots of XXXX*. Для корректной интер-

претации данной рекламы нужно знать, что, во-первых, указанная аббревиатура означает «множество поцелуев», во-вторых, что она была использована в рекламе австралийской пивоваренной компании: *Australians wouldn't give a XXXX for any other lager*. Задачей создателей рекламы Royal Mail было убедить потенциальных клиентов в том, что рекламируемая компания является самым эффективным и надежным партнером, осуществляющим пересылку из Австралии в Великобританию.

Поскольку в рекламных текстах интенсивно используются языковые единицы, требующие обращения к языковому и культурному опыту реципиента, существенную роль в изучении рекламных текстов приобретает критерий референтности, характеризующий степень узнаваемости оригинального источника. Значимой в плане рассмотрения социокультурно-маркированных единиц является теория о прецедентности и шире – об интертекстуальности, стимулом к разработке которой явились исследования М.М. Бахтина, и которая получила развитие в трудах зарубежных и отечественных исследователей (Ю. Кристевой, Р. Барта, Ж. Деррида, Д.Б. Гудкова, В.В. Красных).

Результаты исследований показывают, что в рекламе, распространяемой в «качественной прессе», более целесообразным оказывается использование аллюзий к художественным произведениям, историческим фактам, литературе: уровень образованности представителей целевой аудитории данной категории позволяет им адекватно интерпретировать подобного рода экспрессивные приемы. Например, в тексте, опубликованном в журнале «Forbes» и рекламирующем услуги IDA Ireland (The Industrial Development Authority) – Управления индустриального развития Ирландии, упоминается имя известного ирландского художника Луи ле Броки. В рекламе турецкого банка ТЕВ, размещенной в «The Economist», использован образ Сулеймана Великолепного, известного правителя Османской империи XVI века. В рекламных текстах, размещенных в «глянцевых» и «популярных» изданиях, более эффективно обращение к знаниям «общего фонда»: пословицам, поговоркам, фактам из жизни популярных личностей и их творчества.

Однако такого рода утверждения, даже основанные на данных, полученных с привлечением лингвистических, психологических и маркетинговых исследований, могут оказаться слишком общими. Учитывая массовый характер целевой аудитории, в определенной мере неизбежна ее стереотипизация: очевидно, не все читатели качественной прессы обладают достаточными знаниями в области, например, искусства или литературы и могут не

знать некоторых фактов, предполагаемых очевидными. Обратная ситуация наблюдается в отношении аудитории «глянца», которой нередко отказывают в признании её достаточно информированной. Вопрос о стереотипах в рекламе и стереотипизации рекламы является крайне актуальным, особенно если речь идёт о национальных и интернациональных рекламных кампаниях. Этот вопрос заслуживает отдельной дискуссии. Высказанное замечание справедливо также и в отношении разделения аудитории по гендерному признаку.

Итак, при создании рекламных текстов следует учитывать модель фоновых знаний реципиента, особенности социокультурного фона и набора исторических знаний и понятий, существующих в данном обществе. Однако не меньшее внимание следует уделять социально-культурным характеристикам целевой аудитории.

Как отмечалось выше, массовость аудитории – чрезвычайно важный фактор, поскольку, с одной стороны, облегчает выполнение главной задачи рекламы – продажи идеи или товара. С другой – этот фактор осложняет процесс коммуникации и заставляет более тщательно прорабатывать стратегию создания рекламного сообщения. Более того, принадлежность рекламы к системе массовых коммуникаций придает рекламным сообщениям определенный социальный характер и накладывает дополнительную ответственность на создателей текстов. Данное обстоятельство определяет необходимость включения в задачи профессионального рекламного сообщества регулирования процессов воздействия рекламы на поведенческие нормы и на нормы речеупотребления. Справедливо было бы заметить, что вопросы, связанные с формированием и решением указанных задач неоднократно поднимались и рассматривались в рамках профессиональных встреч специалистов в области рекламы (в частности, в рамках мероприятий Российской ассоциации рекламных агентств, а также ежегодных конференций заведующих кафедрами рекламы, связей с общественностью и смежных специальностей).

Общепризнанным является утверждение о том, что стиль речи СМИ отражает стиль жизни общества, а язык СМИ является средством воздействия как на сознание общества, так и на языковую норму. С одной стороны, СМИ формируют общественные взгляды и настроения и влияют на них, а с другой, отражают тенденции развития общества. Данные утверждения абсолютно справедливы и в отношении рекламы как «важной составляющей коммуникационных и информационных процессов» [4: с. 14]. Вопросы, касающиеся воздействия средств массовой коммуникации на общественное сознание, на соци-

альные нормы, находятся в фокусе рассмотрения серьезных научных исследований [3].

То, каким образом языковые единицы используются создателями рекламы, свидетельствует об особенностях и направлениях развития не только данной отрасли, но и общества в целом (подтверждением тому может служить все более ярко проявляющаяся тенденция к демократизации и интернационализации языка средств массовой информации в целом и рекламы в частности. В то же время рекламные тексты входят в языковой фонд, становятся узнаваемыми, цитируются, и следовательно, очень активно влияют на формирование языковой нормы. Поэтому, как писал У. Эко в книге «Пять эссе на темы этики»: «Сами СМИ не должны пребывать вне критики, неоспоримое условие демократизации – чтобы печать периодически ставила под вопрос саму себя» [12: с. 83].

Реклама является частью массовой культуры, поэтому следует учитывать, что не только культурные приоритеты целевой аудитории влияют на восприятие рекламы, но и реклама влияет на мировоззрение и общий культурный уровень нации. Учитывая степень влияния рекламы как формы массовой коммуникации на социальную и языковую нормы, необходимым представляется подчеркнуть значимость ортологического направления современного рекламоведения.

Специалисты, работающие в различных областях рекламной индустрии, все чаще стали обсуждать как особенности использования языка в рекламных сообщениях, так и особенности языка, на котором говорят при работе в рекламном бизнесе. Безусловно, большинство согласится с тем, что вопрос о культуре речи в рекламе и в рекламном бизнесе заслуживает внимания. Дискуссионность данного вопроса заключается в том, что он тесно связан с вопросом свободы творчества в рекламе, имеющим, в свою очередь, несколько аспектов. Одним из наиболее спорных, часто (и бурно) обсуждаемых аспектов рассматриваемого вопроса является лингвистический аспект.

Норма дает говорящим на языке представление о том, что является правильным. Языковая норма представляет собой совокупность языковых средств и правил их употребления, принятых в данном обществе в данную эпоху. Языковая норма – «принятое речевое употребление языковых средств, совокупность правил (регламентаций), упорядочивающих употребление языковых средств в речи индивида» [1: с. 270]. Изучению языковой нормы уделяется внимание в трудах выдающихся зарубежных и отечественных языковедов (Н. Галь, Э.Я. Гальпериной), В.В. Виноградова, О.С. Ахмановой, М.Ю. Федосю-

ка, Н.И. Формановской, М.Ю. Сидоровой, Д. Кристала, Д. Лича, Г. Свита). В плане изучения языковых особенностей англоязычной рекламы и ее влияния на русскоязычную рекламу особый интерес представляют исследования, посвященные рассмотрению тенденций развития языковой нормы в различных вариантах английского языка [5].

Следует отметить, что если речь идет о самом понятии «языковой нормы», то необходимо учитывать, что язык следует понимать не только как «системноструктурное образование», но и подразумевать под данным термином «когнитивное и прагматическое содержание». Поэтому анализировать язык СМИ (и, безусловно, рекламы) «необходимо в свете того, какой мир он нам репрезентирует и какие ценности он отстаивает» [7: с. 15]. Именно особая сила воздействия рекламы на сознание и на язык общества определяет актуальность дискуссий по данному вопросу.

Основные положения, касающиеся нормирования языковой деятельности, отражены в нормативно-правовых актах (Федеральный закон № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации», Федеральный закон № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации»). Вопросы, касающиеся влияния рекламных процессов на поведенческие нормы и на языковую норму, также отражены в нормативно-правовых актах, в частности, в Федеральном законе «О рекламе». Соответствующие нормы включены также в руководства по саморегулированию рекламной деятельности (на уровне так называемого softlaw), т.е. закреплены в совокупности норм и правил, которые устанавливают сами субъекты рекламной деятельности: представители данной отрасли, ассоциации и объединения. В частности, следует указать: Международный кодекс рекламной деятельности, разработанный Международной торговой палатой, руководство EASA по саморегулированию, разработанное Европейским Альянсом по стандартам в рекламе (the European Advertising Standards Alliance – EASA), Российский Рекламный Кодекс, принятый Рекламным советом России и др.

Одной из эффективных коммуникативных тактик, позволяющих реализовать общую стратегию рекламной коммуникации, является языковая игра. В качестве примеров языковой игры в рекламе можно упомянуть преднамеренные орфографические ошибки, неологизмы, каламбуры.

Число возможных отклонений от языковой нормы не ограничено, поскольку любое языковое правило можно нарушить тем или иным образом. Представляется возможным выделить уровни кодирования смысла в литературном языке, для каждого из

которых устанавливаются определенные правила. Дж. Лич в книге «English in Advertising» упоминает орфографические, грамматические, лексические, семантические и контекстуальные отклонения от языковой нормы [13]. В рекламной коммуникации обнаруживаются все указанные типы отклонений. Следует отметить, что, несмотря на привлекательность подобных стилистических приемов, лингвистические инновации в рекламе приветствуются не всеми. Актуальность дискуссии по данному вопросу объясняется, в том числе тем, что, если большинство рекламистов признают неоспоримость юридических актов, регулирующих рекламную деятельность, то вопрос о допустимых границах искажения языковых норм в рекламе остается открытым.

В поиске ответа на вопрос о том, что следует делать, чтобы реклама, с одной стороны, выполняла свою маркетинговую функцию, а с другой, оказывала не деструктивное, а оживляющее воздействие на нормы социального поведения, на ценностные стандарты, а также на языковую норму, еще раз обращусь к работе У. Эко [12], в которой, говоря о путях выхода прессы из противоречий, автор упоминал «путь расширенного внимания». Он использует эту яркую метафору в несколько ином значении. В отношении особенностей функционирования рекламы в социокультурном пространстве под расширенным вниманием следует понимать не только расширение спектра обсуждаемых тем, но и внедрение интегративного подхода как на исследовательском, так и на практическом уровнях. На исследовательском уровне это предполагает необходимость дальнейшей разработки исследовательских методов и систематизации изучаемых вопросов и рассматриваемых проблем. На практическом уровне это требует объединения знаний, навыков и усилий представителей различных профессий, работающих в рекламной сфере: представителей рекламного бизнеса, журналистов, пишущих о рекламе, редакторов рекламных изданий, а также лингвистов, занимающихся изучением особенностей языка рекламы и рекламной терминологии. Таким образом, объединение усилий следует производить в нескольких направлениях: идеологическом, научном, образовательном, практическом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М., 1969. – 608 с.
2. Виноградов, В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В.В. Виноградов. – М., 1963. – 256 с.
3. Дубровский, Д.И. Современное массовое сознание и будущее земной цивилизации / Д.И. Дубровский // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2013. – № 1 (37). – С. 78–83.

4. *Евстафьев, В.А.* Журналистика и реклама: основы взаимодействия (опыт теоретического исследования) / В.А. Евстафьев. – М., 2001. – 263 с.
5. *Егорова А.С.* К вопросу о лингвистической норме и отклонениях от нее в различных вариантах современного английского языка / А.С. Егорова // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2013. – № 1 (37). – С. 33–36.
6. *Звенигородская, Г.П.* Понимание в контексте образования: феноменологическая оптика / Г.П. Звенигородская // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2012. – № 2 (34).
7. *Караулов, Ю.Н.* Язык СМИ как модель общенационального языка / Ю.Н. Караулов // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования : тезисы докладов на Междунар. науч. конф. – М. : Изд-во Московского ун-та, 2001. – С. 15–18.
8. *Красных, В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность / В.В. Красных. – М. : Гнозис, 2003. – 374 с.
9. *Ламбен Ж.-Ж.* Стратегический маркетинг / Ж.-Ж. Ламбен. – СПб. : Наука, 1996. – 589 с.
10. *Романов, А.А.* Концепция современной рекламной деятельности / А.А. Романов // Маркетинг. – 2004. – № 5. – С. 62–67.
11. *Ученова, В.В.* История рекламы, или метаморфозы рекламного образа / В.В. Ученова, Н.В. Старых. – М. : Юнити-Дана, 1999. – 334 с.
12. *Эко, У.* Пять эссе на темы этики / У.Эко. – М. : 1997. – 101 с.
13. *Leech, G.* English in Advertising. A Linguistic Study of Advertising in Great Britain / G. Leech. – London, 1966. – 250 p.
14. *Sandage C.* The Roles of Advertising / C. Sandage, V. Fryburger. – Richard Irwin : Homewood, IL, 1962. – 129 p.
15. *Vestergaard, T.* The Language of Advertising / T. Vestergaard, K. Schroder. – Oxford : Blackwell Publishers Ltd., 1995. – 182 p.
16. *Wells, W.* Advertising. Principles and Practice. Englewood Cliffs / W. Wells, J. Burnett, S. Moriarty. – NJ: Prentice Hall Int., Inc., 1989–1998. – 190 p.

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В СПОРТИВНОЙ СУБКУЛЬТУРЕ АЛТИМАТ ФРИСБИ

А.О. Кузнецова

Кузнецова Александра Олеговна – аспирант кафедры русской филологии и общего языкознания Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, директор издательства.

Контактный адрес: alexandrakuznetsova77@gmail.com

В статье рассматривается взаимодействие языка и глобализации на примере речевых практик молодежной субкультуры алтимат фрисби. Анализируется роль английского языка как средства конструирования идентичности и способа акцентуации скрытых смыслов – как глобально, так и локально ориентированных.

Ключевые слова: языковые контакты, глобализация, гибридизация, усеченный репертуар, язык как мобильный транслокальный ресурс.

В глобализующемся мире географическая близость перестает быть неременным условием языковых контактов. Благодаря интернет-общению, виртуализации общества, мобильности людей и идей упрощаются способы коммуникации, ускоряются процессы культурного обмена, а взаимодействие языков и культур становится частью повседневности. Появляются новые зоны двуязычия, которые изучаются современными исследователями в таких сферах, как молодежные субкультуры [4], реклама и маркетинг [5; 19], городской ландшафт [6], научная коммуникация [7], профессиональная среда [9], СМИ [10], туризм [18] и т.д.

В статье рассматривается дискурс молодежной спортивной субкультуры алтимат фрисби. Актуальность изучения вопросов языка и глобализации на примерах данной субкультуры обусловлена тем, что: 1) спорт представляет собой одну из наиболее актуальных и недостаточно изученных зон взаимодействия глобального и локального; 2) алтимат фрисби – игра, зародившаяся в США и американский английский является ее неотъемлемой частью в России; 3) особенности распространения английского языка в речевых практиках алтимат фрисби дают возможность проследить, как английский язык становится частью коммуникативного пространства России.

Алтимат фрисби – командная игра с летающим диском, зародившаяся в Нью-Джерси в 1967–1968 гг. и быстро получившая распространение по всему миру. Данный вид спорта появился в России в 1989 г. [1]. С каждым годом количество играющих команд увеличивается, а интерес к данному виду спорта растет. В 2013 г. алтимат-фрисби был включен во Всероссийский реестр видов спорта под названием «флаинг диск» [11], а Всемирная федерация летающих дисков была признана Международным олимпийским комитетом всех видов спорта с «флаинг диском» [17]. Растущая популярность и

признание данного вида спорта – показатель процесса культурной глобализации: американская спортивная игра становится частью повседневности в различных странах мира, а английский язык – ключом к пониманию новой спортивной субкультуры.

Методологической основой работы является концепция социолингвистики глобализации Я. Бломмаэрта [13; 15], в основе которой лежит новое понимание языка. Язык рассматривается не как система «в себе и для себя», а как мобильный транслокальный ресурс, используемый коммуникантами для достижения конкретных целей. Речь идет о так называемом «усеченном» (*truncated*) использовании языков, когда, например, иммигрант из Нигерии, проживающий в Бельгии, покупая хлеб в турецкой булочной, общается с продавцом на местном разговорном голландском, вперемешку с английскими и немецкими словами, а с учителями в школе – на фламандском варианте английского языка и т.п. [14]. Понятие «усеченного» речевого репертуара как нельзя более точно отражает статус английского языка в исследуемой субкультуре.

Исследователи глобализации подчеркивают, что ее воздействие на язык носит не повсеместный, а «нишевой» характер. Алтимат фрисби является одной из таких «ниш», изучение которой ведется с помощью дискурс-анализа и этнографических методов (опросы, интервью). В ходе анализа использовались положения теории индексальности М. Сильверстайна [21], в основе которой лежит признание тесной связи идеологии и языка, и положения об идеологической природе языковой вариативности П. Эккерт [16]. Мы также исходили из понимания стиля как составляющей социальной и личностной идентичности и инструмента ее конструирования. В работе использовались методы дискурс-анализа, семантической интерпретации и включенного наблюдения.

Цель исследования – описать особенности использования английского языка и выявить его функции в речевых практиках алтимаат фрисби.

Дискурс алтимаат фрисби структурно не однороден и включает, наряду с устными речевыми практиками игроков на поле и вне поля, печатные материалы (учебные пособия) и материалы интернет-сайтов, в частности форумы, названия и описания команд.

Материал исследования составили:

- устные опросы игроков в формате (квази)этнографических интервью (всего 178 минут записи ≈ 3 ч.), записанные в феврале 2013 г. на соревновании «Лорд Новгород-2013» в Великом Новгороде;

- письменные опросы игроков, проведенные в ноябре 2012 г. на турнире в Нижнем Новгороде;

- онлайн-опросы игроков, проводившиеся в течение 2 лет;

- материалы интернет-сайтов и фрисби-форумов;

- пособие по алтимаат фрисби (14 с.);

- 80 наименований российских алтимаат-команд.

Игра алтимаат фрисби пришла в Россию из США. Большинство терминов заимствованы, поскольку они обозначают спортивные профессиональные понятия, которых до появления игры в русском языке не существовало. В методическом пособии 2006 г. «Алтимаат (командный спорт с летающим диском)» значения терминологической лексики объясняются через игровые ситуации:

«Если диск вылетел за линию ауа, игра начинается по выбору раскидывающего, <...> 3) либо со стандартной позиции "Брик", находящейся в поле, расстоянии 9 м от середины линии защиты (должен быть объявлен "брик")»;

«Для объявления остановки игрок должен громко объявить "Фриз!"»;

«Игрок, владевший диском до остановки, берет диск, его защитник, убедившись в том, что все игроки готовы, объявляет "Три, два, один, ЧЕК!", после чего игра возобновляется» [2: с. 7–9].

Броски и хваты, как одни из самых сложных элементов игры, переводятся и иллюстрируются:

Форхенд

хват: большой палец сверху диска, средний палец снизу упирается в обод диска, указательный палец снизу направлен к центру диска (рис. 1);

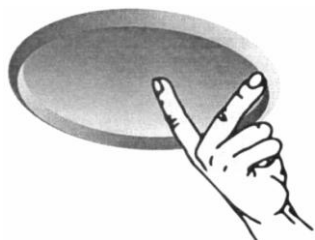

Рис. 1. Хват диска при форхенде

аутсайд-ин (обводной снаружи) – выпускается с приподнятым наружным краем, описывает дугу по наружному краю поля (вправо – для форхенда и влево – для бэкхенда);

инсайд-аут (обводной изнутри) <...> [2: с. 9–10].

Англоязычная терминологическая лексика усваивается игроками на тренировках и во время игры, а также применяется при счете («Столлинг раз, два, три...»); для объявлений («Миддл!», «Стрип!»); во время объяснения тактики («Хендлер берет диск, первый в стеке выбегает в закрытую зону <...>», «Ты играешь сейчас лонгером, и тебе нужно поймать диск в зоне»). Знание субъязыка лингвокультуры становится идентификационным маркером, показателем принадлежности к данному виду спорта, индексом профессионализма игрока.

Поскольку алтимаат – это молодежный вид спорта, кроме терминов, в речи игроков часто используются молодежные сленговые выражения, которые приобретают «околотерминологическое» значение («Это был нереальный камбек!»). С помощью лексемы «камбек» емко передается сложный смысл: «забить несколько голов подряд и догнать соперника с возможностью выиграть после длительного отставания». Нетерминологические англицизмы подобного рода употребляются с целью экономии языковых усилий, кроме того, они индексируют молодость и продвинутость игроков.

Терминологическая и «околотерминологическая» англоязычная лексика очень быстро грамматически ассимилируется и не воспринимается говорящими/пишущими как заимствованная, не принадлежащая русскому языку: «Антон Бутиков, как и в 2012 г., стал лучшим хендлером. В алти-кругах можно услышать байку, будто Антон обычно не объявляет, когда маркер на нем фолит: "Все равно проброшу"» [20].

Подтверждением процесса «нативизации» англицизмов могут служить данные устного опроса 40 представителей российских команд, в рамках которого был задан вопрос: «Используете ли Вы английский язык в игре?». Большинство респондентов сначала отвечали: «Нет, не используем», и лишь затем исправлялись и поясняли: «Только когда считаем и/или что-то объявляем». Как видим, англоязычная лексика употребляется автоматически и воспринимается игроками как часть спортивной субкультуры.

В редких случаях представители команд используют в игре повседневные выражения на английском языке («Nice game!»; «Good spirit!»), что указывает на размывание границ между родным и чужим языком и в то же время индексирует открытость игроков глобальному миру. Респонденты объясняют выбор английского в подобных случаях прагматическими причинами, например подготов-

кой к международному турниру. Популярные выражения на английском языке, в отличие от заимствованных терминов, распознаются российскими игроками как чужеродные и часто негативно воспринимаются:

«Они выпендриваются»;

«Это какой-то понт».

Наблюдение за речевыми предпочтениями игроков позволяет условно поделить игроков на «русофилов», т.е. тех, кто осуждает влияние английского языка на русский и противостоит его экспансии, и «западников», которые принимают иностранную лингвокультуру и осознают себя частью глобального мира. Первые открыто говорят о неуместности употребления английского языка: «Мы играем в русский алтимат и должны говорить по-русски». Они продвигают русскоязычную культуру и создают специальные русские термины вместо заимствованных иностранных:

«Когда мы закрываем на одну секунду бросок вперед и мы видим, что кто-то проваливается, по-английски есть какой-то термин то ли "стрейд ап", то ли "стреддл", мы говорим "секунда"».

В данном примере, как пояснил респондент, русский язык используется как ресурс, в функции секретного кода, непонятного соперникам в России и за рубежом.

Глобально ориентированные игроки, говорят о коммуникативных преимуществах знания и употребления английского языка:

«Нужно чтобы на автомате был счет, объявления, основные объяснения, потому что когда приедешь на международный турнир, там некогда будет учить язык».

Английский язык широко используется в названиях команд. Выбор наименования команды можно рассматривать как акт (само)идентификации, а выбор языка (английского или русского) как способ конструирования идентичности – социальной, этнической, гендерной и др. Анализ названий команд поможет углубить научные представления о языковом сознании и динамике картины мира современной молодежи.

Всего было проанализировано 80 наименований российских команд (сюда вошли названия, отобранные с сайта <http://175g.ru/> был составлен список, а также дополнения – названия, приведенные игроками (в интервью) и собранные на турнирах 2011–2014 гг. Из 80 отобранных наименований 33 представлены на английском языке (*Cosmic Girls*, *Me&My Monkey*), 32 – на русском (*Долгорукие Москва*, *Катюша*), 6 – на других иностранных языках (*SINDICATO*, *Tequila*) и 9 названий представляют собой гибриды, образованные с помощью языковой игры двух (английского и русского) языков (*Re:Диски*, *Бивни open*).

Чтобы выяснить мотивы использования английского языка в названиях команд, в период с ноября 2011 г. по январь 2014 г. были проведены письменные (по электронной почте) и устные опросы игроков. Было задано два вопроса:

«Как называется ваша команда?»

«Почему вы выбрали такое название?»

Всего в опросах участвовало 100 человек из 50 команд. Игроки команд с названием на русском языке, как правило, подчеркивали этническую составляющую – позиционирование себя как русских:

«Мы выбрали название *Сокол*, потому что российская команда должна называться на русском»;

«Мы, честно скажу, стараемся везде использовать полное название на русском *Долгорукие Москва* и именно с Москвой»;

«Название *Молоко* как нельзя лучше выделяет нашу особенность».

Средствами русского языка игроками конструируется этническая идентичность, например, в названии *Долгорукие Москва*, где топонимический индекс, указание города, становится обязательной составляющей наименования. Команда из Вологды *Молоко* подчеркивает свою принадлежность к определенному региону, лингвистическому социуму, через диалектные особенности языка: характерной чертой севернорусских говоров является оканье.

Результаты опроса участников команд, выбравших английское название показывают, что основными мотивами использования иностранного языка в названии команды являются стремление привлечь внимание, следование моде, приверженность глобальной культуре, престижность английского языка, его эстетичность и лаконичность:

«*Северная мозаика* на русском не звучит, это же алтимат – понтовый вид спорта»;

«*Lucky Grass* на английском, потому что у нас прогрессивные ребята в команде»;

«Мы услышали песню *Jamiroquai – Cosmic Girls* и подумали, что это классное название».

Таким образом, английский язык становится маркером прогрессивной глобальной идентичности и передает широкий спектр сопутствующих смыслов, делая названия команд яркими, привлекательными и помогая завоевать симпатии болельщиков.

Анализ наименований команд показал, что английский язык настолько прочно вошел в повседневную жизнь игроков, что перестает ощущаться как «иностранность» и может использоваться при акцентуации «русскости». Так, графема *NN* в названии команды *GagariNNs* представляет собой топонимический индекс, город Нижний Новгород. Очевидно, в подобных наименованиях проявляется языковая и культурная гибридизация – слияние английского и русского языков, картин мира, фрагментов своей и чужой культур.

«Усеченное» владение языком, о котором писал Я. Бломмаэрт, особенно ярко проявляется в случаях ограниченного знания английского языка, которое иллюстрируют названия команд с нарушениями норм – лексико-семантических (*Fingers*) и грамматических (*ПИПЛы*):

«Наша команда называется *Fingers*. Ну, *fingers* – это же пальцы? Мы были похожи именно на *пальцы на ногах*. Иногда мы называем себя шустрые пальчики, потому что быстро бегаем»;

«*ПИПЛы* – это же много, а *ПИПЛ* – это один».

Особенностью многих названий команд является межъязыковая игра слов (так называемые интерлингвальные паны), актуализирующая фрагменты семантического пространства английского и русского языков с целью создания неожиданных, запоминающихся (*Re:Диски, GagariNNs*) и даже эпатирующих (*In.Team* → *Интим*) коннотаций. Примером сложного переплетения языковых и культурных смыслов является наименование команды из Челябинска – *ЧелOut. Чилаут* (от англ. сленг. *Chill out!* – *Остынь!*) – это жанр медленной электронной музыки с гипнотическими звуками или отдельное место в клубе, где играют расслабляющую музыку и куда приходят отдохнуть. Смена корневого гласного «и» на «е» и начальное *чел-* в названии представляет собой топонимический индекс. Кроме того, «чел» – современное сокращение от «человек», часто используемое молодыми людьми при описании кого-либо неизвестного в их рассказе. Предлог *out*, скорее всего, был выбран из-за созвучия, а наименование в целом – из-за желания быть модными и запоминающимися. Местная и глобальная идентичность конструируется в названии средствами двух языков. Гибридизация в наименовании указывает на слияние не только языков, но и картин мира двух культур [8].

В ходе исследования были рассмотрены также названия «временных» команд, которые формируются ежегодно на турнире «Московский фестиваль летающих дисков». Эта группа названий отличается тем, что ярко показывает, как выбор языка может быть обусловлен реакцией на внешний стимул – а именно, на лозунг спортивного турнира.

В 2012 г. темой турнира стала «История мира: прошлое, настоящее и будущее»:

«Итак:

Тема турнира: История мира!

Прошлое – Настоящее – Будущее!

Выбирайте себе любую эпоху! Смешивайте столетия! Пересекайте любых персонажей в одной команде! Загляните в будущее! Перепишите историю прошлого! Или живите настоящим! Мы никак не ограничиваем вашу фантазию!

На этот раз не будет длинных описаний и четких инструкций – вперед!

Только не забывайте, что это фановый турнир 😊

Костюмы, кричалки, и прочий веселый антураж – приветствуется и поощряется!» [12].

Глобально ориентированная тема предопределила языковые предпочтения: большинство наименований команд (17 из 24) было составлено на английском (*Old Kids, Land Before Time, Wild Wild West*). Названия апеллировали к важным событиям мировой истории, связанным с научными открытиями / теориями (*Big Bang, Apocalypse NOW*), новыми культурными движениями и их философией (*HIPPY END*). Реакцией на историческую тему был также выбор нескольких наименований на английском и русском языках на основе мифологического знания (*APPLE OF DISCORD, БОГИ, Snapra*). В целом с помощью русского языка индексировались глобальные смыслы (*Марсиане, Буги-Буги, Борода Мерлина*), только одна команда выбрала в качестве наименования букву исторической кириллицы и глаголицы – *ятБ* – и таким образом акцентировала не только историчность, но и русскость.

В 2013 г. командам была задана «дворовая» тема: «XX юбилейный Московский Фестиваль Летающих дисков состоится! Проходить он будет **10, 11 и 12 мая 2013 г.** на стадионе "Янтарь" в Строгино. В качестве необычной фишки мы приготовили для вас **2 супер-новшества**:

1. В командах в этом году строго по 9 человек.
2. Команды формируются по "правилам двора" – капитаны сами наберут себе команды!» [3].

«Дворовая» тематика обусловила выбор локально ориентированных наименований: 23 названия из 24 были составлены на русском. Одна команда придумала англоязычное наименование *Red Devils*, и всего две команды с помощью средств русского языка индексировали мировую культуру – *Команда ОК!* и *Гринвич*. В остальных случаях в функции мобильного транслокального ресурса выступил русский, а не английский язык.

Одной из ожидаемых реакций на стимул «двор» стала ассоциация «детство», проходившее для многих игроков в период перестройки СССР. В названиях отразились воспоминания тех времен: 1) дворовые игры («Вышибалы», «Кис-брысь-мяу», «Сифа»); 2) дворовый дискурс («А Коля выйдет?», «Мячик сбросьте»); 3) дворовые сладости («Пломбир», «Инвайт», «Мамба»); 4) дворовая атрибутика («Цветные мелки», «Качели», «Велосипед»); 5) советское кино («Старики-разбойники», «Операция Ы»). Любопытными примерами здесь являются названия «Мамба» и «Инвайт», имеющие англоязычные корни, но также относящиеся к русскоязычной дворовой лингвокультуре. Выбранные наименования отражают переходный период 90-х г., когда глобализация только началась и иностранные

товары с их наименованиями стали проникать в российскую лингвокультуру и укрепляться в ней посредством рекламы. Слоганы «Все любят Мамбу, и Сережа тоже!», «Инвайт – просто добавь воды!» знакомы каждому. «Мамба» и «Инвайт» были очень популярны в тот период, особенно среди детей, так англоязычные термины влились в русскоязычную картину мира и стали ее частью.

Проведенное исследование показало, что в речевых практиках алтимат фрисби английский язык может выполнять разные функции. Первая – семантическая – представлена в заимствованных словах, к которым относятся термины (*фриз, чек, форхенд*) и околотерминологическая лексика (*камбэк*). Они используются игроками в ситуациях счета, объявлений и объяснений тактик. Однако не во всех случаях употребление английского языка связано с заполнением семантических лакун – он может выполнять и индексальную, семиотическую функцию. Особенно ярко это проявляется в наименованиях команд, когда язык становится средством конструирования идентичности, акцентуации прогресса, современности и престижа (*Nord Puzzle, Lucky Grass, Cosmic Girls*).

Английский язык так глубоко вторгается в русскоязычную картину мира, что перестает осознаваться как «чужое», становится «своим» и в некоторых случаях даже используется в конструировании русскости (*GagariNNs*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Алтимат фрисби. Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 18.01.2014).
2. Алтимат (командный спорт с летающим диском): Методические рекомендации / Сост. Т.В. Лаврова, Е.А. Уланова. – Нижний Новгород: ННГУ, 2006. – 14 с.
3. Анонс МФЛД 2013. МФЛД 2013. Московский Фестиваль Летающих Дисков. Турниры по Алтимату. Russian Flying Disc Forum [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://forum.rfdf.ru/index.php?showtopic=8815> (дата обращения: 14.06.2013).
4. Гриценко, Е.С. Глобальное и локальное в речевых практиках молодежных субкультур / Е.С. Гриценко // Вестник Московского университета. – 2012. – № 2. – С. 87–93. – (Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация»).
5. Гриценко, Е.С. Глобализация и маркетингизация: рыночная метафора в различных видах дискурсивных практик / Е.С. Гриценко // Политическая лингвистика; гл. ред. А.П. Чудинов. – Екатеринбург, 2013. – Вып. 4 (46). – С. 184–191.
6. Кирилина, А.В. Перевод и языковое сознание в динамической синхронии: психические границы языка (на материале русского языка Москвы) / А.В. Кирилина // Вопросы психолингвистики. – 2011. – № 13. – С. 30–39.
7. Крючкова, Т.Б. Функционирование иностранных языков на территории России / Т.Б. Крючкова // Язык и общество в современной России и других странах: междунар. конф. Москва, 21–24 июня 2010 г. Доклады и сообщения. – М., 2010. – С. 32–38.
8. Кузнецова, А.О. Язык и идентичность: взаимодействие английского и русского языков в спортивном дискурсе / А.О. Кузнецова // Исследования молодых ученых: сб. статей аспирантов. – Минск, 2012. – С. 16–21.
9. Лалетина, А.О. Глобализация и идеологии языка в современной России: анализ метаязыковой рефлексии в профессиональной сфере / А.О. Лалетина // Вопросы психолингвистики. – 2012. – № 15. – С. 56–65.
10. Нарочная, Е.Б. Иноязычные слова в современной российской публицистике / Е.Б. Нарочная, Г.Л. Шевцова // Язык и культура. – 2009. – № 4. – С. 84–97.
11. Приказ Министерства спорта Российской Федерации (Минспорт России) от 20 мая 2013 г. № 277 г. Москва. Российская газета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/08/28/sport-dok.html> (дата обращения: 18.01.2014).
12. Тема турнира: ИСТОРИЯ МИРА. МФЛД 2012. Московский Фестиваль Летающих Дисков. Турниры по Алтимату. Russian Flying Disc Forum. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rfdf.ru/forum/index.php?showtopic=8071> (дата обращения: 14.06.2013).
13. Blommaert, J. Commentary: A sociolinguistics of globalization / J. Blommaert. // Journal of Sociolinguistics 7/4. – 2003. – P. 607–623.
14. Blommaert, J. Language and Movement in Space / J. Blommaert, J. Dong // The Handbook of Language and Globalization / Ed. by N. Coupland. – Blackwell Publishing Ltd, 2010. – P. 366–385.
15. Blommaert, J. The Sociolinguistics of Globalization / J. Blommaert. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 210 p.
16. Eckert P. Three waves of variation study: The emergence of meaning in the study of variation / P. Eckert // Annual Review of Anthropology. – 2012. – № 41. – P. 87–100.
17. Executive Board Meeting Wraps up in St. Petersburg. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.olympic.org/news/executive-board-meeting-wraps-up-in-st-petersburg/200077> (дата обращения: 18.01.2014).
18. Jaworski, A., Thurlow, C. Language and the Globalizing Habitus of Tourism: Toward a Sociolinguistics of Fleeting Relations / A. Jaworski, C. Thurlow // The Handbook of Language and Globalization / Ed. by N. Coupland. – Blackwell Publishing Ltd, 2010. – P. 255–286.
19. Kelly-Holmes, H. Language and Global Marketing / H. Kelly-Holmes // The Handbook of Language and Globalization / Ed. by N. Coupland. – Blackwell Publishing Ltd, 2010. – P. 475–492.
20. RUA-2013: лучшие среди парней. Discore: новости диск-спорта. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://discore.ru/sport/item/545-rua-2013-men> (дата обращения: 18.01.2014).
21. Silverstein, M. Indexical order and the dialectics of sociolinguistic life / M. Silverstein // Language and Communication. – 2003. – № 23. – P. 193–229.

ПРЕПОДАВАНИЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: МОДЕЛИ И СТРАТЕГИИ ОБУЧЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

О.В. Лазаретная

Лазаретная Олеся Витальевна – кандидат филологических наук, исследователь Центра англистики Лиссабонского университета.

Контактный адрес: lck_str@mail.ru

Философия языка В. фон Гумбольдта указывает на смену парадигмы в понимании отношения между мышлением и языком, предметом и понятием. Рассматривая язык как условие мышления и формирования понятий и тем самым как условие наличия умственных предметов, Гумбольдт заключает, что картина мира обусловлена языком. Поскольку любое объективное восприятие неизбежным образом бывает субъективно окрашено, и эта субъективность затрагивает также язык, то «в каждом языке лежит своеобразная картина мира». Индивидуальное восприятие мира каждым народом и его языком, будучи выражением национального характера, может быть названо духом нации.

Ключевые слова: философия языка, когнитивная лингвистика, мировидение, языковая картина мира, понятие, дух нации.

Беспрецедентное распространение английского языка как универсального средства межнационального и межэтнического общения меняет не только традиционное представление о языковой картине мира, но и создает предпосылки для пересмотра подходов в обучении английскому языку, в первую очередь, затрагивая страны Расширяющегося круга, в которых английский язык продолжает преподаваться и изучаться как иностранный.

Появляющиеся языковые теории и парадигмы, среди которых теория World Englishes, или контактной вариантологии английского языка, а также теория международного английского, или английского как лингва франка, основываются на отходе от моноцентричного подхода в обучении языку, и ставят главной образовательной целью развитие коммуникативной компетенции в условиях языковой и культурной вариативности.

На фоне меняющейся языковой парадигмы, введение и использование образовательной стратегии, признающей языковое и функциональное разнообразие английского языка, а также учитывающей лингвистическую и культурную принадлежность его пользователей, должно стать реальностью для русских пользователей английского.

Теория World Englishes, или контактной вариантологии английского языка

Теория World Englishes, или контактной вариантологии английского языка основывается на дихотомии вариантов английского языка, т.е. на существовании его национальных и локализованных разновидностей. Данная теория рассматривает языковые варианты как некую устойчивую систему, которая отражается на всех уровнях языка и функционирует в новых лингвистических и социокультурных условиях. «Не смотря на то, что одним из основополагающих тези-

сов теории World Englishes является утверждение о равноправии всех вариантов английского языка», как отмечает З. Прошина [3: с. 245], «равноправие касается социального статуса, а не нормы».

Модель вариативности английского языка традиционно изображается в форме концентрических кругов Б. Качру [12: с. 356], Внутреннего (Inner circle), Внешнего (Outer circle) и Расширяющегося (Expanding circle), согласно типу распространения, моделей усвоения и функциональных сфер использования языка. В соответствии с данной моделью страны, в которых английский язык является родным для большинства населения и используется во всех функциональных сферах, относятся к Внутреннему кругу. Варианты Внутреннего круга характеризуются как нормообеспечивающие (norm-providing) и задают языковые и образовательные стандарты для остальных англоговорящих стран. Страны, в которых варианты английского языка используются в качестве второго государственного или официального языка в образовательных, экономических, культурных и других общественных сферах, относятся к Внешнему кругу. Эти разновидности английского чаще всего находятся в стадии признания и относятся к норморазвивающим (norm-developing), в то время как страны, относящиеся к Расширяющемуся кругу, считаются нормозависимыми (norm-dependent) и следуют экзонормным моделям обучения, основанным на британской и американской разновидностях английского языка. В этих странах английский язык не является родным и изучается как иностранный для использования в ограниченных коммуникативных ситуациях.

Модель концентрических кругов предлагает, по своей сути, иерархию языковых и образовательных стандартов, определяя тем самым разную степень включения нормативных моделей в англоязычное

сообщество – «от полного вытеснения английского языка из сфер общественной жизни до параллельного использования английского и местного языка (языков) и последующего укрепления позиций английского языка» [1: с. 324–325].

Так, если в странах Внешнего круга уже сегодня можно отметить выбор в пользу эндонормы собственного варианта, отражающейся на всех уровнях языка – фонетическом, грамматическом, лексическом, семантическом и прагматическом, то в странах Расширяющегося круга по-прежнему сохраняется глубоко укоренившееся представление о стандартной – чаще всего британской или американской модели как единственной легитимной модели обучения и со стороны преподавателя, и со стороны обучаемого. В данном случае обучение строится на интеграционной мотивации [11: с. 54], т.е. усвоении не только языковых норм, таких, как например, нормативное произношение RP (Received Pronunciation), но также и социокультурной модели поведения носителей языка.

Такой подход лишает страны Расширяющегося круга возможности использовать локализованные языковые варианты английского языка в качестве модели обучения. Тем не менее в последнее время все чаще говорят о стирании границ между странами Внешнего и Расширяющегося круга. Например, Н. Хино [8] поднимает вопрос о возможности использования японской разновидности английского в обучении языку. В то же время он неоднократно подчеркивает, что изучение локализованного варианта не подразумевает возникновение новой национальной разновидности. По его мнению, модель обучения должна строиться на разновидности, сформированной под воздействием родного языка и отражающей национальную идентичность ее носителей.

Может ли такая модель служить как образовательный стандарт и насколько будет функциональна локализованная разновидность английского языка в ситуациях международной коммуникации вне локального контекста, сложно предугадать. При этом стоит учесть и то, что даже при использовании в отдельно взятом регионе английский язык может подразделяться на разные деятельностные (performative) варианты.

По мнению Д. Кристалла [4: с. 111] и Т. Макарура [14: с. 95], языковой и образовательной моделью для всех пользователей английского языка в мире вне зависимости от национальной принадлежности мог бы служить так называемый международный стандарт английского языка (World Standard English). Эта разновидность английского располагается в центре модели вариативности языка, образуется в результате выделения общего ядра, включающего характеристики стандартных языковых вариантов Внутреннего круга, главным обра-

зом, американского английского, и может использоваться в качестве эффективной модели в ситуациях международной коммуникации. Однако, включает Д. Кристалл [4: с. 111], «такой однородной, регионально нейтральной и бесспорно престижной разновидности в мире пока не существует».

Международный английский, или английский как лингва франка

Использование английского языка «как средства международного общения вне национальных и лингвистических границ» [9: с. 160] – отдельно от экзонормных моделей носителей языка, привело к возникновению в лингвистике таких понятий, как «международный английский» (English as an International Language – EIL) и «английский как лингва франка» (English as a Lingua Franca – ELF).

Появление этих понятий обусловлено не только растущим числом пользователей английского языка, но также и тем, что количество говорящих на английском как на втором или иностранном языке значительно превышает число его носителей.¹ По приблизительным подсчетам уже сегодня на каждого носителя английского приходится по три или четыре неносителя языка. Согласно Ю. Бенеке [21: с. 7], «около 80 % случаев информационного обмена, в которых английский используется как второй или иностранный язык, не связаны с носителями английского языка».

Лингвистическая картина мира, в которой абсолютное большинство пользователей английского не являются носителями языка, послужила предпосылкой появления новых языковых парадигм, которые ставят под сомнение не только традиционное восприятие о норморегулирующих моделях английского языка, но и привилегированное положение его носителей. Вслед за моделью Д. Грэддола [6: с. 10], которая основывается на «смещении центра тяжести» от говорящих на английском языке как на родном к говорящим на английском как на втором языке, появляются модели, в которых центральное место занимает любой билингвальный носитель, который принимает активную роль в распространении и развитии языка [17: с. 25]. В частности, не так давно сам Б. Качру предложил модель, в которой «Внутренний круг включает в себя группу носителей языка, свободно владеющих языком как родным на функциональном уровне, вне зависимости от его усвоения или использования» [5: с. 110].

Сторонники теории международного английского полагают, что английский язык не должен препо-

¹ В то время как число носителей английского языка в мире составляет 320–450 млн, а число говорящих на английском как на втором языке 375–500 млн, общее число пользователей английского языка как иностранного варьирует от 375 млн до более чем одного миллиарда человек [4: с. 107; 6: с. 10].

даваться как иностранный и подчиняться прескриптивным нормам его носителей в условиях, в которых английский все больше служит средством коммуникации для людей, не имеющих общности родного языка и культуры, а также выступают против продолжающегося использования двух ведущих языковых вариантов – американского и британского, характеризуя такое положение вещей как «концептуальное расхождение» (*conceptual gap*) [20].

Исходя из этого подходе следование нормативным культурно-языковым моделям носителей языка считается наименее эффективным, чем развитие коммуникативной компетенции и достижение владения языком на международном уровне, т.е. «умение использовать коммуникативные стратегии и лингвистическую разновидность, которая была бы понятна для участников коммуникации, принадлежащих разным национальным и культурным общностям» [16: с. 39].

Однако на данный момент радикальным изменениям в преподавании английского языка как международного мешает отсутствие модели обучения и обучающего материала. Несмотря на это, ряд исследований на основе выявления «характерных черт» международного английского ведется на разных уровнях языка.

Так, Дж. Дженкинс [10: с. 134–160] изучает фонетические характеристики международного английского, выделяя при этом ядро английского как лингва франка (*Lingua Franca Core – LFC*). При этом она различает центральные характеристики («*core*» features), когда акцент в речи может привести к помехам в процессе коммуникации, и периферийные характеристики («*non-core*» or «*peripheral*» features) – допустимые вариации стандартного произношения. К периферийным характеристикам, к примеру, относится произношение таких звуков, как звонкого согласного звука [ð] и глухого согласного звука [θ], которым традиционно уделяется большое внимание в педагогическом процессе. Согласно Дженкинс любые вариации данных звуков в речи считаются допустимыми. В целом, по ее мнению [10: с. 11], обучаемый не должен тратить время на заучивание звуков, которые даже при неправильном употреблении в речи не ведут к серьезным помехам в коммуникационном обмене.

Б. Зайдлхофер [22: с. 220], со своей стороны, выделяет лексико-грамматические девиации, которые при допущении в речи не препятствуют эффективному общению, такие, как например: 1) опущение окончания *-s* у глаголов в простом настоящем времени в 3-м лице ед. ч.; 2) отхождение от норм в использовании определенного и неопределенного артиклей; 3) употребление формы множе-

ственного числа неисчисляемых существительных («*informations*», «*staffs*», «*advices*»), и т.п.

Противники данной теории говорят о попытке создать очередную моноцентричную языковую модель, которая противоречит плюрицентрическому характеру языка. Вместе с тем лингвисты, занимающиеся изучением международного английского, неоднократно подчеркивали, что не преследуют цели создать новый мировой стандарт. Модель использования английского как лингва франка не включает прескриптивных языковых норм, а носит дескриптивный характер. Также, несмотря на то, что эта языковая парадигма не рассматривает многообразие вариантов английского языка, она признает лингвистические различия его пользователей.

Еще одно заблуждение состоит в том, что английский язык, используемый как лингва франка, часто характеризуется как некий редуцированный вариант, лишенный каких-либо национально-культурных признаков – «немаркированный выбор для целей международного общения» [15: с. 38]. По мнению З. Прошиной [3: с. 246], «...эта модель в абсолюте не достижима – ни один индивид не может переступить через свою культуру и родной язык». Пользователи любого языка, который употребляется в качестве лингва франка, учат язык вдалеке от его носителей через призму коммуникативного поведения, характерного для родной лингвокультурной общности, и выражают через язык свою культурную принадлежность и самобытность.

Модель обучения в системе национального образования

Модели обучения, используемые для преподавания английского языка в системе национального образования, все еще являются продуктом «нормативной языковой идеологии» (*standard language ideology*) [23: с. 42]. Не будучи родным, английский в России изучается как иностранный язык с ориентацией на стандартные языковые модели. Согласно И. Устиновой, «Английский язык в России попадает под категорию стран Расширяющегося круга (Kachru, 1992), в которых английский не обладает статусом официального языка, не находится на стадии развития институционального варианта, так же как и не используется как средство коммуникации внутри сообщества. Английский язык в России изучается как иностранный, обладает ограниченным кругом пользователей и используется в международной торговле, туризме, обучении за рубежом и науке» [24: с. 239].

Таким образом, преподавание английского языка в России основывается на интеграционной мотивации обучаемого [11: с. 54], при которой главной образовательной целью становится усвоение наиболее употребительных речевых и языковых

норм, принятых в странах изучаемого языка, т.е., по своей сути, обучение языку строится на так называемых стандартных разновидностях английского – как правило, на британском варианте в Европейской части России, и на американской разновидности в Азиатской части страны.

Так, примерная программа по иностранному языку для основной школы [2], составленная на основе Фундаментального ядра содержания основного общего образования и требований к результатам освоения программы, представленных в федеральном государственном образовательном стандарте, определяет основными целями изучения иностранного языка как учебного предмета достижение коммуникативной компетенции: речевой, языковой, социокультурной, а именно овладение новыми языковыми средствами (фонетическими, орфографическими, лексическими, грамматическими); освоение знаний о языковых явлениях изучаемого языка, разных способах выражения мысли в родном и иностранном языках; формирование социокультурной/межкультурной компетенции – приобщение к культуре, традициям, реалиям стран/страны изучаемого языка.

При этом одним из результатов изучения языка является приобретение адекватного произношения и различение на слух всех звуков иностранного языка; соблюдение правильного ударения в словах и фразах. При обучении английскому языку как иностранному такой целью по-прежнему остается приобретение нормативного произношения британской разновидности английского (RP), продолжающее считаться единственной престижной, правильной и понятной в международной коммуникации моделью.

Несмотря на то, что английский продолжает изучаться и преподаваться как иностранный язык, примерная программа для основной школы также подчеркивает необходимость развития коммуникативной компетенции в межкультурной и межэтнической коммуникации, формирование общекультурной и этнической идентичности, толерантное отношение к проявлениям иной культуры; осознание себя гражданином своей страны и мира.

Осмысление того, что развитие языка вышло за рамки традиционного восприятия языковых моделей, связано с тем, что английский все чаще используется как «контактный язык» [7], поэтому достижение владения языком на уровне носителей не должно становиться единственной целью обучения, так как большинство пользователей языка используют английский для общения с такими же неносителями языка.

На практике, несмотря на поставленные цели, преподавание английского языка в России продолжает опираться на традиционные модели обучения,

тогда как формирование коммуникативной компетенции в ситуациях межэтнического и межкультурного общения предполагает появление новых образовательных методик и стратегий, призванных совместить реалии образовательного процесса с языковой реальностью современного мира.

Образовательные стратегии в обучении английскому языку

Пересмотр подходов в преподавании английского языка не стоит воспринимать как попытку заменить одну модель обучения на другую. Отход от традиционных регламентирующих норм – прежде всего от британской и американской модели, преследует своей целью введение и использование в обучении образовательной стратегии, признающей языковое и функциональное разнообразие английского языка.

В первую очередь, применение данной стратегии в обучении подразумевает переориентацию целей обучаемого, которому должен быть предоставлен выбор, каким моделям следовать для того, чтобы достичь результата эффективной коммуникации в различных ситуациях общения. Отсюда следует, что результатом изучения английского языка может стать владение языком на разных уровнях (до уровня носителя).

Для того чтобы приблизить подходы в обучении к языковой реальности вне образовательного процесса, одними из основных целей изучения английского языка должны стать:

- знакомство с разными вариантами английского языка; понимание лингвистического и культурного разнообразия английского языка в мире;
- формирование коммуникативной компетенции и применение коммуникативных навыков в ситуациях общения не только с носителями языка, для которых английский язык является родным, но и с носителями других разновидностей языка; умение пользоваться английским языком как средством международного общения;
- умение использовать имеющиеся языковые средства и речевые стратегии в зависимости от целей коммуникации и ситуаций коммуникативного обмена; приспосабливаться к языковым средствам, используемым собеседником; выбирать и распознавать наиболее эффективные для ситуаций коммуникативного обмена языковые средства, понимать, как они используются разными англоговорящими сообществами;
- формирование «интеркультурной грамотности» [3: с. 247], позволяющее осуществлять контроль и реализацию межкультурной коммуникации на разных вариантах английского языка.

Иными словами, основной целью обучения должно стать развитие языковой толерантности при

вступлении в контакт с разными вариантами английского языка, подразумевающее не только терпимое отношение к лингвистическим различиям, но также и поведенческую толерантность (модели поведения в ситуациях коммуникативного обмена, эмоциональная окраска речи, и т.д.). Не стоит забывать и том, что языковая толерантность является составной частью культурной компетенции, поэтому при обучении английскому языку нельзя ограничиваться передачей культурологических сведений, ориентируясь только на Великобританию и США.

Другим важным аспектом в обучении языка должна стать ориентация на типичные языковые признаки, характерные для русских пользователей английского, которые проявляются на всех языковых уровнях – фонетическом, грамматическом, лексическом, семантическом и прагматическом.

До недавнего времени эти характеристики чаще всего воспринимались как ошибки, неправильное использование, отход от стандартных норм носителей языка, а не как характеристики типичные для отдельной разновидности, через которые говорящие на данном языковом варианте выражают свою национальную идентичность и принадлежность к определенной культурной общности. Тем не менее, «типичные лингвистические признаки образованных представителей социума, являются параметрами выделения того или иного этнокультурного речевого варианта английского языка» [3: с. 247], к которому можно отнести и русскую разновидность английского (Russian English) [24].

Именно ориентация на лингвистические признаки русской разновидности английского языка в процессе обучения поможет учащимся сконцентрироваться на усвоении тех языковых средств, расхождение в употреблении которых может создавать помехи в ситуациях коммуникативного обмена. Опираясь на проводимые исследования в рамках теории использования английского языка как лингва франка, можно выделить фонетическое ядро и лексико-грамматических характеристики этой разновидности языка.

Фонетическое ядро русской разновидности английского

Фонетическое ядро русской разновидности английского основывается на фонетических особенностях речи ее пользователей [8: с. 121-122], и включает центральные характеристики, усвоению которых следует уделять больше внимания в учебном процессе, и периферийные характеристики, не представляющие серьезных помех в ситуациях международной коммуникации [13: с. 119-120].

Центральные характеристики

1. Различие между длинными и короткими гласными звуками. Русские пользователи английского языка не делают различий между длинными

и короткими гласными звуками, что приводит к возникновению омонимичных рядов из двух и более слов. Например, «sport», «spot» [spot]; «steal», «steel», «still» [stil]; «leave», «live», «leaf» [lif].

2. Различие между глухими и звонкими согласными на конце слов. Отсутствие различий между глухими и звонкими согласными на конце слов связано с неспособностью отличать длинные и короткие гласные звуки [10: с. 141]. Эта особенность приводит к возникновению таких омонимичных групп, как «mob», «mor» [mor]; «food», «foot» [fut]; «bridge», «breach» [britʃ].

Периферийные характеристики

1. Аспирация. В русской разновидности английского языка согласные звуки [p], [t] и [k] произносятся без придыхания. Например, car [k^ha:] произносится как [ka], ten [t^hen] как [ten].²

2. Регрессивная ассимиляция согласных в середине слова (*absorption* [εp^hso:psɒn]).

3. Отсутствие интонационной ступенчатой шкалы (*intonation stepping scale*).

4. Восходящий тон в специальных и альтернативных вопросах (*why did you say that? Is his name Mike or Andrew?*).

Поскольку носители разных разновидностей английского при получении и интерпретации информации основываются, в первую очередь, на акустическом восприятии, важно отметить, что фонологический перенос из родного языка может служить основным источником возникновения помех в ситуациях коммуникации, тогда как отклонения от лексических и грамматических норм редко приводят к недопониманию между коммуникантами.

Лексико-грамматические характеристики

Лексико-грамматические языковые средства, усвоение которых вызывает наибольшие сложности у русскоговорящих пользователей английского языка, чаще всего вызваны переносом с родного языка носителя на язык-реципиент. К признакам, которые вызывают трудности в обучении, но не являются проблематичными в ситуациях международной коммуникации, относятся следующие [13: с. 121]:

1. Нерегулярное использование артиклей, S5 [L1=rus-RU]: <soft> yah </soft> we have something like midterm but it's not <3> really </3> the real <4> exam </4> (.) [25: EDcon521].

2. Опускание окончания –s у глаголов в простом настоящем времени в 3-м лице ед. ч.,

² Несмотря на то, что в первоисточнике [13: с. 119–120] аспирация отнесена к центральным характеристикам фонетического ядра русской разновидности английского, этот признак можно отнести к периферийным, так как отсутствие аспирации не является проблематичным для русских пользователей английского языка.

S10 [L1=rus-RU]: er it <1> is </1> yah it is yes it's
it follow from the fact that (.) [25: PRwgd537].

3. Употребление формы множественного числа существительных, считающихся неисчисляемыми в английском, по аналогии с русским языком: «advices», «fruits» и т.д.

4. Избыточность в употреблении предлогов,

S2 [L1=rus-RU]: ...they have to find some other
niches. (.) e:r for approximately two years ago (.) er (.)
certain players (.) have e:rm discovered for them (.)
while these were interesting markets er which was er
<prvc> (consumal) </prvc> ending [25: PBpan28].

В заключение стоит отметить, что в современных условиях лингвистической относительности определение подходов в преподавании языка становится прерогативой преподавателя, который не только должен суметь помочь обучаемому в постановке целей изучения языка, но и применить наиболее оптимальные модели и стратегии в процессе обучения. Вне зависимости от поставленных целей, результатом обучения должно стать развитие коммуникативной компетенции, умение использовать языковые средства и речевые стратегии в ситуациях коммуникации, с которыми обучаемый столкнется вне образовательного процесса.

Изменение моделей обучения и образовательных стратегий в преподавании английского языка должно стать результатом принятия языковых парадигм, отражающих вариативность языка и его использование как средства коммуникации в межкультурном общении. Новые методики обучения призваны способствовать развитию языковой и культурной толерантности к разным вариантам языка, и признанию существования локализованных языковых вариантов самими его носителями. На сегодняшний день пересмотр подходов в обучении английскому языку, так или иначе, требует серьезного тестирования и разработок на уровне дидактических материалов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бородина, Д.С. Английский лингва франка – за и против / Д.С. Бородина // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Т. 24 (63). Ч. 1. – 2011. – № 1. – С. 324–331. – (Сер. «Филология. Социальные коммуникации»).
2. Иностраный язык. Общая характеристика программы [Электронный ресурс] / ФГОС. – Режим доступа: <http://standart.edu.ru/catalog.aspx?CatalogId=2628>
3. Прошина, З.Г. Вариантность английского языка и межкультурная коммуникация / З.Г. Прошина // Личность. Культура. Общество. – М., 2010. – Т. XII. – Вып. 2. – № 55–56. – С. 242–252.
4. Crystal, D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language / D. Crystal. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 489 p.
5. Graddol, D. English Next / D. Graddol. – London: British Council, 2006. – 128 p.
6. Graddol, D. The Future of English? / D. Graddol. – London: British Council, 1997. – 66 p.
7. Grushko E.I., Petrosyan, K.S. Reflecting on English as a Lingua Franca: Possible Implications for Language Teaching and Learning in Russia / E.I. Grushko, K.S. Petrosyan // International Internet Conference. – URL: www.t21.rgups.ru/Arhiv2008s2 – Accessed April 6, 2012.
8. Hino, N. Endonormative Models of EIL for the Expanding Circle // Principles and Practices of Teaching English as an International Language / Ed. by A. Matsuda. – Bristol: Multilingual Matters, 2012. – P. 28–43.
9. Jenkins, J. Current Perspectives on Teaching World Englishes and English as a Lingua Franca / J. Jenkins // TESOL Quarterly. – 2006. – Vol. 40. – № 1. – P. 157–181.
10. Jenkins, J. The Phonology of English as an International Language: New Models, New Norms, New Goals / J. Jenkins. – Oxford: Oxford University Press, 2000.
11. Kachru, B.B. Models for Non-Native Englishes // The Other Tongue: English across Cultures / Ed. by B.B. Kachru. – 2d. ed. – Urbana and Chicago: University of Illinois Press, 1992. – P. 48–74.
12. Kachru, B.B. Teaching World Englishes // The Other Tongue: English across Cultures / Ed. by B.B. Kachru. – 2d. ed. – Urbana and Chicago: University of Illinois Press, 1992. – P. 355–365.
13. Lazaretnaya, O.V. English as a Lingua Franca in Russia: a Sociolinguistic Profile of Three Generations of English Users / O.V. Lazaretnaya. – PhD thesis. – Viva: January 9, 2013. – University of Lisbon, Department of English studies, 2012. – 222 p.
14. McArthur, T. The English Languages / T. McArthur. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 247 p.
15. McKay, S.L. Teaching English as an International Language / S.L. McKay. – Oxford: Oxford University Press, 2002. – 157 p.
16. Melchers, G., Shaw, P. (Eds.). World Englishes / G. Melchers, P. Shaw (Eds.). – London: Arnold, 2003. – 229 p.
17. Modiano, M. International English in the Global Village / M. Modiano // English Today. – Cambridge, 1999. – Vol. 15. – № 2. – P. 22–28.
18. Proshina, Z.G. The ABC and Controversies of World Englishes / Z.G. Proshina. – Khabarovsk: DVII, 2007. – 169 p.
19. Proshina, Z.G. Intermediary Translation from English as a Lingua Franca / Z.G. Proshina // World Englishes. – Oxford, 2005. – Vol. 24. – № 4. – P. 517–522.
20. Seidlhofer, B. Closing a Conceptual Gap: the Case for a Description of English as a Lingua Franca / B. Seidlhofer // International Journal of Applied Linguistics. – 2001. – Vol. 11. – № 2. – P. 133–158.
21. Seidlhofer, B. A Concept of International English and Related Issues: from 'Real English' to 'Realistic English'? / B. Seidlhofer. – Strasbourg: Council of Europe, 2003. – 28 p.
22. Seidlhofer, B. Research Perspectives on Teaching English as a Lingua Franca / B. Seidlhofer // Annual Review of Applied Linguistics. – Cambridge, 2004. – Vol. 24. – P. 209–239.
23. Seidlhofer, B. Understanding English as a Lingua Franca / B. Seidlhofer. – Oxford: Oxford University Press, 2011. – 244 p.
24. Ustinova, I.P. English in Russia / I.P. Ustinova // World Englishes. – Oxford, 2005. – Vol. 24. – № 4. – P. 239–251.
25. Vienna-Oxford International Corpus of English (VOICE). – URL: www.univie.ac.at/voice/page/index.php – Accessed September 15, 2011.

ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА И ЕЕ ХАРАКТЕР В КОНЦЕПЦИИ В. ФОН ГУМБОЛЬДТА

Л.П. Лобанова

Лобанова Лидия Петровна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Контактный адрес: lydia.lobanova@mail.ru

Философия языка В. фон Гумбольдта указывает на смену парадигмы в понимании отношения между мышлением и языком, предметом и понятием. Рассматривая язык как условие мышления и формирования понятий и тем самым как условие наличия умственных предметов, Гумбольдт заключает, что картина мира обусловлена языком. Поскольку любое объективное восприятие неизбежным образом бывает субъективно окрашено, и эта субъективность затрагивает также язык, то «в каждом языке лежит своеобразная картина мира». Индивидуальное восприятие мира каждым народом и его языком, будучи выражением национального характера, может быть названо духом нации.

Ключевые слова: философия языка, когнитивная лингвистика, мировидение, языковая картина мира, понятие, дух нации.

Теория своеобразной обусловленности индивидуальной картины мира языком, возникающая в развернутом виде впервые в трудах В. фон Гумбольдта, позволяет говорить о смене парадигмы в понимании отношения языка и картины мира. Гумбольдт настойчиво подчеркивает во многих своих трудах, что между миром и человеком лежит язык с его опосредующей ролью и направленностью на то, чтобы «теснейшим слиянием звука с понятием сделать из слова отдельную сущность, парящую между человеком и миром, одновременно независимую и зависимую от них обоих» [9: с. 88]. В сочинении «О буквенном письме и его связи со строением языка» он пишет об «идеальной, т.е. превращающей внешний мир в идеи, природе языка» [7: с. 87], а в «Основных чертах всеобщего типа языка» утверждает, что язык – это «орган мышления и изображения мира» [9: с. 130]. Понятие языковой картины мира Гумбольдт впервые вводит *терминологически* (Weltansicht) в докладе на тему «О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам развития языка», прочитанном им в Прусской академии наук 26 июня 1820 г. Говоря о взаимозависимости мысли и слова, он подчеркивает роль языка в познании мира: «Благодаря обоюдной зависимости мысли и слова друг от друга становится очевидным, что языки – не только средство для того, чтобы представлять уже открытую истину, но скорее для того, чтобы обнаруживать до того не открытую. Их различие есть не различие звучаний и знаков, но различие самих картин мира. В этом содержится причина и последний смысл всякого изучения языка» [7: с. 19–20].

«Мир человека есть его язык», – пишет Гумбольдт с полной определенностью в работе «О грамматическом строении китайского языка» [9: с. 248] в 1826 г., однако, идею языковой картины мира и ее своеобразия в разных языках он формулирует фактически уже в 1801 г. в небольшом отрывке «Об изучении

языков, или план систематической энциклопедии всех языков», входящем во «Фрагменты монографии о басках»: «Несколько языков – это не столько же обозначений одной и той же вещи. Это различные ее картины (Ansichten), и если вещь не является чувственно воспринимаемым предметом, то это часто столько же вещей, созданных каждым (говорящим) по-разному, в которых любой (другой) находит лишь столько своего, (сколько нужно) чтобы суметь воспринять в них чужое и вместить его в себя. Это иероглифы, в которых каждый оставляет отпечаток мира и своей фантазии, и которые (поскольку мир и фантазия в целом остаются теми же самыми, и фантазия всегда по законам подобия форму за формой выстраивает в ряд) вновь и вновь взаимно порождают друг друга, умножают и продолжают формировать. <...> Поскольку языки являются всегда достоянием целых народов, то мы можем не опасаться в них хитроумностей и излишеств фантазии, в которых часто бывают повинны отдельные люди. То, что они предлагают нам, есть полная, чистая и простая человеческая природа, но если мы проникнем в глубины ее тайн, то сможем и сегодня еще оживить нашу сухую рассудочную культуру юношеской силой воображения тех народов, которые каждое впечатление, предлагавшееся юным миром их еще не притупившимся чувствам, облачали в покров живого и волнующего образа» [8: с. 110].

Эту мысль Гумбольдт повторяет через два десятилетия и в упомянутом докладе «О сравнительном изучении языков»: «...Выражения для чувственных предметов означают одно и то же, пожалуй, постольку, поскольку в случае каждого из них мыслится один и тот же предмет, но так как они выражают определенный способ представления его, то и их значения в этом расходятся. Ибо воздействие индивидуального видения предмета на образование слова определяет, пока сохраняет живость, также и то, как слово возвращает (в памяти)

предмет» [7: с. 21]. Именно эта индивидуальность в восприятии мира лежит в основе формирования некоего мысленного мира в языке, который становится между человеком и окружающим его миром. «Между вечно сменяющимися друг друга поколениями людей и миром объектов, подлежащих выражению, – пишет здесь же Гумбольдт, – стоит поэтому бесконечное число слов, которые, будь они даже порождены изначально согласно законам свободы и употребляемы в дальнейшем таким же образом, могут рассматриваться, подобно людям и объектам, как самостоятельные сущности, объяснимые лишь исторически и возникшие постепенно посредством соединенных сил природы, людей и событий. Их череда уходит так глубоко во тьму времен, что установить начало уже невозможно; они разрослись, охватив своими ветвями весь род человеческий, в котором хоть когда-то бывало сообщение; их бесконечная жизнь и бесконечное порождение могли бы прийти к концу лишь тогда, когда были бы истреблены все поколения, живущие ныне, и отрезаны были бы разом все нити предания. Но если уж народы пользуются этими, бывшими прежде них элементами языка, если уж эти элементы примешивают свою природу к изображению объектов, то выражение не является безразличным, а понятие не является независимым от языка» [7: с. 19].

Комплексность своего тезиса языковой картины мира Гумбольдт понимал намного глубже и детальнее, чем все, кто ссылался на него в прошлом и ссылается в настоящем, опираясь на его авторитет. Одну из основных причин не только формирования языка и развития человека, но и всего движения истории человеческого рода он видит в противопоставлении окружающего мира и человека, в непреодолимом стремлении человеческого разума к постижению мира. Эта мысль звучит как в самых ранних его трудах по теории государства, теории формирования человека, в эстетической теории, так и в философии языка на протяжении всей его жизни. Подчеркивая неизменное внимание ученых всех времен к образу человека во всех различиях его образа жизни, обусловленных особенностями окружающей его живой и неживой природы, представлений о которой, по замечанию Ф. Шеллинга, «существует едва ли не столько же, сколько различных образов жизни» [3: с. 54], и ее непрерывным влиянием на человека, молодой Гумбольдт пишет уже в 1791 г. в небольшом фрагменте «О законах развития человеческих способностей», что наибольший интерес для исследования представляет понимание той связи, которая соединяет человека с человеком в пространстве и во времени, имея в виду под пространством все уголки земного шара и под временем все прошедшие и грядущие века. Наблюдательный исследователь «ставит да-

лекие, давно исчезнувшие поколения рядом с собой и своими современниками, сравнивает испытующим взором их внутреннее бытие; их восприимчивость к внешним впечатлениям; их способность превращать воспринятый материал в свою собственную и с обогащенной полнотой идеей и умноженной способностью к восприятию создавать собственные творения; их внешнее положение; окружающий их мир и форму (Gestalt), в которую они его преобразуют; наслаждение, которое они извлекают из даров судьбы и плодов своей деятельности» [5: с. 43]. Как видим, здесь уже сформулирована в общем виде мысль о преобразовании мира в собственность духа [7: с. 64], которая занимает столь важное место в философии языка Гумбольдта. «Дух творит, – скажет он в конце жизни, – но тем же самым актом ставит перед собой творение и подвергает себя, в качестве объекта, его обратному воздействию. Так возникает из отраженного в человеке мира между человеком и миром язык, связующий человека и мир и оплодотворяющий мир с помощью человека» [7: с. 607].

В работе «О духе человечества» (см. эту работу в переводе С.А. Старостина «О духе, присущем человеческому роду» [1: с. 337–345]) Гумбольдт пишет о своем выборе слова «дух» (Geist) для характеристики человечества: «...Найти выражение, которое обозначало бы сущность человечества всеобщим и вместе с тем все-таки более своеобразным образом, как существо и саму силу, было нелегко. Чтобы быть подходящим, оно должно было быть применимым одновременно к его [человечества] чувственной и нечувственной природе и еще, кроме того, показывать, что является в ней своеобразно господствующим. И в том, и в другом отношении из всех слов, которые можно было бы использовать, ‘дух’ показалось наиболее уместным» [5: с. 515]. В заключение этого сочинения он дает подробный семантический разбор слова «Geist» [5: с. 515–518].

Гумбольдт последовательно указывает в своих трудах, что, мысленно охватывая мир и соединяя его с собой, человек одновременно упорядочивает его в некое целое. Об этом он пишет уже в 1798 г. в сочинении «О ‘Германе и Доротее’ Гёте», неоднократно возвращаясь к мысли о противопоставленности человека миру и его взаимодействию с ним: «Куда бы человек ни направил свой взгляд, везде он стремится привести в действие понятие взаимной причинной связи, внутренней организации. Изгнать отовсюду случайность, чтобы не показалось, что он не властвует в сфере наблюдения и мышления, что он не властвует в сфере практических действий, – в этом стремление разума. Уже одним этим он доказывает, что по праву хвалится более высоким происхождением, чем прочие твари, что его место в пределах лучших, чем пределы дей-

ствительности, что его место в стране идей. Перенести с собой туда и всю природу в верном и полном наблюдении, т.е. приравнять свой опыт объему мира, превратить эту огромную массу отдельных отрывочных явлений в нераздельное единство и организованное целое и сделать это посредством всех данных ему к тому органов – это конечная цель его интеллектуальных усилий» [6: с. 139–140].

Изъять природу из ограниченной действительности и перенести ее в мир идей означает не только придать ей неограниченный характер идеального, но, по сути, создать иной, идеальный мир. В этом идеальном мире человек объединяет себя с миром действительным, и тем самым преодолевается противопоставленность человека окружающему миру, причем это преодоление осуществляется неизбежным образом при посредстве языка. «Если представлять себе язык вторым миром, – пишет Гумбольдт, – который человек объективирует из себя самого согласно возникающим у него впечатлениям о реальном мире, то тогда слова являются в нем отдельными предметами, характер индивидуальности которых, в том числе в форме, должен поэтому сохраняться» [7: с. 448]. В убеждении, что мышление, даже самое «чистое», покоится на относительной основе, которую составляет реальность картин мира, содержащихся в разных языках, и что именно это обстоятельство носит фундаментальный характер, он требует не только эмпирического, но и философского его осмысления фактически уже в 1796 г. в тезисной программе философии языка «О мышлении и говорении» [8: с. 97]. Существование этого особого мира можно поставить также в связь с понятием двоичности, принадлежащим, согласно Гумбольдту, всей области видимого и невидимого и занимающим в языке более важное место, чем где бы то ни было: «Человек говорит, даже мысленно, только с другим или с самим собой, как с другим, и тем самым очерчивает круг своего духовного родства, отделяет тех, кто говорит, как он, от тех, кто говорит иначе. Эта черта, разделяющая человечество на два класса – свой и чужой, – есть основа всякой первоначальной общественной связи» [7: с. 137–138].

При этом, в отличие от лингвистов и философов XX в., Гумбольдт не ставит ни в одной из своих работ вопрос об истинности или объективности языковой картины мира даже в возможности, поскольку каждая из них, в его понимании, всегда национально-субъективна. Во-первых, он утверждает субъективность познания как такового: поскольку оно осуществляется с участием человеческого духа и путем усвоения его формы уподобляется его природе, то, «претерпевая это превращение, с неизбежностью должно одновременно пострадать в своеобразно присущем ему характере, необходимым образом жертвуя в какой-то своей части, т.е. в объективной

истине» [5: с. 410]. Во-вторых, всякий язык, будучи индивидуальным в употреблении, является в совокупности творением целого народа в его истории познания мира многими поколениями. «Ведь форма духа, образ действия и нравы многих народов, – пишет Гумбольдт, – обнаруживают известное единообразие лишь в столь длинной череде событий, что срок в одно столетие еще едва ли дает достаточное пространство для этого» [5: с. 409]. Отдельный человек, употребляя язык, не может выйти за пределы его совокупности, и в этом смысле он обусловлен языком.

«Всякий язык, – пишет В. Лютер в своей книге «Картина мира и духовная жизнь», – предлагает уже имеющееся (vorgängig) освоение вещей и их порядок, уже имеющееся понимание мира (Vorverständnis der Welt), от власти (Anleitung) которого человек не может освободиться, как и от своей кожи. Гумбольдт называет этот промежуточный мир ‘картиной мира’ не только потому, что она должна, чтобы охватить каждый отдельный феномен, стать равной объему мира, но и потому, что она в первую очередь дает нам возможность обозреть многократно переплетенные взаимосвязи мира и разобраться в них» [10: с. 10]. Гумбольдт подчеркивает, что «язык, хотя и дан по начальному импульсу духом и возникает из души, все время сам порождает, как и порождается, что действие и обратное действие всегда в нем энергически связаны и что, кроме того, будучи оформленным однажды независимо от индивидуума, он навязывает себя ему в качестве посторонней внешней власти» [9: с. 139]. Однако же в каждом индивидуальном употреблении языка человек оказывает на него обратное воздействие, пришеивая к нему что-то свое.

Исходя из этого Гумбольдт утверждает, что «...каждый отдельный язык является результатом трех различных воздействий по совокупности: а) реальной природы объектов, поскольку они производят впечатление на ум и душу; б) субъективной природы народа и в) своеобразной природы языка из-за подмешанного ей чуждого материала и из-за той силы, по которой все, однажды в язык вошедшее, позволяет дальнейшее развитие лишь в определенных границах аналогии, даже если и было изначально создано свободно» [7: с. 19]. В силу того, что язык выступает в качестве посредника между человеком и миром, конституируя мир и одновременно определяя его, он и становится картиной мира. При этом в определении мира и предметов решающую роль играет именно языковая субъективность, поскольку «субъективная деятельность образует в мышлении объект. Ведь никакой род представлений не может рассматриваться как просто воспринимающий созерцание уже имеющегося предмета. Деятельность чувств должна синтетически соединиться с внутренним действием духа <...>. А в этом

без языка не обойтись» [7: с. 428]. Слово обозначает не предмет: «даже применительно к внешним, физическим, именно чувственно ощущаемым предметам <...> слово является не эквивалентом витающего перед чувствами предмета, но понимания его через порождение языка в определенное мгновение изобретения слова» [7: с. 468]. Более того, «слово, лишь благодаря которому понятие превращается в индивидуум мира мыслей, добавляет ему много от своего, и идея, получающая благодаря слову определенность, удерживается вместе с тем в известных границах» [7: с. 17].

В связи с этим Гумбольдт возражает против понимания языка как простого произвольного знака, так как в этом случае не существовало бы возможности индивидуального употребления языка, поскольку он был бы непонятен другим. Он не согласен с представлением, что предметы воспринимаются человеком чувственным образом как таковые, а язык лишь обозначает их, поскольку ни в чем из того, что порождено языком, не находит подтверждений этому. «Мир как замкнутый круг всего действительного, – пишет он, – можно рассматривать двояким образом: во-первых, исходя из предметов, которые он охватывает; затем, исходя из органов, которыми человек вмещает их в себя. Ибо лишь постольку, поскольку он обладает соответствующими органами, для него может существовать внешний мир» [6: с. 145]. Поэтому он решительно отвергает характерное для платоновского понимания языка мнение, что функция языка исчерпывается сообщением чего-то, определенного уже до языка: «...Также бывает, что способ представления, будто язык не совершает ничего кроме обозначения уже, собственно, воспринятых чувствами предметов, оказывается очень далеким от того, чтобы исчерпать его полное и глубокое содержание. Как понятие без него невозможно, так и для души без него не может быть никакого предмета, поскольку всякий внешний предмет лишь посредством понятия обретает для нее сущность» [7: с. 223]. Более того, Гумбольдт уверен, что такая «платоновская» точка зрения никогда не позволит уяснить истинную природу языка во всем объеме. При внимательном взгляде на язык, утверждает он, «сразу же обнаруживается бросающееся в глаза различие. Язык несет на себе следы того, что при его формировании источником служило преимущественно чувственное созерцание либо внутренний мир мыслей, где над этим чувственным созерцанием уже потрудился дух» [7: с. 135].

Итак, рассуждение Гумбольдта состоит в следующем: любой предмет, даже «внешний» – предмет материального мира, обретает в завершённом виде свою жизнь, свое существование для души исключительно посредством понятия, а возникновение

понятия происходит в языке через восприятие предметов, но не непосредственно, а опосредуется субъективностью восприятия. В сентябре 1800 г. он пишет Ф. Шиллеру, что язык не только представляет всю нашу духовную деятельность субъективно, но он также «порождает одновременно предметы, коль скоро они являются объектами нашего мышления. Ведь их элементы составляют отрезки в ходе наших представлений, который без них был бы беспорядочным потоком. Они есть чувственные знаки, по которым мы определяем различные зоны отдельных предметов и посредством которых мы (чтобы избежать всякого ложного представления пространственной материи) определенные порции нашего мышления превращаем в единства, которые можно использовать для других сочетаний и осуществлений. Поэтому язык, если не в целом, то, по меньшей мере, в чувственном отношении, есть средство, с помощью которого человек формирует одновременно себя и мир (die Welt) или, скорее, осознает себя, выводя из себя и отделяя от себя некий мир (eine Welt)» [8: с. 195–196].

Поскольку субъективность может быть разного рода, то эта субъективная окрашенность восприятия предмета во всех ее оттенках переходит на формирование и употребление языка. Уже сама по себе эта субъективность может рассматриваться как угол зрения и тем самым как фактор, обуславливающий перспективу, в которой воспринимается мир, и предлагающий определенную картину мира. Хотя эта перспектива и задается также независимо от языка индивидуальной точкой зрения, однако язык играет особую роль. «В формировании и употреблении языка, – пишет Гумбольдт, – переходит необходимым образом весь характер субъективного восприятия предметов. Ибо слово возникает ведь из этого восприятия, [оно] является отпечатком не предмета как такового, а порожденного им в душе образа. Поскольку к любому объективному восприятию неизбежно примешивается субъективность, то любую человеческую индивидуальность можно понимать уже независимо от языка как особую позицию в рассмотрении мира. Она [человеческая индивидуальность] становится таковой еще больше через язык, поскольку слово делается опять объектом по отношению к душе <...> с добавлением собственной значимости и вносит новое своеобразие» [7: с. 433]. Это означает, что ни о какой объективности ни самих предметов, ни картины мира с ее предметами не может идти речи.

Тем самым Гумбольдт устанавливает тройственный характер понятия, в котором заключены, во-первых, чувственное восприятие предмета; во-вторых, возникающий у субъекта образ предмета; в-третьих, воздействие слова как звука языка. Применительно к языковой картине мира решающим

оказывается, согласно Гумбольдту, не целостность понятия в этой тройственности, а его третий аспект. Воздействие слова играет особую роль по той причине, что «в этом своеобразии, которое является своеобразием звука языка, царит в одном и том же языке с необходимостью всепроникающая аналогия, а поскольку и на язык тоже воздействует в одном и том же народе однородная субъективность, то в каждом языке лежит своеобразная картина мира. Как отдельный звук становится между предметом и отдельным человеком, так и весь язык становится между ним и природой с ее внутренним и внешним воздействием на него. Он окружает себя миром звуков, чтобы вместить в себя и обработать мир предметов» [7: с. 433–434]. Преимущественно с этой особой ролью слов связано и неприятие Гумбольдтом понимания языка как отвлеченной знаковой системы. «Индивидуальность слов, – пишет он, – в каждом из которых заключено всегда еще и что-то иное, чем просто его логическая дефиниция, закреплена за звуком постольку, поскольку звуком непосредственно пробуждается в душе присущее словам своеобразное действие. Знак, который обращен к понятию, а звуком пренебрегает, не может, таким образом, выразить эту индивидуальность вполне совершенно. Система таких знаков передает лишь отвлеченные понятия внешнего и внутреннего мира. Язык же должен содержать в себе сам этот мир, пусть и превращенный в знаки мыслей, но во всей полноте его богатого, пестрого и живого многообразия» [7: с. 87]. (Ср. «основной закон развития языка» Н.В. Крушевского: «Это будет закон соответствия мира слов миру мыслей. В самом деле: если язык есть ничто иное, как система знаков, то и идеальное состояние языка будет то, при котором между системой знаков и тем, что она обозначает, будет полное соответствие. Мы увидим, что все развитие языка есть вечное стремление к этому идеалу» [2: с. 148]).

Под миром Гумбольдт понимает предметы, находящиеся в мире: «Если мы обратимся теперь к порожденному посредством говорения, – пишет он, – или, скорее, посредством мышления в языке, то мы и здесь обнаружим, что представление, будто бы язык только обозначает воспринятые [чувствами] предметы, общую массу которых мы называем миром (курсив мой. – Л.Л.), очень далеко от того, чтобы исчерпать его [языка] глубокое и полное содержание» [9: с. 56]. Тем самым языковая картина мира номинативна, хотя важно учитывать, что в картину мира включаются не предметы действительности, обозначенные словом, а лишь умственные предметы как результат совершенного языком превращения: «даже к предметам природы это относится, поскольку слово ведь обозначает не их вообще, а их понимание, основанное в языке» [9: с. 107].

«Очевидна особая важность того, – подчеркивает Гумбольдт, – как много включает язык в одно слово вместо того, чтобы пользоваться описанием из нескольких слов. И хороший писатель тоже тщательно проводит здесь различие, если язык оставляет ему свободу выбора. Правильное равновесие, которое в этом соблюдает греческий язык, относится, безусловно, к его самым большим красотам. Соединенное в одном слове и душе больше представляется как одно, поскольку слова в языке являются тем, чем являются индивидуумы в действительности. Оно более живо возбуждает силу воображения, чем то, что по отдельности в него включается. Поэтому соединение в одном слове есть больше дело воображения, а разделение – больше дело рассудка. Они могут в этом даже противостоять друг другу и, по меньшей мере, действуют при этом по своим собственным законам, различие которых <...> выдает себя в языке. Рассудок требует от слова, чтобы оно вызывало понятие в полноте и ясной определенности, но также указывало в нем одновременно и логическую связь, в которой оно появляется в языке и в речи» [7: с. 670]. Вопрос о способности языка к образованию отдельного слова для каждого отдельного понятия оказывается связанным в рассуждении Гумбольдта также с языковой картиной мира. «А где каждое понятие находит свое, ему определенное слово, – пишет он в «Основных чертах всеобщего типа языка», – там это богатство возбуждает ум; язык предстает как мир, в котором тоже предмет теснится к предмету, и как картина мира он и должен стать между природой и человеком» [9: с. 106].

Аналогичный подход можно видеть и в противопоставлении мира и человека в эстетической теории Гумбольдта, где точкой зрения на мир являются «различные состояния человеческого существа», которыми умножается разнообразие картин мира. Мастер художественного слова тоже стремится к целостности в изображении мира, достижение которой возможно для него двумя способами: он должен либо оставаться в кругу предметов, либо в кругу чувствований, которые вызываются этими предметами. Первый способ в чистом виде используют обыкновенно прозаики, а второй – лирические поэты, хотя чаще всего для достижения конечной цели воздействия произведения на читателя авторы прибегают к сочетанию обоих способов. Однако же ни один из этих способов сам по себе не представляет затруднений для достижения этой цели, причину чего молодой Гумбольдт объясняет уже в 1798 г.: «Все различные состояния человеческого существа и также (уже потому, что это та точка зрения, с которой мы наблюдаем природу) все силы природы столь близко сродни друг другу, столь взаимосвязанно держатся и движутся,

что едва ли возможно живо представить одну из них, не включив одновременно в общий план и весь круг целиком» [6: с. 145–146], и «душа, на которую поэт воздействовал таким образом, всегда склонна, из какого бы объекта ни исходить, все же проходить полностью родственный ему круг и одним разом объединять и охватывать мир явлений всегда в самом истинном понимании» [6: с. 145–149]. И на склоне жизни, в 1830 г. он высказывается по этому поводу с полной убежденностью: «Поэзия есть в каждом истинном поэте всегда одновременно картина мира. Она возникает из того положения, в которое его индивидуальность помещает себя по отношению к явлениям, и влияет на него в свою очередь, причем взаимодействие их так всесторонне и глубоко, что определить невозможно, откуда исходит первый импульс» [6: с. 405].

Гумбольдт подчеркивает, что в выражении «картина мира» не следует искать какой-то скрытый или метафорический смысл. «Это выражение, – поясняет он, – никоим образом не преступает меру простой истины. Ведь связь всех частей языка между собой и целого языка с народом столь тесна, что если однажды это взаимодействие придает определенное направление, то из этого неизбежно должно возникнуть всепроникающее своеобразие. Картиной мира, однако, язык является не потому только, что он должен быть соразмерным пространству мира, поскольку должен суметь вместить всякое понятие, но также и потому, что *лишь превращение, которое он производит с предметами, делает дух способным к уразумению неотделимой от понятия мира общей взаимосвязи* (курсив мой. – Л.Л.)» [9: с. 57].

В связи с этим рассуждением возникает вопрос о том, в чем состоит своеобразие отдельных картин мира в этой его общей взаимосвязи в разных языках, каков количественный и качественный состав понятий, включенных в картину мира того или иного языка, и может ли языковая картина мира служить критерием сравнительной оценки языков, в частности – в отношении их влияния на духовное развитие народа. Гумбольдт предлагает лексико-семантическое и лексико-статистическое исследование словарного состава языка, которое позволит, во-первых, определить значения слов в их отношениях друг к другу и, во-вторых, установить количественные характеристики словарного запаса каждого языка по отношению к полному составу предметов и понятий. Такой анализ покажет, «как действует язык, чтобы создавать подходящие выражения для каждого употребления в речи и обозначать всю массу встречающихся понятий» [9: с. 104], и поможет судить о полноте картины мира того или иного языка.

Наиболее важным критерием Гумбольдту представляется внутренняя полнота (потенциальная и

действительная) в смысле целостности картины мира каждого языка в каждый момент его развития. «Каждый язык, какой бы то ни было, – пишет он, – в каждый момент своего существования несет в своем лоне выражение всех понятий, которые когда-либо могут развиваться в народе. Далее, каждый язык в каждый момент своей жизни в точности соразмерен объему мыслей народа в этот момент. Каждый, наконец, в каждом из своих состояний образует целое картины мира, поскольку содержит выражения для всех представлений, которые составил народ о мире, и для всех чувствований, которые пробуждает в нем мир» [9: с. 104].

Именно эти положения являются одновременно основанием для понимания истинной природы языка: ни в одно мгновение своей жизни язык не является законченным, но всегда продолжает свое развитие, и все, что он содержит в себе, является зародышем нового развития. При этом развитие языка Гумбольдт понимает, в русле мысли Канта об органическом росте, не механически как приращение, добавление каких-то частей, но «органически, как развертывание некоего целого из некоего целого» [9: с. 104], как непрерывное порождение из себя подобного себе. Иными словами, картина мира органична, если она порождается языком как целое из целого, по принципу подобия.

Именованное понятий и формирование целостной картины мира основаны, по Гумбольдту, во-первых, на идентичности мышления и говорения: «Что человек может помыслить, то он может и сказать. Мышление народа развивается порою путем его смешения с другим народом, отчего и язык зачинает чужой приплод, но оно может формироваться целиком из себя самого и завершать весь свой ход в себе самом, и если это удастся, то народ и язык преуспевают в развитии, притом лучше и своеобразнее. Мышление народа, состоящее из мышления каждого отдельного его представителя, должно в каждое мгновение представлять собой целое. Ведь это способ, каким человек в каждое мгновение изъясляет свое духовное бытие в его отношении к миру, и поскольку в каждое отдельное мышление входит неизбежным образом все это бытие, которое только в этой деятельности и состоит, то это не может происходить по частям, в увечном виде» [9: с. 104].

Во-вторых, важным является у Гумбольдта понятие самодеятельности, т.е. самопроизвольности действия духа и силы воображения, без всякой внешней причины или внешнего воздействия, в сочетании со всеми другими способностями, присущими человеку. Для получения картины мира необходимо, с одной стороны, достичь целокупности мира в восприятии, с другой стороны – собрать воедино все восприятия, чтобы охватить мир *всеми*

чувствами одновременно. Это достигается свободным, самопроизвольным действием духа и силы воображения, в результате которого возникает определенный настрой, определенное расположение духа, позволяющее охватить целое. Гумбольдт описывает это применительно к поэтическому творчеству, но тот же самый принцип неоднократно возникает в его рассуждениях и в отношении языка в его непрерывной деятельности, направленной на познание мира, и в отношении народа с его своеобразным взглядом на мир. Он пишет о поэте: «Ведь ни число объектов, которые он включает в свой план, не имеет здесь особой важности, ни степень их близости к наивысшим интересам человечества. И то, и другое <...> безразлично для их художественной ценности. Все, что ему только и нужно здесь сделать, – это поставить своего читателя в некую срединную точку, из которой во все стороны расходятся в бесконечность лучи, и из которой он поэтому может обозревать все великие и простые формы природы, являющиеся сразу же, как только с действительных предметов снимается покров их случайного своеобразия. Поэтому дело вовсе не в том, чтобы действительно показать все, ведь это было бы вообще невозможно, или даже просто многое <...>. Важно привести нас в расположение духа, позволяющее увидеть все. Стоит только поэту собрать наше собственное существо в одну точку и указать ему <...> стать самому в каком-то предмете вне себя самого (быть объективным), как непосредственно (каким бы ни был этот предмет) возникает перед нами целый мир. Ибо тогда все наше существо в нас одновременно и во всех своих точках пребывает в живой и творческой деятельности. То, что оно произведет в этом расположении духа, будет с необходимостью соответствовать ему самому и опять-таки обладать единством и целостностью, а это и есть именно те два понятия, которые мы соединяем друг с другом в выражении мира» [6: с.147–148]. Гумбольдт подчеркивает, что «...абсолютная целокупность (Totalität) должна быть отличительной чертой всего идеального точно так же, как прямая ее противоположность является отличительной чертой действительности» [6: с. 148].

С идентичностью мышления и говорения связан и вопрос о богатстве языка и языковой картины мира. «Соприкосновение мира с человеком – это электрический разряд, – пишет Гумбольдт, – из которого вдруг возникает язык, не просто в своем начале, но постоянно, всякий раз, как люди думают и говорят. Многообразие мира и глубина человеческой груди – это две точки, из которых черпает язык. Чем больше поэтому число людей, в которых отражаются предметы, и чем разнообразнее их характеры, тем богаче материал, тем мощнее язык

при прочих равных обстоятельствах и равной живости воображения и чувства языка» [7: с. 252]. Если мир он понимает как совокупность предметов, то и богатство картины мира зависит от богатства словарного состава. В основе умножения словарного состава лежит принцип фонетического единства отличия и подобия как источник возникновения новых понятий и их имен, участвующих в «развертывании целого из целого». Это позволяет природе языка, состоящая в способности артикулированного звука к разного рода соединениям и сочетаниям, так что «с помощью создания небольших отличий при сохраняющемся общем подобии из основного звука возникают целые семьи звучаний слов» [9: с. 105]. Иначе говоря, язык растет изнутри, в себе самом, путем создания звучаний и создания понятий*, так что его богатство составляется в его внутреннем расширении за счет прироста отличиями, но отличиями, органичными для языка. Отличия возникают в речи отдельного человека, но они настолько аналогичны целому языку, что могут быть поняты другими и становятся тем самым общим достоянием языка.

При рассмотрении вопроса о богатстве языка в первую очередь следует определить, что под этим понимается. Все языки можно считать в принципе одинаково богатыми, если понимать под богатством языка его способность удовлетворять потребности выражения, поскольку при владении языком, согласно Гумбольдту, «не может быть недостатка в подходящем обозначении ни для одного понятия и ни для одного поворота мысли» [9: с. 106]. Однако же он не согласен с таким подходом и утверждает, что если правильно понимать смысл выражения «богатство языка», если учитывать, что существуют различные степени и виды этого богатства, внешнего и внутреннего, материального и формального (т.е. лексического и грамматического), то исследования в этом направлении становятся отнюдь не праздным занятием. При этом нельзя недооценивать богатство языка любого рода, поскольку, как подчеркивает Гумбольдт, каждое его проявление доказывает, что на нем с большим разнообразием говорили многие поколения и что в него перешли многие мысли и чувства людей. Ис-

* При этом Гумбольдт считает, что создание понятий может происходить до бесконечности, а создание звучаний имеет предел, поскольку «...язык достигает некоторой точки, когда богатство звучаний умножается уже не из собственного лона, а еще раз что путем приема иностранных слов» [9: с. 105]. Хотя ввиду отсутствия исторических данных и не представляется возможным сказать что-либо определенное об этой границе роста, Гумбольдт считает, что есть основания для гипотезы, что этой точки язык достигает, когда прекращается либо смешение племен само по себе, либо влияние этих смешений на язык.

точник богатства языка он видит в продолжительности его жизни, в числе племен и общем числе людей, говоривших на нем, а также в духовной жизни народа – носителя языка.

Для определения богатства языковой картины мира Гумбольдт предлагает определенные критерии. Во-первых, важно, чтобы каждый отдельный предмет мира, выделяемый по какому-то определенному принципу, или отдельное понятие имели в языке свое обозначение в виде отдельного слова, так чтобы не было необходимости прибегать к описательному обороту. Способность языка к образованию отдельного слова для каждого отдельного понятия оказывает наиболее существенное влияние на формирование языковой картины мира в силу взаимосвязи между понятиями и словами, между предметами мира и их обозначениями. Вместе с тем, чем шире и глубже охват мира, чем больше предметов мира явлено в языке, тем больше языковая картина мира возбуждает ум и силу воображения. От использования описательного оборота вместо отдельного слова не страдает, согласно Гумбольдту, ни точность передаваемой мысли, ни достижение цели коммуникации в целом, однако различие все-таки существует. Оно заключается «в форме языка, ее обратном влиянии на мышление вообще. Ведь никогда нельзя забывать, что характер языка как орудия мышления оказывает на него непосредственное влияние, увеличивает или уменьшает его ясность, определенность, быстроту, остроту, придает ему чувственное направление во внешний мир или духовное во внутренний мир, и что это есть наиважнейшая сторона языка» [9: с. 106].

Во-вторых, в языке не должно быть недостатка в самых разнообразных выражениях для обозначения предметов, чтобы говорящий мог выбирать наиболее подходящие в зависимости от того, какой оттенок он хочет придать своему высказыванию, и от того, какое воздействие он намерен оказать на слушающего. Хотя даже те языки, словарный состав которых относительно мал, могут выразить массу понятий и идей, хотя это выражение может быть даже вполне ясным и определенным для передачи содержания мысли, но при этом «скудость языка тянет вниз дух, и мышлению недостает <...> полноты, свежести и живости» [9: с. 107].

В-третьих, богатство языковой картины мира умножается также наличием в языке нескольких слов для обозначения одного и того же предмета, не имеющих заметных отличий по значению или по цели использования. Это Гумбольдт объясняет тем, что «при обозначении словом то, что подлежит обозначению, невозможно вымерить в его объ-

еме, и в каждом отдельном случае действительное определение оно получает только в слове. Ведь число понятий и предметов неизмеримо, каждый из них может быть оформлен в слово только посредством индивидуального восприятия, а слово добавляет к нему что-то свое. Поэтому слова, обозначающие одни и те же предметы в языках, не являются полностью синонимичными» [4: с. 374]. В интересах мышления это не следует считать излишней роскошью или, более того, несовершенством, поскольку синонимы «не только умножают чувственную полноту языка, но также в ходе духовного развития народа дают возможность тоньше нюансировать и точнее определять понятия хотя бы с помощью употребления различных выражений, даже если и не всегда можно найти подтверждение этому в словаре» [9: с. 107].

В-четвертых, богатство языка составляет также многообразие форм одного и того же слова, играющее важную роль в построении речи, но это относится в его понимании уже не к (лексической) картине мира, а к грамматической картине языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумбольдт, В. фон. Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1985. – 451 с.
2. Крушевский, Н.В. Очерк науки о языке / Н.В. Крушевский // Избранные работы по языкознанию. – М. : Наследие, 1998. – С. 96–222.
3. Шеллинг, Ф.В.Й. Об отношении изобразительных искусств к природе / Ф.В.Й. Шеллинг // Сочинения. В 2 т. Т. 2. – М. : Мысль, 1989. – С. 52–85.
4. Humboldt, W. von. Von dem grammatischen Baue der Sprachen (1827–1829) / W. von Humboldt. // Wilhelm von Humboldts Werke. Hrsg. von Albert Leitzmann. Sechster Band. Zweite Hälfte. – Berlin: B. Behr's Verlag, 1907. – S. 337–486.
5. Humboldt, W. von. Werke in fünf Bänden. Hrsg. von Andreas Flitner und Klaus Giel / W. von Humboldt. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1960. – Band 1. – 609 s.
6. Humboldt, W. von. Werke in 5 Bänden. Hrsg. v. Andreas Flitner u. Klaus Giel W. von Humboldt. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1961. – Band 2. – 632 s.
7. Humboldt, W. von. Werke in fünf Bänden. Hrsg. von Andreas Flitner und Klaus Giel / W. von Humboldt. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1963. – Band 3. – 762 s.
8. Humboldt, W. von. Werke in 5 Bänden. Hrsg. v. Andreas Flitner u. Klaus Giel / W. von Humboldt. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1981. – Band 5. – 768 s.
9. Humboldt, W. von. Grundzüge des allgemeinen Sprachtypus. Hrsg. von Christian Stetter / W. von Humboldt.. – Berlin/Wien: Philo-Verlag, 2004. – 262 s.
10. Luther W. Weltansicht und Geistesleben. Versuch einer wissenschaftlichen Grundlegung der philosophischen Sprachanalyse an Beispielen aus der griechischen Geistesgeschichte von Homer bis Aristoteles / W. Luther. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1954. – 112 s.

ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ И ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БРИТАНСКИХ ИМЕН В КАМЕРУНСКОМ ВАРИАНТЕ АНГЛИЙСКОГО

Э.О. Мартынова

Мартынова Эльвира Олеговна – аспирант факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, ведущий лингвист Московского научно-исследовательского телевизионного института.

Контактный адрес: marrtina@yandex.ru

В настоящей статье рассматривается изучение британских имен в Камеруне, применительно к практике межкультурного взаимодействия. Рассмотрение данных проблем осуществляется с позиции лингвистического сопровождения двухсторонних контактов России и Камеруна.

Ключевые слова: варианты английского языка, камерунский вариант английского языка, фонетика, орфография.

В настоящий момент углубляется российско-африканское партнерство. Этот процесс становится многомерным и принимает ускоренный характер. Таким образом, наша страна находится на пути своего полноформатного «возвращения» в Африку. Некоторые из стран, такие как Камерун, можно характеризовать как исторически адаптированные к российской продукции. Они обладают емкими рынками для отечественного технического экспорта. Первоочередное значение для России и Африки имеет также сфера добычи и переработки природных ресурсов.

Наша страна в рамках международного содействия развитию Африканского континента добивается системного и масштабного участия в продвижении государственных внешнеполитических приоритетов для обеспечения и расширения позиций российского бизнеса в африканском экономическом пространстве. Такая направленность российской африканской политики, отражается, в частности, и в требованиях, предъявляемых к лингвистическому сопровождению межкультурных контактов. Отдельное достаточно значимое место в российско-африканских отношениях занимают проблемы, связанные с английским языком в африканских странах. Так, например, в Камеруне английский является официальным языком государства (наряду с французским) и имеет свои характерные особенности, которые оказываются неизученными и представляют проблему для переводчиков в процессе межкультурной коммуникации. Межкультурная коммуникация становится в этих условиях еще более определяющим принципом успешного развития политических и деловых отношений с африканскими государствами.

Помимо слабого знания обычаев и традиций народов, населяющих африканские страны, большой проблемой для многих специалистов стали сформировавшиеся национальные варианты английского

языка, имеющие фонетические, грамматические и лексические отличия, в частности, нестандартное употребление имен при непосредственном языковом контакте. Проблемы, с которыми может столкнуться переводчик, кажется, не имеют числа [6: с. 43].

Незнание характерных отличий камерунского от британского варианта английского языка ведет к непониманию. Незнание традиций, обычаев, реалий, и характерных особенностей камерунского варианта английского языка в употреблении имен усложняет процесс межкультурной коммуникации.

Любой вариант английского языка отличается от другого варианта, прежде всего, своим культурным основанием, обуславливающим различия в менталитете, а также определенной степенью трансференции лингвистических черт родного языка, которые уменьшаются в зависимости от повышения лектального уровня пользователей (минимум черт на акролектном уровне; максимум – на базилектном уровне). Это значит, что в основе изучения международного английского языка лежат разные культуры, и в первую очередь, своя собственная [1: с. 15].

Цель данной статьи заключается в рассмотрении некоторых грамматических особенностей имен в камерунском варианте английского языка. Материалом исследования, послужили научные издания и словари, а также данные, полученные в ходе общения с носителями английского языка в Камеруне, работы отечественных и зарубежных ученых, занимавшихся изучением особенностей языковой ситуации в Камеруне и других странах западной Африки.

Наличие множества французских имен в камерунском варианте английского обуславливается двумя историческими фактами. Во-первых, после Первой мировой войны Франция и Великобритания разделили Камерун на две части. Линию раздела провели без согласования с жителями страны, что явилось результатом разделения племен, которые до этого были одним целым. Одни жители племен

стали англофонами, другие – франкофонами. Но такое навязанное разделение не отразилось на жизни в племенах, поскольку люди продолжали общаться, как и раньше. Такое продолжительное взаимодействие стало основой для последующего скрещивания французской и английской культур в Камеруне, которые и по сей день проявляют себя в языке, в частности в использовании французских имен в камерунском варианте английского (далее CamE) и наоборот.

Во-вторых, в 1961 г. произошло объединение «двух Камерунов» и позднее преобразование страны в федеративное государство в 1972 г. Эти события спровоцировали большую волну миграции населения по всей стране. Рабочие из франкоязычной части страны (в частности прибрежная зона) теперь могли работать на территории англоязычного населения и наоборот. Эта внутренняя миграция ускорила процесс скрещивания языков, который изначально начался на границах франкоязычных и англоязычных племен. Это процесс достиг апогея во время основания национальной радиостанции в Камеруне, которая вещала на обоих языках, как на английском, так и на французском.

Помимо всего вышесказанного, интересным является тот факт, что в Камеруне присутствует огромное количество английских имен, некоторые из которых имеют совершенно не английское происхождение. Фактически, британские колонизаторы давали камерунцам имена, которыми людей в Великобритании не называли, или, по крайней мере, они позволяли камерунцам заимствовать некоторые слова, которые камерунцы принимали за английские имена, например: Camillus, Forturatus, Dionysius, Prochomius, Proclus, Remigius, Euplius [4: с. 116, 187, 236, 262, 587, 605] и т.п. Так же были популярны и другие религиозные имена: Abraham, Jacob, Moses, Solomon [4: с. 4, 357, 521, 676], список можно продолжать бесконечно. Очевидно, подобные имена присваивали себе камерунцы католической веры, или, по крайней мере, распространителями этих имен были британские миссионеры.

Что касается английских абстрактных слов – они действительно использовались камерунцами в качестве имен. Помимо известных имен, образованных данным образом, таких как Dawn, Grace, Joy, June, Patience, Prudence, камерунцы пополняли этот список, принимая и другие слова в качестве имен: Charity, Comfort, Fidelity, Fortune, Justice, Pride, Princely, Promise, Provide, Rejoice, Sunday, Unity и другие необычные «имена». В этот список можно добавить преобразованные имена как, например «Joysee» (от слова «Joy»), Benadine, Fidelian, Hostensia, Julinna, Nicholine, Rosaline, Scholastica. Помимо всего вышесказанного, камерунцы заимствовали английские фамилии, но при-

меняли их уже в качестве имен: Smith, Jones, Evans, Walters [2: с. 420, 256, 167, 478] и т.п. Вряд ли где-нибудь еще эти фамилии используют как имена.

Анализируя особенности использования имен в Камеруне, нельзя не отметить особенность выражения в языке такого важного фактора, как «личное отношение», т.е. отношение к собеседнику во время общения: уважение, дружеская близость, обращение к более старшему по возрасту и т.п. Хорошо знакомые друг другу люди, состоящие в дружеских отношениях, называют друг друга по имени: Harry, Ron, Emma и т.п., что означает близкое знакомство. Точно также обращаются друг к другу мужья и жены. Но камерунцы никогда не употребляют отдельно имена, когда надо выразить уважение. В этом случае именам предшествуют такие «звания», как Mr., Doctor, Reverend. Например: Mr Ron, Dr Harry, Reverend Jonathan. Как известно, традиционно в англоязычных странах обращения Mr., Doctor не употребляются с именами, а только с фамилиями, за исключением торжественных религиозных обрядов, где можно услышать такие обращения, как «Cardinal Dennis», «Reverend Peter», «Sir John».

Уважение выражается прибавлением таких обращений, как Pa-, Ma-, Uncle, Auntie, Sister, и т.п. Такие обращения ставятся перед именами, для выражения уважения к более старшим по возрасту: Pa John, Ma Cecilia, Uncle David, Auntie Beckie, Sister Deborah. Неправильное употребление этих обращений во время общения может стать причиной принятия говорящего за человека грубого и невежливого. Обращения не являются показателем родственной связи, а просто обозначают выражение почтения к более старшим по возрасту.

Особенности правописания имен в Камеруне

Англоговорящие камерунцы действительно носят имена английского происхождения, такие как William, Jack, Larry, Maggie, Bridget [4: 103, 356, 425, 468, 749], а также употребляют в качестве имен английские фамилии. Помимо английских, камерунцы широко используют и французские имена и фамилии: Jacqueline, Adele, Duval, Beatrice, Justin [7: с. 30, 32, 226, 244, 276, 296, 297, 317, 1006, 1746, 1801]. Проблема заключается не в том, что в Камеруне широко используются и английские и французские имена и фамилии, а в том, что французские имена могут пересекаться со своими эквивалентами (аналогами) в английском. Так, например, как будет изложено ниже в таблице, показывающей особенности орфографии, сходство в произношении французского имя «Viviane» и его ближайшего английского эквивалента «Vivian» воспроизводят камерунский вариант имени «Vivian», которое является женским. Заметим, что имена «Viviane», «Vivian» и даже «Vivien» и «Vivienne» являются женскими

именами в CamE, в то время как «Vivian» является мужским в стандартном британском английском (далее BrE). Другой случай бессистемного заимствования французских имен представляет собой неоднозначное сопоставление родов имен: в случае с вышеуказанным камерунским женским именем «Viviane» (в то время, как в британском английском «Vivian» – мужское имя) происходит сопоставление и преобразование имени, то в другом случае сосуществование французских и английских имен в Камеруне происходит по другой схеме: так, например, французское имя «Jean» является мужским, в то время как его английский эквивалент «Jean» – женское имя. Несмотря на эти различия, французское «Jean» и английское «Jean» мирно сосуществуют в Камеруне, т.е. имя получает бигендерную характеристику.

Если взглянуть на то, как написаны камерунские имена в газетных статьях и других официальных документах, то можно заметить две весьма интересные особенности. Во-первых, имена пишутся не так, как в английском языке, например: имена «Janet, Maureen, Priscilla и Prudence» в основном представлены в следующих вариантах:

Janet	Jenet, Jannet, Jennet, Jenette, Jeannet, Jennette, Jenneteh and Jeannette
Maureen	Maurine, Morene, Morine, Moureen, Mourin, Mourine
Priscilla	Precilia, Prescilia, Priscillia
Prudence	Prodencia, Prodensia, Prudencia, Prudentia

Во-вторых, существует ряд слов, использующихся в качестве имен, написание которых непоследовательно. Например: Bronhilda/Brunhilda, Emmerencia/Emmerensia, Ebenezer/Ebenazar, Magdaline/Magdelene, Marceline/Maxceline, Pepetua/Perpetua, Veronic/Veronique, Walter/Walters. Тщательное изучение этих имен показывает, что они пишутся разными способами, которые можно охарактеризовать как пропуск, добавление, замещение, изменение порядка букв, и, наконец, комбинация всех процессов в одном имени.

Под пропуском мы понимаем удаление одной из букв в имени (слове). Буквы, которые пропускаются, как правило, являются частью одного слога.

Например:

BrE [4: с. 87, 203, 282, 346, 377, 495]	CamE	Пропущенная буква
Bernard, Gertrude	Benard, Getrude	-г в сочетании с -er
Edith	Edit	-h в сочетании с -th
Innocent, Joanna	Inocent, Joana	-n в сочетании с -nn
Matthew	Mathew	-t в сочетании с -tt

Добавление – противоположный процесс, заключающийся в добавлении одной дополнительной буквы в стандартное английское написание, при этом не изменяющее произношение слова:

BrE [4: с. 95, 125, 239, 285, 390, 479, 567, 584, 589, 748]	CamE	Добавленная буква
Blasius	Blassius	s
Catherine, Evelyn, Margaret, Patrick	Cathereine, Evelyne, Margarete, Patreick	e
Juliet	Juliete, Juliette	(t)e
Priscilla, Wilfred	Priscillia, Wilfried	i
Rachel	Rachael	a
Giles [7: с. 32]	Gilles	l

Замещение, с другой стороны, является заменой одной буквы на другую «парную» букву, как, например, в Cecilia/Cecelia, где буква «i» заменена «e»:

BrE [4: с. 126, 152, 265, 276, 292, 322, 343, 362, 414, 442, 496, 589, 741]	CamE	Замена букв
Cecilia, Immaculate, Kitty	Cecelia, Emmaculate, Ketty	i<e
Comfort	Confort	m<n
Freda	Frida	e<i
Henry	Henri	y<i
Godfrey	Godfred	y<d
Genesis	Jenesis	g<j
Janet	Jenet	a<e
Lilian	Lylian	i<y
Maureen	Moureen	a<o
Rachel	Rashel	c<s
Vivien	Vivian	e<a

В отличие от трех других процессов, указанных выше, которые являются достаточно частыми в CamE, процесс изменения порядка букв проявляется только в некоторых случаях, например, в имени «Kevin/Kiven», где гласные буквы «e» и «i» поменялись местами.

Выделенные четыре процесса формальных преобразований имен иногда могут проявляться в одном слове. Например, добавление происходит дважды в имени «Maybelle/Mabel», где буквы «y», «l», «e» добавлены. В паре имен «Brigid/Bridget» за опущением буквы «d» следует замена «i» на «e». Ниже приведены другие примеры подобных комбинаций:

- добавление «t» и пропуск «e»: Dorren/Doreen;
- добавление «h» и замена «u»: Gerthrodde/Gert-rude;
- два добавления: Jeannet/Janet; Maybelle/Mabel;
- замена и пропуск: Jackline/Jacqueline ;

– две замены: Biatrece/Beatrice; Brigid/Bridget; Jackaline/Jacqueline; Vyvian/Vivien; Maurine/Maureen;

– замена и добавление: Dorine/Doren; Eveline/Evelyn, Maurine/Maureen; Merrilyn/Marilyn, Pamela/Pamela, Teresia/Tereza

Заметим, что этим процессам подвергаются и гласные и согласные буквы, однако, камерунцы имеют тенденцию чаще пропускать именно согласные, в то время как для гласных распространенными являются процессы добавления, замещения и изменения места в слове. Вышесказанное объясняет произношение имен в камерунском варианте английского.

Очевидной причиной отклонения от британского произношения можно считать влияние французского языка. Другими факторами отклонения от норм стали обобщение, небрежность и уровень образованности жителей Камеруна.

Французский язык способствовал формированию камерунского варианта английского. Многие англоговорящие камерунцы заимствовали французские имена, такие как Marceline, Veronique и т.п. Благодаря доступности этого широко распространенного языка, шансы смешивания слов одного корня очень высоки:

CamE	Французский	Стандартный английский
Jenette	Jeannette	Janet
Juliete	Juliette	Juliet

Фонологические особенности имен в камерунском варианте английского

Камерунский вариант английского берет свое начало от британского английского языка. Поскольку британское произношение (RP) мы берем за основу, то наш анализ фонологических особенностей имен в CamE будет сопоставляться именно с RP произношением. Фонологические особенности группируются на основе идентификации свойств согласных и гласных, а также ударения и тона. Данная область английского языка в Камеруне практически не изучена и представляет собой наибольший интерес.

Особенности произношения согласных

Системы согласных RP и CamE содержат примерно одинаковое количество звуков, но их расположение и произношение отличается. Существуют некоторые отличия от RP, например: в CamE не произносятся межзубные звуки, оглушаются определенные согласные, одни звуки заменяются другими, упрощаются согласные звуки. Межзубные [θ, ð] обычно заменяются альвеолярными [t, d] [3: с. 256]. Эта замена проявляется систематично и примером могут служить имена «Theodore», «Catherine», «Judith».

Звонкая согласная [z] заменяется на [s] («Joseph», «Josephine», «Charles»), таким же образом [v] заменяется на [f] («Stephen»), в случае с «v-f», возможно это происходит по аналогии с «pharmacy»; «graphic», «epitaph», где сочетание букв «ph» дает звук [f]. Звук [tʃ] произносится как [ʃ], например, в «Rachel» [dʒ] произносится как [g] («Giles»), [g] произносится как [dʒ] («Gertrude»), а также [ʃ] – заменяется на [sia](«Patricia»):

Имена	RP [5: с. 16, 17, 39, 41, 58, 60, 94, 104, 113, 118]	CamE
Cathrine	kæθrɪn	katerin
Charles	tʃɑlz	tʃals
Gertrude	gɜtrud	getrut или dʒetrət
Giles	dʒaɪlz	gaɪls
Joseph	dʒəʊzɪf	dʒəsef
Josephine	dʒəʊzəfɪn	dʒəsefɪn
Judith	dʒudɪθ	dʒudɪt
Patricia	pətrɪʃə	patrisia
Rachel	reɪʃl	raʃel
Stephen	stɪvɪn	stɪfɪn
Theodore	θiədə	tiədə

Согласные звуки подвергаются различным процессам. Порой происходит слияние звуков: с [ks] и [gz], которые производят [kz] («Alexander», «Alexandra»). Некоторые могут быть упрощены за счет исключения одного из элементов, особенно часто это случается с [j], например в имени «Samuel». Также происходит появление в составе слова дополнительного гласного звука, например: [e] («Frederick», «Catherine», «Evelyn»); [ɛ] («Michael», «Stephen»); [a] («Barbara», «Margaret», «Susan»):

Имена	RP [5: с. 6, 11, 16, 30, 36, 75, 78, 111, 114]	CamE
Alexander	æɪlgzændə	æɪkzanda
Alexandra	æɪlgzandrə	æɪkzandra
Barbara	bɑbrə	babara
Catherine	kæθrɪn	katerin
Evelyn	ɪvɪlɪn	evelin
Frederick	fɪdrɪk	frederik
Margaret	mɑgrɪt	magaret
Michael	maɪkl	maɪkɛl
Samuel	sæmjʊəl	samuɛl
Stephen	stɪvɪn	stɪfɪn
Susan	suzn	suzan

Особенности произношения гласных

Система гласных CamE значительно отличается от RP. [æ, ɑ] произносятся как [a] («Albert», «Barbara»). Центральные гласные заменяются средними, например, [ɜ] становится [ɛ](«Gertrude», «Ernest»), [ʌ] превращается в [ɔ](«Justin», «Justice»), и наконец, [ə] мо-

жет заменяться на [a] («Barbara»), [ɛ] («Albert»), [i] («Emily»), [ɔ] («Jacob»), [e] («Denise»), [ia] («Eleanor»). Звук [ɛ] произносится [e] в основном в романских именах, таких как «Emmanuel», «Emily», «Denis»:

Имена	RP [5: с. 5, 11, 22, 27, 28, 30, 39, 56, 61]	CamE
Albert	ælbət	albet
Barbara	babərə	babara
Denis	dɛnɪs	denis
Denise	dənɪz	deniz
Eleanor	ɛlənə	elianə
Emily	ɛməli	emeli
Ernest	ɜnɪst	ɛnɛst
Gertrude	gɜtrud	getrut или dʒetrət
Jacob	dʒeɪkəb	dʒekəp
Justice	dʒʌstɪs	dʒɔstɪs
Justin	dʒʌstɪn	dʒɔstɪn

RP дифтонги имеют тенденцию монофтонгизироваться, например: [eɪ] редуцируется до [e] («David», «Grace»); [ɛə] редуцируется до [ɛ] («Clare», «Mary»); [ɪə] преобразовывается в [e] («Vera»). Некоторые сочетания гласных в CamE образуют новые дифтонги. Сочетание букв «ea» произносится как [ia] («Beatrice»), «ia» произносится как [ia] («Cecilia»), «io» произносится как [iɔ] («Lionel»), «ao» произносится как [aɔ] («Naomi»), «ie» произносится как [iɛ] («Daniel», «Patience»), и, наконец, сочетание букв «iu» дает в CamE звук [iu] («Cornelius», «Ignatius»):

Имена	RP [5: с. 12, 17, 18, 19, 21, 22, 42, 54, 70, 75, 82, 93, 129]	CamE
Beatrice	biətrɪs	biatris
Cecilia	səsɪliə	sisilia
Clare	klɛə	kle
Cornelius	-	kɔnelɪus
Daniel	dæɪəl	daniɛl
David	dɛvɪd	devɪt
Grace	grɛɪs	gres
Ignatius	-	ɪkneɪʃɪəs
Lionel	laɪənəl	liɔnel
Mary	mɛəri	meri
Naomi	nɛəmi	naɔmi
Patience	pəɪfns	pɛʃiɛns
Vera	vɪərə	vera

RP трифтонги, которые не существуют в CamE [3: с. 306], обычно реализовываются несколькими способами.

1. Реализация трифтонга за счет дифтонга, например, [ai] («Irene») и [iɔ] («Lionel»).

2. Добавление [j] («Mathias», «Elias»). Этот процесс является одним из факторов, влияющих на процесс деления слова на слоги в CamE. В целом существует только несколько имен, имеющих разное количество слогов в RP и CamE. Среди них имена «Irene» и «Joan», имеющих только два слога. «Mathias» и «Elias» имеют три слога в CamE:

Имена	RP [5: с. 28, 56, 70, 76]	CamE
Elias	ɪlaɪəz	elajəs
Irene	aɪrɪni	aɪrɛn
Lionel	laɪənəl	liɔnel
Mathias	məθaɪəz	matajəs

Заключение

Британские имена в Камеруне часто пишутся с орфографическими ошибками или произносятся отменно от оригинала (BrE), что является причиной преобразования британских имен и образования их новых эквивалентов в CamE. Часто в Камеруне имена произносятся согласно тому, как они написаны, что является причиной образования или замены одних гласных и согласных звуков на другие. Такое употребление британских имен является уникальным во всем мире, и это один из дистинктивных признаков камерунского английского и выявление других признаков даст возможность говорить о самостоятельности камерунского варианта английского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прошина, З.Г. Глобальность и локальность английского языка в образовательных системах азиатских стран / З.Г. Прошина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2012. – № 3 (35). – С. 14–19.
2. Рыбакин, А.И. Словарь английских фамилий / А.И. Рыбакин. – М.: АСТ, 2000. – 576 с.
3. Bobda, S.A. Aspects of Cameroon English phonology / S.A. Bobda. – Bern: Peter Lang, 1994. – 454 с.
4. Hanks P. A Dictionary of First Names / P. Hanks, K. Hardcastle, F. Hodges. – 2nd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2006. – 777 p.
5. Miller, G.M. BBC pronouncing dictionary of British names / G.M. Miller. – Oxford: Oxford University Press, 1971. – 194 p.
6. Nida E.A. The Translator's Problems / E.A. Nida // The Bible Translator. – 2007. – Vol. 1. – № 2. – P. 41–50.
7. Reaney, P.H. A dictionary of English surnames / P.H. Reaney, R.M. Wilson. – London: Routledge Press, 2006. – 3618 p.

АНГЛИЦИЗМЫ В РУССКОЙ ХИМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Н.С. Мулладжанова

Мулладжанова Наталья Сергеевна – аспирант факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, преподаватель Новосибирского государственного университета.

Контактный адрес: nataliachernikova@yandex.ru; nataschachernikova@gmail.com

Химическая терминология является одной из наиболее обширных терминосистем. Ее пополнение происходит за счет лексических единиц общелитературного языка, интернационализмов и заимствований. Сегодня большая часть новых заимствованных терминов приходит из английского языка как основного международного языка. В статье рассматриваются виды англоязычных заимствований, их причины и особенности.

Ключевые слова: терминология, заимствование, калька, трансплант.

Химическая терминология является одной из самых обширных и интернациональных терминологий, которая продолжает постоянно развиваться и расширяться. Существует несколько источников пополнения химической терминологии. Во-первых, значительным ресурсом является общелитературный язык, из которого заимствуются слова, приобретающие в рамках терминосистемы новые значения на основе метонимического переноса: *мостиковые связи, фторидный мостик, упаковка молекул, кристаллическая решетка, инертный газ, вытяжной шкаф, берлинская лазурь, насыщенный раствор, сильная кислота* и др. [2: с. 3]. Во-вторых, лексический корпус других наук, таких как физика, математика, биология, кибернетика и информатика и т.д. Например: *коэффициент, индексировать, резонанс, уравнение, функционал, нормаль, додекаэдрон, мультиплетность сигналов, бифуркатные связи, сильно коррелированные электронные системы, интерфейсная плоскость, экваториальный атом* и т.д. Третьим источником является аббревиация различных видов, таких как, например, сокращение по заглавным буквам: *ОВР, ТЭД, ДНК, РНК, ЭТААС* и др. [2: с. 2]. Кроме того, часто встречаются обозначения, состоящие из существительного в полной форме в качестве ядерного (определяемого) компонента и акронима в качестве определителя», например: *ЯМР-спектроскопия, ИК-спектроскопия, ФК-спектроскопия, механизм ПЖТ* [2: с. 2].

Отдельную группу названий составляют термины-эпонимы, образованные от имен изобретателей и первооткрывателей: *козист (Л.Козэ), лавсонит (Э.Лоусон), бакелит (Л.Бакеланд), бертоллид (К.Л.Бертолле), метод Р. Бейдера, резонанс Ферми, ИК-Фурье спектроскопия, метод Дебая–Шеррера, закон Туинстра–Коенига, метод Брэгга–Брентано, Ван-дер-Ваальсовы взаимодействия, реакция Яппа–Клингеманна, принцип рандомизации Фишера, заселенности по Малликену* и др.

Наконец, важнейшим источником пополнения химической терминологии является заимствование. При этом необходимо различать интернациональные термины, построенные на базе морфем «нейтральных» греческого и латинского языков, кальки, т.е. переводы с исходного языка, и собственно заимствованные термины, взятые в исходном виде из языка-донора. Интернационализмы носят международный характер и применяются в нескольких неродственных языках, при этом имея схожие формы и значения. Они образованы путем сложения так называемых «международных терминологических элементов», взятых из традиционных языков науки – греческого и латинского. Каждый из этих элементов имеет определенное значение, известное специалистам в определенной области знания; соответственно и значение термина, построенного из них, тоже будет понятно специалистам, независимо от их национальной принадлежности. Например, термин «*гидролиз*» состоит из греческих формантов «*гидро*», означающего «*вода*», и «*лиз*», означающего «*разложение*». Таким образом, значение этого слова, которое можно расшифровать, следуя морфемным элементам, – это «*разложение водой*». При этом данный термин звучит схоже в разных языках: рус. – *гидролиз*, англ. – *hydrolysis*, нем. – *Hydrolyse*, фр. – *hydrolyse* и т.д.

Следующим способом увеличения терминологического состава языка является калькирование. Встречаются кальки структурные, когда происходит перевод всех элементов, составляющих определенный термин, и семантические, когда семантика исходного термина передаются средствами принимающего языка. Таким образом, калькирование предполагает либо перевод иностранных понятий при сохранении формы исходного понятия, либо передачу семантического значения иностранной терминологической единицы средствами национального языка.

Поскольку сегодня основным международным языком является английский, то в современной русской химической терминологии появилось много калек с английского. Примерами структурных калек могут служить следующие названия химических структур: *конформация «кресло»* ← *chair conformation*, *конформация «корона»* ← *crown conformation*, *наноремешка* ← *nanobelt*. В качестве примера семантической калки можно привести «*стопки (ансамбли стэкингового тина) – stakes*».

Среди названий химических методов исследования также встречаются структурные термины-кальки с английского языка: *метод моделирования полной порошковой картины – Whole powder pattern modelling (WPPM)*. Термин «*Whole powder pattern modelling*» был предложен итальянскими учеными П. Скарди и М. Леони в качестве названия разработанного ими нового метода моделирования дифрактограмм [5]. Данный метод получил распространение, в том числе и в среде российских ученых, его название было переведено на русский язык и закрепилось в виде термина-кальки «метод моделирования полной порошковой картины».

Термины-кальки и полукальки применяются и для обозначения некоторых реакций и процессов: *реакция кросс-сочетания – cross-coupling reaction*, *механизм пар-жидкость-твердое (ПЖТ) – vapor-liquid-solid method (VLS)*, *эффект «стереохимической памяти» – stereochemical memory effect*. Термины «*реакция кросс-сочетания*» и «*механизм пар-жидкость-твердое*», являясь кальками английских обозначений, в русскоязычном варианте сохраняют аналитическую структуру. Термин «*эффект «стереохимической памяти»*» является переводом английского понятия и состоит из русских лексических единиц. Все эти термины были заимствованы вместе с объектами, которые они называют.

Однако кальки не всегда бывают удачными и жизнеспособными, многие из них исчезают, так и не прижившись в языке, и на их место приходят заимствованные термины, особенно если они более лаконичны и удобны в употреблении. Источником заимствованных терминов часто является язык, наиболее распространенный на определенный момент времени. В русском языке немало заимствований из французского (*гош-конформация, минерал, реалгар* и др.) и немецкого языков (*никель, вольфрам, висмут, цинк, колба* и др.). Сегодня языком современного международного общения в различных сферах является английский, поэтому именно этот язык стал основным «поставщиком» новых терминов в русский химический язык.

Заимствованные термины различаются по степени ассимиляции в русском языке. Так, встречаются новые химические термины-транспланты, сохраняющие свою иностранную форму в прини-

мающем языке. К таким относятся, например, названия различных методов: *метод NEB – NEB (nudged elastic band)*; *МОСВД – МОСВД method (Metal Organic Chemical Vapor Phase Deposition)*; *FLAPW – FLAPW method (Full Potential Linearized Augmented Plane Wave)*; *FLAPW – FLAPW-GGA method (Full Potential Linearized Augmented Plane Wave – Generalized Gradient Approximation)*, *QSAR-подход – QSAR approach (Quantitative Structure-Activity Relationship)*, *QSPR-подход – QSPR approach (Quantitative Structure-Property Relationship)*; *XAFS – XAFS (X-ray absorption fine structure)*; *EXAFS – EXAFS (Extended X-ray Absorption Fine Structure)*; *NEXAFS – NEXAFS spectroscopy (Near Edge X-ray Absorption Fine Structure)*; *Whole Powder Pattern Fitting (WPPF) – Whole Powder Pattern Fitting (WPPF)*, *метод SERS – SERS (Surface enhanced Raman spectroscopy)*; *DART – Direct Analysis in Real Time, технология «bottom up» – bottom up technology*, *DFT-расчет (теория функционала плотности) – density functional theory calculation*, *функционал PBE – Perdew-Burke-Ernzerhof (PBE) functional*.

Некоторые транспланты не имеют русских названий, в то время как другие заимствования имеют национальные аналоги, например: *метод МОСВД – металлоорганическая гидридная эпитаксия*, *метод XAFS – тонкая структура спектра рентгеновского поглощения*, *метод EXAFS – протяжённая тонкая структура спектра рентгеновского поглощения*, *метод NEXAFS – околороговая тонкая структура спектра рентгеновского поглощения*, *метод SERS – поверхностно-усиленная рамановская спектроскопия*, *DFT-расчет – теория функционала плотности*. При этом зачастую эти национальные обозначения являются переводом-калькой с английского языка. Кроме того, для некоторых методов, имеющих русские названия, заимствуются английские аббревиатуры: *модель поляризуемого континуума (PCM) – polarizable continuum model (PCM)*, *метод Р. Бейдера (AIM) – Bader method (AIM, atoms in molecules)*, *методика охлаждения в поле (FC) – field cooling*, *охлаждение в отсутствие поля (ZFC) – zero field cooling*.

Эти терминологические сокращения удобны в применении благодаря своей краткой форме, что важно при профессиональной коммуникации. Российские ученые, применяя вышеуказанные методы и описывая результаты экспериментов, используют устоявшиеся иноязычные термины, иногда наряду с национальными аналогами, если таковые имеются, для облегчения понимания и передачи информации в условиях межкультурной коммуникации.

Помимо иноязычных названий методов, также заимствуются названия новых соединений и структур: *катализаторы FOP (ферроцильные катализаторы) – ferrocenyl oxazoline palladacycles*, *семей-*

ство катализаторов FIP – ferrocenyl imidazoline palladacycles, семейство катализаторов FBIP – 1,1'-ferrocenyl-bis(imidazoline) palladacycles, TFA (трифторуксусный ангидрид) – trifluoroacetic acid (TFA) и др. В данном случае при наличии русских терминов в основном заимствуются стандартные международные сокращения, что способствует гармонизации национальной и международной терминологий, необходимой для соотнесения новых результатов и разработок с уже существующими международными данными.

Кроме того, транспланты также используются в названиях реакций и процессов: *aza-MIRC* – *aza-Michael Initiated Ring Closure*, *ICT-состояние* (внутримолекулярный перенос заряда) – *intramolecular charge transfer*, «*in-plane*» и «*out-of-plane*» колебания – *in-plane and out-of-plane vibrations*. В первом случае применяется стандартное английское сокращение «*MIRC*» для обозначения реакции Михаэля с последующей циклизацией, поскольку в русском языке нет подобного закрепленного стандарта. По этой же причине целесообразно использовать международно признанное сокращение «*ICT*» для обозначения «внутримолекулярного переноса заряда». Для «*in-plane*» и «*out-of-plane*» колебаний в русском языке существуют термины «*плоскостные*» и «*внеплоскостные*» колебания. Следовательно, применение иностранных терминологических единиц в данной ситуации может быть продиктовано стремлением соответствовать международным стандартам. При этом о влиянии английского языка так же говорит порядок слов, не характерный для русского языка: «*in-plane*» колебания, а не колебания «*in-plane*», что больше соответствовало бы русской языковой норме.

Наконец, английские транспланты используются в названии приборов: *image-plate-детектор* – *image-plate detector*, *CCD детектор* – *CCD detector* (*charge-coupled device*). В данном случае новая реалия перенимается вместе с соответствующим названием, что не исключает появления русскоязычных обозначений для этих объектов в будущем.

Помимо трансплантов, сохраняющих свою иноязычную форму, также заимствуются новые химические термины из английского языка, которые приобретают русское написание и звучание как с помощью транскрипции, так и транслитерации (оба приема используются в практически равной степени). Это так называемые собственно заимствования, т.е. иностранные обозначения, адаптированные по форме к нормам принимающего языка. Часто собственно заимствованные термины используются для обозначения различных соединений: *лактам* – *lactam*, *нафион* – *nafion*, *ациплекс* – *aciplex*, *даулекс* – *dowlex*, *флемиион* – *flemion*, *каспазы* – *caspases*.

Нафион, *ациплекс*, *даулекс* и *флемиион* – запатентованные названия полимеров, заимствованные вместе с реалиями. *Лактам* и *каспазы* – английские сокращения, функционирующие как самостоятельные слова: *lactam* > *lactone+amide*, *caspase* > *cysteine-aspartic protease or cysteine-dependent aspartate-directed protease*. Как и вышеописанные названия полимеров, данные обозначения пришли в русский язык вместе с соответствующими новыми объектами.

Среди других примеров терминологических собственно заимствований можно выделить следующие: *аналит* – *analyte*, *антифлокулянт* – *antiflocculant*, *линкер* – *linker*, *дисперсоид* – *dispersoid*, *кристаллит* – *crystallite*, *трассер* – *tracer*. Термины «*линкер*» и «*дисперсоид*» имеют то же значение, что и английские обозначения «*linker*» и «*dispersoid*», и не имеют аналогов в русском языке. Следовательно, в данном случае заимствование мотивировано отсутствием необходимых терминов для данных объектов. В то же время, термины «*аналит*», «*антифлокулянт*», «*кристаллит*», «*трассер*» имеют русские аналоги: *анализируемое вещество*, *противофлокулирующая добавка*, *кристаллическое зерно* и *индикаторная добавка* соответственно. Однако русские терминологические обозначения являются словосочетаниями, а английские аналоги представляют собой один термин. Вероятно, англоязычные терминологические единицы заимствуются в целях языковой экономии и возможности образования новых однокоренных терминов.

Среди названий процессов и методов исследования также можно встретить немало собственно заимствованных терминов: *стэкинг* – *stacking*, *риформинг* – *reforming*, *спилловер* – *spillover*, *докинг-анализ* – *docking analysis*, *принцип рандомизации* – *randomization*. Термины «*стэкинг*», «*риформинг*», «*спилловер*», «*докинг*» были заимствованы в русский язык из английского, на что указывает их форма. Необходимо отметить, что все вышеуказанные обозначения пришли вместе с новыми методами, поэтому в русском они означают то же, что и в английском. Таким образом, эти заимствования сохраняют и семантику, и форму языка-донора. Термин «*рандомизация*» происходит от английского слова «*randomization*» (от англ. *random* – случайный) и имеет то же семантическое значение, что и английский термин: «процедура случайного выбора элементов» [6]. Однако, по сравнению с другими терминами из этой группы, данное обозначение является более адаптированным к нормам и правилам русского языка.

Заимствованные термины также используются в названиях структур: *эксимер* – *excimer*, *кластер* – *cluster*, *синтон* – *synthon*, *эксиплекс* – *exciplex*, *краун-эфир* – *crown ether*, *сэндвичевая структура* – *sandwich structure*, *спейсер* – *spacer*, *конформация*

"*twist*" – *twist conformation*. «Эксимер» и «эксиплекс» – английские термины, образованные путем аббревиации «excited dimer» и «excited complex», которые в русском языке соответствовали «возбужденному димеру» и «возбужденному молекулярному комплексу». Так как в русскоязычной терминологии данные явления обозначались словосочетаниями, английские термины были заимствованы в целях языковой экономии и удобства употребления и образования новых лексем.

Термин «*синтон*» был впервые введен в 1967 г. американским ученым Элайсом Дж. Кори для обозначения «структурной единицы молекулы», которая может быть выявлена в ходе синтеза [7]. Термин «*кластер*» был впервые применен в рамках химической терминологии профессором Ф. Коттоном для обозначения «химических соединений, в которых атомы металла образуют между собой химическую связь» [4]. Оба термина были впоследствии заимствованы вместе с реалиями.

Термины «*краун-эфир*», названный по ассоциации с формой «*сrown*» – корона, и «*спейсер*», образованный от английского «*spacer*» (> «*space*» – промежуток, интервал), также были заимствованы из английского языка ввиду отсутствия национальных терминологических эквивалентов.

Понятие «*сэндвичевая структура*» тоже, очевидно, является заимствованием английского понятия «*sandwich structure*», однако в данном случае от английского заимствования «*сэндвич*» образуется прилагательное «*сэндвичевый*» путем применения русских аффиксов и моделей словообразования. Таким образом, заимствуется реалия, однако ее название русифицируется.

Наконец, «*конформация "twist"*» – заимствованный английский термин «*twist conformation*», который имеет русский аналог «скрученная конформация», однако предпочтение отдается англоязычному варианту в силу его интернациональности [8].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в рамках химической терминологии русский язык испытывает значительное влияние английского языка. Английские термины заимствуются в качестве обозначений соединений, структур, методов, приборов. Чаще всего они приходят в русский язык вместе с заимствуемыми реалиями. Данные заимствования могут сохранять свою иностранную форму в русском языке или могут быть адаптированы к нормам принимающего языка, т.е. в современной русской химической терминологии присутствуют и транспланты, и собственно заимствования, и кальки с английского языка. Наиболее вероятной причиной заимствования английских терминологических обозначений в русский язык является интернациональный характер английских терминов. Среди других важных причин заимствования можно выделить следующие: отсутствие названия для нового явления в русском языке; запатентованное название заимствуемого объекта; языковая экономия и более широкий спектр функциональных и словообразовательных возможностей английского термина.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гринев-Гриневиц, С.В.* Терминоведение / С.В. Гринев-Гриневиц. – М. : Академия. 2008. – 304 с.
2. *Жихарева, М.Г.* Химическая терминология / М.Г. Жихарева // Химия. – 2009. – № 12. – С. 1–3. – Продолж. № 15. – С. 1–5.
3. *Суперанская, А.В.* Общая терминология: Терминологическая деятельность / А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильева. – Изд. 3. – М. : Изд-во ЛКИ. 2008. – 288 с.
4. *Третьяков, Ю.Д.* Нанотехнологии: Азбука для всех / Ю.Д. Третьяков. – М. : Физматлит. 2008. – 368 с.
5. Большой медицинский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/>
6. *Corey, E.J.* General Methods for the construction of complex molecules / E.J. Corey. – www.iupac.org
7. IUPAC Goldbook. – <http://goldbook.iupac.org/>.
8. *Scardi, P.* Whole powder pattern modeling / P. Scardi, M. Leoni // Acta Crystallographica – Section A. – Foundations Of Crystallography. – 2002. – № 58. – P. 190–200.

ДИАЛОГ ЛИТЕРАТУРЫ И МУЗЫКИ НА ПРИМЕРЕ «ВЕЧНЫХ ОБРАЗОВ»

Е.О. Омеличкина

Омеличкина Елена Олеговна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры романской филологии филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Контактный адрес: elenamel@mail.ru

В настоящей работе поднимаются вопросы интертекстуальных и интермедиальных взаимодействий литературы и музыки. В центре внимания находятся «вечные образы» и бродячие сюжеты, переосмысленные средствами разных видов искусства, но сохранившие инвариантные характеристики и исчерпывающие смыслы, зафиксированные в той или иной культуре.

Ключевые слова: интертекст, интермедиальность, полифоничность, диалог искусств, архетип, вечный образ, бродячий сюжет, персонаж-референт.

Непрерывный процесс накопления человеческого культурного опыта способствует расширению художественного пространства, осознанию его неисчерпаемости и возникновению диалогических отношений между различными видами искусства. Текст (литературный, кинематографический, музыкальный и т.д.), содержащий в себе отсылки на другие прецедентные тексты (в виде реминисценций), таким образом, теряет свою законченность и закрытость и образует интертекст, в пространстве которого, по принципу снежного кома, наращиваются дополнительные смыслы и образы, необходимые для дешифровки. Теория интертекстуальности возводится к идее «полифонического романа», контрапункта в литературе, в котором сочетается «множественность равноправных сознаний» и «неслиянных голосов» [3: с. 10]. По утверждению Р. Барта, текст представляет собой «вплощенное множество других текстов, бесконечных или, точнее, утраченных (утративших следы собственного происхождения) кодов» [2: с. 38].

Исходя из того, что в процессе смыслопонимания и смыслопорождения художественное пространство постоянно саморегенерируется, Е.А. Баженова выделяет имманентное свойство текста – «...способность к приращению смысла, генерированию новых смыслов через взаимодействие с другими смысловыми системами» [1: с. 108]. Так, пьеса Т. Стоппарда «Розенкранц и Гильденстерн мертвы» является парафразом и переосмыслением «Гамлета» У. Шекспира, в котором жанр трагедии сменяется трагикомедией, а в центре сюжетной линии оказываются второстепенные у Шекспира персонажи. Меняя ракурс, автор прибегает к той же истории, но показывает ее глазами друзей Гамлета, которые становятся героями поневоле, наделяются индивидуальными чертами и пытаются философски объяснить фатальность своего жизненного пути. В романе Х. Кортасара «Игра в классики» по-

лифоничность выходит на новый уровень: читатель превращается в соавтора, исследователя, путешествующего по лабиринту смыслов и образов и выстраивающего роман в выбранной им самой последовательности.

С помощью приема транспозиции художественный текст переносится в пространство театра (пьеса), кинематографа (сценарий) или музыкального произведения (либретто). Некий код, знак, позволяющий передать картину или музыку с помощью слова, язык литературы перевести на язык кино или театра, устанавливает взаимосвязь внешней действительности и внутреннего мира, а, значит, изобразительных и неизобразительных видов искусства. Тексты вступают в интермедиальные отношения, основанные на идеи синтеза и поиске новых форм творческой деятельности. Под интермедиальностью понимается «корреляция текстов», «наличие в художественном произведении таких образных структур, которые включают информацию о другом виде искусства», «специфическая форма диалога культур, осуществляемая посредством взаимодействия художественных образов или стилистических приемов, имеющих для каждой конкретной эпохи знаковый характер» [9: с. 153]. Продуктивными являются следующие виды интермедиальных отношений, эксплицированных в художественном произведении: корреляция форм и кодов разных видов искусства (например, музыкализация литературы, литературная кинематографичность); взаимодействие на смысловом, сюжетном уровне, перенос сюжета в другой вид искусства, что приводит к созданию «целостного полихудожественного пространства в системе культуры» [9: с. 153]; цитация, попытка описать в литературном тексте форму и содержание другого вида искусства.

В настоящем исследовании мы рассматриваем диалог литературного текста и музыки на уровне репрезентации некоторых бродячих сюжетов и ар-

хетипов в разных видах искусства. Подобные темы и сюжеты оживают, подвергаются творческой переработке и переосмыслению в зависимости от запросов новой эпохи в силу своей универсальности и объемности ценностно-смыслового ядра. Заимствование и пересечение сюжетно-фабульных структур происходит благодаря обращению к «вечным образам», оставшимся в культурной памяти людей. Они оказываются способными к темпорально-пространственной, национальной и культурной миграции, трансформации и приобретению новых содержательных характеристик при сохранении инвариантных, обобщающих черт.

Символизация вечных образов происходит средствами разных видов искусства. Мы обратились к образам Хлои, Золушки и пианиста С. Рихтера, которые являются «персонажами-референтами» [10: с. 122] (мифологическим, литературным и историческим соответственно), сформированными широким культурным контекстом. Они отсылают к исчерпывающему, определенному смыслу, зафиксированному в той или иной культуре, к ролям, программам и к стереотипному употреблению, и их ясность напрямую зависит от степени включенности читателя в эту культуру, «поскольку персонаж должен быть известным и узнаваемым, что создает эффект реальности» [8: с. 14].

Первый пример представляет собой корреляцию и внутритекстовое взаимодействие форм и кодов музыки и литературы. Образы *Колена* и *Хлои* в романе французского писателя-авангардиста Б. Виана «L'écume des jours» являются аллюзией на образы *Дафниса* и *Хлои* из древнегреческого романа-идиллии Лонга [5; 11]. Виан воссоздает идиллический мир героев, их возвышенной любви, обособленности от внешнего мира, представляющего реальную угрозу для их счастья. Роман предельно музыкален: произведение базируется на аллюзии на «Хлою» из знаменитой блюзовой композиции в обработке Дюка Эллингтона. Название романа («эсуме») (f) – «волна») отсылает нас к свинговой ритмической фактуре (англ. «swing» – «покачивание»). Не только художественное пространство может изменяться под воздействием музыки, но, как видно из нижеследующего примера, главная героиня является персонификацией музыкальной темы:

Elle avait bien choisi le disque. C'était Chloé, arrangé par Duke Ellington. Colin mordillait les cheveux de Chloé près de l'oreille. Il murmura:
– C'est exactement vous.

Она хорошо выбрала пластинку. Это была «Хлоя» в аранжировке Дюка Эллингтона. Колен покусывал волосы Хлои у уха. Он пробормотал:
– Это в точности вы!

Композиция имеет подзаголовок «Девушка Болота» – отсюда мотив кувшинки, прорастающей в легких у Хлои, мотив шагов Колена, издающих

хлопающие звуки во второй половине романа, когда Хлоя заболевает, а также мотив кладбища, расположенного на острове, который со всех сторон окружен водоемом с кувшинкой на дне. В момент похорон водоем трансформируется в болото, а все присутствующие, кроме Колена, становятся участниками фантасмагорического карнавала, музыкальной бутафории, которая создается из-за какофонии. Разрушение внутреннего пространства приводит к деградации внешнего. Автор прибегает к приему гротеска – обряд выглядит абсурдным и бесчеловечным, так как смерть как конец пути в данном хронотопе является противоестественной (ср.: для джаза характерна непрерывная импровизация):

Colin était affaissé à genoux. Il avait la tête dans ses mains, les pierres faisaient un bruit mat en tombant et Isis pleurait près de Nicolas, alors le Chuiche, le Bedon et les deux porteurs se donnèrent la main, ils firent une ronde autour du trou, et puis soudain, ils filèrent vers le sentier et disparurent en farandole.

Le Bedon soufflait dans un gros cromorne et les sons rauques vibraient dans l'air mort. La terre s'éboulait peu à peu, et au bout de deux ou trois minutes, le corps de Chloé avait complètement disparu.

Колен стоял на коленях. Он закрыл лицо руками. Камни с грохотом сыпались в яму. Священок, Пьяномарь и оба гробоносца схватились за руки и хороводом закружились вокруг неё, а потом ни с того, ни с сего опрометью бросились к дороге и, отплясывая фарандолу, скрылись из виду. Священок трубил в большой крумгорн, и хриплые звуки долго вибрировали в мертвом воздухе. Земля в могильной яме начала постепенно осыпаться, и через две-три минуты тело Хлои исчезло.

Упоминание произведений американских джазовых композиторов встречаются неоднократно, их мелодиями пронизан весь текст романа. Музыка рассматривается как самостоятельный, нерушимый мир, обладающий глубоким смыслом и способностью влиять и видоизменять внешний мир. Джазовые композиции в романе наделяют действительность такими свойствами, как ритмичность, пульсация, волнообразное движение, смещение акцентов, синкопированность, импровизация. Реальность представляется очень гибкой материей, способной принимать даже самые причудливые формы:

Les coins de la chambre se modifiaient et s'arrondissaient sous l'effet de la musique. Colin et Chloé reposaient maintenant au centre d'une sphère.
– Qu'est-ce que c'était?
Demanda Chloé.
– C'était The Mood to Be Wooped...dit Colin.

Под воздействием музыки все углы комнаты округлились. Колен и Хлоя лежали теперь в центре некой сферы.
– Что это? – спросила Хлоя.
– The Mood to Be Wooped, – ответил Колен.

В данном примере содержится реминисценция на известного американского саксофониста Джон-

ни Ходжеса. Музыка выполняет защитную и трансформационную функции. Она, как воплощение чувственности, проникает во внутреннее пространство героев, влияет на их восприятие, и в то же время меняет пространство вокруг них. Запись Джонни Ходжеса модифицирует комнату, делая ее круглой, тем самым, ликвидируя все острые углы, превращает ее в замкнутую сферу, отделяющую героев от остального мира. Возникает ощущение некоего подобие колыбели, так как герои с точки зрения расположения в пространстве лежат в центре, где они могут чувствовать себя защищенными, хотя бы на время, от прогрессирующей болезни Хлои [7: с. 61–62].

Музыка выполняет также строительную функцию в тексте романа. Изобретение Коленом пианоктейля (pianocktail (m)), аппарата, который с помощью звукоизвлечения готовит аперитив, наделяет музыку способностью овеществляться:

– *A chaque note, dit Colin, je fais correspondre un alcool, une liqueur ou un aromate. La pédale forte correspond à l'œuf battu et la pédale faible à la glace. Pour l'eau de Seltz, il faut un trille dans le registre aigu. Les quantités sont en raison directe de la durée: à la quadruple croche équivaut le seizième d'unité, à la noire l'unité, à la ronde la quadruple unité. Lorsque l'on joue un air lent, un système de registre est mis en action, de façon que la dose ne soit pas augmentée – ce qui donnerait un cocktail trop abondant – mais la teneur en alcool. Et, suivant la durée de l'air, on peut, si l'on veut, faire varier la valeur de l'unité, la réduisant, par exemple au centième, pour pouvoir obtenir une boisson tenant compte de toutes les harmonies au moyen d'un réglage latéral.*

– Каждой клавише соответствует либо какой-нибудь крепкий напиток, либо ликер, либо сироп. Правая педаль добавляет в смесь сбитое яйцо, а левая – кусочек льда. Для получения сельтерской воды надо извлекать тремоло в высоком регистре. Дозы всех ингредиентов определяются длительностью звука: одной шестьдесят четвертой соответствует шестнадцатая часть объема, взятого за единицу, четверти – единица объема, а целой ноте – четыре единицы. Когда играешь медленную мелодию, включается особая система регистров, чтобы доза коктейля не увеличивалась, иначе порция получилась бы слишком большой, а только повышалась его крепость. Кроме того, можно, в зависимости от продолжительности мелодии, изменить величину объема, взятого за единицу, уменьшив его, например, в сто раз, чтобы получить напиток, в котором, с помощью особого модератора, учтены все законы гармонии.

Так, исполнительские способности, знание многообразия ладов, регистров, стилей, музыкального размера и ритма влияют на содержание и качество производимого напитка. Синтез музыки и техники

носит гиперболический и иронический характер, однако подобный прием подчеркивает синтетический характер искусства в целом. Данный контекст иллюстрирует сущность музыкальной гармонии – перенос общеэстетического понятия гармонии в область звука. Напиток может получиться, только если соблюдены законы созвучия.

В качестве примера диалога литературы и музыки на уровне сюжета мы выбрали балет «Золушка» (2006) на музыку С. Прокофьева (1944), поставленный в Большом театре Ю. Посоховым. Либретто написано по одноименной сказки Ш. Перро, однако главная тема также связана с историей создания партитуры и с биографией самого композитора. В тексте присутствуют многочисленные интертекстуальные включения из произведений разных видов искусства. Переносы сюжета из пространства сказки в иное культурное, национальное и временное пространство способствовали расширению и универсализации образа Золушки, которая выступает в разных ипостасях в том или ином хронотопе. Полифоничность данной интерпретации основана на философском переосмыслении известного сюжета. Появляется мотив одиночества творца, трагической быстротечности времени и неизбежности физической смерти, но вечной жизни духа (образы космоса, часов, маятника).

Так, в современной версии балета появляется Сказочник, живущий на своей планете и придумывающий историю Золушки, образ которого соткан из аллюзий на «Маленького принца» А. де Сент-Экзюпери, а также на С. Прокофьева – автора музыкальной темы. Отсылки к творчеству и биографии композитора являются сюжетообразующими: гости на балу одурманены апельсинами, в которых было подмешано волшебное зелье (аллюзия на оперу Прокофьева «Любовь к трем апельсинам»). Ю. Посохов вводит в сюжет персонажей – крупнейших деятелей искусства XX в.: кинодиву Марлен Дитрих («Голубой ангел») и оперную певицу Марию Каллас, которые выступают в роли «Золушек», успевших вытянуть счастливый билет и уже преуспевших в жизни. Прообразом Золушки стала первая супруга С. Прокофьева – Лина, попавшая в сталинские лагеря в конце 40-х гг. В балете она является не только героиней сказки Ш. Перро, но и помощницей Сказочника Пташкой, убирающей их планету. Попадание в сказку становится началом процесса инициации, неотъемлемым свойством которого можно назвать трудность пути, а преодоление препятствий ведет к обретению награды (любовь Принца). Кроме того, Золушка является собирательным образом современной девушки, активно борющейся за свое счастье (появившись на балу, Золушка скатывается с перил в объятия Принца).

В финале сказки Перро сестры Золушки осознают свою неправоту и просят прощения, как положительные, так и отрицательные персонажи добиваются желаемого в качестве награды за воцарившийся мир. В рассматриваемом нами балете история Золушки, несмотря на то, что она разворачивается в пространстве космоса, символов, показывает палитру человеческих взаимоотношений: творец прощается со своей музой, оставляя ее в сказке с принцем, и в одиночестве возвращается на свою планету.

Для иллюстрации третьего вида диалога, который заключается в описании в литературном тексте формы и содержания других видов искусства, мы обратились к сценарию музыкального фильма «Сновидения Святослава Рихтера» Ю. Борисова по книге «По направлению к Рихтеру» [4]. В данном тексте великий пианист предстает в образе Пака – духа воздуха, который объединяет в себе образы лесного эльфа Пака из «Сна в летнюю ночь» и духа Ариэля из «Бури» У. Шекспира, а также музыкальные темы: прелюдию «Танец Пака» К. Дебюсси и оперу «Сон в летнюю ночь» Б. Бриттена. Природа Пака дуалистична: он и господин (Рихтер, желающий сыграть в Дельфте, в доме, где нидерландский художник Я. Вермеер рисовал город), и слуга, исполняющий задание своего господина и отправляющий его в путешествие по собственной жизни, начиная с детства. Кроме того, Пак претерпевает и другие превращения – в людей, сыгравших в жизни Рихтера значительную роль: Н. Дорлиак, М. Дитрих, тетю Мэри и т.д.; либо в персонажей, увиденных во сне, в произведениях искусства: Амазонку, цыганку-предсказательницу Имаст, клоунессу Ша-Ю-Као с картины французского художника А. де Тулуз-Лотрека. Происходит «процесс трансформации увиденного в художественный образ» [6: с. 147].

Сценарий состоит из интертекстуальных вставок из музыкальных мемуаров «По направлению к Рихтеру», сохраняется монологичность речи от первого лица, при этом голоса множатся и взаимодействуют между собой. Название книги Ю. Борисова является аллюзией на роман Пруста «По направлению к Свану». Сван здесь представляется символом загадочного, удивительного мира, который открыл для себя рассказчик, подобно тому, как неисчерпаем творческий мир Рихтера.

Текст также наполнен цитатами из других художественных произведений: *«Наконец он рухнул на круглый диван; тут вдруг он перестал думать о том, что его жизнь в опасности, и, снова придя в веселое настроение, решил: "Это просто расстройство желудка из-за недоваренной картошки, только и всего". Последовал новый удар, он сполз с дивана на пол, сбежались посетители и служащие. Он был мертв. Мертв весь? Кто мог бы ответить*

на этот вопрос? Опыты спиритов, так же как и религиозные догмы, не могут доказать, что душа после смерти остается жива».

Пак, достигший финала своей земной жизни, читает сцену смерти Бергота из романа «Пленница» цикла «В поисках утраченного времени» французского писателя М. Пруста. Бергот умирает на выставке, любуясь желтой стеной, которую изобразил Вермеер на картине «Вид Дельфта». Созерцание великого произведения – идеала красоты и воплощения совершенства становится апогеем жизни героя (ср. страсть писателя Ашенбаха к мальчику Тадзио в новелле «Смерть в Венеции» Т. Манна).

Соединение образов и средств разных видов искусства (литературы, музыки, театра, кино, живописи) формирует полифоническое, полихудожественное пространство, наполненное знаками и культурными кодами. Так, музыкальное произведение, написанное К. Дебюсси на стихи из сборника эротической поэзии «Песни Билитис» французского поэта П. Луи, изображается посредством прозаического текста: *«Из того, что мы пели вместе, – лучше всего был Дебюсси: "Могила наяд". Влюбленный привел невесту к гроту, а у входа вместо цветов – льдинки! На снегу – следы копытец».* Закадр.: *«Пространство вокруг рояля засыпано снегом. Засыпан и пианистический стул».*

Реальный человек, ставший героем литературного произведения, попадает в средоточие «многоголосного», космического мировосприятия и использует разные языки искусства для самовыражения. Путь творца представляется лабиринтом смыслов. Происходит мифологизация выдающейся личности, образ которой является продуктивной и для остальных видов искусства.

Диалог между литературой и другими видами искусства постоянно обогащается благодаря переводу художественного текста в иные знаковые системы и его семантическому и структурному усложнению. Кроме того, литература аккумулировала традиции искусств, которые взаимодействуют в интертексте – способе построения открытого художественного текста. Вечные образы и сюжеты мигрируют и модифицируются в зависимости от языка искусства, сохраняя свою символическую значимость для культуры в любом историческом срезе. Таковы общие выводы из проведенного нами анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баженова, Е.А. Интертекстуальность / Е.А. Баженова // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. – М. : Флинта; Наука, 2003. – С. 104–108.

2. *Барт, П. S/Z / П. Барт*: пер. с фр. ; под ред. Г.К. Косикова. – 2-е изд., испр. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 232 с.
3. *Бахтин, М.М.* Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. – М. : Художественная литература, 1972. – 464 с.
4. *Борисов, Ю.А.* Сновидения Святослава Рихтера / Ю. А. Борисов // По направлению к Рихтеру. – М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2011. – С. 270–302.
5. *Виан, Б.* Пена дней : пер. с фр. / Б. Виан. – СПб. : Кристалл, 2000. – 416 с.
6. *Модина, Г.И.* Живописные реминисценции в драме Флобера «Искушение святого Антония» / Г.И. Модина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2004. – № 1. – С. 143–147.
7. *Омеличкина, Е. О.* Концепты «espace» и «modification» в художественном дискурсе (на материале романов В. Vian и М. Butor) / Е.О. Омеличкина. – LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. – 88 с.
8. *Омеличкина, Е.О.* Реализация лингвокультурного типажа «héros combattant» в художественном дискурсе (на материале французского языка): автореф. дис. ... канд. филолог. наук / Е.О. Омеличкина. – Кемерово : КемГУ, 2013. – 32 с.
9. *Тишунина, Н.В.* Методология интермедиального анализа в свете междисциплинарных исследований / Н.В. Тишунина // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века : материалы междунар. науч. конф. – С-Пб., 2001. – Вып. № 12. – С. 149–154. – (Серия «Symposium»).
10. *Hamon, P.* Poétique du récit / P. Hamon // Roland Bathes, Wolfgang Kayser, Wayne C. Booth, Philippe Hamon. – Paris: Seuil, 1977. – 180 p.
11. *Vian, B.* L'écume des jours / Boris Vian. – Paris : Société Nouvelle des Éditions Pauvert, 1998. – 316 p.

АВТОНОМНАЯ РАБОТА СТУДЕНТОВ В СОВРЕМЕННОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

У.М. Прошина

Прошина Ульяна Михайловна – преподаватель кафедры лингвистики и информационных технологий Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Контактный адрес: uproshina@yandex.ru

В статье рассматриваются основные термины, которые используются в образовательных стандартах и методической литературе для обозначения самостоятельной познавательной деятельности студентов и выпускников высших учебных заведений, и делается попытка разграничения основных терминов, в том числе терминов «самостоятельная работа» и «автономная работа» студентов.

Ключевые слова: автономная работа, самостоятельная работа, автономия обучающегося, образовательные стандарты, иностранные языки.

На сегодняшний день слово «автономия» уже прочно вошло в лексикон современного русского человека и используется во всех сферах деятельности человека, в том числе и в образовании: от «автономии студентов» до «автономии учебных заведений». Наряду с *автономией*, используется целый ряд терминов, таких как, например, «самообучение» и «самостоятельная работа»; при этом иногда данные термины используются в качестве синонимов, несмотря на то что в методической литературе уже были предприняты попытки разграничить употребление данных терминов. Ситуация усугубляется тем, что в нашу терминологическую систему заимствуются (порой весьма некритично и необоснованно) англоязычные переносы научных и дидактических концептов, используемых в глобальном дискурсе, но, как правило, приобретающих в локальном контексте несколько иное значение, особенно в силу необходимости дифференциации с локальными терминами. Это, в частности, относится и к терминам *автономная* и *самостоятельная работа* студентов.

Для того чтобы охарактеризовать автономную работу студентов в высших учебных заведениях России, следует рассмотреть документы, регулирующие деятельность высших учебных заведений в РФ: термины, которые используются в образовательных стандартах; деятельность, подразумевающуюся под автономной работой студентов в данных стандартах; сравнить данные термины с терминами, принятыми в современной методической литературе, и сделать выводы о смысловой нагрузке термина «автономная работа», а также о способах организации автономной работы студентов в современной высшей школе.

Автономная работа и стандарты образования

На сегодняшний день основным правовым документом в сфере образования является Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», после приня-

тия и одобрения которого старый закон от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании» утратил силу. Федеральный закон № 273-ФЗ регулирует деятельность образовательных учреждений на всей территории Российской Федерации, а также отношения, возникающие при реализации права человека на получение образования, гарантированного Конституцией Российской Федерации.

В федеральном законе нет прямого упоминания «автономии» или «автономной работы», но уже при определении термина «обучение» наблюдается ориентация на получение образования в течение всей жизни: *«обучение – целенаправленный процесс организации деятельности обучающихся по овладению знаниями, умениями, навыками и компетенцией, приобретению опыта деятельности, развитию способностей, приобретению опыта применения знаний в повседневной жизни и формированию у обучающихся мотивации получения образования в течение всей жизни»* [8]. Из данного определения следует, что одной из задач системы образования является мотивация учащихся к непрерывному получению знаний, что на определенных этапах профессиональной деятельности немислимо без автономной работы.

В ст. 48 и 50 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» перечисляются обязанности педагогических и научно-педагогических работников, среди которых следует отметить развитие у обучающихся познавательной активности, самостоятельности, инициативы и творческих способностей. Примечательно, что понятие «самостоятельность» появилось только в новом федеральном законе и не встречается в тексте утратившего силу федерального закона 1992 г., что свидетельствует об изменении требований к системе образования. Современный выпускник должен быть готов к самостоятельному получению знаний, их активному поиску, а не пассивному восприятию ограниченного преподавателем круга вопросов.

Согласно упомянутому выше федеральному закону основой для «объективной оценки соответствия установленным требованиям образовательной деятельности и подготовки обучающихся, освоивших образовательные программы соответствующего уровня и соответствующей направленности, независимо от формы получения образования и формы обучения» являются федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) [8]; при этом ряд организаций высшего образования, в том числе Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова и Санкт-Петербургский государственный университет (полный перечень университетов утверждается приказом Президента Российской Федерации), самостоятельно разрабатывают и утверждают собственные образовательные стандарты. Отражена ли автономная или самостоятельная работа студентов как субъектов образовательной деятельности, т.е. «инициаторов, носителей активности» в данных стандартах [2: с. 166]? Для сравнения возьмем ФГОС и образовательные программы высшего профессионального образования, реализуемые факультетом иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова, по таким направлениям, как «Зарубежное регионоведение» (032000. Интегрированный магистр, т.е. обучение в течение четырех лет по программе бакалавриата и двух лет по программе магистратуры), «Регионоведение России» (032200. Интегрированный магистр), «Культурология» (033000. Интегрированный магистр), «Лингвистика» (035700. Интегрированный магистр), «Перевод и переводоведение» (035701. Специалист).

В ФГОС при перечислении общекультурных компетенций, которыми должен обладать выпускник, используются следующие понятия: «самообучение», «самообразование» и «самостоятельное обучение». Данные понятия употребляются в таких контекстах, как, например: выпускник должен «проявлять готовность к дальнейшему обучению и *самообучению*», обладать «способностью к *самообразованию* и постоянному совершенствованию в профессиональной деятельности», «способностью к *самостоятельному обучению* новым методам исследования» [7]. В данном случае речь идет о дальнейшем повышении уровня образования выпускников, постоянном самосовершенствовании на протяжении всей жизни. Подобную работу бывшие студенты должны осуществлять уже независимо от учебной программы и уметь ставить собственные цели и задачи для личного и профессионального развития. Очень часто выпускникам приходится иметь дело с новой для них областью знаний, поэтому они должны уметь определять необходимость обращения к новому материалу и самостоятельно выбирать пути его освоения. Данная компетенция выпускника также отражена в ФГОС. Более

того, в отдельных ФГОС даются указания в отношении способа получения нового знания: выпускник должен обладать «...способностью самостоятельно приобретать с помощью информационных технологий и использовать в практической деятельности новые знания и умения, в том числе в новых областях знаний, непосредственно не связанных со сферой деятельности» [7]. Таким образом, информационные технологии становятся одним из важнейших инструментов в арсенале автономного студента, так как «...беспрепятственный доступ к информации становится возможен благодаря развитию новых информационных технологий, но эти технологии должны быть освоены пользователями» [4: с. 28]. Для независимой автономной работы требуются лидерские качества, навыки рефлексии и самоконтроль, которые также отмечены в ФГОС при перечислении компетенций, которыми должен обладать современный выпускник.

Во всех рассмотренных образовательных стандартах МГУ (ОС МГУ) четко сформулирована необходимость ориентации современного выпускника на получение образования в течение всей жизни: подготавливаемый работник высокой квалификации «стремится к продолжению образования и *самообразованию* в течение всей жизни». Как и в ФГОС, среди компетенций в ОС МГУ отмечается, что выпускник должен быть способен изменить при необходимости профиль своей деятельности; при этом используется понятие «самостоятельное обучение», т.е. «...способность к *самостоятельному обучению* новым методам исследования, изменению научного и научно-производственного профиля своей профессиональной деятельности» [5]. Для выпускника МГУ характерна также лидерская деятельная позиция, умение поставить цели и выбрать пути их достижения, что свидетельствует о формировании независимой и творческой личности, способной к автономной работе.

Помимо навыков, необходимых для дальнейшего постдипломного самосовершенствования, в ФГОС отражена самостоятельная работа студентов, осуществляемая ими во время освоения образовательной программы. В п. 7.6 всех рассмотренных ФГОС учебная нагрузка подразделяется на аудиторную и внеаудиторную; при этом внеаудиторная нагрузка обозначена как *самостоятельная учебная работа*. В ОС МГУ нагрузка также подразделяется на аудиторную и внеаудиторную, и используется понятие «индивидуальная самостоятельная работа» как синоним внеаудиторной нагрузки. При перечислении требований к условиям реализации отдельных программ в некоторых ФГОС указано, что вуз должен предоставить студентам рабочее место в компьютерном классе для *самостоятельной подготовки*. Отметим, что словосочетания, одним из компонентов которых является прилагательное «самостоятельный», неод-

нократно встречаются в текстах рассмотренных ФГОС и ОС МГУ: «самостоятельное освоение инновационных областей», «самостоятельная разработка актуальных проблем», «самостоятельные исследования», «самостоятельная интерпретация событий, явлений и концепций», «самостоятельная формулировка научной проблемы», «выдвижение самостоятельной гипотезы», «самостоятельный комплексный анализ» [5; 7].

Таким образом, основными понятиями, использованными в образовательных стандартах, являются «самообучение», «самообразование», «самостоятельное обучение», «самостоятельная учебная работа», «самостоятельная работа». Можно ли рассматривать данные понятия или некоторые из них в качестве синонима «автономной работы обучающегося»?

Самостоятельная и автономная учебная работа при изучении иностранного языка

В современной дидактической литературе нет единства употребления данных терминов. Ряд исследователей используют понятия «автономия» и «самостоятельная работа» синонимично. В статьях оба понятия могут использоваться одновременно, например, «автономная/самостоятельная работа», «самостоятельная работа в автономном режиме обучения».

Однако ведущие методисты в области обучения иностранным языкам разграничивают данные термины.

Е.Н. Соловова отмечает, что несмотря на то что у терминов «учебная автономия» и «учебная самостоятельность» много общего, тем не менее, они не являются тождественными: «...При *самостоятельной работе* учащиеся сами, т.е. без помощи и непосредственного присутствия консультанта, определяют *технологии* выполнения конкретной учебной задачи (при этом заданной учителем или автором учебника), в то время как *учебная автономия* предполагает выбор не только того, *как* следует учиться, но и того, *что* и *когда* надо учить для достижения поставленной для себя цели» [6: с. 52].

Подобное разграничение прослеживается в трудах ряда современных зарубежных педагогов, например, Г. Стокуэлл замечает, что самостоятельное обучение не учитывает те факторы, которые толкают учащихся к самостоятельному обучению, в то время как для автономного обучения важно, чтобы учащиеся умели искать, определять и использовать возможности для получения знаний самостоятельно («Self-study does not take into consideration the factors that lead learners to study by themselves, whereas for learning to be autonomous, learners must be able to seek out, recognize, and capitalize upon learning opportunities for themselves») [9: с. 9].

Обратимся к словарю методических терминов Э.Г. Азимова и А.Н. Щукина. Авторы словаря дают следующие дефиниции терминам «автономия обучаю-

щегося» и «самостоятельная работа» (в рамках данной статьи дефиниции приводятся с сокращениями).

Автономия обучающегося. Положение, согласно которому изучение языка должно быть организовано на основе учета индивидуальных потребностей, интересов учащихся и учитывать принцип индивидуализации. Автономия обозначает возможность самостоятельного (вне аудиторных занятий) изучения языка, выбор собственных приемов и стратегий изучения языка [1: с. 9].

Самостоятельная работа. Вид учебной деятельности, выполняемый учащимся без непосредственного контакта с преподавателем или управляемый преподавателем опосредованно через специальные учебные материалы; неотъемлемое обязательное звено процесса обучения, предусматривающее прежде всего индивидуальную работу учащихся в соответствии с установкой преподавателя или учебника, программы обучения. Самостоятельная работа может осуществляться как во внеаудиторное время (дома, в лаборатории), так и на аудиторных занятиях в письменной или устной форме. <...> Задания, предназначенные для самостоятельной работы, должны носить активный и творческий характер, стимулировать поиск самостоятельных решений. Овладение приемами самостоятельной работы является обязательным условием развития навыков самообразования [1: с. 268].

Как видно из дефиниций, ключевое отличие заключается в установке на обучение. При самостоятельной работе преподаватель, учебник или программа обучения задают цель и направление деятельности, которым следуют учащиеся, как во время аудиторных занятий, так и при работе во внеаудиторное время, когда преподаватель физически отсутствует, но у учащихся есть четкие инструкции, что нужно сделать. В отличие от самостоятельной работы, при автономном обучении учащиеся сами выбирают приемы и стратегии изучения языка. Отметим, что самостоятельная работа направлена на формирование творческой личности и развитие навыков самообразования, т.е. является первым шагом формирования личности, способной к автономному обучению.

В образовательных стандартах используются такие термины, как «самообучение» и «самообразование».

В научной и учебной литературе нет единого взгляда на употребление данных терминов. Некоторые исследователи используют «самообучение» и «самообразование» в качестве синонимов «автономной работы». Например, в своей статье А.И. Курпешева разграничивает понятия «автономная учебная деятельность» и «самостоятельная учебная деятельность»; при этом автор указывает понятия «самообучение» и «самообразование» в скобках к понятию «автономная учебная работа» [3]. Рассмотрим дефиниции данных терминов, приведенные в

словаре методических терминов Э.Г. Азимова и А.Н. Шукина.

Самообразование. Овладение знаниями, навыками, умениями по инициативе самого обучающегося в отношении предмета знаний (чем заниматься), объема и источника познания, установления продолжительности и времени проведения занятий, а также выбора форм удовлетворения познавательных интересов и потребностей.

Самообучение. Процесс самостоятельного образования без непосредственного участия преподавателя. Целям самообучения служат специальные учебные пособия – самоучители, разговорники, фоно- и видеофонограммы и компьютерные программы. Для самообучения иностранному языку часто используются разговорники [1: с. 268].

Анализ данных дефиниций показывает семантическую близость терминов:

а) «самообразование» и «автономная работа» – ответственность за выбор стратегий приобретения знаний лежит на учащемся, степень самостоятельности и независимости которых является максимальной.

б) «самообучение» и «самостоятельная работа» – меньшая степень ответственности учащегося, так как они следуют готовым инструкциям, которые ограничивают степень их самостоятельности.

Термины в каждой категории не являются полными синонимами.

«Самообразование» – это более широкое понятие, чем «автономная работа». «Самообразование» предполагает овладением знаниями из ряда предметных областей, интересных учащемуся, в то время как «автономная работа» происходит в рамках определенного предмета. Например, учащийся самостоятельно определяет цель и стратегии изучения иностранного языка.

«Самостоятельная работа» представляет собой более широкое понятие, чем «самообучение», так как «самообучение» происходит без участия преподавателя, т.е. «самообучение» является видом самостоятельной работы учащегося, которая осуществляется без непосредственного контакта с преподавателем. Устанавливается родо-видовая связь между терминами.

Выводы

В образовательных стандартах и дидактической литературе для характеристики работы студентов по получению знаний вне аудитории используется целый ряд терминов, например: «самообучение», «самообразование», «самостоятельное обучение», «самостоятельная учебная работа», «индивидуальная самостоятельная работа», «самостоятельная подготовка», «автономная работа», «самостоятельная работа», «учебная автономия», «автономия обучающегося».

Термины «самообразование», «автономная работа» «самообучение» и «самостоятельная работа» относятся к одному лексико-семантическому полю, но не являются полными синонимами. Разграничение терминов «обучение», «учение», «учебная работа», «учебная деятельность», «учебная подготовка» может стать основой для отдельного исследования.

На данном этапе исследования под «автономной работой» учащегося по изучению иностранного языка будем понимать индивидуальную учебную деятельность учащегося, при которой он самостоятельно определяет цели изучения иностранного языка и оптимальные пути их достижения (время работы, приемы и стратегии изучения языка).

Автономная работа является внеинституциональной, что не уменьшает роли высших учебных заведений по мотивации студентов к автономной работе в студенческие годы и на протяжении всей жизни.

Необходимо выделить стратегии по изучению иностранного языка, которые студенты могут использовать при автономной работе, и предоставить студентам возможность ознакомления с данными стратегиями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азимов Э.Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э.Г. Азимов, А.Н. Шукин. – М. : ИКАР, 2009. – 448 с.
2. Алексеева, М.Г. Реализация субъектной активности в профессиональной деятельности (на примере руководителей железнодорожного транспорта) / М.Г. Алексеева // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2010. – № 4 (28). – С. 166–170.
3. Курпешева А.И. Психолого-педагогические основы организации самостоятельной работы студента как средства формирования иноязычной коммуникативной компетентности [Электронный ресурс] / А.И. Курпешева // Вестник /АГТУ. – 2012. – № 1. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/psihologo-pedagogicheskie-osnovy-organizatsii-samostoyatelnoy-raboty-studenta-kak-sredstva-formirovaniya-inoazychnoy> (дата обращения: 10.01.2014).
4. Назаренко, А.Л. Информационно-коммуникационные технологии в лингводидактике: дистанционное обучение / А.Л. Назаренко. – М. : Изд-во Московского ун-та, 2013. – 271 с.
5. Образовательные стандарты МГУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://standart.msu.ru/standards> (дата обращения: 15.02.2014).
6. Соловова, Е.Н. Методика обучения иностранным языкам: продвинутый курс / Е.Н. Соловова. – М. : АСТ; Астрель, 2010. – 272 с.
7. Федеральные государственные образовательные стандарты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://минобрнауки.рф/документы/336> (дата обращения: 15.02.2014).
8. Об образовании в Российской Федерации [Электронный ресурс] : фед. закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ – Режим доступа: <http://минобрнауки.рф/документы/2974> (дата обращения: 15.02.2014).
9. Stockwell, G. Computer-Assisted Language Learning: Diversity in Research and Practice / G. Stockwell. – Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – P. 1–13.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ПЕЙЗАЖЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГОРОДА

А.А. Ривлина

Ривлина Александра Абрамовна – кандидат филологических наук, доцент департамента английского языка Национального исследовательского университета Высшей школы экономики (г. Москва).

Контактный адрес: rivlina@mail.ru

Одной из сфер, привлекающих сегодня наибольшее внимание исследователей процессов глобализации английского языка в разных странах мира, является сфера «лингвистического пейзажа/ландшафта» – письменной составляющей языковой городской среды. В статье затрагиваются некоторые вопросы, связанные с развитием данного направления в российской урболингвистике, дается характеристика визуальной языковой составляющей современного российского города как одной из наиболее значимых сфер глобализации английского языка в русскоязычном контексте, а также перечисляются некоторые наиболее важные аспекты взаимодействия русского языка с английским в сфере публичных городских текстов и надписей.

Ключевые слова: глобализация, лингвистический/языковой пейзаж/ландшафт, кодовое смешение и переключение, билингвизм.

Одним из наиболее актуальных направлений в исследовании глобализации английского языка сегодня становится его развитие на пересечении с новым подходом в современной социолингвистике, получившим в зарубежных публикациях метафорическое название «linguistic landscape», «лингвистический/языковой пейзаж/ландшафт». Некоторые исследователи даже определяют описание лингвистического ландшафта как новый междисциплинарный метод исследования языка в эпоху глобализации [8]. За последние несколько лет появился целый ряд значимых работ, закрепивших основные положения данного направления, в частности [17; 19; 21; 23; 24; 25; 28] (обзор на русском языке см. в [7]). Объектом исследования в этом направлении выступают письменные составляющие языковой городской среды, такие как дорожные знаки, вывески, объявления, рекламные плакаты, названия улиц, ресторанов, магазинов и других городских предприятий и учреждений, в соответствии с первой формулировкой данного толкования лингвистического ландшафта в работе Р. Лэндри и Р. Борхеса 1997 г. [22: с. 25].

Термин «лингвистический ландшафт» постепенно внедряется и в российскую урболингвистику [3; 7], однако, его перенос в контекст российского языкознания в таком понимании сопряжен с рядом проблем. Во-первых, термин «лингвистический/языковой ландшафт/пейзаж» уже давно используется в рамках ареальной типологии и лингвистической географии при описании соотношения разных языков и диалектов не только в городской среде, но в мире в целом и в отдельных его регионах [10: с. 43, 133, 268]. Например, говорят о «языковом ландшафте Земли» или о «лингвистическом пейзаже Швейцарии». Во-вторых, исследова-

ние городской языковой среды в российской лингвистике имеет давние традиции, обширный корпус исследований и собственный понятийно-терминологический аппарат [8: с. 18–3; 11]. При этом в качестве общего обозначения семиотики городской среды чаще всего используется другая метафора из сферы изобразительного искусства – «языковой/речевой портрет города» [13]. Метафорика российских урболингвистических исследований вообще по преимуществу антропоцентрична: помимо «языкового/речевого портрета города», в российских публикациях можно встретить такие обозначения как «языковой образ» или «языковой облик» города. Как представляется, в определенной степени это обусловлено приоритетами в выборе объекта исследования. В российской лингвистике как язык городской среды изучают не только городские номинации и тексты (они составляют объект так называемых «урбонимии» и «лингвистического градоведения» [11]), но и особенности речевого поведения жителей города, «речевой портрет горожанина» [8]¹.

Особенность подхода, определяемого как «описание лингвистического ландшафта», и его эвристическая ценность для изучения языковой среды российского города заключаются в особом предмете, или фокусе исследования. В российской лин-

¹ Некоторые зарубежные авторы предпринимали попытки расширить сферу исследования лингвистического ландшафта, обратившись к звучащей на улицах городов устной речи, а также включив в нее тексты, например, продающихся в киосках газет и журналов, надписи на товарах, на одежде и сумках прохожих и т.п. Однако большинство специалистов данного направления считают, что такой подход ведет к размыванию объекта исследования, поэтому предпочитают придерживаться исходного определения, данного Лэндри и Борхесом [17: р. 61].

гвистике в изучении письменной составляющей городского пространства до последнего времени преобладали исследования ономастической и жанровой направленности. Терминологически разработана детальная классификация городского ономастикона, который включает топонимы (названия улиц, переулков, площадей, набережных), эргонимы (названия компаний и учреждений), эмпоронимы (наименования магазинов и других предприятий торговли) и т.д. [11]. Кроме того, городские тексты, наименования и надписи определяются как «малые письменные жанры городской речи» [8: с. 65] и рассматриваются с точки зрения теории речевых жанров. При изучении же лингвистического пейзажа, в соответствии с логикой развития термина, зародившегося в недрах ареальной лингвистической типологии, предметом исследования становится «видимое присутствие и значимость языков в общественных и коммерческих надписях определенной территории или региона» [22: с. 23]. Другими словами, в рамках описания лингвистического пейзажа город рассматривается, прежде всего, как «место языкового контакта» [17: с. 1]. В центре внимания при этом подходе оказывается количество языков, представленных в письменных городских текстах, закономерности их комбинаций, преобладание того или иного языка, различия между официальными и неофициальными языками, использование разных языков в официальных, правительственных (top-down) и неофициальных, коммерческих (bottom-up) надписях, наличие перевода и транслитерации и многое другое. Все эти языковые проявления анализируются с позиций социолингвистики как индикаторы взаимоотношений представителей разных лингвокультурных сообществ данной местности: например, анализ городских вывесок в разных провинциях Канады позволяет судить о распределении, статусе и взаимодействии франкофонных и англофонных общин страны.

В связи с использованием термина «лингвистический пейзаж/ландшафт», обратимся к интересному комментарию Д. Гортера. Рассуждая о перспективах развития данного направления, он отмечает разные смысловые оттенки двух синонимичных эквивалентов английского слова «landscape» в русском языке – «пейзаж» и «ландшафт». Первый является заимствованием из французского и в большей степени связывается с субъективным восприятием пространства, акцентирующим поэтические, изобразительные, эмоциональные аспекты его отражения, тогда как второй, заимствованный из немецкого, больше связан с объективным, технологическим подходом, предполагающим некую организацию среды обитания и возможности ее изменения. По мнению Гортера, разграничение этих двух измерений, более субъективного, изобразительно-

го, эмоционального и более объективного, технического, важно в связи с изучением двух основных функций языка в сфере городских текстов – символической и информационной [21: с. 83].

Ведущей темой в изучении лингвистического пейзажа в последние годы стала тема глобализации английского языка, т.е. вопросы, связанные с активизацией его функционирования в контексте стран «внешнего» и «расширяющегося» кругов англоязычного пространства, в терминах теории контактных вариантов английского языка.² Одним из основных положений данного направления является вывод о том, что английский язык выступает как инструмент экономической, технической, информационной глобализации [18: с. 566]³ и в качестве такового в новых ситуациях иноязычного окружения зачастую выполняет не только информативную, но и символическую функцию: использование английского языка указывает на вступление данного лингвокультурного сообщества в глобальное англоязычное пространство и символизирует его интернационализацию, вестернизацию/американизацию, формирование дополнительной, глобальной идентичности его представителей. Другой важный аспект связан с теми серьезными изменениями, которые английский язык претерпевает в процессе глобализации. Прежде всего, уже на стадии подготовки текстов для глобального использования происходит определенный отбор и отчасти упрощение английского языка, чтобы текст легко воспринимался во всем мире даже потребителями с минимальным уровнем владения английским языком. Кроме того, в странах «внешнего» и «расширяющегося» кругов люди используют английский язык с высокой степенью креативности, манипулируя им и адаптируя его в соответствии с собственными коммуникативными потребностями и особенностями своего родного языка и своей культуры. Другими словами, в процессе распространения по всему миру английский язык подвергается «глокализации», т.е. одновременной глобализации и локализации.⁴

Среди многих сфер, в которых протекают процессы глобализации английского языка, основными счи-

² О теории контактной вариантологии английского языка (World Englishes Paradigm) и понятиях «страны внутреннего / внешнего / расширяющегося кругов» английского языка см. [12; 16: с. 184–185, 414–415; 29].

³ Английский язык в этих контекстах не выступает как язык определенного национально-культурного сообщества, например, британского или американского, а является «языком корпораций», зародившихся в ряде случаев в странах «внешнего» или «расширяющегося» кругов, но пользующихся английским языком для ведения бизнеса (как, например, японские компании электроники или автомобилестроения) [18: с. 590].

⁴ Подробнее о понятии «глокализация» см. [12: с. 22; 16: с. 83; 18: р. 595].

таются средства массовой информации, реклама, сфера бизнеса и коммерции (именно эти три сферы освещаются в качестве отдельных глав в разделе, посвященном глобализации в аспекте развития контактных вариантов английского языка в [29: с. 581–642]). Усиление в последнее время значимости сферы лингвистического пейзажа для исследования процессов взаимодействия глобального английского языка с местными языками отражено в специальном выпуске журнала *World Englishes*, «World Englishes and linguistic landscapes» в 2012 г. [19]. Ряд работ затрагивают вопросы использования английского языка в лингвистическом пейзаже российского города в контексте рекламного дискурса [13; 26]. Анализ этих публикаций, а также смежных контактологических исследований позволяет выявить ряд наиболее значимых аспектов исследования контакта русского языка с английским в сфере лингвистического пейзажа.

Прежде всего, необходимо отметить, что пространство современного российского города, как и пространство подавляющего большинства городов мира, сегодня становится мультилингвальным и по большей части билингвальным или «билингванглизированным», используя термин В.В. Кабакчи [5], т.е. совмещающим элементы русского и английского языков.⁵ В их соотношении на основе классификации, предложенной М. Ре и далее разработанной П. Бакхаусом [17: с. 90–105], можно выделить несколько структурных моделей или типов. В городских текстах так называемого «монофонического» типа содержится только один язык: если говорить об англизации российского городского пространства, сегодня билборды многих иностранных компаний содержат только английский язык, который сохраняется в новом окружении в связи с тем, что он является частью зарегистрированной марки, включая название компании, продукта и порой даже рекламного слогана компании, например, *KFC sogood*⁶. Интересно, что достаточно часто тексты «монофонического» типа на английском языке создают сами носители русского языка: например, в жанре граффити в российских городах часто используется английский язык, или, как отмечается во многих исследованиях, владельцы магазинов, ресторанов и других коммерческих предприятий выбирают для названий единицы английского языка

ка, например, магазины и реклама российского бренда модной одежды *Incity*. Большинство же городских текстов, свидетельствующих о процессах глобализации, содержат и русский, и английский языки, соотношение которых распадается на три типа: «омофонический», «смешанный» и «полифонический». «Омофонический» тип представляет модель «сдвоенного/парного мультилингвизма» ('duplicating multilingualism'), при котором английская часть текста дублирует информацию на русском языке: например, для удобства иностранцев, не владеющих русским языком, дублируются названия улиц, станций метро, некоторых учреждений; или же, наоборот, название, созданное на английском языке, дополнительно дается в русской транслитерации для удобства клиентов, не владеющих английским, например, *Mix café / Микс кафе*. «Смешанный тип» представляет модели «частичного» и «перекрещивающегося мультилингвизма» ('fragmentary'/'overlapping multilingualism'), при котором часть информации дублируется на английском языке: например, на рекламном щите, сообщаящем о концерте «Поет Кевин Костнер и группа «Модерн Вест»» имена собственные даются и в транслитерации на русском языке, и собственно на английском языке, *Kevin Costner & Modern West*, за счет чего повышается их узнаваемость среди разных групп населения, включая билингвов. Самым многочисленным является «полифонический» тип городских текстов, при котором языки дополняют друг друга в тексте ('complementary multilingualism'): например, весьма распространенными являются надписи, в которых название заведения дается на английском языке, а различные сопутствующие компоненты, окружающие и разъясняющие его, на русском языке, например, *X-Bet. Букмекерская контора*; или на рекламных билбордах часто название фирмы, марки и т.п. остаются на исходном английском языке, как часть международного зарегистрированного наименования, а дополнительные части, заголовки, подзаголовки, основной текст даются на русском языке: например, *LCD и плазменные телевизоры FLATRON®. Тонкая роскошь. LG* (подробнее о частотности использования английского языка в разных структурных компонентах российских рекламных текстов см. [26]).

В городских текстах «полифонического» типа сегодня все чаще встречается не только русско-английское кодовое переключение, как в приведенных выше примерах, но и русско-английское кодовое смешение⁷, в котором наиболее ярко проявляется креативность в использовании английского

⁵ В письменном пространстве российского города, как и в любом другом современном городе мира, можно встретить многие иностранные языки, включая французский, немецкий, китайский и др., поскольку глобализация не ограничивается «глобанглизацией» [5], и мир в целом стремится к мультикультурализму и мультилингвизму. Однако по всеобщему признанию доля английского языка практически повсюду сегодня является доминирующей.

⁶ Орфография оставлена без изменения, как в оригинале.

⁷ Подробнее о различных подходах к описанию и о проблемах разграничения кодового смешения и переключения см. [14].

языка носителями русского языка. В применении к письменным текстам речь идет о так называемой графогибридации, чередовании латиницы и кириллицы, когда английские и русские языковые компоненты, слова, морфемы или даже отдельные графемы намеренно, чаще всего шутливо, объединяются в одном названии: например, кафе *Столовка & Party*, рестораны *The Cad* и *Ваниль*. Другим ярким примером англо-русского кодового смешения могут служить многочисленные случаи гибридации через игровую транслитерацию русскоязычных названий, например, караоке-бар *Isterika!*, магазин чая *Zavarka*, или через англо-русские каламбуры, т.е. привнесение дополнительных смыслов с помощью вычленения омонимичных компонентов, например, магазин парикмахерских принадлежностей *БуGOODди* или мажорный салон *НогомОК*.

Приведенные примеры наглядно демонстрируют функциональные особенности использования английского языка в российском лингвистическом ландшафте: как было упомянуто выше, на первый план выходит не столько информационная, сколько символическая функция, которая влечет появление у сообщений с англоязычными компонентами положительно-маркированных коннотаций современности, высокого качества, инновационности, технического прогресса, престижности и т.д. (подробная классификация социально-психологических смыслов, порождаемых глобальным английским языком в контекстах рекламы в разных странах мира дается в [18: с. 589]). Кроме того, английский язык, за счет своей маркированности на фоне преимущественно русскоязычного коммуникативного фона, выполняет ряд «простейших косметических функций» («low level cosmetic effects») [18: с. 570], таких как функция привлечения внимания, повышения запоминаемости и «декоративная» функция, т.е. функция своеобразного украшения, повышения привлекательности сообщения [26: с. 51]. Функциональный анализ объясняет присутствие английского языка в лингвистическом пространстве российского города: несмотря на то, что английский язык в России не используется в качестве внутринационального варианта для коммуникации, и люди, не владеющие им в достаточной степени, могут не понимать собственно значение англоязычных текстов и надписей, социально-психологические смыслы, возникающие в результате выполняемых им дополнительных функций, оказываются достаточными для производства и восприятия смешанного русско-английского городского дискурса.

Помимо указанных функциональных оснований, по мнению автора, присутствие английского языка в лингвистическом пейзаже российского города обусловлено еще целым рядом факторов, связанных с процессами глобализации и с другими важнейшими

коммуникативными и коммуникационными изменениями, которые в целом влияют на увеличение доли английского языка в самых разных сферах современной русскоязычной коммуникации.

Во-первых, в результате глобализации английский язык все чаще выступает как дополнительное средство языковой игры, а именно средство билингвальной языковой игры [27]: он используется для художественного самовыражения и развлечения, что определяется как особая «людишеская», т.е. игровая функция, часто сопровождающая и усиливающая функцию привлечения внимания и усиления запоминаемости. Приводившиеся выше примеры графогибридации (*Столовка & Party*, *The Cad*, *БуGOODди* и др.) представляют собой проявления творческого, игрового взаимодействия русского и английского языков в лингвистическом пейзаже. Использование английского языка в игровой функции является частью общей тенденции к усилению диалогизации, раскрепощению личностного начала и проявлению игрового поведения в современной коммуникации, приметой совершающейся в настоящее время «карнавализации жизни» и «карнавализации языка» [6: с. 172; 8: с. 65]. Широко используемая билингвальная языковая игра также свидетельствует о динамике в развитии российских городских вывесок, подчеркивая их рекламный характер, в отличие от преимущественно номенклатурных советских наименований [8: с. 67–68, 119].

Во-вторых, сохранение единиц английского языка в исходном написании, которое сегодня конкурирует с их заимствованием и транслитерацией, и которое определяется как один из наиболее активных процессов в развитии современного русского языка [9: с. 148–149, 182], отчасти обусловлено общей тенденцией к усилению визуальной составляющей в современной коммуникации, с возрастанием значимости «картинок», «иконки» в построении и восприятии текстов. «Визуальную символичность» единиц английского языка [6: с. 85, 172] сегодня рассматривают как одно из проявлений своеобразного витка в развитии коммуникативных систем, визуализации современной коммуникации, того, что иногда определяют как «торжество новой визуальности» [2: с. 11]. Другими словами, англоязычные компоненты зачастую воспринимаются не столько как вербальные единицы, сколько как картинки, сама система записи которых порождает значения независимо от содержания послания [7: с. 163]. Именно в этом аспекте особенно ярко выявляется декоративная функция английского языка в формировании современного российского лингвистического пейзажа как «речевых декораций» жизни горожан [8: с. 65].

В-третьих, межъязыковая, в частности, англо-русская гибридная лингвистическая коммуникация сегодня усиливается за счет «интердискурсивной гиб-

ридизации», под которой понимается смешение разных дискурсов, жанров и стилей, характерное в целом для коммуникации эпохи глобализации [20: с. 25]. В контексте лингвистического пейзажа интердискурсивная гибридикация взаимодействует с общей тенденцией к интеграции и полигlossenности, которая определяется как «основной принцип языкового существования горожанина» [8: с. 47]. Выше уже говорилось о влиянии рекламного дискурса на лингвистический пейзаж современного российского города. Кроме того, в лингвистическом пейзаже, как и во многих других сферах, явно прослеживается влияние компьютерного дискурса на увеличение доли английского языка. Так, многие вывески и билборды как коммерческого, так и некоммерческого типов включают англоязычные интернет-адреса соответствующих предприятий и учреждений, что, как представляется, зачастую является одной из причин при выборе англоязычного названия изначально, для облегчения его последующего интернет-поиска: например, парикмахерская *Haircut express. Запись on-line на haircut-express.ru*. Введение кириллических интернет-адресов, которое произошло в России в 2011 г., со временем может снизить долю английского языка в этом секторе русско-английского кодового переключения, однако, данный вопрос потребует отдельных квантитативных исследований российского лингвистического пейзажа в будущем.

Анализ взаимодействия русского языка с английским в сфере публичных городских текстов и надписей подтверждает выводы, которые делались нами на материале других коммуникативных сфер [14; 15; 27], в частности вывод о том, что в результате глобализации английского языка и усиления его функционирования в России кардинальным образом меняются стратегии взаимодействия русского языка с английским. Несмотря на то, что английский язык не является внутринациональным средством коммуникации, его повсеместное и все возрастающее присутствие ведет к тому, что он перестает восприниматься исключительно как иностранный язык, изучаемый в формальной системе образования и предназначенный для международного общения, и становится частью повседневного «языкового существования» обычного среднего носителя русского языка. Некоторые исследователи лингвистического пейзажа даже определяют новый уникальный статус английского языка в странах «расширяющегося круга» как «не-иностраный язык» («a non-foreign language») [21: с. 81]. В русскоязычном контексте, как отмечает Е.С. Гриценко, «английский язык (пусть и в весьма усеченном его варианте) уже не является Чужим. Это часть Своего – неотъемлемый элемент конструирования идентичности и стиля» [1: с. 147]. И именно анализ

лингвистического пейзажа с наибольшей убедительностью подтверждает изменившийся статус английского языка, поскольку городская коммуникативная среда обладает особой общественной и исторической значимостью и отражает, в силу анонимности, обезличенности, стереотипности и автоматизма городского общения, речевые предпочтения и навыки «среднестатистического» носителя языка [8: с. 46], в разрезе нашей темы, и автора смешанных англо-русских текстов, и их читателя, потребителя. Кроме того, на наш взгляд, все вышесказанное свидетельствует о зарождении массового русско-английского билингвизма, хотя, как мы уже отмечали, пока в форме «минимального», «начального», «пассивного» и «усеченного» билингвизма [15]. «Билингванглизированная» городская среда также способствует дальнейшему развитию коллективного русско-английского билингвизма: она, как никакая другая сфера коммуникации, обеспечивает «схватывание» («acquisition») английского языка, т.е. усвоение характерное для естественного (бытового) билингвизма с помощью окружения без осознания языковых явлений как таковых, в отличие от «выучивания» («learning») при посредстве волевых усилий и специальных методов, характерного для искусственного (учебного) билингвизма [4: с. 292]. В этой связи можно говорить о еще одной функции использования английского языка в городском дискурсивном пространстве, образовательной функции.

В заключение необходимо подчеркнуть, что рамки статьи позволили нам лишь схематично обозначить некоторые наиболее важные с нашей точки зрения аспекты взаимодействия русского языка с английским в лингвистическом пейзаже современного российского города. Более подробное и глубокое их изучение будет способствовать дальнейшему развитию российской урбалингвистики, с одной стороны, и более глубокому пониманию процессов языковых контактов и глобализации английского языка в России – с другой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гриценко, Е.С. Идеология, идентичность, стиль: глобальное и локальное / Е.С. Гриценко // Полифония большого города: сб. научных статей ; под ред. Л.М. Терентия [и др.]. – М. : МИЛ, 2012. – С. 141–149.
2. Гусейнов, Г.Ч. Нулевые на кончике языка: Краткий путеводитель по русскому дискурсу / Г.Ч. Гусейнов. – М. : Дело; РАНХиС, 2012. – 240 с.
3. Емельянова, А.М. Эргонимы в лингвистическом ландшафте полиэтничного города: на примере названий деловых, коммерческих, культурных, спортивных объектов г. Уфы : автореф. дис. ... канд. фил. наук / А.М. Емельянова. – Уфа, 2007. – 20 с.
4. Залевская, А.А. Введение в психолингвистику / А.А. Залевская. – М. : РГГУ, 2000. – 382 с.

5. Кабакчи, В.В. Язык мой, камо грядеши? Глобализация, «глобанглизация» и межкультурная коммуникация / В.В. Кабакчи // Язык в парадигмах гуманитарного знания: XXI век. – СПб. : СПбГУЭФ, 2009. – С. 78–97.
6. Казкенова, А.К. Онтология заимствованного слова / А.К. Казкенова. – М. : Флинта; Наука, 2013. – 248 с.
7. Кирилина, А.В. Описание лингвистического ландшафта как новый метод исследования языка в эпоху глобализации / А.В. Кирилина // Вестник ТвГУ. – 2013. – № 24 (5). – С. 159–167. – (Сер. «Филология»).
8. Китайгородская, М.В. Языковое существование современного горожанина: на материале языка Москвы / М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова. – М. : Языки славянской культуры, 2010. – 496 с.
9. Кузьмина, Н.А. Активные процессы в русском языке и коммуникации новейшего времени / Н.А. Кузьмина, К.А. Абросимова. – М. : Флинта; Наука, 2013. – 256 с.
10. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
11. Подберезкина, Л.З. «Лингвистическое градоведение» как предмет региональных исследований (на материале Красноярск) / Л.З. Подберезкина, А.А. Трапезникова // Полифония большого города: сб. научных статей / под ред. Л.М. Терентия [и др.]. – М. : МИЛ, 2012. – С. 100–115.
12. Прошина, З.Г. Основные положения и спорные проблемы теории вариантности английского языка = The ABC and Controversies of World Englishes [Электронный ресурс] / З.Г. Прошина. – Хабаровск : Дальневосточный ин-т иностр. языков, 2007. – 120 с. – Режим доступа: <http://proshinazoyag.weebly.com/books-to-read.html> (дата обращения 16.04.2013).
13. Прошина, З.Г. Английский язык в рекламной деятельности Владивостока: к социолингвистическому портрету российского города [Электронный ресурс] / З.Г. Прошина // Дальний Восток: динамика ценностных ориентаций : материалы междунар. науч.-практ. конф. – Комсомольск-на-Амуре: Комсомольский-на-Амуре гос. тех. ун-т, 2008. – С. 430-434. – Режим доступа: <http://proshinazoyag.weebly.com/> (дата обращения 03.03.2013).
14. Ривлина, А.А. Русско-английское кодовое смешение и переключение: к определению понятий и направлений описания / А.А. Ривлина // Homo Loquens: актуальные вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков : сб. науч. статей ; под ред. И.Ю. Щемелевой. – СПб. : Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ, 2012. – Вып. 4. – С. 271–282.
15. Ривлина, А.А. О некоторых особенностях и лингвистических проблемах процесса формирования массового русско-английского билингвизма / А.А. Ривлина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2013. – № 37 (1). – С. 61–66.
16. Словарь терминов межкультурной коммуникации / И.Н. Жукова [и др.]. – М. : Флинта; Наука, 2013. – 632 с.
17. Backhaus, P. Linguistic Landscapes: A Comparative Study of Urban Multilingualism in Tokyo. – Clevedon : Multilingual Matters, 2007. – 158 p.
18. Bhatia, T. K. Bilingualism and multilingualism in the global media and advertising / T. K. Bhatia, W. C. Ritchie // The Handbook of Bilingualism and Multilingualism / Т. К. Bhatia, W. C. Ritchie (eds.). – Malden and Oxford: Blackwell, 2013. – P. 565–597.
19. Bolton, K. World Englishes and linguistic landscapes / K. Bolton // World Englishes. – 2012. – № 31 (1). – P. 30–33.
20. Fairclough, N. Language and Globalization / N. Fairclough. – London and New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2006. – 186 p.
21. Gorter, D. Further possibilities for linguistic landscape research / D. Gorter // Linguistic Landscape: New Approach to Multilingualism / D. Gorter (ed.). – Clevedon: Multilingual Matters, 2006. – P. 81–89.
22. Landry, R. Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: an empirical study / R. Landry, R. Y. Bourhis // Journal of Language and Social Psychology. – 1997. – № 16. – P. 23–49.
23. Linguistic Landscape: Expanding the Scenery / E. Shohamy, D. Gorter (eds.). – New York: Routledge, 2009. – 352 p.
24. Linguistic Landscape in the City / E. Shohamy, E. Ben-Rafael, M. Barni (eds.). – Bristol: Multilingual Matters, 2010. – 354 p.
25. Minority Languages in the Linguistic Landscape / D. Gorter, H. F. Marten, L. V. Mensel (eds.). – Hampshire: Palgrave Macmillan, 2012. – 335 p.
26. Proshina, Z. English and Asian flavor in Russian advertising of the Far East / Z. Proshina, I. Ustinova // Asian Englishes. – 2012. – № 15 (2). – P. 30–59.
27. Rivlina, A. A. ELF Creativity and English-Russian language play / A. A. Rivlina // Культурно-языковые контакты: сб. науч. трудов ; под ред. З.Г. Прошиной. – Владивосток : Изд-во ДВГУ, 2008. – Вып. 10. – С. 98–117.
28. Semiotic Landscapes: Language, Image, Space / A. Jaworski, C. Thurlow (eds.). – London: Continuum, 2010. – 309 p.
29. The Handbook of World Englishes / В.В. Kachru, Y. Kachru, C. L. Nelson (eds.). – Malden & Oxford: Blackwell Publishing, 2006. – 811 p.

ЛОКАЛЬНОЕ В ГЛОБАЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Н.В. Ройба

Ройба Наталья Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и перевода Амурского государственного университета (г. Благовещенск).

Контактный адрес: nat.roy@bk.ru

Статья посвящена необходимости расширения исследовательских границ политического дискурса в связи с интегративными процессами в социально-политической сфере современного общества, и сближении проблематики различных областей науки. Предпринята попытка уточнить понятие глобального политического дискурса за счет включения единого средства общения – глобального английского языка, выполняющего консолидирующую и этноидентифицирующую функции в политической коммуникации. Обосновывается необходимость включения лингвокультурологического аспекта в исследование современного глобального англоязычного политического дискурса, представленного в национальных вариантах политического лингва франка.

Ключевые слова: политическая коммуникация, политический дискурс, глобальный политический дискурс, глобальный английский, полиэтнический язык, консолидирующая функция, этноидентифицирующая функция, лингвокультурная маркированность политического дискурса.

Наблюдая за происходящим в Украине или на Олимпийских играх в Сочи, сложно не согласиться с французским писателем, лауреатом Нобелевской премии в области литературы (1952) Франсуа Мориак, сказавшим: «Политика нас берет силой, мы все погружены в нее, хотим мы того или нет». Действительно политика является одним из наиболее заметных социальных институтов в современном мире, влияющим на жизнь отдельных людей и целых народов.

Как отмечают многие лингвисты, политологи, психологи, занимающиеся исследованием политики, изучение языка и его функционирования имеет решающее значение для данной сферы социальной деятельности человека. По словам Т.В. Юдиной, «...язык является не просто средством политики, а условием ее существования и средством ее конструирования» [25: с. 27]. Специфика политики, как указывает Е.И. Шейгал, заключается в ее преимущественно дискурсивном характере, поскольку многие политические действия по своей природе являются речевыми [23: с. 17]. Современные политологи также подчеркивают, что политика – особый, сложный вид социальной деятельности, связанный, прежде всего, с коммуникативными процессами. В отличие от других видов социальной деятельности в политике язык выступает не только средством отражения политической реальности, но и социальной силой, способом навязывания взглядов в процессе политической коммуникации.

Политическая коммуникация стала предметом исследований не только в области языкознания, но и современных политических наук. Глобализация политических процессов, их определяющая роль в жизни современного общества заставляет ученых разных областей гуманитарного знания рассматри-

вать их в качестве объекта исследования (Е.В. Бакумова, А.Н. Баранов, Р. Водак, М.Р. Желтухина, Е.А. Попова, В.М. Сергеев, П. Серию, Е.И. Шейгал, N. Fairclough, G. Kress, G. Lakoff, G. Seidel).

Так, использование понятий «коммуникация» и «дискурс», традиционно относящихся к исследовательской области языкознания, стало нормой в политологических работах, что свидетельствует о потребности включения коммуникативного аспекта при рассмотрении сугубо политических явлений и процессов. Дискурс-анализ используется в политологических исследованиях как «инструмент исследования связи между символическими системами общества (текстом) и социальными процессами (институтами)» [15: с. 3]. Одновременно этот факт указывает на интегративный характер гуманитарных исследований на современном этапе развития науки.

Интерес к проблематике данной области нарастает с каждым годом, что выражается в многочисленных работах в сфере исследований политической коммуникации в целом и различных аспектов политического дискурса в частности. Признание открытости языковой системы, проявляющееся в динамическом взаимодействии знакового и реального мира, отразилось в возросшем интересе к исследованию функционирования языка в процессе социальной деятельности человека, особенно в период социальных перемен. Интеграция социальных и лингвистических наук приводит к возникновению новых плодотворных подходов, методик, дисциплин. Среди них следует отметить молодое междисциплинарное направление современного языкознания – политическую лингвистику, которая объединяет весь комплекс исследований, направленных на рассмотрение проблем отражения политической активности в системе языка и через язык, в процес-

се коммуникации. В задачи политической лингвистики входит, с одной стороны, рассмотрение и описание функционирования единиц политического языка как специфической кодовой системы знаков, с другой стороны, ее задачами являются разносторонний анализ политического дискурса, представленного в различных форматах и жанрах для описания его основных концептов, категорий и структуры; описание языкового поведения политиков; моделирование когнитивной базы участников политической коммуникации с целью выявления ценностных доминант, манипулятивных стратегий, используемых коммуникантами с определенными целями в процессе политической деятельности.

Основная задача лингвистического анализа политического дискурса – вскрыть механизм сложных взаимоотношений между познанием, речью, властью и поведением [23: с. 5; 32: с. 5].

Сам термин «политический дискурс», как и большинство многогранных социально-обусловленных явлений, получил в современной лингвистике широкое и узкое толкование. Широкого понимания политического дискурса придерживаются авторы, относящие к политической коммуникации «любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относятся к сфере политики» [23: с. 23]. Особенностью политического дискурса на современном этапе является его опосредованность средствами массовой информации или медиатизация [3].

Отнесение текстов СМИ – текстов-посредников между политиками и народом – к политическому дискурсу не разделяют те из исследователей, которые проводят грань между массово-информационным дискурсом на политические темы и профессиональным дискурсом политиков, выступая за узкий подход к определению данного типа коммуникации.

При узком понимании политический дискурс ограничивается институциональными формами общения в общественно-политической сфере, т.е. публичной коммуникацией профессиональных политиков. В этом случае дискурс сопровождает «политический акт в политической обстановке» [30]. Данный подход предполагает рассмотрение политического дискурса как институционального. С этой позиции политический дискурс, по словам Е.Р. Левенковой есть «языковое выражение общественной практики в сфере политической культуры, представляющее собой профессиональное использование языка, за которым стоит национально и социально-исторически обусловленная ментальность его носителей» [11: с. 14–15].

Вслед за Е.И. Шейгал и В.И. Карасиком, мы исходим из широкого понимания границ политического дискурса и включаем как институциональные, так и неинституциональные формы общения,

в которых к сфере политики относится хотя бы одна из составляющих – субъект, адресат или содержание общения [8; 23]. Исключение неинституциональных форм общения или переходных, «гибридных» образований из пространства политического дискурса не способствует описанию его специфики. В попытке найти более точное определение политического дискурса, сузив рамки его функционирования, есть опасность «выплеснуть мальчика вместе с водой». К примеру, исключив тексты СМИ, которые являются результатом пересечения масс-медийного и политического видов дискурса, из исследовательской практики описания политического дискурса, мы существенно ограничим наши представления о прагматическом потенциале данного вида дискурса. Свидетельством признания взаимовлияния политики и языка СМИ явилась коллективная монография «Язык СМИ и политика» (2012) [26], в которой политическая коммуникация рассматривается с разных ракурсов и с использованием многочисленных методов. Итогом работы стала констатация того факта, что СМИ являются практически основной средой существования политической деятельности, и исключение СМИ из анализа значительно обеднило бы картину современного политического дискурса.

В лингвистическом плане политический дискурс рассматривается как вид коммуникативной деятельности, которая характеризуется особой социокогнитивной, прагматической и идеологикоаксиологической направленностью.

К наиболее существенным системообразующим признакам политического дискурса относятся следующие отличительные характеристики: *институциональность* [1: с. 32; 23: с. 44]; *дистанцированность субъектов и объектов политического дискурса*; *медийность*; *специфическая информативность*, проявляющаяся в преобладании воздействия и оценки, ценностей над информацией и фактами [2: с. 79; 23: с. 47.]; *конвенциональность*; *смысловая неопределенность*. К числу прочих признаков политического дискурса можно также отнести театральность [38: с. 48.], неоднородность семиотического пространства [24: с. 157].

Функциональная специфика политического дискурса по отношению к другим видам дискурса проявляется в его базовой инструментальной функции – использование в качестве инструмента в борьбе за власть и включает функции, являющиеся отдельными аспектами проявления этой борьбы: интеграцию и дифференциацию групповых агентов политики; социального контроля; социальной ориентации и интерпретации; манипулятивную, акциональную и информационную функции. Основными из перечисленных функций в рамках базовой инструментальной функции политического дискурса

са являются ориентирующая и манипулятивная, поскольку интенционально политическая коммуникация направлена на захват и удержание власти. Главным способом реализации этих функций выступает дискурсивное конструирование социальной реальности в соответствии с системой ценностей, норм, установок, идеологии того или иного политического субъекта [22: с. 5; 24: с. 43].

Термин «политический дискурс» имеет хоть и неоднозначную трактовку в современной лингвистике, но все же более или менее устоявшееся понимание в широком и узком значении. Однако в последнее время к термину «политический дискурс» добавилось новое определение в качестве «глобального» [6; 14; 15; 27; 37].

Необходимость расширения границ политического дискурса обусловлено комплексом экстралингвистических факторов, главным из которых является появление технических средств осуществления глобальной политической коммуникации. Важную роль играют экономическая интеграция и необходимость международного взаимодействия для решения глобальных проблем. Как отмечает И.В. Ильин, процессы интеграции и глобализации стимулировали появление «глобалистики» – междисциплинарной области исследования глобальных процессов и систем, включающей и политическое знание [10: с. 3].

Попытка дать определение глобального политического дискурса с позиции лингвистики представлена в диссертационном исследовании Е.К. Павловой «Гармонизация глобального политического дискурса на сигнификативном уровне (на примере дискурса США и России)». Глобальный политический дискурс в указанной работе определяется как *«дискурс, осуществляемый через глобальные средства массовой информации, доступный глобальной аудитории, т.е. аудитории с максимальным разнообразием языков и политических картин мира»* [14: с. 14]. Определяя политический дискурс в качестве «глобального», автор выделяет следующий набор характеристик: публичность, медийность, многоязычность, интерцивилизационность и дисгармоничность. «Этот дискурс доступен глобальной аудитории; он адресован широким массам; этот дискурс осуществляется через глобальные средства массовой информации; его адресат представляет собой многоязычную аудиторию, в которую включены представители разных цивилизаций...» [14: с. 3].

Взгляды ученых на процессы, происходящие внутри этого глобального явления, вряд ли можно назвать однородными. Так, по мнению политолога К.Е. Петрова, глобальный дискурс ориентирован на преодоление культурных границ и «стремится обойти культурные различия», и имен-

но поэтому глобальная политическая коммуникация строится преимущественно с использованием «концептов, апеллирующих к простейшим потребностям» [15: с. 14]. В то же время лингвист Е.К. Павлова полагает, что глобальное коммуникативное пространство полицивилизационно, и политический дискурс в нём сейчас может быть только интерцивилизационным, т.е. осуществляемым в рамках одной цивилизации [14: с. 17]. Цивилизационно обусловленные лингвокультурные различия картин мира в массовом сознании народов, идеологические противоречия и стереотипы национального политического сознания вызывают дисгармонию дискурса [14: с. 3]. Пытаясь определить перспективы развития глобальной политической коммуникации, политолог И.В. Ильин предполагает, что «переход к многополярному устойчивому мировому сообществу будет идти через формирование многополярного, точнее, полицентричного консенсусного мироустройства, совместимого с целями нового типа развития человечества, более справедливого для всех стран и народов планеты» [6: с. 13].

В определении глобального политического дискурса следует особо отметить необходимость общего средства общения, без которого невозможно осуществлять коммуникацию на глобальном уровне. Таким уникальным средством общения в настоящий момент является английский язык, используемый в качестве официального рабочего языка в 85 % международных организаций, в том числе ООН, ЮНЕСКО, ВОЗ, АСЕАН, Евросовет, НАТО, ОПЕК, ВТО и др. По словам З.Г. Прошиной, «английский язык превратился в связующий язык, используемый как язык-посредник для коммуникации в любой точке земного шара и особенно в поднимающейся экономически, бурно развивающейся Азии» [18; 39]. Вслед за Б. Качру, Л. Смитом, З.Г. Прошиной, следует признать факт, что английский язык, став языком межкультурного общения, перестал принадлежать только его носителям. Он в равной мере принадлежит всем, кто им пользуется [16; 37].

Английский язык является ярким примером глобализации или глокализации (термин А. Пакир) на лингвистическом уровне [35: с. 111]. Глокализация свидетельствует о взаимодействии и взаимовлиянии процессов в разных регионах планеты. «Глокальность» отражается в увеличении словарного состава английского языка за счет слов с местным колоритом, и, наоборот, заимствование локальными языками новых слов, не только английских, но и через английский язык слов иного происхождения [17].

Общаясь на английском языке, каждый этнос стремится сознательно и неосознанно выразить особенности своей культуры, что привело к появ-

лению многообразия равноправных вариантов английского языка, использующихся в разных культурах [17; 18]. По словам З.Г. Прошиной, все региональные варианты имеют свои языковые и функциональные особенности, проявляющиеся в отклонениях (девиациях) от норм британского и американского вариантов английского языка. Девиации возникают в результате интерференции автохтонного языка и отражают когнитивные особенности картины мира, свойственной данному этносу [16].

Именно различия в когнитивной и, опосредованно, в языковой картине мира взаимодействующих в политическом дискурсе агентов, представляющих разные нации и цивилизации и использующих английский язык в качестве лингва франка, приводят к непониманию и конфликтным ситуациям в межкультурной коммуникации. Как заявляет Е.К. Павлова, «никакой лингва франка (в том числе, английский язык) не может обеспечить гармонизацию глобального политического дискурса» [14: с. 7].

Несмотря на глобализацию политических процессов и политического и медийного дискурса, которая должна бы привести к унификации способов представления политической информации, по утверждению некоторых исследователей, особенности национальной культуры играют первостепенную роль в успешном проведении экономических и политико-административных преобразований [28] и в определении функциональных, содержательных и структурных особенностей политического дискурса [27]. Следовательно, анализируя политическую коммуникацию в глобальном контексте, необходимо учитывать как внутренние, так и внешние факторы, влияющие на содержание и структуру политического дискурса.

Таким образом, глобальный политический дискурс характеризуется наличием полиэтнического языка в качестве средства общения участников политической коммуникации, основными функциями которого является *консолидирующая* и *этноидентифицирующая*.

Для исследования политического дискурса в глобальном коммуникативном контексте интерес представляет сопоставление картин мира агентов политической коммуникации, принадлежащих к разным этносам, нациям и цивилизациям, но использующих единый полиэтнический язык как средство конструирования политической реальности.

Одной из первых работ в данном направлении можно считать диссертационное исследование Е.Р. Левенковой «Конвергентные и дивергентные тенденции в политическом дискурсе Великобритании и США», посвященное исследованию британского и американского национальных вариантов политического дискурса [11]. В результате работы автор вводит критерий дискурса, связанный со спе-

цифической культурной определенностью коммуникации – признак национально-культурной маркированности дискурса полигосударственного языка, а также понятия «национальный вариант дискурса полигосударственного языка» и «национальный вариант англоязычного политического дискурса».

Многоаспектность явления политического дискурса предполагает междисциплинарный подход к его изучению. Среди традиционных подходов к анализу политического дискурса выделяются дескриптивный и критический.

Дескриптивный подход нацелен на рассмотрение функционирования языковых средств, риторических приемов, используемых политиками в целях убеждения. Поскольку он предполагает исследование языка как разновидности поведения человека, то в рамках данного подхода изучается языковое поведение политических деятелей и проводится анализ содержательной стороны политических текстов.

Глобальная задача критического подхода к анализу дискурса заключается в выявлении отношения между языковыми знаками, их значениями и контекстом ситуации, что напрямую связано с рассмотрением прагматического аспекта функционирования языка. Целью критического подхода к исследованию политического дискурса является изучение социального неравенства, выраженного в языковых формах [24: с. 7]. В русле «критической лингвистики» (термин американских исследователей) рассматривается проблема языка как средства власти и социального контроля (Баранов А.Г., Блэккар Р., Fairclough N., Fowler R., Lakoff G., Sherill R., Wilson J., Wodak R.). Исходная посылка для приверженцев этого подхода – то, что любое речевое произведение представляет мир глазами его автора. Поскольку язык есть семиотический код, он навязывает систему ценностей, представлений говорящего и неизбежно конструирует модель мира. На основе этого язык как инструмент воздействия всегда отражает коммуникативные задачи автора, его картину мира [7: с. 71–74].

С развитием когнитивной лингвистики выделилось еще одно направление исследований, позволяющее перейти от описания единиц и структур политического дискурса к моделированию структур сознания его участников. Моделирование когнитивной базы политического дискурса осуществляется через анализ фреймов и концептов, метафорических моделей и стереотипов, лежащих в основе политических убеждений. В рамках когнитивного подхода рассматриваются вопросы соотношения языка и идеологии. В процессе политической коммуникации участники общения выступают как представители определенных политических институтов, поэтому их мышление является идеологически обусловленным, что отражается в вербальном поведении субъектов политического общения.

В исследовании такого многопланового и сложного явления как политический дискурс лингвисты не ограничиваются одним аспектом, но рассматривают данный феномен с разных позиций, интегрируя методы всех вышеуказанных подходов.

Исходя из основополагающего принципа когнитивного подхода, согласно которому познание действительности разворачивается в определенном культурном контексте и, следовательно, обусловлено историческими и социокультурными факторами, и отталкиваясь от понимания дискурса как «существенной составляющей социокультурного взаимодействия» [4: с. 9], можно заключить, что постижение сути дискурса представляет собой процесс извлечения когнитивной информации [29: с. 237], а это требует исследования данного феномена как в когнитивном, так и в социальном плане.

По словам британского исследователя Н. Фэрло, дискурс является неотъемлемой частью общественных отношений, поскольку, с одной стороны, формирует эти отношения, а с другой, формируется ими [31]. Следовательно, дискурс как взаимодействие социальных групп и индивидов должен изучаться в контексте социальных структур и культуры, которая в широком этнографическом смысле слова включает в себя и идеологию, и менталитет общества [8: с. 5; 10: с. 93]. Будучи социальным явлением, дискурс отражает состояние общества и культуры [39: р. 47].

Политический дискурс непосредственно связан с ценностными ориентациями в обществе. По мнению многих исследователей, ценности в процессе политической коммуникации превалируют над фактами, воздействие и оценка преобладают над информированием, эмоциональность – над рациональностью. В процессе политической коммуникации происходит внедрение и апелляция к национально-специфическим и общечеловеческим ценностям, создается среда, в которой они могли бы эффективно функционировать [12: с. 54; 13: с. 24; 26: с. 2; 25: с. 8]. Ценности являются неременной основой для успешного диалога агентов политического дискурса между собой и установления контакта с массовым реципиентом.

В *глобальном* политическом дискурсе и агенты и клиенты представляют разные национальные, этнические картины мира, разные риторические традиции, и разные способы политической коммуникации. Единственным объединяющим их звеном является глобальный английский язык и сфера, цель и предмет общения, т.е. политическая борьба за власть, влияние. Таким образом, с одной стороны, глобальный политический дискурс отражает стремление к глобализации, как на политическом, так и на языковом уровне. С другой стороны, текстовые, речевые, символические формы политического дискурса не могут не отражать националь-

ную, этнокультурную специфику его субъектов, что естественным образом влияет на результат политического взаимодействия.

Включение таких показателей, как ценности, идеологии и нормы, относящихся к «культурному элементу», в сферу исследований политического дискурса необходимо для установления эффективного взаимодействия различных политических институтов, социума в целом и отдельных его представителей. В частности, политический дискурс является выражением комплекса взаимоотношений между человеком и обществом, так как политическая культура – составная часть общей интегрированной культуры и отражает ее основополагающие ценности. По сути, политический дискурс функционально направлен на формирование у реципиента некоторого фрагмента мировосприятия или картины мира, поскольку в его основе лежат оценочные концепты. Исследуя данный вид дискурса, можно понять, как в разных языковых коллективах моделируются культурные ценности, какие элементы языковой картины мира остаются за пределами сознательных речевых стратегий говорящих, как формируется концептуальная картина мира, присущая каждому языковому коллективу [27: с. 25–26]. В этой связи возникает необходимость исследовать национально-культурный компонент политического дискурса в глобальном контексте, что отмечается, в частности, в работах С.В. Ивановой, Коршук Е.В., Е.Р. Левенковой, Е.К. Павловой, Н.В. Сальниковой [5; 9, 11, 14, 19]. По словам Е.Р. Левенковой, недифференцированное описание англоязычного политического дискурса приводит к его неадекватному представлению в языковой теории и в практике [11: с. 4–5].

Лингвокультурная маркированность англоязычного политического дискурса проявляется во всех его аспектах: социокогнитивном (моделях и способах метафоризации и номинации), аксиолого-идеологическом (декларации национальных ценностей и способах вербализации общечеловеческих ценностей, специфике оценочности), прагматическом (стереотипных прагматических ситуациях, дистанционности субъектов политического дискурса) аспектах.

Гипотетически можно предположить, что нейтрализация лингвокультурных особенностей политического дискурса затронет, прежде всего, так называемый «интрацивилизационный» дискурс (термин Е.К. авловой) [14: с. 6], осуществляемый представителями одной цивилизации, и проявится в ролевой структуре дискурса и его специфической информативности. Однако точный ответ может быть получен при контрастивном исследовании вариантов англоязычной политической коммуникации, способствующем изучению вопросов, свя-

занных с общими и национально-специфическими характеристиками глобального политического дискурса. Выявление специфики языковой реализации дискурсивного содержания в зависимости от культурной принадлежности дискурса, представленного национальными вариантами полигосударственного языка, возможно с введением в аппарат анализа дискурса лингвокультурологического описания и достижений вариантологии.

Общность языка глобального политического дискурса, который в свою очередь отражает ценности и когнитивную картину мира англоязычного мира и предлагает использование единых риторических канонов в сфере политики, не может скрыть «просвечивающих» через языковую ткань социокогнитивных, аксиолого-идеологических и прагматических маркеров этнокультурной принадлежности участников этого дискурса.

Появление дальнейших исследований политического дискурса на материале разных вариантов английского языка может способствовать описанию роли английского языка в его консолидирующей и этноидентифицирующей функциях и уточнению характеристик, природы и функций глобального политического дискурса как социально значимой культурной модели в разных социумах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакумова, Е.В. Ролевая структура политического дискурса : дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Бакумова. – Волгоград, 2002. – 200 с.
2. Водак, Р. Язык. Дискурс. Политика / Р. Водак. – Волгоград : ВГПУ, Перемена, 1997. – 139 с.
3. Добросклонская, Т.Г. Язык политического медиадискурса Великобритании и США / Т.Г. Добросклонская // Язык СМИ и политика. – М. : Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 2012. – С. 741–784.
4. Дейк, Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. Дейк. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.
5. Иванова, С.В. Политический медиа-дискурс в фокусе лингвокультурологии / С.В. Иванова // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2008. – Вып. 1 (24). – С. 29–33.
6. Ильин, И.В. Глобалистика в контексте политических процессов : автореф. дис. ... д-ра полит. наук / И.В. Ильин. – М. : Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова. – 2011. – 53 с.
7. Иссерс, О.С. Что говорят политики, чтобы нравиться своему народу / О.С. Иссерс // Вестник Омского ун-та. – Омск, 1996. – Вып. 1. – С. 71–74.
8. Карасик, В.И. О типах дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. – Волгоград, 2000. – С. 5–20.
9. Коршук, Е.В. Кросс-культурные различия в дискурсах устойчивого развития / Е.В. Коршук // Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов : сб. науч. тр. – Минск : Изд. центр БГУ, 2008. – Вып. 5. – С. 79–96.
10. Ле, Э. Лингвистический анализ политического дискурса: язык статей о чеченской войне в американской прессе / Э. Ле // ПолИс – 2001. – № 2. – С. 93–110.
11. Левенкова, Е.Р. Конвергентные и дивергентные тенденции в политическом дискурсе Великобритании и США : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Е.Р. Левенкова. – Самара : Поволжская гос. соц.-гум. академ. – 2011. – 42 с.
12. Литовченко, М.А. Прагматические особенности вербальной атаки в политическом дискурсе : на материале немецкого языка : дис. ... канд. фил. наук / М.А. Литовченко. – Тамбов, 2003. – 193 с.
13. Миронова, Н.Н. Дискурс-анализ оценочной семантики : учеб. пособие. / Н.Н. Миронова. – М. : НВИ-ТЕЗАУРУС, 1997. – 158 с.
14. Павлова, Е.К. Гармонизация глобального политического дискурса на сигнификативном уровне (на примере дискурса США и России) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Е.К. Павлова. – М. : Российский университет дружбы народов, 2013. – 36 с.
15. Петров, К.Е. Роль политического дискурса в политических изменениях: глобальный, региональный и национальный уровни : автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М. : МГИМО, 2009. – 25 с.
16. Прошина, З.Г. Лингвоконтактология: статус, проблемы, перспективы / З.Г. Прошина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2005. – № 1 (5). – С. 124–128.
17. Прошина, З.Г. Глокальный английский язык как средство опосредованного выражения культурной идентичности / З.Г. Прошина // Язык, культура, перевод : материалы междунар. очно-заочной науч.-практ. конф. 15–16 июня 2010. г. Магадан. – Магадан : Изд-во СВГУ, 2010. – С. 93–99.
18. Прошина, З.Г. Интегративная роль английского языка как лингва франка в АТР / З.Г. Прошина // Российский Дальний Восток и интеграционные процессы в странах АТР: политико-экономические, социально-культурные проблемы : материалы VI междунар. науч.-практ. конф. 12 декабря 2008 ; отв. ред. И.С. Трусова. – Владивосток : Морск. гос. ун-т им. адм. Г.И. Невельского, 2009. – С. 6–10.
19. Сальникова, Н.В. Национально-культурная риторика политического дискурса (на материале публичных выступлений Р. Рейгана и М.С. Горбачева) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.В. Сальникова. – Ставрополь : Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2011. – 29 с.
20. Степаненко, А.В. Лингвокогнитивные особенности функционирования метафоры в политическом дискурсе (на материале русского и немецкого языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.В. Степаненко. – М., 2001. – 24 с.
21. Токарева, И.И. Этнолингвистика и политический дискурс / И.И. Токарева // Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов ; ред. И.Ф. Ухванова-Шмыгова. – Минск : Белгосуниверситет, 1998. – Вып. 1. – С. 26–39.
22. Филинский, А.А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999–2000 гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.А. Филинский. – Тверь, 2002. – 15 с.
23. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса : Монография / Е.И. Шейгал // Институт языкознания РАН; Волгоград. гос. пед. ун-т. – Волгоград : Перемена, 2000. – 368 с.
24. Шейгал, Е.И. Невербальные знаки политического дискурса / Е.И. Шейгал // Основное высшее дополнительное образование : проблемы дидактики и лингвистики : сб. науч. тр. – Волгоград. 2000. – Вып. 2. – С. 157–161.

25. Юдина, Т.В. Теория общественно-политической речи : монография. / Т.В. Юдина. – М. : Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 2001. – 161 с.
26. Язык СМИ и политика / под ред. Г.Я. Солганика. – М. : Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 2012. – 952 с.
27. Archetti, C. Are the Media Globalising Political Discourse? The War on Terrorism Case Study / C. Archetti // International Journal of the Humanities. – 2004. – Vol. 2. – № 2. – P. 1303–1308.
28. Baylis, J. The Globalization of World Politics. An Introduction to International Relations / J. Baylis, S. Smith, P. Owens. – USA, NY: Oxford University Press, 2011. – 636 p.
29. Brown, G. Discourse Analysis / G. Brown, G. Yule. – China : Foreign Teaching and Research Press, Cambridge University Press, 2001. – 288 p.
30. Dijk, T. A. van What is Political Discourse Analysis? / T.A. van Dijk // Political Discourse / Ed. J. Blommaert, Ch. Bulcaen. – Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 1998. – P. 11 – 52.
31. Fairclough, N. Language and Power / N. Fairclough. – London; New-York : Longman, 1989. – 259 p.
32. Hacker, K.L. Political Linguistic Discourse Analysis / K.L. Hacker // The Theory and Practice of Political Communication Research. – New York : State University of New York Press, 1996. – P. 28–55.
33. Halliday, M.A.K. Language, Context, and Text: Aspects of Language as Social-Semiotic Perspective / M.A.K. Halliday and R. Hasan. – Oxford : Oxford University Press, 1989. – P. 47–59.
34. Kachru, B. Teaching World Englishes / B. Kachru // The Other Tongue: English Across Cultures. – 2d ed. / B.Kachru (ed.) – Urbana & Chicago : University of Illinois Press, 1992. – P. 355–365.
35. Pakir, A. Connecting with English in the Context of Internalization // TESOL Quarterly. – 1999. – Vol. 33. – № 1. – P. 103–114.
36. Proshina, Z. Global And Local English in Asian Education / Z. Proshina // Социально-гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Хабаровск, 2012. – № 3(35). – P. 95–99.
37. Sharifian, F. Cultural Conceptualization and Language: Theoretical Framework and Applications / F. Sharifian. – Amsterdam : John Benjamins Publishing Company. – 2011. – 238 p.
38. Simons, H.W. Genres, Rules and Political Rhetoric: Toward a Sociology of Rhetorical Choice / H.W. Simons, A.A. Aghazarian // Form, Genre and the Study of Political Discourse. – USA : University of South California Press, 1986. – P. 45–58.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД: СИСТЕМНО-ЦЕЛОСТНЫЙ ПОДХОД

Н.И. Серкова

Серкова Нелли Исидоровна – доктор филологических наук, профессор, Дальневосточный государственный гуманитарный университет, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации (г. Хабаровск).

Контактный адрес: serkovanelli@gmail.com

Статья рассматривает эффективность художественного перевода как результат выработки системно-целостной методологии, базирующейся на симбиозе коммуникативного (семиотического), художественного (эстетического), межъязыкового / межкультурного, а также герменевтического (автор–текст–интерпретатор) аспектов.

Ключевые слова: системно-целостный подход, художественный перевод, художественные смыслы, герменевтика, исходный текст, переводной текст.

Многие исследователи теории перевода отмечают, что переводоведение как наука еще полностью концептуально не оформилось, в нем много неясностей и противоречий, спорных суждений, субъективных оценок. Одной из основных причин считают чрезвычайную сложность изучаемых объектов исследования – процесса перевода и переводного текста как его результата, особенно если учесть, что процесс перевода непосредственно не наблюдается, так как происходит в сознании человека [5]. Выдвигаются *разные точки зрения* в отношении практически всех понятий, вовлеченных в обсуждение феномена перевода:

1. В чем состоит сущность «перевода как процесса»? Является ли перевод деривацией одного объекта от другого, трансформацией одного объекта в другой путем преобразования единиц и структур одного языка в единицы и структуры другого языка, языковым посредничеством, межъязыковым посредничеством, речемыслительной деятельностью в условиях двуязычной ситуации, межкультурной коммуникацией? В чем выражается его многомерность, многоэтапность, многоуровневость?

2. Какова природа «переводного текста»? Если это продукт вторичного / третичного семиозиса, то в каких отношениях он находится со своим прототипом и в каких терминологических системах может быть представлена и описана производность этого образования? Является ли он «воссозданием» / «пересозданием» / «реконструкцией» исходного текста или его «воспроизведением» в другом материале? Какое значение в освоении оригинального текста средствами переводящего языка имеют принципы «природосообразности» и «культуросообразности», т.е. учет инаковости принимающего языка и культуры?

3. В чем состоит специфика и чем определяется качество переводческого языка? Является ли он

«функциональной разновидностью» / «метаязыком» (И. Чароте) / «переводческой нормой» (А. Нойберт, К. Райс, В.Н. Комиссаров) принимающего национального литературного языка / «результатом креолизации родного языка» (А. Попович) или это «язык переводчика» / «переводческий идиолект», подменяющий идиолект автора оригинала (Ю.Л. Оболенская)?

4. Какова роль языковой личности автора, переводчика, читателя в создании и/или восприятии исходного и переводного текстов? Каково место переводных художественных произведений в мировой художественной литературе?

5. В каких направлениях должно идти развитие системы методов переводоведения, его понятийного аппарата, если в роли общего подхода выступает сопоставительный анализ текстов в процессе перевода? Является ли перевод «моделируемым» или «эвристическим» процессом?

Заметим, что на данном историческом этапе место переводных художественных произведений в мировой литературе определяется неоднозначно. С одной стороны, многие исследователи переводной художественной литературы традиционно причисляют ее к национальной литературе, отмечая ее роль в обогащении национальной литературы новым культурным, художественным и языковым опытом. С другой – ряд исследователей склоняются к мнению, что необходимо различать три реальности: художественную литературу языка оригинала, художественную литературу языка перевода, а также отдельно отстоящую и не вписывающуюся ни в первую, ни во вторую систему – переводную литературу как особый вид литературно-языкового творчества. Можно выдвинуть еще и третью точку зрения – о «двойном гражданстве» переводной литературы, поскольку она «родом из оригинала», а «проживает» в стране принимающей культуры.

Такой взгляд разделяется, например, рядом словацких и польских теоретиков. Однако какой бы ни была частная позиция, важно признание того, что произведение литературы (в оригинале и/или переводе) полную и цельную жизнь может проживать только в контексте мирового историко-культурного пространства, обогащая и язык и литературу, и национальную и мировую культуру.

В нашей стране, как отмечает В.С. Виноградов, к развитию теории перевода привели именно достижения в переводах мировой художественной литературы. Их стали печатать в первой половине XX в. в основанном для этой цели А.М. Горьким издательстве «Всемирная литература», и по своему количеству и тиражу они занимали одно из первых мест в мире. Были объединены известные ученые и переводчики, среди которых К.И. Чуковский и Н.С. Гумилев, А.В. Федоров и М.П. Алексеев, писавшие о художественном переводе как «высоком искусстве» [5].

В дальнейшей истории и теории отечественного перевода многие исследователи выделяют три направления: лингвистическое, литературоведческое и прикладное (машинный перевод). Однако в последние полстолетия становится очевидным, особенно в отношении художественного перевода, что бывшее разделение переводческих подходов на лингвистические, нацеленные преимущественно на изучение технологической стороны и моделирование соотношения оригинал – переводной текст, и литературоведческие, апеллирующие к таким категориям, как «художественная достоверность перевода», «внутренняя логика образа в переводе» и др., более не актуально.

Большинство переводчиков, имеющих опыт в художественном и специальном переводе, признают, что «художественный перевод иначе как *полисинтетическим, метапереводческим* актом образно-интеллектуальной творческой деятельности переводчика не назовешь» [13: с. 17–18]. Многие направления современной науки о переводе исходят из того, что художественный перевод – это творческий процесс и вид межкультурного посредничества и что в его исследовании необходим интердисциплинарный подход. И художественное произведение, и его перевод на другой язык существуют во вполне конкретном – каждый в своем – культурном, историческом и социальном контексте, пересекаясь и взаимодействуя в переводческом процессе.

Вместе с тем высказываются мнения, что следует отойти от понимания переводческого процесса как «черного ящика», как «не наблюдаемого якобы никакими методами» процесса, перестать «воспринимать перевод лишь как эвристическую деятельность» [6]. В поддержку этого можно привести

мнение философов и культурологов о том, что познание сложной человеческой деятельности возможно на материале ее продуктов, при условии, что будут найдены методы исследования, дающие ключ к идентификации «следов» самой деятельности. Показательно следующее утверждение культуролога И.И. Докучаева: «Аксиомы семиотики об означающем и означаемом ограничивают культурологические и искусствоведческие программы изучением одних только продуктов человеческой деятельности: сама деятельность не может стать непосредственно объектом познания в пределах теории знаков. Но продукты деятельности несут в себе следы самой деятельности: рассмотренные как продукты, они могут дать материал для понимания их генезиса. В субстанции каждого продукта должны найтись такие аспекты, такие составляющие, которые позволяют – с помощью особых методов – реконструировать само продуцирование» [10: с. 9].

На повестке дня создание такой методологической базы, которая позволила бы выявлять и увязывать в системное целое все необходимые для эффективности переводческого процесса знания – в соответствии с тем, что можно назвать требованиями *природосообразности* (учета природы изучаемого феномена) и *культуросообразности* (учета социокультурных условий, в которых этот феномен функционирует). Речь идет о том, как важно при анализе художественного переводческого процесса, помимо языка и стиля художественного произведения, принимать во внимание особенности художественной коммуникации, художественной культуры и семиотики эстетической деятельности, психологии творческого мышления и художественного восприятия, механизмов понимания художественного текста, истории искусства как науки об общих особенностях художественного процесса, результатов культурных и языковых контактов и под.

В теории перевода сегодня можно выделить следующие основные тенденции: *общая направленность* на исследование процесса перевода как многоаспектного и комплексного и исследование переводного текста не только как результата семиозиса на разных уровнях означивания, а и как результата длительных культурных и языковых контактов и личностного творческого самовыражения; *общие принципы*, базирующиеся на исследовании художественного переводного текста как особого вида литературно-языкового творчества, являющегося гомоморфным образом исходного текста (как его прообраза) в конкретно-индивидуальном представлении реципиента-переводчика; *задачи*, связанные с исследованием всей культурно-языковой картины мира в исходном тексте, и того, как она представлена в своем аналоге – переводящем тек-

сте; *методики*, направленные не только на рациональное осмысление предмета исследования, но и на выяснение всего историко-культурного контекста, в котором он функционирует, а также индивидуально-авторских мироощущений и переводческих возможностей и предпочтений.

Анализ многих исследовательских работ показывает, что размышления о природе художественной переводческой деятельности человека на данном историческом этапе приводят в сферу *межкультурной художественной коммуникации* как той естественной стихии, по законам которой взаимодействуют оригинал и переводное произведение, обеспечивая цельность переводческого процесса. Что же касается конкретных составляющих этого процесса, то их соотношение может быть описано через понятие диалектического противоречия – как раздвоение единого. Оно проявляется в следующих корреляциях и столкновениях внутри целого. Исследуемый объект существует как оригинальное художественное произведение (исходный текст) и переводное художественное произведение (переводящий текст); исследуемый языковой материал – как язык оригинала (исходный язык) и язык перевода (переводящий язык); среда обитания исследуемого объекта – как культура оригинала (исходная культура) и культура перевода (принимающая культура); продуцент исследуемого объекта – как автор и переводчик. Этот общий подход нуждается в конкретизации.

Очевидно, что исследование художественной переводческой деятельности как «межкультурной художественной коммуникации», базируясь на логике своего предмета (процесса перевода как речемыслительной деятельности в условиях двуязычной и бикультурной ситуации и переводного текста как материализованного результата этой деятельности) предполагает выделение ряда аспектов. Можно усмотреть, по крайней мере, следующие: *коммуникативный* (изучение переводческой речемыслительной деятельности как передачи информации), *художественный* (изучение художественных средств осмысления мира в литературе), *межкультурный* и *межъязыковой* (учет особенностей систем вовлеченных языков и культур), *герменевтический* (выявление механизмов переводческого понимания оригинала и инструментов его интерпретации в тексте перевода через сопоставительный анализ личностных художественных картин мира – авторской и переводческой – и средств их репрезентации).

Хотя перечисленные измерения перевода, вероятно, не исчерпывают перечня необходимых для успешного переводческого процесса компетенций, потребность в выходе за пределы лингвистических методов в настоящее время не только очевидна, но и востребована. Есть ощущение, что привлечение ме-

тодов смежных сфер может способствовать увеличению научного потенциала исследования. Рассмотрим несколько подробнее обозначенные аспекты.

Коммуникативно-семиотическое измерение

Коммуникативное измерение имеет отношение к установлению составляющих элементов речевой коммуникации и ее базового механизма. Природа коммуникации обсуждалась в работах многих языковедов. Так, к В. фон Гумбольдту восходит её трактовка как обмена чувствами и идеями, Г. Штейнталь акцентировал её деятельностный характер, Л. Блумфилд понимал речевое действие как аналог неречевого, младограмматики подчёркивали её социальную природу. В современной науке коммуникация определяется как мотивированный и целенаправленный процесс социального взаимодействия сторон, осуществляемый в определенной социокультурной среде и привязанный к определенной ситуации общения. «Успешная коммуникация» имеет место в том случае, если адресат может установить связь между воспринимаемым им высказыванием и содержащейся в нём интенцией в предлагаемом социокультурном и ситуативном контексте. В противном случае приходится иметь дело с «коммуникативным сбоем» или даже «коммуникативным провалом».

Применение этих общих установок к переводческой деятельности показывает, что при чтении художественного текста адресат (читатель) получает опосредованную художественной концепцией адресанта-писателя общечеловечески значимую информацию о мире, а в процессе чтения художественного перевода эта информация предстает в интерпретации адресанта-переводчика. Иными словами, в терминах теории информации процесс перевода описывается как многоэтапный: на первой ступени как общение переводчика (получатель информации) с автором (отправитель информации), состоящее в освоении переводчиком оригинального произведения как сообщения (со всеми вытекающими из характера этого сообщения требованиями для его полного осознания, понимания и осмысления), и на второй ступени – как общение переводчика (отправитель) с целевой аудиторией (получатель), состоящее в предъявлении переводного текста читателю с учетом его (читателя) социокультурного и языкового опыта.

Важным для теории художественного перевода является то, что изучение интерактивных и мотивированных качеств коммуникации связывается в современных работах с явлением *координации* (*знакового согласования*) коммуникативных деятельностей адресанта и адресата («двух сознаний», по М.М. Бахтину) как базового механизма речеобразования [15: с. 194]. Добиться «координации» не

просто. Переводчик не только является носителем иной картины мира (нежели автор) в силу иных способностей, возможностей, опыта, жизненных условий, культурно-языкового тезауруса и т.д., но и вынужден учитывать информационные возможности обоих языков (а не одного, как в случае автора оригинала). Кроме того, оригинал и переводной текст имеют разную целевую аудиторию, в каждом случае это носители разных языков и культур, каждый со своими возможностями восприятия, понимания и оценки, культурным и языковым опытом.

Что касается технологии исследования коммуникативной стороны процесса перевода, во многих работах предлагается семиотический подход. В современных теориях художественного перевода, используя, вслед за Ч. Пирсом и Ч. Моррисом, такие измерения семиозиса, как связь знаков с обозначаемым предметом (семантика), связь знаков между собой при их использовании в сообщениях (синтактика), связь знаков со способом их употребления человеком (вкладываемая интенция или производимое воздействие – прагматика), исследователи обращают внимание на то, как знаки объединяются и функционируют в рамках целостной системы: переводного текста в его сравнении с исходным текстом.

Например, Т.А. Казакова, говорит о «сложно структурированном многоступенчатом семиозисе», различает «порождающий семиозис» («авторская мысль») и «воспринимающий семиозис» («переводческая мысль») и выделяет три ступени / этапа семиозиса в переводческом процессе: «Первой ступенью является первичный авторский семиозис, в результате которого возникает исходный текст. На второй ступени переводчик действует как получатель исходного текста, в результате чего текст подвергается вторичному семиозису, порождая переводческую модель исходной мысли. Следующим этапом становится семиозис третьего порядка, в результате которого переводческая модель исходной мысли получает вербальную реализацию на языке перевода» [11: с. 162].

Эта трактовка семиозиса конкретизирует классическую трактовку, где «первичный семиозис» рассматривается как означивание предмета, явления и т.д. с помощью словесных знаков, результаты которого фиксируются в словарях, а «вторичный семиозис» имеет место в любых продуцируемых человеком устно излагаемых и письменных текстах (Э. Бенвенист). Однако к настоящему моменту рассмотрение перевода как «вторичного семиозиса» либо как «третичного семиозиса» (в зависимости от автора концепции) прочно закрепилось в теории перевода и сами термины в таком осмыслении употребляются широко.

Художественное измерение

Вопрос о том, является ли художественный перевод ремеслом или искусством решается в современной теории перевода, по мнению Н.К. Гарбовского, в пользу последнего. Он утверждает, что мировая литература существует как транснациональная именно благодаря переводчику, который «в условиях многообразия культур и отсутствия единого мирового языка оказывается перед необходимостью освоить «чужое» для принимающей культуры и привести в единую систему *универсальное, свое и чужое*» [9: с. 5; 11; 16].

Итак, важным аспектом процесса художественного перевода является художественность как проявление эстетического, когда слово выступает не только в своей коммуникативной функции, но и является «первоэлементом литературы», представляющей жизнь в образах новой реальности – художественного мира. В художественном произведении выражается художественная концепция автора, его освоение и осмысление мира художественными средствами, а в переводных произведениях – понимание переводчиком этой концепции, причем и в оригинальных произведениях и переводных мы имеем дело с особым рода информацией – художественной информацией, представляющей жизнь иносказательно [2].

Какие воззрения на художественный процесс в эстетике могут быть полезны для осмысления художественного перевода? Важное методологическое значение, на наш взгляд, может иметь трактовка сложной диалектики художественного процесса, предложенная известным специалистом по проблемам эстетики, истории и теории литературы и искусства Ю. Б. Боревым. Согласно теории этого ученого, каждый вид искусства «имеет свой язык», сочетая знаковое и незнаковое: «из знаков путем качественного скачка складывается художественное высказывание – художественный образ (знаковое образование); из образов складывается художественный текст (новый скачок), включение которого в социальное функционирование превращает его в произведение – метаязык художественной культуры. *Метазнак (произведение) имеет смысл (художественная концепция) и предметное значение (ценность для человечества)*» [4: с. 200].

Итак, художественное произведение толкуется как метазнак художественной культуры. Художественное произведение создает смыслонагруженный и концептуально насыщенный художественный мир – модель реальности. Художественный текст – это художественное сообщение, несущее «общечеловечески значимую информацию» (художественную концепцию) и складывающееся из системы художественных высказываний, или, что то же самое, сово-

купности художественных образов. Художественные образы складываются из знаков, однако, художественные образы это «незнаковые образования», они вырастают на основе смысла, заключенного в художественной информации, передаваемой знаками. «Для осуществления коммуникативного процесса знак должен быть *узнан*, а высказывание – *понято*. Система высказываний составляет художественный текст, семантическое содержание которого – художественная концепция – должно быть *интерпретировано и оценено*» [4: с. 199–200].

Ю. Б. Боров намечает также некоторые типы знаков художественной культуры вообще, оставляя разработку системы знаков для конкретных сфер исследователям конкретных направлений искусств. Обратим внимание на следующие типы знаков: *глобально-мировоззренческие* (философско-содержательные); *несущие смысл произведения* (передающие систему идей или целостную художественную концепцию мира и личности); *знаки времени* (несущие информацию о принадлежности произведения к определенному историческому периоду и эпохе его возникновения); *национальной характеристики* (несущие информацию о национальной принадлежности, национальной культурной традиции, запечатленной в произведении); *функциональные* (несущие информацию о его назначении); *рецепционного ожидания* (дающие ключ к процессу восприятия, сообщающие о характере, виде, жанре произведения); *эмоционального воздействия*; *символики цвета* [4: с. 193–199].

Как видим, типы знаков, предложенные этим ученым, направляют внимание на изучение основных художественных смыслов и могут быть полезны для осуществления и исследования художественного перевода.

Эти выкладки могут иметь важное значение и для уточнения определения единицы перевода. В некоторых теориях проводится параллель между единицами перевода и знаками естественного языка (слово, словосочетание, предложение и др.). Но еще Ю.М. Лотман писал о том, что в словесном художественном тексте и само понятие знака и границы знаков иные, нежели в естественном языке. Знаки в художественном тексте имеют не условный, а обусловленный, иконический, изобразительный характер: происходит семантизация любых элементов естественного языка. В результате получается, что «один и тот же текст может быть прочтен как некоторая образованная по правилам естественного языка цепочка знаков, как последовательность знаков более крупных, чем членение текста на слова, вплоть до превращения текста в единый знак, и как организованная особым образом

цепочка знаков более мелких, чем слово, вплоть до фонем» [12].

Ю.Б. Боров также связывает понимание художественного текста с его «анатомированием», «операционным проникновением в художественный текст» и в качестве «одного из инструментов» такого анатомирования называет структурный анализ. Он подчеркивает, что как выбор оснований деления текста на элементы, так и их смена и выбор других параметров должны быть «свободными» и «гибкими»: в зависимости от ракурса выявления «концептуального смысла самой его организации» [4: с. 464].

В современных работах по переводу эта линия на выделение реальных единиц художественного перевода – в виде концептов-символов, речевых форм-символов, идеологем, фреймов, скриптов, лакун, образов, канвы событий, мотивов и под. как носителей художественно значимой информации – и изучение связей между первоначальными, исходными единицами в оригинале и их соответствиями в текстах перевода (с акцентом на вызываемые ими ассоциации и оценки в одной и другой культуре) находит все больший отклик. Проводятся многочисленные сопоставительные исследования с использованием методов когнитивной лингвистики, лингвокультурологии и культурологии (А. Вежицкая, И.Ю. Марковина, Ю.А. Сорокин, Н.К. Гарбовский, И.А. Стернин, М.В. Вербицкая, Г.Г. Молчанова, Б. Пионтек, Я.В. Соколовский и др.).

Межкультурное и межъязыковое измерение

В создании эффективной методологической базы художественного перевода критерий *культуросообразности* имеет не меньшее значение, нежели требование *природосообразности*, так как искусство обусловлено и миром природы, и миром общественных отношений, в которые вступает человек. Добавим к этому, что, поскольку естественный человеческий язык – это знаковая система, смыслы которой культурно обусловлены, предпочтительно говорить о *межкультурном и межъязыковом измерении* как *одном целом* [17].

Для переводчика художественных произведений важно изначально исходить из того, что первоначальный художественный текст и переводной – это конденсаторы коллективного разума и культурной памяти конкретных социумов, пропущенных через социальную память их авторов, их миропониманий и идиостилей, а художественный переводческий процесс – это межкультурный диалог.

Исследования истории и теории перевода, а также результаты сопоставительного анализа текстов переводов, сделанных различными переводчиками одних и тех же или разных художественных произ-

ведений в те же либо разные временные периоды, показывают, что переводное произведение: а) демонстрирует иную языковую и (часто) концептуальную картину мира, нежели исходное произведение, что говорит об особенностях «освоения» текста иноязычной культуры принимающей культурой; б) представляет определенный исторический срез уровня развития переводящего языка и литературных традиций, и потому оно может быть, по словам Ю.Л. Оболенской, синхронно оригиналу, стилизовано под «старину» либо «осовременено»; в) демонстрирует личностные переводческие предпочтения и трактовки, что объясняет возможность существования и сосуществования множества переводов одного и того же художественного произведения.

Эти факты позволяют Ю.Л. Оболенской говорить о процессе перевода как *аккультурации* исходных произведений под влиянием принимающей их культуры и личности переводчика, как адаптации к принимающей культуре и, одновременно, что важно, как об *освоении* принимающей культурой инонациональных литературных сочинений, инокультурных традиций в художественном воплощении. Это взаимообогащение происходит, начиная с заимствования терминов, слов-реалий, имен собственных, авторских окказионализмов и калькирования фразеологизмов до освоения ряда понятий и реалий чужой повседневной жизни, истории и культуры, и может привести к каким-то изменениям картины мира принимающей культуры. В случае же не прямых переводов, т.е. осуществляемых через посредничество третьего языка (например, перевод русского сочинения на испанский с французского, английского или немецкого), межкультурный процесс перевода усложняется, так как в него вовлекается еще и страна-посредница с ее культурными традициями, эстетикой мышления и художественного выражения, особенностями языковой картины мира [14: с. 21, 56–58].

Можно сделать заключение, что независимо от преобладающего способа перевода – доместикационного (с опорой на культурные ценности языка перевода) либо форинизирующего (с опорой на культурные ценности языка оригинала) – каждый конечный продукт, т.е. переводной текст, одновременно способствует и распространению «своей» культуры, и освоению «чужой».

Понимание художественного переводческого процесса как одного из видов межкультурной коммуникации требует от переводчика готовности к творческой деятельности, в результате которой рожденный средствами иной знаковой системы текст-аналог был бы нацелен на воспроизведение смыслообразующей системы оригинала. При этом переводчик оказывается в сложной ситуации: прин-

ципальной проблематичности перевода оригинала в его содержательный и формальный аналог на языке перевода. В оригинале, ориентированном автором на носителя того же языка, общение писатель-оригинал-читатель является примером прямой монологической и интракультурной коммуникации, в то время как переводное произведение ориентировано на носителя языка текста перевода и цепочка писатель-оригинал-переводчик-переводной текст-читатель перевода – это пример опосредованной двуязычной (полиязыковой) и интеркультурной коммуникации. В этих случаях мы имеем две разных целевых аудитории, двух разных посредников, представляющих разные языки и культуры, т.е. два разных вида языкового посредничества.

Герменевтическое измерение

Рассмотрение перевода как явления межязыковой и межкультурной коммуникации, вовлекающего личность автора, личность переводчика и целевую аудиторию, неизбежно предполагает обращение к проблеме глубины понимания, т.е. герменевтическому измерению как одному из основных. Переводческая герменевтика изучает механизмы переводческого понимания оригинала и инструменты его интерпретации в тексте перевода. Истоки и разработку этого направления находим в работах А.В. Федорова, И.А. Кашкина, Г.Р. Гачечиладзе, И. Левого, В.С. Виноградова, А.Н. Крюкова, Н.К. Гарбовского, Э.Н. Мишкурова, Н.Л. Галеевой, Ю.Л. Оболенской, Е.Д. Богатыревой и др., в герменевтических идеях Ф. Шлейермахера, Г.-Г. Гадамера, М.М. Бахтина, П. Рикёра.

В философских и психолингвистических работах понимание речи исследуется во взаимодействии с восприятием речи. Некие свойства воспринимаемого объекта существуют в мире материального, а представления о них – в сознании субъекта (принадлежат идеальному). Таким образом, если восприятие речи – это анализ и синтез материальных языковых средств, представленных в устной или письменной форме, то понимание речи – это анализ и синтез элементов мысли (понятий, суждений), фиксируемых в материальных средствах языка.

Считается, что эти два процесса взаимообусловлены, так как осознаваться мышлением (понимание) может только то, что воспринимается чувственно (зрение, осязание, слух и т.д.), а воспринимаемые чувственные данные составляют базу последующих индуктивных обобщений и дедуктивных выводов. Иными словами, процесс понимания не является зеркальным отражением процесса восприятия, но на основе восприятия рождаются образы или представления в сознании субъекта.

Диалектика восприятия и понимания лежит в основе художественного произведения его реципиентом – читателем и переводчиком. Конечно, в случае переводчика и в случае читателя мы имеем дело с разными ожиданиями глубины понимания. Художественный перевод предполагает и анализ-синтез оригинального текста, и интерпретацию художественных смыслов произведения. От читателя, в отличие от переводчика, не требуется интенсивной аналитической работы, хотя роль «сотворца» автора предполагает определенную интуицию и культурный опыт. Интересна на этот счет точка зрения Ю.М. Лотмана, который писал, что художественный текст «выдает разным читателям различную информацию – каждому в меру его понимания, он же дает читателю язык, на котором можно усвоить следующую порцию сведений при повторном чтении. Он ведет себя как некоторый живой организм, находящийся в обратной связи с читателем и обучающий этого читателя» [12].

Для переводчика понять художественное произведение как факт художественной культуры значит освоить «ось» смысла – авторскую концепцию мира, которая находит выражение в системе образов и в стиле; истолковать – значит предложить его интерпретацию, базирующуюся на комплексе теоретических постулатов, включающих герменевтическую технику анализа. Конгениальный автору переводчик в своей интерпретации текста демонстрирует понимание характера, направленности и целостности художественного смысла произведения, опираясь на семиотику текста и контекст культурной традиции.

В связи с иносказательностью и многозначностью художественного текста, его интерпретация также многозначна и многослойна. Заметим, что в эстетике (это может быть важно для переводчика) различаются, в частности, «актуальный» / «актуально-социальный» и «глубинный» слои произведения: первый ориентирован на включенность в борьбу идей эпохи и в этом его актуальность, которая может быть утрачена со временем, а второй – на вечные общечеловеческие ценности, что и обеспечивает произведению вневременной статус (Ю.Б. Борев). В процессе создания текста писатель (и переводчик) ориентируются на рецептивное сознание своего современника, его обобщенный образ, что является одним из факторов, объясняющих возможность множества интерпретаций, хотя она и ограничена в конечном итоге заложенной в художественном тексте «программой восприятия».

Герменевтическое направление в теории перевода находится в стадии разработки. В литературе отмечается, что если раньше лингвистическое изучение проблемы соответствия переводного текста

оригиналу часто проводилось с позиций «субститутивно-трансформационной онтологии», «поиска языковых эквивалентов», то позднее внимание стало привлекать рассмотрение «деятельностной онтологии перевода», когда в центре исследования – процесс переводческой деятельности и ее субъект, а центральной категорией становится проблема понимания оригинала. Это предполагает разработку деятельностной типологии смыслов, таких понятий, как «содержательность», «смысл», «значение», «содержание», «рефлексия» «знаки рецепционного ожидания», что способствует созданию на их основе программы осознанной речевой деятельности переводчика и дает адресату ключ к процессу целостного восприятия и понимания [8].

В современных диссертационных исследованиях и ряде публикаций ставятся такие задачи, как: определить содержание термина «интерпретация» в рамках переводоведения; выявить факторы, влияющие на переводческую интерпретацию; показать на анализе переводных текстов, как формируется и реализуется в переводе интерпретация переводчика; рассмотреть такие аспекты как: личность переводчика, вариативность перевода и границы интерпретации, причины трансформации художественного образа. Авторы отмечают также, что необходимо учитывать достижения рецептивной эстетики, компаративистики, психологии творчества, этно- и лингвopsихологии и др. [3; 13].

Разделяя мнение о том, что деятельность переводчика художественных произведений в какой-то мере сродни деятельности литературного критика, производящего их аналитический разбор [16], обратим внимание на применяемый в литературной критике научный метод анализа, названный Ю.Б. Боревым «системно-целостной методологией». В процессе осмысления и интерпретации художественного произведения литературный критик проходит пять «последовательных мыслительных действий»: выбор исходной позиции («общий взгляд на произведение, парадигма его интерпретации»); определение смысла и ценности внешних связей («ключом» к смыслу произведения и его интерпретации являются реальность и ее творческое преобразование в тексте, культурный контекст художественного текста, а также личность художника); определение смысла и ценности внутренних связей (структуры) художественного текста (структурный и стилистический анализ, «позволяющие постичь смыслообразующее значение внутреннего строения художественного текста»); определение смысла и ценности произведения в свете его социального функционирования (учет рецепционных предпочтений читателей); итоговое суждение о смысле и

ценности художественного произведения (синтез результатов всех ступеней анализа) [4: 457–468].

Если подойти к этой методологии в плоскости герменевтического аспекта перевода, то в центре внимания оказывается исследование личностных художественных картин мира (авторской и переводческой) и средств их репрезентации в художественном произведении.

Для того чтобы оценить роль языковой личности в художественной коммуникации, полезно вспомнить трактовку Ю.М. Лотмана, который описывал ее как «организованную систему индивидуализированных социальных кодов», т.е. систему разделяемых личностью и значимых для нее кодов культуры и, одновременно, особенностей персональной картины мира, миропонимания, идиостилия. Имея в виду авторов художественной литературы, Ю. М. Лотман подчеркивал, что изучение языка художественного произведения дает нам «некую индивидуальную норму эстетического общения». Под этим он понимал, что язык моделирует «не только определенную структуру мира, но и точку зрения наблюдателя», а сам «выбор писателем определенного жанра, стиля или художественного направления – тоже есть выбор языка, на котором он собирается говорить с читателем» [12].

Однако идея автора, его концепция мира не только моделирует структуру произведения, но и моделируется ею. Следуя Ю.М. Лотману, нельзя «постичь идею, оторванную от авторской системы моделирования мира, от структуры произведения», как нельзя «отделить жизнь от той конкретной биологической структуры, функцией которой она является». Он многократно подчеркивал важную для переводчика мысль о том, что «вне структуры художественная идея немыслима», что концепция реализуется в определенной структуре, «не существующей вне этой структуры» и что «измененная структура донесет до читателя или зрителя иную идею» [12].

Отсюда вытекают два следствия. Во-первых, художественный перевод может быть успешным, только если он осуществляется творческой личностью (хотелось бы сказать – равного писателю масштаба), наделенной не просто художественным видением и способностью освоить авторскую художественную концепцию, но и *художественным межкультурным видением*. Художественное межкультурное видение – это широкие знания и способность сопоставить динамику мирового художественного процесса в географическом пространстве и в историческом времени, особые компетенции, связанные со знанием вовлеченных языков, культур, персоналий, понимание и учет особенностей

психологии художественного восприятия целевых аудиторий сопоставляемых культурных социумов.

Во-вторых, «измененная структура» нового текста (что неизбежно при переходе на другой язык и смене непосредственного автора текста) может повлечь за собой и «иную идею», т.е. привести определенные изменения в авторскую художественную концепцию, если переводчик либо не способен осознать в полной мере художественного потенциала оригинала и соотнести его с предлагаемой им самим структурой либо вносит изменения намеренно, руководствуясь какими-то творческими задачами.

Это прослеживается в исследованиях конкретных переводов. Так, в своем анализе нескольких переводов чеховской «Чайки» на французский язык Н.К. Гарбовский показывает, что в них можно проследить разные переводческие концепции, различающиеся в трактовке тем, персонажей, канвы событий и т.д., что обуславливается либо личными литературными пристрастиями переводчика, либо его пониманием того, каковы меняющиеся ожидания публики и особенности современной переводчику эпохи [9].

Пример отсутствия конгениальности перевода с оригиналом находим в анализе А.С. Волгиной образно-философской структуры стихотворения В.А. Жуковского «Весеннее чувство» и его английского перевода, выполненного Дж. Боурингом. Автор показывает, насколько радикально трансформируется образный и философский строй переведенного стихотворения вследствие разных систем взглядов, религиозных убеждений и поэтических традиций автора и переводчика, когда романтического мистика и лирика Жуковского переводит просветитель, пуританин и псалмопевец Боуринг: «вместо характерного образца русского романтизма он (английский читатель – Н.С.) прочел философскую медитацию в рамках привычной пуританской морали и, возможно, в жанровом отношении ассоциировал боуринговскую «песню», со знакомыми с детства церковными гимнами» [7: с. 205].

Известных переводчиков, однако, характеризует обычно очень хорошее знакомство со стилистикой автора и строгость к результатам своего труда. Так, литературовед К. Азадовский отмечает, что переводчик Т. Манна Соломон Апт, зная об авторе «куда больше, чем историк литературы», при переводе романа «Иосиф и его братья» (чему Апт отдал семь лет жизни), переведя первый том, понял, что избрал неверную стилистику, и перевел весь том заново [1].

Так или иначе, переводчик знакомит читателя со своей трактовкой оригинала, со своей переводческой концепцией оригинального художественного произведения, являющейся вторичной по отноше-

нию к авторской трактовке. Об этом говорят сегодня многие исследователи.

Например, Ю.Л. Оболенская [14: с. 133–135, 168], известная многочисленными исследованиями истории переводов русской литературы на испанский язык в Испании и Латинской Америке, отмечает, что переводной текст неизбежно воплощает переводческую, а не авторскую концепцию (хотя последняя присутствует опосредованно, так как переводчик из нее исходит) и отражает проекцию (индивидуальное восприятие, впечатление и оценку) оригинала на сознание переводчика, является актуализацией этой проекции. Исследователь называет это «взаимодействием двух *идиолектов* – идиолекта автора и идиолекта переводчика» [14: с. 165].

Переводческий идиолект формируется путем накопления традиции перевода с одного языка на другой, а также перевода определенных авторов и освоения их языковой картины мира. Поэтому можно говорить об особенностях и общих характеристиках переводческих идиолектов, но не об универсальном переводческом языке и нормах перевода. Приведем цитату: «История переводов отражает историю и этапы развития не какого-то гипотетического универсального переводческого языка, а живого и развивающегося национального литературного языка, а кроме того – и это очень важно, – накопление традиции перевода текстов определенной культуры или даже определенного автора. Накопление, а в дальнейшем – следование определенной традиции перевода можно рассматривать как результат культурных и языковых контактов в целом, и в то же время – как освоение языковой картины мира определенного автора. Взаимопроникновение культур и языков в процессе длительного взаимодействия культур как раз и обуславливает некоторые общие характеристики переводческих идиолектов» [14: с. 172].

При этом акцентируется методологическая ошибочность распространенного понимания процесса художественного перевода как «воссоздания художественного произведения», такой подход считается «утопическим представлением». Ибо не может иной субъект «воссоздать» в ином материале существующее произведение искусства, но оно может быть «воспроизведено» другим субъектом как «собственное впечатление», как «проекция оригинала», как «интерпретация оригинала», как «изложение оригинала в интерпретации переводчика». Ясно, что указанные кардинальные различия между оригиналом и переводным текстом определяются их разной объективно и субъективно обусловленной эстетической ценностью и разным предназначением.

Заключение

Процесс художественного перевода осмысливается в современных работах по-разному. С нашей точки зрения, продуктивные идеи содержатся в рассмотрении его как процесса межъязыковой и межкультурной художественной коммуникации, осуществляемой между автором художественного произведения и переводчиком-интерпретатором и направленной на целевую аудиторию. Такой подход предполагает использование в ходе переводческого сопоставительного анализа совокупности методов, которые должны иметь отношение как к переводческой интерпретации (в художественном произведении автор «творчески пересоздает действительность», дает свой «образ мира», а переводчик этот образ творчески воспроизводит), так и переводческому моделированию (в построении художественного произведения реализуется моделирующая сторона искусства).

Художественное произведение – это источник «множественного смысла» (Р. Барт) и место «выработки новых смыслов» (Ю. М. Лотман). Следовательно, задачей художественного перевода является соотнесение художественных смыслов сопоставляемых текстов, а ее решение состоит в изначальной идентификации художественных смыслов исходного и переводного текстов и анализе форм их выражения средствами сопоставляемых языков.

В оценке качества перевода целесообразно исходить из выполняемых переводчиком функций (интерпретатор текста оригинала и автор переводного текста) и учитывать критерий приемлемости / обоснованности / правомерности, позволяющий толковать множество оцениваемых измерений перевода и давать сбалансированную оценку перевода как целого.

Только расширение категориального аппарата теории перевода за счет вовлечения методов сопряженных научных дисциплин в той мере, в какой они участвуют в формировании сопоставляемых художественных произведений, может привести к ощутимому эффекту в ее развитии: способствовать выработке системно-целостной методологии, направленной на выявление сложности художественного освоения мира в переводной литературе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азадовский, К. Переводчик и его время: Соломон Апт (1921–2010) [Электронный ресурс] / К. Азадовский // Вопросы литературы. – 2011. – № 3. – Режим доступа: magazines.russ.ru/voplit/2011/3/az15-pr.html
2. Антипов, Н.П. Художественная коммуникация: индустрия / Н.П. Антипов // Вестник Иркутск. гос. лингв. ун-та. – 2012. – № 17. – Т. 1. – С. 119–128.
3. Богатырева, Е.Д. Художественный перевод как интерпретация: на материале французских переводов поэмы

А. С. Пушкина «Медный всадник»: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.Д. Богатырева; Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН. – М., 2007. – 23 с.

4. *Борев, Ю.Б.* Эстетика / Ю.Б. Борев. – 4-е изд., доп. – М.: Изд-во политич. лит-ры, 1988. – 496 с.

5. *Виноградов В.С.* Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В.С. Виноградов. – М.: Изд-во ин-та общего и среднего образования РАО, 2001. – 224 с.

6. *Витренко, А.Г.* Декодирование прозаического художественного текста при переводе / А.Г. Витренко // Вестник МГЛУ. Перевод как когнитивная деятельность; ред. А.Г. Витренко [и др.]. – 2003. – Вып. 480. – С. 54–83.

7. *Волгина, А.С.* Личность переводчика как фактор трансформации образно-философской структуры стихотворения / А.С. Волгина // Вестник Челябинского гос. ун-та. – 2011. – № 24 (239). – Вып. 57. – С. 203–205.

8. *Галеева, Н.Л.* Понимание текста оригинала как компонент деятельности переводчика художественной литературы: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.Л. Галеева. – СПб., 1999. – 22 с.

9. *Гарбовский, Н.К.* Перевод как художественное творчество / Н.К. Гарбовский // Вестник Москов. ун-та; ред. М.Л. Балашова. – 2010. – № 3. – С. 4–16. – (Серия 22).

10. *Докучаев, И.И.* Семиотический анализ художественной культуры: автореф. дис. ... канд. культурол. наук /

И.И. Докучаев; РГПУ им. А. И. Герцена. – СПб., 1996. – 23 с.

11. *Казакова, Т.А.* Художественный перевод. Теория и практика / Т.А. Казакова. – СПб.: Инъязиздат, 2006. – 544 с.

12. *Лотман, Ю. М.* Структура художественного текста / Ю.М. Лотман // Об искусстве. – СПб.: Искусство–СПб, 1998. – 285 с.

13. *Мишуров, Э.Н.* О метатрансляционных аспектах художественного перевода / Э.Н. Мишуров // Вестник Москов. ун-та / ред. М.Л. Балашова. – 2010. – № 3. – С. 17–26. – (Серия 22).

14. *Оболенская, Ю.Л.* Художественный перевод и межкультурная коммуникация: учеб. пособие / Ю.Л. Оболенская. – М.: Высш. шк., 2006. – 335 с.

15. *Сидоров, Е.В.* Опережающее понимание в межкультурной коммуникации / Е.В. Сидоров // Вестник Нижегородского гос. лингвистического ун-та им. Н.А. Добролюбова. – 2009. – Вып. 4. – С. 190–195.

16. *Топер, П.М.* Перевод и литература: творческая личность переводчика / П.М. Топер // Вопросы литературы. – 1998. – № 6.

17. *Snytko T.N.* Meeting of Cultures and Languages within Translation / T.N. Snytko // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2009. – № 1.

К ВОПРОСУ ОБ ИССЛЕДОВАНИЯХ ОСОБЕННОСТЕЙ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА МИГРАНТОВ В ГЕРМАНИИ

В.А. Собянина

Собянина Валентина Александровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Института иностранных языков Московского городского педагогического университета.

Контактный адрес: valensob@mail.ru

В статье рассматривается проблема влияния языка мигрантов на современный немецкий язык в эпоху глобализации, анализируются работы немецких ученых в этом направлении, приводятся примеры влияния языка мигрантов «Kiezdeutsch» на современный немецкий язык на фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях.

Ключевые слова: язык мигрантов, Kiezdeutsch, этнолект, мультиэтнический диалект, этнический стереотип.

Процессы глобализации и интеграции затрагивают фактически большинство стран мира, как следствие, – усиливающаяся миграция населения, прежде всего, из более бедных стран в развитые европейские страны и США. Не обошли эти процессы и Россию. По данным ООН, Россия находится на втором месте в мире по количеству мигрантов¹.

Германия, как одна из самых развитых стран Европы, также находится на переднем крае данного процесса. По статистике в отдельных городах процент мигрантов, точнее людей с мигрантским прошлым (mit Migrationshintergrund), достигает довольно высоких цифр: во Франкфурте-на-Майне он составляет 43 %, в Мангейме – 38 %, в Берлине – 24,3 % [3]. Цифры эти довольно внушительные. Поэтому научные исследования данного процесса, его политических, социальных и языковых последствий приобретают в Германии все большую актуальность.

Заслуживают внимания несколько последних, довольно значительных научных трудов в этом направлении в немецкой германистике. Так, Институт немецкого языка в Мангейме издал в 2013 г. под своей эгидой очередной ежегодник (Jahrbuch 2013) под названием «Das Deutsch der Migranten» («Немецкий язык мигрантов») [3], в котором подвел итоги некоторых своих проектов, выполненных в рамках названного направления. Институт немецкого языка выпустил ранее также ряд работ, посвященных развитию названной проблематики, в частности, в 2011 г. вышел в свет том 57 из серии «Studien zur deutschen Sprache» под названием «Sprache und Integration. Über Mehrsprachigkeit und Migration» [7]. Данная работа посвящена изучению языка мигрантов, процессов их интеграции в немецкое общество.

Кроме того, большой общественный резонанс вызвала книга потсдамского профессора Хайке Визе под названием «Kiezdeutsch – ein neuer Dialekt entsteht» [9], в которой автор осмелился высказать предположение, что особый язык мигрантов *Kiezdeutsch* является не чем иным как новым немецким диалектом, приводя свои научные подтверждения этого факта, что вызвало довольно бурную дискуссию в обществе и поставило названную проблему в ряд самых актуальных.

Следует отметить, что названные тенденции определенное время замалчивались, а одной из главных причин этого автор вышедшей в 2013 г. и также нашумевшей книги на эту тему «Немецкий язык МУЛЬТИ КУЛЬТИ» профессор Лейпцигского университета Уве Хинрихс считает немецкую политкорректность («ein Faktor der Political Correctness»), которая сделала свое дело [5: с. 18]. У.Хинрихс обвиняет ученых-лингвистов в том, что они, якобы, не замечали влияние языка мигрантов на немецкий язык, так как это могло бы быть расценено как попытка дискриминации мигрантов и враждебности по отношению к иностранцам (Ausländerfeindlichkeit), с чем Германия не хотела бы ассоциироваться как демократическое государство, член единой Европы [5]. Лингвисты, таким образом, не занимались исследованием влияния языка мигрантов на современный немецкий язык, а по большей части анализировали процессы их языковой адаптации, сложности интеграции в общество. Некоторые работы были посвящены изучению языка отдельных мигрантских групп – турецкой, арабской и русскоязычной молодежи, а также вопросу смены кода или смешения кодов в языке мигрантов (code-switching, code-mixing), т.е. перехода в процессе коммуникации от одной разновидности языка к другой или их смешению [6].

¹ Данные получены из электронного ресурса. Режим доступа: news.mail.ru/politics/15277573/?frommail=1

Особое место в научных трудах по социолингвистике в Германии в последнее время занимал весьма дискуссионный вопрос – чем же является немецкий язык мигрантов (*Kiezdeutsch*, *Kanak Sprak*, *Ghettodeutsch* и др.) – новым диалектом, этнолектом, социальным стилем или же социальной разновидностью немецкого языка – социолектом? На этот счет ученые высказывают различные точки зрения, порой противоположные. Так, Петер Ауэр в своей статье «*Ethnische Marker im Deutschen zwischen Varietät und Stil*» [2] находит в немецком языке мигрантов первичные этнические маркеры, свидетельствующие о принадлежности к определенной этнической группе (турки, арабы или др.), а также черты полиэтнического стиля [2: с. 16–17], т.е. языковые маркеры, которые используются выходцами из различных стран, однако, П. Ауэр не приходит к однозначному мнению, чем же является немецкий язык мигрантов, хотя он больше склонен считать его этнолектом. По его мнению, это может быть либо социальная разновидность немецкого языка (*soziale Varietät*), либо социальный стиль (*sozialer Stil*, *soziale Sprechweise*).

Более четкую и однозначную позицию занимает вышеупомянутая Хайке Визе, которая считает немецкий язык мигрантов *Kiezdeutsch* вновь нарождающимся *мультиэтническим, урбанистическим диалектом* немецкого языка [8: с. 42; 9]. Слово *Kiez* обозначает в берлинском диалекте место проживания мигрантов, своеобразное городское гетто со своими правилами и обычаями. Х. Визе рассматривает понятие диалекта в более широком смысле, т.е. диалект, по ее мнению, имеет горизонтальные и вертикальные характеристики и охватывает не только территориальные, но и социальные параметры [8: с. 43]. В качестве аргумента отнесенности *Kiezdeutsch* к мультиэтническому диалекту она, в том числе, приводит статистику 2010 г., согласно которой в крупных городах фактически каждый второй несовершеннолетний ребенок растет в семье с мигрантским прошлым и использует этот язык для общения, в связи с чем данное явление нельзя рассматривать как маргинальное [8: с. 41]. По мнению Х. Визе, в немецком языке появляется *мультиэтническая разновидность диалекта*, так как *Kiezdeutsch* вовсе не является языком общения одних турков или арабов, а выступает, скорее всего, как разговорная разновидность, не связанная только лишь с этническими группами, поскольку она мультиэтнична по своей сути. Х. Визе отграничивает *Kiezdeutsch* от социолектов, так как он охватывает не только представителей какой-либо одной социальной группы, а разные слои населения и различные мигрантские группы, причем не обязатель-

но низкооплачиваемых мигрантов, а вполне успешную немецкую молодежь.

Некоторые ученые рассматривают немецкий язык мигрантов как особую форму проявления языка молодежи, поскольку этот язык использует, как правило, возрастная группа молодежи для общения между собой [6: с. 390].

При всем терминологическом разнообразии в немецкой германистике по отношению к мигрантскому языку (*Kiezdeutsch*, *Kanak Sprak*, *Ghettodeutsch*, *Gastarbeiterdeutsch*, *Pidgin-Deutsch*) ученые высказывают ряд общих черт, типичных для его проявления на различных языковых уровнях. Приведем наиболее типичные его особенности:

На фонетическом уровне:

– фонетическая редукция некоторых звуков: использование [s] вместо [ts]:

– замена Ich-Laut на [ʃ]: *Isch, misch* вместо *ich, mich*;

– ассимиляция звуков там, где она обычно отсутствует: *ich schwör (ischwör)*;

– замена глухих согласных на звонкие [b,d,g] (im Auslaut): *Tag, Weg*;

– использование переднеязычного [R] в начале слова и слога.

– монофтонгизация дифтонгов и др.

На грамматическом уровне:

– выпадение артикля: *Ich kauf _ Auto; Hast du _ Handy?*

– выпадение предлога: *Ich kauf _ EDEKA* вместо *Ich kauf bei EDEKA; Ich gehe _ Schule*.

– выпадение копулы: *Museum _ weit weg*.

– замена артикля: *Ich frag mein Schwester*.

– предпочтение глагола *machen*: *Ich mach dich Messer* вместо *Ich ersteche dich; Ich mach dich Krankenhaus* вместо *Ich schlage dich zusammen*.

– неправильный порядок слов: *Hab ich gesehen mein Kumpel gestern*.

– неверная форма глагола: *gefahren* от *fahren* – *gefahren*.

– неверное множественное число: *Spiegeln, Apfeln* и др. [5: с. 211].

На лексическом уровне:

– интеграция новых слов из языков мигрантских групп: *lan* (*Alter, Kumpel, Kerl*) – из тюркского: *Isch will mit dir spielen, lan* [7: с. 44].

– использование новых вспомогательных слов (*Funktionswörter*), например, *lassma (lass uns mal)* для обозначения различных действий: *lassma Moritzplatz aussteigen*.

– использование большого количества прилагательных и наречий типа *krass, konkret* и *korrekt: krass geile alte Tuss*.

– использование различных интенсификаторов, оценочных слов, а также семантически пустых

слов, например, *voll*: *Gestern das war voll der cool Film; Ein voll schöner Mann (ganz)*.

– специфическое использование фразеологизмов – в несколько измененном виде: *Nicht mehr alle Tassen im Kopf* вместо *Nicht alle Tassen im Kopf*; этот процесс затронул также пословицы: *Wer im Glashaus ist, sollte nicht mit Steinen schmeißen* вместо *Wer im Glashaus sitzt, soll nicht mit Steinen werfen* [5: с. 267] и др.

По мнению Уве Хинрихс, некоторые языковые особенности мигрантского языка, в том числе и названные выше, оказывают влияние на немецкий язык в системном плане, что вызывает у ученого определенную озабоченность. В качестве доказательства он приводит статистические данные опросов, в соответствии с которыми 84 % немцев в последние годы отмечают изменения в собственном родном языке, а третья часть носителей немецкого языка связывает это с влиянием языка мигрантов [5: с. 9].

К наиболее ярким проявлениям влияния языка мигрантов на немецкий язык, имеющим системный характер, У.Хинрихс относит, например, неустойчивость падежной системы и постепенное отмирание родительного падежа (Genitiv); отсутствие окончаний и нулевое окончание, упрощение синтаксической структуры предложения, нарушение порядка слов и другие явления. По мнению ученого, эти изменения в немецком языке связаны с влиянием языков этнических групп, в которых есть аналогичные особенности [5].

Следует отметить, что некоторые этнические языковые особенности мигрантского языка получили статус *этнических стереотипов*, получивших распространение через печатные средства массовой информации и телевидение. В этом случае происходит стилизация особенностей языка мигрантов в фильмах, в текстах песен, в юмористических телевизионных передачах и т.д. Данное явление П. Ауер называет признаком вторичного этнического стиля [2: с. 15.], т.е. когда некоторые языковые особенности становятся широко известными в обществе. Приведем пример такого, довольно известного стилизованного мигрантского текста с соответствующими языковыми маркерами, а именно в форме пересказа сказки *Schneewittchen* («Белоснежка») из книги *Sprachführer «Kanakisch-Deutsch»*, на которую ссылается в своей работе и П. Ауер [2: с. 15]:

Es war ma ein krass geile alte Tuss, dem hatte Stiefkind. Dem alte Tuss hat immern in seim Spiegeln geguckt un dem angelabert: Spiegeln, Spiegeln an scheissndreck Wand, wem is dem geilste Tuss in Land? Du selbern, isch schwör!, hat dem Spiegeln gesagt. Un weil dem Spiegeln geschwört hat, hat dem dem geglaubt. Abern an eim Tag hat dem

scheissndreck Spiegeln gesagt, dass dem Stieftochthern geilern is. Dem alte Tuss hat eim Typ angelabert un hat gesagt: Fahr mit dem Arschloch-Balg in Wald un stesch dem ab, Alder! Dem Typ hat dem net gemacht, sondern hat dem Balg nur aus Auto geschmeisst. Dann is dem Balg losgelatscht un hat eim süse Haus gesehn un is rein un hat da gepennt. An Abend sin dem siebn krasse Swerge gekommen, wo dem Haus gehört un ham gesagt: Ey geil, Aldern, was fur oberngeile Tuss, kuck ma wie geil dem aussieht. Dem ham am nächstem Morgen dem Tuss gesagt, dass dem da bleiben kann, weil dem obernkraass geil fett aussieht! Dann sin auf Arbeit gefahrt. Da kam dem alte Tuss an Haus vorbei un hat dem Balg einem krass genmanipulierte Apfeln gegeben. Dem hat dem gegessen un is tot umgefallen, isch schwör! Als dem Swergen von Arbeit gekommen sin, ham die dem Balg in dem geilgetiefert 3ern Cabrio geschmeisst un sin Klinik gefahrt. Weil dem Swergen geheizt sin wie Arschnlöchern, is dem Balg krass schlecht geworden un hat korrekt auf Ledernsitze gekotzt, Alder! Un isch schwör, dem hat wieder gelebt!

В приведенном фрагменте с определенной целью использованы многие языковые особенности немецкого языка мигрантов, в том числе и их ошибки, что придает всему тексту юмористический смысл.

Стилизация подобного рода известна нам и в русском языке. Так, еще с советских времен мы помним стилизацию грузинского акцента в СМИ и в быту, а в настоящее время, когда в России, прежде всего, в Москве увеличилось количество мигрантов из Средней Азии и других регионов, то в средствах массовой информации стал тиражироваться среднеазиатский акцент и образ среднеазиатского мигранта, например, в юмористической телевизионной передаче «Наша Раша» он представлен гастарбайтерами, которых зовут Джамшут и Равшан.

Отечественный лингвист М.Г. Лебедько считает, что появление этнических стереотипов может создавать культурную предвзятость и приводит к межкультурным конфликтам. Однако автор считает, что в процессе коммуникации все же возможна дестереотипизация и не исключена возможность перехода от этнических стереотипов к общей идентичности [1: с. 72–73].

Хотя мигрантская проблематика является в России одной из самых актуальных, затрагивающих вопросы социального, социокультурного, политического плана, тем не менее, языковых научных работ в этом направлении довольно мало. Между

² Электронный ресурс. Режим доступа: http://autsch.de/jokes/menschen/43306_kennst_du_schneewittchen_auf_trkisch_wenn_nicht_dann_mach_disch_krass_beit_alder/

тем важность исследования данной тематики не подлежит сомнению.

Таким образом, на примере немецкого языка можно пронаблюдать довольно серьезное влияние процесса глобализации и миграции на языковое развитие. Это доказывают проведенные в этом направлении исследования немецких ученых. Поскольку данный процесс в полном разгаре, то трудно предположить, насколько изменится немецкий язык через 20–30 лет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лебедько, М.Г. Переход от этнических стереотипов к общей идентичности в межкультурном контексте / М.Г. Лебедько // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2010. – № 2 (26). – С. 68–74.

2. Auer, P. Ethnische Marker im Deutschen zwischen Varietät und Stil / P. Auer // Das Deutsch der Migranten. – Berlin, Boston: Walter de Gruyter, 2013. – S. 9–40.

3. *Das Deutsch der Migranten*. Jahrbuch des Instituts für deutsche Sprache 2012 / Das Deutsch der Migranten. – Berlin, Boston: Walter de Gruyter, 2013. – 404 s.

4. Eichinger, L. Sprachliche Vielfalt und gesellschaftliche Diversität / L. Eichinger // Das Deutsch der Migranten. Vorwort. – Berlin, Boston: Walter de Gruyter, 2013. – S. I–XIII.

5. Hinrichs, U. Multi Kulti Deutsch. Wie die Migration die deutsche Sprache verändert / U. Hinrichs. – München: Verlag C.H.Beck, 2013. – 294 s.

6. Keim, I. Deutsch-türkischer Mischcode in einer Migrantinnengruppe: Form von «Jugendsprache» oder soziolektales Charakteristikum? / I. Keim, I. Cindark // Jugendsprachen – Spiegel der Zeit. – 2001. – S. 377–393.

7. *Sprache und Integration*. Über Mehrsprachigkeit und Migration / Studien zur deutschen Sprache. Bd. 57. – Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag, 2011. – 253 s.

8. Wiese H. Das Potenzial multiethnischer Sprechergemeinschaften / H. Wiese // Das Deutsch der Migranten. Jahrbuch des Instituts für deutsche Sprache 2012. – Berlin, Boston: Walter de Gruyter, 2013. – С. 41–58.

9. Wiese, H. Kiezdeutsch – ein neuer Dialekt entsteht / H. Wiese – München: Verlag C.H.Beck, 2012. – 280 s.

ЗАИМСТВОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ГАЗЕТНО-ЖУРНАЛЬНОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

В.В. Фёдоров

Фёдоров Виталий Викторович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой перевода и восточных языков Камчатского государственного университета им. Витуса Беринга (г. Петропавловск-Камчатский).

Контактный адрес: vvyodorov@mail.ru

Данная статья посвящена исследованию особенностей функционирования заимствований в современной китайской газетно-журнальной публицистике на английском языке, разделенные на две группы: а) языковые единицы, не содержащие какой-либо особой «китайской» семантики; б) высокочастотные заимствования, формируемые в китайской публицистике, которые не регистрируются крупными лексикографическими источниками, фиксирующими динамику развития общенационального английского языка. Дальнейшее рассмотрение содержательно-функциональных характеристик газетно-публицистических ориентализмов позволяет выделить ориентализмы-алиенизмы (языковые единицы, называющие заимствованные понятия и ключевые концепты китайской культуры, перемещённые из китайского языка в английский и соответствующие основным критериям полной ассимиляции слова) и ориентализмы-экзотизмы (лексические единицы, не ассимилированные в английский язык, как правило, воспроизводящие только фонографическую форму единицы языка-источника).

Ключевые слова: англоязычная газетно-журнальная публицистика КНР, заимствования, ориентализмы, ориентализмы-алиенизмы, полные ориентализмы-алиенизмы, публицистические ориентализмы-алиенизмы, ориентализмы-экзотизмы.

В настоящее время английский язык занимает особое место в числе национальных языков как по количеству говорящих, так и по территории распространения. Языковеды отмечают, что он получил беспрецедентное распространение на всей планете и «стал средством выражения культур многих регионов мира» [9: с. 111]. Одним из перспективных направлений исследований в области функционирования английского языка в качестве мирового является изучение отдельных функциональных регистров речи, в которых он активно задействуется представителями неанглоязычных народов.

В данной работе рассматривается частный вопрос, связанный с языковым оформлением газетно-журнальной публицистики КНР на английском языке, – функциональные характеристики используемых в ней заимствований.

Анализ популярных китайских англоязычных газет «China Daily» и «Global Times» позволяет сделать вывод о том, что языковые единицы фактологического характера, встречающиеся в их составе, могут быть разделены на две группы: 1) *единицы, не содержащие, какой-либо особой «китайской» семантики*, передающие традиционным для газетно-журнальных публикаций на английском языке способом содержание, соотносимое с реалиями англоязычных стран или других стран мира; 2) *национально-маркированные единицы*, передающие содержание реалий, характерных для жизни КНР.

В качестве примеров языковых единиц первой группы могут быть названы: *Monday, ninety-one percent, USA, ministry spokesman, Parliament, vice-president, one-quarter, joint military drills, nuclear-*

powered aircraft carrier, navy, etc. Ко второй, очевидно, могут быть отнесены: *chopsuey, chow mein, fan-tan, ginkgo, gung ho, kaolin, kumquat, nankeen, oolong, sampan, shanghai, Shinto, etc.* Правомерен вопрос о лингвистическом статусе единиц второй группы и их принципиальных отличиях от лексики первой группы. Очевидно, во втором случае создатель текста на английском языке вынужден подыскивать адекватные языковые средства для передачи уникальных реалий, характерных для жизни КНР, перенося элементы одного языка в другой. Закономерно предположить, что единицы подобного рода представляют собой заимствованные слова.

Как отмечает З.Г. Прошина: «Несмотря на очевидную актуальность проблем, связанных с языковыми контактами, и интерес исследователей к их истории, современному состоянию, тенденциям развития, результатам, в том числе заимствованиям, широко дискутируемым в лингвистической литературе, многие из этих вопросов ещё не получили однозначного решения. Так, до сих пор не существует единства по поводу содержания самого термина «заимствование»; не разработана классификация и типология, нет систематического описания процесса их появления, адаптации и функционирования в языке» [6: с. 179]. Один из ведущих отечественных лингвистов в области заимствованной лексики Л.П. Крысин полагает, что при объективно-научном подходе заимствование можно рассматривать как процесс перемещения элементов одного языка в другой в результате культурно-языковых контактов [5: с. 18]. И.Г. Добродомов, в свою очередь, определяет заимствование как ре-

зультат этого процесса [3: с. 158]. На лексическом уровне таким результатом является слово, имеющее значение, передающее понятие об инокультурной реалии, и звуковую форму, близкую к соответствующей форме языка-источника. В отечественной лингвистике результат заимствования иногда называют – алиенизмом [2: с. 62].

Проблемы восточных заимствований в английском языке рассматриваются в незначительном количестве работ, преимущественно, зарубежных исследователей [10; 11; 18; 22; 23]. В отечественном языкознании данной проблемой занимается З.Г. Прошина, которая предлагает использовать вместо слова «заимствование» термин «ориентализм», под которым понимается слово с национально-культурным компонентом значения, называемое заимствованные понятия и ключевые концепты восточноазиатской (китайской, корейской и японской) культуры [6: с. 182]. Таким образом, отмечает исследователь, термин «ориентализм» оказывается объёмнее термина «заимствование», поскольку не каждый ориентализм представляет собой алиенизм, но каждое заимствованное из восточноазиатских языков слово является ориентализмом. С другой стороны, при сравнительном анализе других языков термин «заимствование» может быть шире термина «ориентализм», поскольку заимствованные понятия относятся не только к восточноазиатским культурам.

Особого внимания заслуживает вопрос о принадлежности таких единиц к словарному составу языка. В.В. Кабакчи отмечает, что при разработке словаря языка межкультурного общения «невозможно обойтись без объективного критерия отнесения той или иной языковой единицы к словарю языка общения» [4: с. 16]. В качестве такого объективного критерия исследователь предлагает избрать современный толковый словарь, который фиксирует запас слов на данном историческом этапе развития языка. По мнению В.В. Кабакчи, толковый словарь современного английского языка является объективным критерием регистрации его словарного состава; появление слова в словаре английского языка естественным образом становится признанием статуса данного слова как словарной единицы английского языка [4: с. 16].

В рамках настоящей работы определение статуса ориентализмов осуществлялось по таким авторитетным лексикографическим источникам, как: «Longman Dictionary of English Language and Culture», «Random House Webster's Unabridged Dictionary», «The American Heritage Dictionary of the English Language». Статус исследуемой языковой единицы устанавливался в зависимости от её регистрации одним, несколькими или не одним из перечисленных источников.

Полученные результаты позволяют предположить, что основная языковая специфика современной китайской англоязычной газетно-журнальной публицистики связана с наличием значительно большего, по сравнению со своим англо-американским аналогом, числа ориентализмов, обладающих вариативным характером функционирования, среди которых можно выделить две группы: 1) *ассимилированные ориентализмы*; 2) *ориентализмы-экзотизмы*.

К первой группе относятся языковые единицы, называемые заимствованные понятия и ключевые концепты китайской культуры, перемещённые из китайского языка в английский в результате культурно-языковых контактов и соответствующие основным критериям полной ассимиляции слова: уподобление звуковой и морфологической системе заимствующего языка, сочетаемость с другими словами заимствующего языка, широкое употребление в разных стилях речи и т.д. [6: с. 190]. «Random House Webster's Unabridged Dictionary» и «The American Heritage Dictionary» включают в данную группу такие полностью ассимилированные в английском языке лексемы как: *tea, ketchup, kowtow, gung ho, Japan, typhoon, ginseng, pekoe, chopstick, shanghai, etc.* [20; 21].

Например, слово *tea* было заимствовано в английский язык в период с 1570 по 1639 гг., когда этот напиток стал широко использоваться в разных странах мира. Современная английская форма происходит от голландской формы *thee* (*t'e*), китайская форма – *cha*. Слово *tea* по праву считается полностью ассимилированным в английском языке ориентализмом, поскольку, наряду со звуковой и грамматической адаптацией, развило ряд самостоятельных значений, активно сочетается со словами заимствующего языка, является компонентом различных производных, подчиняясь при этом законам словообразования принимающего языка (*teabag, teapot, tea-and-cake party, etc.*), становится компонентом фразеологизмов. Словарь «Longman» даёт следующие значения этого слова: 1) горячий напиток коричневого цвета, приготовляемый путём заваривания в кипятке специально отобранных листьев; 2) листья азиатского кустарника, выращенные, высушенные и измельчённые особым способом для приготовления чайного напитка; 3) чашка чая; 4) британская трапеза, небольшой приём пищи, полдник после полудня; 5) любой травяной напиток, бульон, отвар. Кроме этого даётся ряд идиом: 6) *not for all the tea in China* – разг. способ выражения несогласия (ни за какие деньги, ни за что на свете); 7) *tea and sympathy* – выражение внимания и участия, искренних по своей сути; 8) *more tea, vicar?* – шутол. выражение, используемое в том случае, если кто-либо совершил что-то приводящее в замешательство

или шокирующее; 9) *one's cup of tea* – интересующий предмет [19: с. 1382]. Словарь «Random House Unabridged» добавляет к этому перечню значение «приём гостей», а также сленговое значение «марихуана, наркотик», а «The American Heritage Dictionary» предлагает ещё одно значение – «чайная роза» и фиксирует фразеологическую единицу *tempest/storm in a teacup/teapot* – буря в стакане воды.

Как отмечает М.Н. Терёхина, интересно то, что сами китайцы удивляются, что такое распространенное и ассоциируемое с западной кухней слово как *ketchup* является китайским по происхождению [8]; из фуцзяньского диалекта, где оно означало «томатный сок», это слово пришло в малайский диалект, а затем было заимствовано в английский язык. Словарь «Longman» даёт одно значение данной единицы в современном британском варианте английского языка – «томатный соус» [19: с. 720]. Во всех случаях слово *ketchup* использовалось в анализируемых газетно-журнальных материалах как однословная самостоятельная единица, либо как компонент двухсловного сочетания, выполняющего номинативно-понятийную функцию: *'It's never too hot to slurp spicy ketchup'* (заголовок в анонсе новостных материалов газеты Global Times) [17: с. 3]; *'Michelin-starred chef Eros Picco from Italy has just finished his visit at the Renaissance Beijing Capital Hotel, but there's still a chance to taste one of his favorite stakes served with ketchup'* [12: с. 15].

Заимствование *kowtow* имеет в современном английском языке в качестве глагола два значения: (1) раболепствовать, подлизываться и (2) низко кланяться [19: с. 730]. От данного заимствования путём конверсии образовалось существительное *kowtow* – «земной поклон, выражение глубочайшего уважения, подобострастия», а также существительное *kowtower*, образованное путём суффиксации: *'Strauss-Cann's lawyers chose to kowtow to American jurisdiction and allowed to arrest their fosterling'* [15: с. 7]; *'He is known as the kowtower to big transatlantic corporations'* [13: с. 17].

Анализируя заимствованную лексему *japan* – «чёрный японский лак для покрытия различных изделий», М.А. Астафьева отмечает, что от неё в английском языке образовалось прилагательное со значением «имеющий свойства лака / относящийся к данному виду лака» [1: с. 155]. В анализируемых текстах китайской англоязычной газетно-журнальной публицистики данная единица встретилась два раза: *'The show presented some American new japping cars for business and recreation goals'* [14: с. 5], что доказывает меньшую частоту её употребления в этом случае.

Столь же незначительными по своему употреблению оказываются и другие языковые единицы, регистрируемые «Longman Dictionary of English

Language and Culture», «Random House Webster's Unabridged Dictionary» и «The American Heritage Dictionary of the English Language».

Анализ языкового материала позволяет предположить, что гораздо большее распространение в языке китайской англоязычной газетно-журнальной публицистики получают такие ориентализмы общественно-политической и социально-культурной тематики, как: *guanxi* «личные связи, коррупция в широком смысле слова», *gaokao* «общенациональный экзамен, сдаваемый для поступления в учреждения высшего образования», *cumshaw* «ист. чаевые, в современном значении – подарок, выражение благодарности, злоупотребление служебным положением», etc. Указанные лексемы преимущественно используются на страницах китайских англоязычных изданий в своём основном номинативном значении: *'Guanxi is an important commercial criteria for SMEs to gain leverage; wining and dining provides a forum for them to build relationships especially with banks,», said Alex Newman, who co-authored the study with Alessandra Guariglia and Jun Du'* [13 с. 20]; *'I was surprised when my mother suggested that I should study abroad because I was preparing for the next year's gaokao», she said.'* [16: с. 7]. «Longman Dictionary of English Language and Culture», «Random House Webster's Unabridged Dictionary», «The American Heritage Dictionary of the English Language» не регистрируют данные единицы, притом что частотность их употребления в газетно-журнальном тексте значительно превышает показатель встречаемости ориентализмов типа *tea*. В тоже время их можно обнаружить в специализированных лексикографических источниках, регистрирующих только определённый круг языковых единиц, сознательно ограниченный их разработчиками. Одним из таких источников является англо-русский контактологический словарь восточноазиатской культуры «Перекрёсток», в который включает англоязычные заимствования реалий Китая, Кореи и Японии, а также слова, отражающие взаимоотношения носителей английского языка с народами стран Восточной Азии [7]. Специализированный характер функционирования таких ориентализмов также обусловлен их преимущественно общественно-политической и социально-экономической семантикой.

Сказанное позволяет выделить два типа ассимилированных ориентализмов, используемых в англоязычной газетно-журнальной публицистике Китая. К первому типу будут относиться *неспециализированные ориентализмы* – лексические единицы, заимствованные из китайского языка в английский, преимущественно общей семантики, регистрируемые большинством толковых словарей и соответствующие основным критериям полной ассимиля-

ции слова, а ко второму – *специализированные ориентализмы* – лексические единицы, заимствованные из китайского языка в английский, преимущественно, общественно-политической и социально-экономической семантики, соответствующие основным критериям полной ассимиляции слова, не регистрируемые большинством толковых словарей, но обнаруживаемые в специализированных лексикографических источниках.

Кроме этого, в исследуемом материале обнаруживается группа *ориентализмов-экзотизмов* – лексических единиц, не ассимилированных в английский язык, как правило, воспроизводящих только фонографическую форму единицы языка-источника. Такие единицы, не закреплённые в языке, функционируют в текстах в редких, окказиональных употреблениях.

Способы выделения в англоязычном тексте малоассимилированных заимствований описаны в работах многих лингвистов. Например, как В.В. Кабакчи, так и З.Г. Прошина отмечают, что маркерами заимствований в англоязычном тексте могут быть графические и лексические средства, такие как: курсив, с сопровождением объяснительной глоссы, вводимой союзом *or*, бессоюзно или при помощи лексических оборотов (*so*) called, known as, referred to as, what (we) call..., a sort of, a kind of, etc.; курсив, круглые скобки, с сопровождением синонима; курсивная форма с тавтологическим повтором родового имени; кавычки; прописные буквы [6: с. 191; 4: с. 19].

При разграничении ассимилированных ориентализмов и ориентализмов-экзотизмов наличие курсива, кавычек, круглых скобок и пояснений не является основополагающим критерием. В газетно-журнальном тексте языковые единицы, входящие в эти группы заимствований, могут оформляться, абсолютно по-разному, в зависимости от того, насколько автор текста желает подчеркнуть тот факт, что они не являются английскими по своему происхождению. Например, специализированный ассимилированный ориентализм *gaokao* в одном случае оформляется без курсива, кавычек, круглых скобок или пояснений: *'Dashed gaokao dreams weigh upon a generation'* (заголовок к комментарию) [15: с. 5], в другом случае оформляется при помощи курсива и сопровождается пояснительной глоссой: *'The Ministry of Education said 840,000 high school students declined to sit for the national exam, or gaokao, this year and among them, 21.1 percent plan to study abroad'* [16: с. 17], в третьем – только посредством курсива: *'Like every gaokao taker, Liang would wake up early in the morning and not get to sleep until late at night to prepare for the comprehensive test'* [15: с. 15].

Очевидно, основными критериями для включения ориентализма в группу ассимилированных ориентализмов являются такие показатели, как его высокая частотность и самостоятельность употребления в определённой части текстовых материалов без специального оформления (курсив, скобки, кавычки, какие-либо сопроводительные элементы пояснительного характера), свидетельствующая о потенциальной узнаваемости его значения носителями английского языка.

Ориентализм-экзотизм в этом случае характеризуется такими признаками, как низкая, преимущественно окказиональная, встречаемость, невозможность самостоятельного употребления без специального графического оформления, обязательное наличие сопроводительных языковых элементов, носящих пояснительный характер, которые зачастую создают особый тип объяснительного контекста в газетно-журнальной публикации, как, например, в нижеследующей выдержке из газетной статьи, в которой объясняется значение китайского слова *zhunan* «мужчина, любящий готовить»:

'I never knew I was fashionable. Not until I got an e-mail telling me I was.

It said, «Are you aware of the term 'zhunan'? You have become one of the most fashionable men in China. Your wife must be very pleased».

Well, Ellen's always very pleased, but I was none the wiser, so I asked for an explanation.

«Oh, it refers to men who love cooking, because 'zhu' is a universal word in Cantonese for cooking and 'nan' means man. Most of these zhunan are born in the 1980s, who are passionate about cooking and uploading pictures, recipes, discoveries of good restaurants and having their blogs or some cooking BBS. There's a new slogan among young girls: If one has to marry, then one must marry a zhunan!» [12: с. 23].

Всё сказанное позволяет сделать вывод о том, что для языка китайских англоязычных газетно-журнальных публикаций характерно широкое использование различных по структуре и степени ассимиляции в английском языке ориентализмов, большая часть которых встречается в языке газетно-журнальных публикаций по причине актуализации ими номинативной функции речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астафьева, М.А. Комбинаторный аспект и словообразовательная продуктивность китайских заимствований в американском варианте английского языка [Электронный ресурс] / М.А. Астафьева. – Режим доступа: <http://litmisto.org.ua/?p=8833> (дата обращения 27.01.2014).
2. Берков, В.П. Двухязычная лексикография / В.П. Берков. – СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1996. – 247 с.
3. Добродомов, И.Г. Заимствование / И.Г. Добродомов // Лингвистический энциклопедический словарь ; гл. ред.

- В.Н. Ярцева. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 158–159.
4. Кабакчи, В.В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации / В.В. Кабакчи. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1998. – 232 с.
 5. Крысин, Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке / Л.П. Крысин. – М. : Наука, 1968. – 208 с.
 6. Прошина, З.Г. Английский язык и культура народов Восточной Азии / З.Г. Прошина. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. – 467 с.
 7. Прошина, З.Г. Перекрёсток: Англо-русский контактологический словарь восточно-азиатской культуры / З.Г. Прошина. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. – 580 с.
 8. Терёхина, М.Н. Китайские заимствования в английском языке [Электронный ресурс] / М.Н. Терёхина. – Режим доступа: <http://maestro-news.ru> > news/ китайские-заимствования-в-английском-языке (дата обращения 27.01.2014).
 9. Хохлова, И.Н. Понятие «вариант языка» и особенности его вербализации в лексикографических источниках / И.Н. Хохлова // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2011. – № 4 (32). – С. 111–115.
 10. Cannon, G. Chinese Borrowings in English / G. Cannon // *American Speech: A Quarterly of Linguistic usage.* – 1988. – Vol. 63 (1). – С. 3–33.
 11. Chang, M. A Study of Lexical Borrowings from Chinese into English with Special Reference to Hong Kong / M. Chang, H. Kwok – Hong Kong: University of Hong Kong Centre of Asian Studies, 1985. – 144 с.
 12. *China Daily.* / Daily edition, Beijing, July 10, 2010.
 13. *China Daily.* / Daily edition, Beijing, July 27, 2010.
 14. *China Daily.* / Daily edition, Beijing, July 29, 2010.
 15. *Global Times.* / Weekly edition, Beijing, July 10, 2010.
 16. *Global Times.* / Weekly edition, Beijing, July 15, 2010.
 17. *Global Times.* / Weekly edition, Beijing, August 18, 2011.
 18. Knowlton, E.C. Chinese, Japanese, and Korean Loanwords in «Webster's Third» / E.C. Knowlton. // *American Speech.* – New York, 1970. – Vol. 4 (1). – С. 8–29.
 19. Longman Dictionary of English Language and Culture. – New Ed., Addison Wesley Longman, 1998. – 1586 с.
 20. Random House Webster's Unabridged Dictionary. – Second Ed., Random House Reference, New York, Toronto, London, Sydney, Auckland, 2001. – 2230 с.
 21. The American Heritage Dictionary of the English Language. – Fourth Ed., Houghton Mifflin Company, 2003. – 2000 с.
 22. Wang, Y. Loanwords or Foreignisms? / Y. Wang // *English Today* 60. – Cambridge University Press. – 1999. – Vol. 15, № 4 (October 1999). – С. 55–58.
 23. Warren, N. Four Centuries of Japanese in English: A Brief Historical Outline of Lexical Borrowings / N. Warren // *Fukuoka Women's Junior College Studies.* – 1993. – С. 9–24.

РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ В ТРАДИЦИОННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Е.Б. Чернышова

Чернышова Елена Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания в начальных классах Борисоглебского государственного педагогического института, докторант Института языкознания РАН.

Контактный адрес: elena-chernishova@yandex.ru

Статья посвящена анализу развития представлений о языковом сознании в классической лингвистике. Выделяется несколько уровней осмысления данной проблемы. На метафорически-образном уровне категория языкового сознания применяется чисто иллюстративно. Операциональный уровень предполагает, что данное понятие отражает определенные стороны языковой и внеязыковой реальности, являясь вспомогательной категорией. Концептуальный уровень осмысления связан с попыткой выявить сущностные черты языкового сознания как самостоятельного феномена.

Ключевые слова: языковое сознание, уровни осмысления, сознание, язык, психологический и структурный подходы к пониманию языкового сознания.

В современных исследованиях, посвященных проблеме сознания и языка, широко применяется термин «языковое сознание». В подавляющем большинстве случаев оно используется описательно, метафорически, как нечто само собой разумеющееся и не требующее специальных разъяснений.

Анализ исследований, так или иначе раскрывающих проблему языкового сознания, позволил выделить несколько уровней осмысления данного понятия (метафорически-образный, операциональный, концептуальный). Низший – это метафорически-образный, где категория применяется чисто иллюстративно. Следующий (операциональный) уровень – это уровень осмысления, когда мысль исследователя фиксируется на отдельном конкретном действии или признаке изучаемого объекта. При этом некоторые из операциональных признаков объекта могут артикулироваться при его описании, другие игнорироваться как нерелевантные.

Далее идет философско-методологический (концептуальный) уровень понимания, связанный с ответом на вопрос о природе и сущности языкового сознания. В языкознании учение о языковом сознании восходит к лингвофилософской концепции В. фон Гумбольдта и развивается далее в трудах представителей психологического направления в языкознании Г. Штейнтала, А.А. Потебни, в идеях И.А. Бодуэна де Куртенэ, Ф.Ф. Фортунатова, А.А. Шахматова, Л.В. Щербы, работах О.А. Ахмановой, Г.В. Ейгера и других современных лингвистов.

Первым термин «языковое сознание» применил В. фон Гумбольдт, который писал: «Язык в своих взаимозависимых связях есть создание народного языкового сознания» [8: с. 396–397]. Идея языкового сознания разрабатывалась В. фон Гумбольдтом в двух аспектах: 1) как психический процесс, происходящий в сознании индивида; 2) как общественное явление. Индивидуальное в языковом сознании – это

способность сознания в определенной степени рефлексировать при речеобразовании над адекватностью претворения мысли в слово. Коллективное в языковом сознании – это способность рефлексии языкового коллектива над способами оформления неязыкового материала в языке. Язык рассматривается ученым как главная деятельность национального духа. В понятие «национальный дух» у В. фон Гумбольдта входит психический склад народа, образ его мыслей, философия, наука, искусство и литература. Он считал, что «дух народа» и язык настолько тесно связаны друг с другом, что если существует одно, другое можно вывести из него [7].

Ученик В. фон Гумбольдта Г. Штейнталь, в отличие от своего учителя, считал язык исключительно индивидуально-психическим образованием и механизм индивидуальной речевой деятельности понимал так: «Мы должны ясно различать три момента, действующие при говорении: органическую механику, психическую механику и подлежащее выражению...понятийное или мировоззренческое содержание. Цель речи есть представление и отображение содержания с помощью психической и органической механики» [26: с. 483]. Исследуя сознание народа (дух народа), Г. Штейнталь рассматривал его исключительно через дух индивида. Дух народа характеризуется следующим: во-первых, он пребывает в индивидах и, следовательно, не имеет самостоятельного бытия, в нем происходят те же процессы, что и в духе индивида [21]. При этом язык является выражением самосознания и мировоззрения духа целого народа, подобно тому, как язык индивида является выражением и мерилom индивидуального духа.

Если в работах Г. Штейнтала представлен лингвистический психологизм в его классической форме, то в теории языка В. Вундта выражены философско-психологические взгляды ученого. Необ-

ходимо отметить, что изыскания В. Вундта в области философии языка являются составной частью его теории о психологии народов, в которой раскрываются проблемы взаимосвязи психологии и языкознания. Предметом исследования в рамках психологии народов являются сложные психические процессы, связанные с образованием понятий, формированием суждений, которые почти не сопровождаются физическими явлениями и их невозможно проверить в лаборатории экспериментальным путем. Эти сложные психические процессы, по мнению В. Вундта, оставили объективный след в языке, мифах, нравах и обычаях, в религии и искусстве. Ученый рассматривает язык как социальный феномен, определяя его как продукт коллективной духовной деятельности человеческого общества. Тем самым, Вундт утверждает примат социального над индивидуальным, так как жизнь личности обусловлена языковыми, религиозными и бытовыми отношениями внутри социального коллектива [24].

Отечественный последователь учения В. фон Гумбольдта А.А. Потебня рассматривает речевой акт как психическое явление, но язык, по его мнению, вносит в этот акт культурное, социальное начало [13]. Область языка, по мнению А.А. Потебни, не совпадает с областью мысли: «...Язык объективирует мысль. Мысль посредством слова идеализируется и освобождается от влияния непосредственных чувственных восприятий» [14: с. 193–194]. Утверждение В. фон Гумбольдта о важной роли языка во взаимоотношениях индивида с влияющей на него природой в философско-лингвистической концепции А.А. Потебни лежит в основе понимания сущности «перевода» субъективных представлений в объективные данные языка. А.А. Потебня развил общее понятие внутренней формы языка В. фон Гумбольдта до более частного и определённого понятия внутренней формы слова. Внутренняя форма слова – это осознаваемое носителями языка ближайшее этимологическое значение слова. Помимо ближайшего А.А. Потебней было выделено дальнейшее значение слова, являющееся индивидуальным концептом говорящего, в основе которого лежат энциклопедические знания и личные психологические ассоциации. На основе изучения языкового сознания русского народа А.А. Потебня попытался раскрыть этапы исторического становления и смены форм человеческого мышления (мифологического, научного или прозаического и поэтического).

Разрабатывая психологическое понимание природы языка, И.А. Бодуэн де Куртенэ обратился к проблемам взаимообусловленности языка и «склада народного ума», языкового мышления в процессе познания мира. Языковое мышление И.А. Бодуэн де Куртенэ определяет как «закрепление всего того, что относится к языку, сохранение и обработ-

ка всех языковых представлений в языковой сокровищнице души» [4: с. 263] и рассматривает с позиций 1) нейрофизиологических процессов как результата рефлексии мозга и 2) когниции [5]. По мнению ученого, «...из языкового мышления можно вывести целое своеобразное языковое знание, знание всех областей бытия и небытия, всех проявлений мира, как материального, так и индивидуально-психического и социального (общественного). Все стороны жизни преобразовываются в психические эквиваленты, в представления, ассоциирующиеся с языковыми представлениями» [5: с. 312].

Психология для Л.В. Щербы так же, как и И.А. Бодуэна де Куртенэ, была средством, которое позволяло через языковое сознание носителей языка лучше познать сущность языка и его структуру. Именно в сознании человека Л.В. Щерба находил инвариантные единицы, которые реализуются в речи в виде множества вариантов. Психологическую природу этих инвариантных единиц он противопоставлял физической природе их реализаций в речи. Свои психологические идеи Л.В. Щерба реализует при разработке методов описания синхронного состояния языка. Ученый считал, что адекватным может быть такое описание языка, которое построено на изучении языковых процессов, протекающих в сознании человека. В своей диссертации «Восточно-лужицкое наречие» Л.В. Щерба писал: «...Вообще я старался схватить язык в его движении: выдвинуть на первый план твердые нормы языкового сознания, а затем показать, с одной стороны, умирающие, а с другой стороны, нарождающиеся нормы, находящиеся в бессознательном состоянии и лишь воспроизводимые или творимые в отдельных случаях. В этом для меня главный смысл всей книги, так как именно эти вопросы меня лично и больше всего интересуют» [22: с. 8–9].

Развитие представлений о языковом сознании происходит в философско-лингвистической концепции Ф.Ф. Фортунатова, в которой язык выступает как категория практического сознания – слову отводится важная роль в пробуждении и развитии самосознания народа. Как видим, понимание Ф.Ф. Фортунатовым языка в качестве функционального воплощения сознания соотносится с идеей В. фон Гумбольдта, который видел в языке продукт деятельности духа, способный воздействовать на народ. На основе философско-психологического анализа Ф.Ф. Фортунатов исследовал особенности протекания процессов мышления, в которых важное значение приобретают слова как знаки для мысли. При этом ученый не абсолютизирует роль психологии, она выступает лишь субстратом для выяснения роли языка в мыслительном процессе. В своем труде «Сравнительное языковедение» Ф.Ф. Фортунатов пишет, что «наше мышление со-

стоит из духовных явлений, называемых представлениями, в их различных сочетаниях, и из чувства соотношения этих представлений. Представлением, как известным духовным явлением, называют тот след ощущения, который сохраняется некоторое время после того, как не действует уже причина, вызвавшая ощущение, и который впоследствии может воспроизводиться по действию закона психической ассоциации» [18: с. 91]. Если эти духовные явления, по мнению Ф.Ф. Фортунатова, связываются между собой, ассоциируясь по признакам сходства, то в языке происходит аналогичный процесс, когда «...по закону психической ассоциации образуется связь и между слуховыми ощущениями звуков речи и теми движениями, которые производят эти звуки...» [18: с. 95].

Психологизм лингвистических представлений был присущ и взглядам А.А. Шахматова. При этом за психологической терминологией в трудах обнаруживается не собственно психология, а традиционный для лингвистики интерес к проблемам соотношения языка и сознания, языка и познавательной деятельности человека. А.А. Шахматов был в отечественной науке предтечей когнитивного подхода к фактам языка. Ученый считал, что факты языка основаны на свойствах человеческих представлений, а тесная внутренняя связь между языком и мышлением имеет психологическую природу. В своей работе «Синтаксис русского языка» А.А. Шахматов стремился обосновать связь и единство языка и мышления, как в индивидуальной речемыслительной деятельности, так и в социальной функции языка [20]. Отличительной чертой научной деятельности А.А. Шахматова было сближение учения о языке с методологией других культурно-исторических дисциплин и психологией «языкового сознания».

Разработанные Ф.Ф. Фортунатовым и А.А. Шахматовым теории звукового и морфологического развития русского языка способствовали обогащению истории культуры народа новыми сведениями, почерпнутыми из истории развития языковых форм. Своими философско-лингвистическими исследованиями лингвисты подтвердили взаимосвязь, существующую между жизнью и бытом народа и его языком. На лингвистическом материале было доказано, что именно язык выступает универсальным средством выражения народной жизни. Язык сохраняет духовный опыт предков, способствует преемственности в развитии его культуры.

В рамках лингвистического структурализма проблема сознания рассматривалась сквозь призму трех «объективностей» – структуры, бессознательного, языка, которые не являются самодостаточными и рядоположенными и лишь в своей совокупности образуют концептуальное ядро, вокруг которого выявляются и решаются проблемы сознания.

На развитие структурной лингвистики огромное влияние оказала лингвистическая теория Ф. де Соссюра.

Если в компаративистике язык рассматривался в единстве и даже зависимости от мышления и внешнего мира, а его внутренняя организация оставалась без внимания, то концепция Ф. де Соссюра ограничивается изучением именно внутреннего, формального строения языка.

Несмотря на четкое различие Ф. де Соссюром внешней и внутренней лингвистики, ученый признавал, что «обычаи нации отражаются на её языке, а с другой стороны, в значительной мере язык формирует нацию» [16: с. 59]. Язык как система потенциально существует в сознании индивидов, принадлежащих к одной языковой общности [16]. Всякое общество, так же как и язык, представлялось Ф. де Соссюру «коллективным сознанием». При этом «речь» – это нечто индивидуальное и речевые, физиологические и психологические процессы являются смежными. Но только язык выступает как «система чисто лингвистических отношений». Он является совокупностью необходимых условностей, принятых коллективом и обеспечивающих функционирование способности носителя языка к речевой деятельности. Без овладения инвентарем языковых средств (грамматической системой и словарем) невозможно речевое общение.

В своих работах Ф. де Соссюр применяет терминологическое сочетание «языковое сознание» без определения соответствующего понятия, но контекст употребления данного термина позволяет констатировать, что языковое сознание Ф. де Соссюр понимал, как механизм оперирования знаниями о языке: «Разумеется, причастие *courant* имеет два разных источника, но языковое сознание их сближает и сводит к одному – эта синхроническая истина столь же абсолютна и непререкаема, как и другая, диахроническая» [16: с. 129] или «Языковое сознание видело прежде в **mansionāticus* слово, производное от *mansiō*, потом превратности фонетической судьбы развели их врозь» [16: с. 186]. Таким образом, в своих исследованиях Ф. де Соссюр поднял важную проблему отношения системы языка, языкового сознания и истории определенной языковой общности.

Как мы уже отмечали, в структурно-лингвистических исследованиях идея языкового сознания развивалась в рамках лингвистического подхода к бессознательному. Характерной чертой структуралистского подхода к языку как знаковой системе является стремление за сознательным манипулированием языковыми знаками обнаружить неосознаваемые глубинные структуры. В частности, основоположник русского структурализма Р.О. Якобсон в своем докладе «К языковедческой проблематике сознания и бессознательного» проводит четкое раз-

личие между исследованиями метаязыковой функции, которая является, по его мнению, высшим уровнем осознания речевых процессов, и анализом внутренней структуры языка в плоскости бессознательных психических процессов. «В речевом обиходе, – пишет Р.О. Якобсон, – глубочайшие основы словесной структуры остаются недоступны языковому сознанию; внутренние соотношения всей системы категорий – как фонологических, так и грамматических – бесспорно действуют, но действуют вне рассудочного осознания и осмысления со стороны участников речевого общения, и только вмешательство опытного лингвистического мышления, вооруженного строго научной методологией, в силах подойти к тайнам языкового строя» [23: с. 23].

Важным для нашего исследования является и представление Н. Трубецкого о системе языкового сознания грамотных людей, о которой упоминает ученый в ходе рассуждений о русском языке как очаге литературно-языковой радиации для целой зоны литературных языков Евразии [17]. Н. Трубецкой, как и Ф. де Соссюр, признавал, что «язык существует в сознании всех членов данной языковой общности», хотя в фонологическом анализе он старался не апеллировать к психологии. В своих трудах ученый использовал термины «языковое сознание», «русское литературно-языковое сознание» и «народно-языковое сознание». На наш взгляд, Н. Трубецкой под языковым сознанием понимал ментальные механизмы, способные оперировать языковыми знаниями в тех или иных сферах применения. Исследователь противопоставлял языковое сознание грамотных носителей языка и необразованных (или малообразованных) народных масс [17].

Швейцарский лингвист А. Сеше, рассматривая социальную стратификацию языка, утверждает, что «языковое сознание организуется одновременно вокруг многих центров и, следовательно, в нем наблюдаются противоречия и неустойчивые равновесия» [15: с. 65]. Относительная же стабильность языка обусловлена, по мнению ученого, экстралингвистическими причинами: «...бессознательным коллективным стремлением обеспечить достаточную устойчивость речевой деятельности» [15: с. 65–66].

Э. Бенвенист, как и другие структуралисты, связывал язык с бессознательными структурами: «сам факт языка при этом остается, как правило, неосознанным; за исключением случая собственно лингвистических исследований, мы очень слабо отдаем себе отчет о действиях, выполняемых нами в процессе говорения» [2: с. 104].

Методологические установки лингвистического структурализма были в дальнейшем унаследованы развивающейся в последней трети XX в. генеративной лингвистикой Н. Хомского и его последователей. Согласно гипотезе Н. Хомского, за бесконечным множеством «поверхностных синтаксиче-

ских структур» стоят «ядерные синтаксические структуры», отражающие общие схемы выражения мысли, которые он называет «глубинными структурами» [19]. По мнению Н. Хомского, в сознании человека представлена как система некоторая грамматика, которая определяет фонетические, синтаксические и семантические свойства бесконечного числа всех возможных фраз данного языка. Ребенок усваивает через грамматику язык и параллельно этому идет процесс развития систем реализации языка (продуцирование и восприятие речи).

Как видим, в традиционной зарубежной и отечественной лингвистике до середины XX в. понятие языкового сознания было осмыслено на образно-метафорическом уровне без определения понятия, и данная категория использовалась чисто иллюстративно. Термин «языковое сознание», по мнению Г.В. Ейгера и И.А. Рапопорта, функционирует в научном дискурсе в качестве интуитивно найденного обозначения различных «ясно-смутных» представлений об обозначаемых явлениях [10: с. 46–47].

В современной отечественной лингвистике одно из первых определений понятия языкового сознания приводится в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой: «Сознание языковое – особенности культуры и общественной жизни данного человеческого коллектива, определившее его психическое своеобразие и отразившееся в специфических чертах данного языка» [1: с. 188]. Позже языковое сознание стало рассматриваться «как совокупность знаний, представлений, суждений о языке, элементах его структуры, их функциональных особенностях, о нормах произношения, словоупотребления...» [3: с. 122]. В таком понимании данное понятие восходит к работам И.А. Бодуэна де Куртенэ («языковые представления», «чутье языка народом»), Л.В. Щербы («лингвистический инстинкт», «языковое чутье») и др.

В языкознании конца XX в. начала XXI в. в ситуации полипарадигмальности сохраняется структурный подход не только к языку, но и к языковому сознанию, которое понимается как отражение специфической языковой структуры в подсознании носителя языка; как совокупность законов, правил и закономерностей языка на уровне умений, проявляющаяся в способности правильно выбрать и употребить языковые средства в процессе коммуникации [11]. Согласно другой точке зрения, языковое сознание представляется как механизм управления речевой деятельностью, который выступает обязательным условием существования и развития всех форм сознания [6: с. 49].

А.И. Новиков выделяет «широкое» и «узкое» значение термина «языковое сознание», как способ отражения объективного мира и как отражение специфической языковой структуры в подсознании

носителя языка. К языковому сознанию исследователь подходит с позиций языковой нормы [12].

Г.В. Ейгер рассматривает языковое сознание как один из видов обыденного сознания, являющийся механизмом управления речевой деятельностью, который формирует, хранит и преобразует языковые знаки, а также взгляды носителя на язык и его элементы [9].

Современные зарубежные лингвисты под языковым сознанием понимают представление говорящих о своем родном языке. Немецкий ученый Х.-М. Гаугер различает: 1) присутствующее на бессознательном уровне языковое сознание среднестатистического носителя; 2) профессиональное языковое сознание специалиста по языку; 3) языковое сознание литературного автора, подразумевая под ними усвоенное на подсознательном уровне общепринятое языковое сознание среднестатистического носителя языка. Кроме того, филолог разграничивает внутреннее языковое сознание (собственно языковую компетенцию носителя языка) и внешнее. К последней разновидности языкового сознания относятся ценностные знания и познавательные представления о языке, а также коммуникативное сознание, тесно связанное с поведенческими стереотипами. Х.-М. Гаугер трактует языковое сознание в самом широком контексте, представляя его как некий конгломерат разноуровневых знаний и навыков. Важным является то, что лингвист рассматривает языковое сознание как составную часть национального самосознания, бытующую в умах общества конкретной эпохи [25].

Таким образом, в лингвистической традиции языковое сознание трактуется: 1) как бессознательно проявляющийся языковой опыт носителя; 2) как упорядоченность языковых единиц в теоретическом и обыденном сознании; 3) как совокупность представлений языкового коллектива о своем родном языке. Тем самым в классической лингвистике понятие языкового сознания осмыслено на операциональном уровне, что предполагает его использование для решения других, более широких исследовательских проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахманова, О.С.* Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 576 с.
2. *Бенвенист, Э.* Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
3. *Блинова, О.И.* Языковое сознание и вопросы теории мотивации / О.И. Блинова // Язык и личность. – М.: Наука, 1989. – С. 122–126.
4. *Бодуэн де Куртенэ, И.А.* Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. / И.А. Бодуэн де Куртенэ. – М.: Изд-во академии наук СССР, 1963. – Т. 1. – 384 с.
5. *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Избранные труды по общему языкознанию. В 2 т. Т. 2 / И.А. Бодуэн де Куртенэ. – М.: Изд-во академии наук СССР, 1963. – 392 с.
6. *Гохлернер, М.М.* Метаязыковые знания в структуре языкового сознания / М.М. Гохлернер // Тезисы IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникаций «Языковое сознание». – М.: АН СССР Ин-т Языкознания, 1988. – С. 49.
7. *Гумбольдт, фон В.* Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 400 с.
8. *Гумбольдт, фон В.* Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1985. – 452 с.
9. *Ейгер, Г.В.* Языковое сознание и механизмы контроля языковой правильности речи / Г.В. Ейгер // Языковое сознание: Тезисы IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1998. – С. 59–60.
10. *Ейгер, Г.В.* Язык и личность / Г.В. Ейгер, И.А. Рапопорт. – Харьков: Изд-во ХГУ, 1991. – 83 с.
11. *Каспранский, Р.С.* Языковые представления и языковое сознание / Р.С. Каспранский // Тезисы IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникаций «Языковое сознание». – М.: АН СССР Институт Языкознания, 1988. – С. 84–85.
12. *Новиков, И.А.* Смысл как особый способ членения мира в сознании / И.А. Новиков // Языковое сознание и образ мира: сб. статей; отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М.: ИЯ РАН, 2000. – С. 33–39.
13. *Потебня, А.А.* Слово и миф / А.А. Потебня. – М.: Правда, 1989. – 624 с.
14. *Потебня, А.А.* Полное собрание трудов. Мысль и язык / А.А. Потебня. – М.: Лабиринт, 1999. – 134 с.
15. *Сеше, А.* Три сосюрговские лингвистики / А. Сеше // В.А. Звегинцев История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. В 2 ч. Ч. 2. – М.: Просвещение, 1965. – С. 60–84.
16. *Соссюр, Ф. де.* Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. – М.: Прогресс, 1977. – 689 с.
17. *Трубецкой, Н.С.* Общеславянский элемент в русской культуре / Н.С. Трубецкой // Вопросы языкознания. – 1990. – № 2. – С. 121–139.
18. *Фортунатов, Ф.Ф.* Сравнительное языковедение: Общий курс / Ф.Ф. Фортунатов. – М.: КР АС АНД, 2010. – 184 с.
19. *Хомский, Н.* Аспекты теории синтаксиса / Н. Хомский. – М.: Изд-во Московского университета, 1972. – 129 с.
20. *Шахматов, А.А.* Синтаксис русского языка / А.А. Шахматов. – М.: ЛКИ, 2011. – 624 с.
21. *Штейнталь, Г.* Мысли о народной психологии / Г. Штейнталь, М. Лацарус // Филологические записки. – Воронеж: Изд. А. Хованским, 1864. – Вып. 1, 5. – 101 с.
22. *Щерба, Л.В.* Восточнолужицкое наречие / Л.В. Щерба. – Петроград: Русская речь, 1915. – Т. 1. – 248 с.
23. *Якобсон, Р.О.* Язык и бессознательное / Р.О. Якобсон. – М.: Гнозис, 1996. – 248 с.
24. *Wundt, W.* Grundriss der Psychologie / W. Wundt. – Leipzig: Verlag von Ferdinand Enke, 1896. – 410 с.
25. *Gauger, H.-M.* La conciencia lingüística en la Edad de Oro / H.-M. Gauger // Historia de la lengua española. – Barcelona: Ariel, 2004. – С. 681–699.
26. *Steinthal, H.* Abriss der Sprachwissenschaft. T. I. Die Sprache im allgemeinen / H. Steinthal. – Berlin, 1871.

К ВОПРОСУ О РУССКОМ ВАРИАНТЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Н.А. Шаталова

Шаталова Наталья Александровна – преподаватель кафедры иностранных языков Экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Контактный адрес: kab200@mail.ru

В статье рассматривается спорный вопрос о статусе английского языка в России в рамках контактной вариантологии английского языка. Суммируется то общее и отличное, что характеризует функционирование английского языка в России, по сравнению с другими странами расширяющегося круга, с одной стороны, и со странами внешнего круга, с другой. Приводится аргументация точки зрения, согласно которой английский язык в России является легитимным экзонормативным вариантом.

Ключевые слова: контактная вариантология английского языка, континуум компетенции / билингвальный континуум, акролект, мезолект, базилект, взаимопонятность, экзонорма, эндонорма, нативизация.

Современная языковая ситуация в мире, характеризующаяся глобальным распространением английского языка (АЯ), ставит перед его исследователями ряд серьезных задач, касающихся его новой функциональности, разнообразных контекстов и областей его использования, его диверсификации, стандарта и нормы, модели его преподавания / изучения. Категоризация АЯ, существовавшая до середины прошлого века – ENL (АЯ как родной), ESL (АЯ как второй) и EFL (АЯ как иностранный) – оказалась уже недостаточной. Появились и другие его разновидности – EIL (АЯ как международный язык), ELF (АЯ как язык – посредник). Углубилась вариантность АЯ. Процесс деколонизации, стремление народов в новых независимых странах к своей национально-культурной идентификации привели к появлению многочисленных национальных и локальных вариантов АЯ в южной и юго-восточной Азии и на Африканском континенте – эти варианты часто называют новыми, или постколониальными английскими языками [21; 27]. Процессы глобализации во второй половине XX в. обусловили значительное его распространение и по другим странам мира, где он стал широко использоваться в области образования, бизнеса, науки, туризма, в межличностных контактах и т.п. К таким странам относятся и Россия, где АЯ все более и более завоевывает позиции как наиболее изучаемый иностранный язык, используемый в тех же областях, что и в других странах восточной Европы со схожими тенденциями к расширению своих функций [10].

В соответствии с заголовком данной статьи ее основной задачей является рассмотрение проблемы статуса АЯ, функционирующего в России, в его соотносительности с разновидностями АЯ, используемыми в других странах мира.

В рамках теории трех концентрических кругов Баджа Б. Качру [15] – наиболее влиятельной и авторитетной модели категоризации вариантов АЯ

в современном мире¹ – АЯ, используемый в России, относится к третьему расширяющемуся кругу (Expanding Circle). В этой модели одним из важных факторов, обуславливающих дифференциацию многочисленных вариантов АЯ и отнесение их к определенному кругу, является понятие нормы.

Так, первый круг модели – внутренний (Inner Circle) – включает варианты АЯ, используемого в качестве родного языка в пяти странах: Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии, США, Канаде, Австралии и Новой Зеландии, являющихся «традиционными базами английского языка» [15: с. 12]. Эти варианты АЯ являются нормообеспечивающими (norm-providing), или эндонормативными (endonormative). Это означает, что данные варианты АЯ имеют свои, выработанные в собственном национальном узусе и закрепленные в словарях и учебниках правила реализации своей языковой системы. Весь этот сложный комплекс правил существует и развивается (изменяется) внутри данной языковой системы и регулирует ее использование в процессе коммуникации.

Второй круг – внешний (Outer Circle) – включает бывшие британские колонии или территории, находившиеся под влиянием США: это Индия, Пакистан, Гана, Нигерия Филиппины и т.п. АЯ в этих странах функционирует как второй официальный язык (ESL), или институциональный. Варианты АЯ в этом круге являются норморазвивающими (norm-developing). Другими словами, нормы изначально заимствуются из внутреннего круга, что представляет собой экзонормативный (exonormative) процесс. Далее они приспосабливаются к конкретным

¹ Модель трех концентрических кругов является основой теории вариантности английского языка в мире, разработанной Баджем Б. Качру и называемой *World Englishes*, или *World Englishes Paradigm* сокращенно *WE*. В российской науке используется термин З.Г. Прошиной – *Контактная вариантология английского языка* [4].

социокультурным условиям определенной страны или местности, испытывают процессы нативизации с последующей кодификацией возникающих при этом отклонений, инноваций, что является уже эндонормативным процессом. Динамика функционирования нормы во внешнем круге от экзонормативного процесса к эндонормативному позволила Баджу Б. Качру в середине 1990-х гг. утверждать, что языковые сообщества как во внутреннем круге, так и во внешнем являются нормообеспечивающими [17: с. 3]. Здесь важно подчеркнуть, что наличие эндонормативных процессов во внешнем круге служит надежным критерием, позволяющим идентифицировать многочисленные разновидности АЯ в странах этого круга как полноценные варианты АЯ, развившиеся в новых геополитических условиях после Второй мировой войны.

Бадж Б. Качру выделяет три важные функциональные характеристики этих «новых» вариантов АЯ:

1) впервые в истории институциональные варианты АЯ охватили такие огромные территории (по сравнению с прецедентными ситуациями в прошлом – латынь, санскрит, французский);

2) АЯ используется в широком спектре областей пользователями с разной степенью компетенции, как для внутринационального, так и для межнационального общения;

3) АЯ приобрел некоторую национальную литературную традицию в разных жанрах – роман, короткий рассказ, поэзия, эссе [15: с. 13].

Таким образом, АЯ в странах второго круга расширил область институционального функционирования, добавив литературное творчество (creative writing) к уже существовавшим – социальной, образовательной и административной областям.

В третий круг – расширяющийся (Expanding Circle) – входят все остальные страны мира, где АЯ имеет более ограниченное применение. Он изучается как иностранный язык и в основном используется для международных контактов в целях общения на официальном уровне, т.е. в качестве EIL или ELF. Такой вариант АЯ Бадж Б. Качру назвал «речевым вариантом» АЯ (performance variety) [16], диапазон его использования зависит от языковой компетенции пользователя [1: с. 414]. Варианты этого круга нормозависимые (norm-dependent), они регулируются нормами внутреннего круга, что представляет собой исключительно экзонормативный процесс. Соответственно, модель обучения АЯ в странах расширяющегося круга и его использование предписываются нормами внутреннего круга.

Разница между процессами вариантности АЯ во внешнем и расширяющемся кругах наглядно иллюстрируется динамической моделью варьирования АЯ, разработанной Эдгаром Шнайдером для новых вариантов английского языка в странах внешнего круга. Модель сдержит пять этапов развития вари-

анта: 1) основание, или трансплантация языка в новые социокультурные условия; 2) экзонормативная стабилизация, укрепление норм языка метрополии; 3) нативизация; 4) эндонормативная стабилизация, появление и укрепление собственных норм; 5) дифференциация – развитие социальных и территориальных диалектов [26: с. 241–256]. В своей совокупности все эти фазы характерны для вариантов АЯ во внешнем круге. Для функционирования АЯ в расширяющемся круге актуальны только три первые фазы. Как уже было сказано выше, варианты АЯ в этом круге остаются экзонормативными, а следовательно, более ограниченными функционально. Однако стадия нативизации присуща обоим кругам. Именно углубление процессов нативизации и аккультурации приводят к появлению и укреплению внутриязыковых норм данного варианта АЯ. Несомненно, что на данный момент процессы нативизации и аккультурации глубже и интенсивнее в странах внешнего круга в силу исторических причин, обусловивших более тесное и несравненно более длительное взаимодействие АЯ с местными национальными языками по сравнению с ситуацией в расширяющемся круге. Однако по мере все большего проникновения АЯ в страны этого круга, по мере расширения его функциональности будут углубляться и процессы нативизации / аккультурации.

При обсуждении нативизации ключевым является понятие *инновация*. Инновации появляются на разных языковых уровнях и могут квалифицироваться как *отклонение* или *ошибка*. Используются также термины *перенос/трансференция (transfer)*, *интерференция (interference)*. Бадж Б. Качру находит их удобными для описания процесса взаимодействия языков [15: с. 18]. Он определяет *ошибку* и *отклонение* на двух уровнях – лингвистическом и контекстуальном. *Ошибка* противоречит лингвистической норме АЯ и не может быть оправдана новым социолингвистическим контекстом неродного варианта АЯ. Она не является результатом продуктивного процесса использования этого варианта. *Отклонение* отличается от нормы в том смысле, что это результат использования АЯ в новой лингвокультурной среде, и это результат продуктивной речевой деятельности, которая и формирует набор черт, специфических для данного варианта (например, использование формы *furnitures* в индийском АЯ). *Отклонение* системно, а не индивидуально (idiosyncratic), его можно объяснить ситуативным контекстом [16: с. 45]. Во многих случаях его можно обозначить терминами *перенос*, или *трансференция*, т.е. объяснить переносом языковых моделей из родного языка.

Степень насыщенности варианта АЯ отклонениями и / или ошибками определяется понятием *cline (континуум)* [15: с. 18]. Бадж Б. Качру вводит это понятие – *a cline of competence* – именно для мо-

делирования ситуации с АЯ во внешнем круге, где процессы нативизации АЯ, как уже отмечалось, наиболее интенсивны, и, как следствие, именно здесь наблюдается его наибольшая диверсификация.

Модель *континуума компетенции*, или *билингвального континуума* включает три довольно четко выделяемые *лектальные* подварианты АЯ: *акролект* (*acrolect*) – язык образованных людей, обладающих высокой языковой компетенцией; *мезолект* (*mesolect*) – это средний уровень языковой компетенции и *базилект* (*basilect*) – это неграмматический вариант языка малообразованных пользователей для ограниченного числа коммуникативных потребностей. В каждом национальном / локальном варианте АЯ существует эта внутренняя вариативность, и пользователь, владеющий этой вариативностью, может переключаться с одного подварианта (лекта) на другой и даже совмещать их, исходя из контекста и / или задач коммуникации.

Важность этой модели заключается не только в возможности более тщательной таксономии вариантов АЯ, но и в том, что она предлагает решение одной весьма сложной проблемы, существующей в условиях все большей диверсификации отдельных национальных вариантов, отражающих мультиэтнический состав общества в странах внешнего круга. Это проблема *взаимопонятности* (*intelligibility*). Использование акролекта в межэтнических, межнациональных и международных контактах решает эту проблему, так как этот лектальный подвариант понятен повсеместно [15: с. 24].

О понятии, схожем с *билингвальным континуумом*, говорит и Э. Киркпатрик, называя его *стилевым континуумом*, или *континуумом стилей* (*a continuum of styles*) [20: с. 2]. Учитывая мотивацию для употребления определенного стиля, он называет этот континуум «*the identity-intelligibility continuum*» [20: с. 2]. Если мотивация говорящего – обнаружить свою идентичность, то будет выбран более разговорный, или базилектный стиль. А в условиях необходимости достижения взаимопонятности с говорящими на других национальных или национально-локальных вариантах АЯ, выбор будет сделан в пользу того, что Э. Киркпатрик называет «*cultivated style*», или акролектный стиль. Таким образом, возможность выбора, или возможность перемещаться по билингвальному континууму позволяет пользователю любого варианта АЯ как выражать свою национально-этническую идентичность, так и достигать взаимопонятности в условиях межкультурной коммуникации.

Здесь важно подчеркнуть, что вышесказанное в полной мере относится и к АЯ, используемому в расширяющемся круге, так как любой вариант АЯ, будучи прежде всего социальной сущностью, реализуется в виде набора лектов – континуума компетенции. Так, анализируя типы АЯ, функциони-

рующего в России, И.П. Устинова выделяет три его основных типа, которые вполне сопоставимы с тремя лектами, составляющими билингвальный континуум Браджа Б. Качру. Это АЯ, основанный на стандартных нормах (акролект); редуцированный АЯ – Reduced English (мезоолект) и разновидности пиджин – Pidgin English (базилект) [29].

Вопросы, касающиеся степени распространения АЯ в странах расширяющегося круга, его функций и его статуса остаются спорными на сегодняшний день. В различных странах этого круга наблюдаются свои особенности и свои тенденции в использовании АЯ, обусловленные своими национальными, культурными, историческими и геополитическими условиями. Однако, характеризуя общую тенденцию распространения АЯ в мире, Брадж Б. Качру пишет: «В расширяющийся круг входят страны, где распространение английского языка началось сравнительно недавно. Однако его социальное приятие и социальное проникновение быстро возрастают» [18: с. 453]. Такая же тенденция отмечается и в других авторитетных работах, исследующих распространение АЯ в мире и прогнозирующих языковую ситуацию на 30 – 50 лет вперед [9; 11].

В России распространение АЯ и его функциональность, по мнению некоторых исследователей, не слишком отличается от стран этого круга [10]. Другие считают, что АЯ в России «находится на периферии расширяющегося круга» [29: с. 239–241], его функции внутри страны ограничены, в частности потому, что все еще сильны традиции русского языка в интракультурном пространстве России и ближнего зарубежья [29]. Однако при существующих темпах глобализации в мире поступательный процесс распространения АЯ в России и других странах этого круга неизбежно повлечет за собой расширение функциональности АЯ, и использование его не только в международных контекстах, но и в качестве лингва франка в целях межкультурной, межэтнической коммуникации. Этот процесс, по мнению ученых, приведет к обязательному двуязычию со всеми вытекающими из этого факта последствиями. Например, В.В. Кабакчи утверждает: «... Мир вступил в эпоху глобального билингвизма: АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК + НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЯЗЫК» [3: с. 81]. Сегодня все углубляющееся взаимодействие русского и АЯ широко изучается исследователями [7; 8; 10]. В.В. Кабакчи был первым среди российских (тогда советских) ученых, кто употребил термин *Russian English*, понимая под ним «ту разновидность современного английского языка, которая характерна для профессиональных билингвов Советской России (учитель, переводчик, гид и т.п.)» [2: с. 67]. Целью его исследований был не русский вариант АЯ в рамках парадигмы WE, а способы передачи английским языком культурно-специфической (безэквивалентной) русской лекси-

ки, обозначающей артефакты и явления русской культуры, русского образа жизни. Термин *Russian English*, с одной стороны, обозначал языковое средство распространения информации о России, а с другой, передавал важную идею национально-культурной идентификации русских пользователей АЯ. Позже, в 2001 г. В.В. Кабакчи четко сформулировал: «Каждый народ столкнется с необходимостью использования английского языка в качестве вторичного средства своего национально-культурного самовыражения» [3: с. 82], а такое использование АЯ возможно лишь при условии его достаточной нативизации. Примечательно, что нативизация АЯ выделяется как один из критериев его вариантности, т.е. признания определенной национальной разновидности АЯ его полноценным вариантом [21]. Следуя этой логике развития языковой ситуации в мире, представляется неизбежным, что АЯ в странах расширяющегося круга будет оформляться в полноценный национальный вариант.

Для России значительной вехой на пути осознания этого процесса стал выход журнала «World Englishes» за 2005 г., полностью посвященный АЯ в России. Во вступительной статье З.Г. Прошина отметила широкий спектр социолингвистических и педагогических проблем, касающихся функционирования АЯ в России, освещенных в статьях русских и зарубежных ученых. Она также высказала мнение, что принятие русского английского языка (*Russian English*) как регионального варианта АЯ пока еще дело будущего [22]. К сожалению, до сих пор АЯ в России, как и в большинстве стран расширяющегося круга, рассматривается как недостаточно соответствующий норме (*deficiency variety*). Действительно модель обучения АЯ в России экзонормативна. Она ориентирована на норму британского варианта АЯ, а в последние десятилетия в большей степени на норму американского варианта. Отступление от нормы на любом языковом уровне расценивается как ошибка, недостаток (*deficiency*), а не как девиация / инновация т.е. как элементы нативизации. Однако известно, что попытка усвоить все черты и свойства АЯ как родного (ENL) в принципе неосуществима в стране, где нет англоязычного сообщества, где АЯ изучается как иностранный язык, а преподаватель не является носителем АЯ, и контакты с носителями АЯ могут быть весьма ограничены. Тем более что в современных условиях распространения АЯ в мире более вероятными и частотными оказываются коммуникативные контакты с носителями других языков, использующими этническую разновидность АЯ.

Необходимо иметь в виду, что нативизация – это объективный, неизбежный процесс взаимодействия языков и культур, который имеет своим результатом билингвальный континуум (набор лектов). И если принимать это положение как социолингвистиче-

скую данность, то можно сказать, что АЯ в России – это та его разновидность, которая оформляется в результате процесса изучения АЯ в системе русского образования на российской культурной почве. Эта разновидность не может абсолютно соответствовать стандарту носителя АЯ, хотя на уровне акролекта может к нему приближаться. В реальности эта разновидность АЯ наделена определенными особенностями национального языка и национального сознания, что и дает ей возможность служить вторичным средством национально-культурного самовыражения. З.Г. Прошина четко формулирует это положение: «В совокупности же девиации и инновации, составляющие типичные лингвистические признаки образованных представителей социума, являются параметрами выделения того или иного этнокультурного речевого варианта английского языка» [5: с. 246]. Следовательно, в Китае функционирует китайский речевой вариант АЯ, в Японии – японский, а в России – русский речевой вариант АЯ (*Russian English*). В уже цитированной здесь работе И.П. Устинова также употребляется термин «*Russian / Russianized English*», говоря об АЯ в России, основанном на стандартных нормах, т.е. АЯ образованных людей – акролект [29].

И все же проблема статуса АЯ в странах расширяющегося круга продолжает оставаться спорной. Непризнание статуса варианта АЯ в этих странах в основном аргументируется недостаточной глубиной использования АЯ. Например, Я. Яно пишет: «В Японии английский язык не используется большинством населения. Не используется он и достаточно часто, чтобы утвердиться как японский вариант английского языка (*Japanese English*)» [31: с. 139]. И даже говоря о перспективе, автор утверждает, что АЯ в Японии будет, скорее всего, использоваться ограниченно, преимущественно в официальных ситуациях, оставаясь «нормативной формой АЯ, которая не будет подвержена социокультурным или локальным воздействиям» [30: с. 127–128]. Эта точка зрения приложима и к другим странам расширяющегося круга. Она отрицает возможность формирования национальных вариантов АЯ в этом круге, не учитывает процессов нативизации и сосредоточивает исследовательские усилия на некоей форме глобального, или международного АЯ (EIL), цель которого обеспечивать международную коммуникацию в официальных контекстах. Предпринимались и предпринимаются попытки создать модель EIL как некоего упрощенного, универсального и в социокультурном смысле выхолощенного «*core English*», или «*lingua franca core*» [14; 32]. Здесь нам представляется справедливой точка зрения, высказанная Я. Качру, которая считает, что не существует конкретных, живых вариантов АЯ, называемых *World English*, *Global English* или *International English*, поскольку это абстракции [19: с. 3–4].

Еще одна альтернатива концепции варианта АЯ в расширяющемся круге – это изучение АЯ как лингва франка (ELF), используемого коммуникантами с разной степенью компетенции в международной / межкультурной коммуникации. Исследователи этого направления фокусируются на общих чертах и стратегиях, типичных для участников такого рода речевых контактов. Большая работа проводится по сбору и обработке эмпирических данных для составления корпуса наиболее типичных / частотных черт ELF для последующих рекомендаций по выработке модели обучения АЯ как ELF [12; 28]. Выказывались даже мнения, что ELF как модель АЯ, разработанная на основе корпусной методики, может считаться полноценным вариантом АЯ в рамках теории WE, сравнимым с институциональными вариантами, по крайней мере, в европейском контексте [12; 13]. Однако в настоящее время преобладающей точкой зрения является понимание ELF как одной из функций, которую может выполнять любой этнический вариант АЯ [28: с. 77].

Возвращаясь к вопросу о статусе АЯ в России, попытаемся суммировать то общее и отличное, что характеризует его функционирование в нашей стране по сравнению с другими странами расширяющегося круга, с одной стороны, и со странами внешнего круга, с другой. Что касается первого, отличия в функционировании АЯ в России и других странах этого круга базируются скорее на количественных показателях, нежели качественных: уже упоминавшийся показатель – «недостаточная глубина использования» АЯ. Очевидно, что функционирование АЯ в некоторых европейских странах является на сегодняшний день более «продвинутым», чем в России, других странах Восточной Европы или Японии, Китае и т.п. Однако, как уже отмечалось выше, тенденции к более широкой функциональности и большей нативизации АЯ во всех странах расширяющегося круга, в том числе и в России, налицо. Другими словами, отличия в положении АЯ в разных странах расширяющегося круга обуславливаются *степенью* нативизации и *степенью* функционального разнообразия в использовании АЯ, а не *наличием* или *отсутствием* определенных процессов. З.Г. Прошина, анализируя ситуацию в России, отмечает: «Лингвистическая ситуация внутри страны характеризуется процессами, типичными для других стран: преобладание английского языка в сфере образования по сравнению с другими иностранными языками, нативизация английского языка и, как следствие, появление русского английского языка как варианта в рамках WE» [23: с. 133]. Как видно из цитаты, З.Г. Прошина считает нативизацию АЯ одним из важнейших критериев дифференциации его вариантов.

Выше уже упоминалось, что нативизация входит в число критериев, разработанных в 1984 г.

Платтом, Вебером и Хо для дифференциации институциональных вариантов АЯ во внешнем круге [21: с. 2–3]. Это следующие четыре критерия:

1) освоение АЯ в школе и дальнейшее его использование как инструмента для получения образования;

2) развитие АЯ в местности, где он не используется большинством населения как родной язык;

3) использование АЯ для набора функций теми, кто говорит или пишет на нем в данной местности;

4) локализация и нативизация АЯ.

Учет этих критериев позволяет проследить различия и схожие черты в использовании АЯ во внешнем и расширяющемся кругах. З.Г. Прошина проводит такой анализ [24] и приходит к выводу, что все четыре критерия приложимы к функционированию АЯ и в расширяющемся круге, но наблюдаются и различия как количественного, так и качественного свойства.

Так, первый критерий выявляет качественное отличие роли АЯ в сфере образования в обоих кругах: во внешнем круге АЯ служит инструментом для получения определенных ступеней образования, а в расширяющемся круге АЯ – это лишь преимущественно дисциплина в учебном заведении.² На качественное отличие указывает и второй критерий: в России вообще нет англоязычной общины, т.е. АЯ никем не используется как родной язык. Третий критерий отражает количественное отличие: набор функций у пользователей АЯ в расширяющемся круге не такой разнообразный, но, как уже отмечалось, функциональность АЯ в этом круге развивается. И последний критерий выявляет и качественные, и количественные отличия в нативизации АЯ в двух кругах. Как отмечает З.Г. Прошина, во внешнем круге, где наряду с экзонормами функционируют эндонормы, процесс нативизации более разнообразен и глубок. Варианты этого круга характеризуются большим числом инноваций и девиаций и большим их разнообразием на всех уровнях языка. В расширяющемся же круге, где действуют только экзонормативные процессы, ориентация на нормы внутреннего круга очень сильна [24].

По мнению З.Г. Прошиной, наиболее выпукло разницу в нативизации в обоих кругах можно проследить на грамматическом уровне. В институциональных вариантах наблюдается большое количество разнообразных инноваций, модифицирующих экзонормативные грамматические модели – процесс, имеющий тенденцию к кодификации и установлению эндонорм. Тогда как в расширяющемся

² Необходимо отметить, что здесь также отмечается тенденция к усилению роли АЯ как средства глобальной коммуникации в сфере образования в России и других странах этого круга [6].

круге грамматика в основном остается экзонормативной, особенно на уровне акролекта [24].

Однако фонетическая система и словарный уровень подвергаются значительной нативизации и аккультурации в обоих кругах. Словарь АЯ неизбежно впитывает влияние некоей национальной концептуальности, насыщается культурно-значимыми единицами, что, в сущности, и позволяет языку служить вторичным средством национальной идентификации в межкультурной коммуникации. З.Г. Прошина считает такие свойства лексической системы АЯ наиболее значимыми для вариантности АЯ в расширяющемся круге, так как именно межкультурная коммуникация и является основной функцией АЯ в этом круге [24]. В процессе такой коммуникации происходит обмен информацией о национальных культурах ее участников, и АЯ становится инструментом говорящего для его национально-культурной идентификации. Это возможно лишь в том случае, если говорящий использует такую разновидность АЯ, которая приобрела необходимые нативизированные черты, способные отражать его культуру. Следовательно, здесь может идти речь только об отдельном самостоятельном национальном речевом / экзонормативном варианте АЯ, относящемся к расширяющемуся кругу.

Таким образом, из приведенного краткого анализа сходств и различий в функционировании АЯ в России по отношению к другим странам расширяющегося круга и по отношению к странам внешнего круга можно сделать следующее заключение. Функционирование АЯ в России, практически, идентично его функционированию в других странах этого круга, но имеет некоторые качественные отличия от институциональных вариантов. Однако общим является процесс нативизации / аккультурации, что дает возможность говорящему использовать данную национальную разновидность АЯ в качестве вторичного средства национально-культурной идентификации. Именно этот факт позволяет считать АЯ в России, как и в других странах расширяющегося круга, отдельным, самостоятельным экзонормативным *вариантом* АЯ.

В этой связи интересно привести аргументацию З.Г. Прошиной, которая представляется убедительной. Анализируя проблему статуса АЯ в расширяющемся круге, в частности России, З.Г. Прошина ставит вопрос:

«Если АЯ в России не вариант, то, что это такое?» [25]. Она приводит три варианта ответа, которые обычно фигурируют в дискуссиях на эту тему:

- 1) в России многие считают, что пользуются британским или американским вариантом АЯ;
- 2) в расширяющемся круге используется ELF;
- 3) АЯ в расширяющемся круге ассоциируется с интерязыком (interlanguage).

Применяя метод исключения, З.Г. Прошина подробно комментирует каждое положение. Что касается первого положения, то действительно один из названных вариантов может служить моделью обучения, но то, что усваивается обучаемым и в дальнейшем используется в реальной коммуникации, обычно весьма отличается от модели обучения и представляет собой некую адаптацию этой модели к условиям данной языковой среды. Таким образом, первое утверждение не может служить ответом на поставленный вопрос. Вторая альтернатива также оказывается несостоятельной, так как выше уже говорилось, что ELF определяется как функциональная характеристика любого варианта АЯ, включая варианты внутреннего круга, когда они используются между коммуникантами с разными родными языками. И последнее положение также не может быть принятым как ответ на поставленный вопрос, так как любой вариант АЯ – это, прежде всего, социальная сущность, которая реализуется посредством лектального континуума, а не статичный, фоссиллизированный идиолект отдельного пользователя АЯ, чем и является интерязык.

В результате З.Г. Прошина делает вывод, что АЯ в России не может быть ничем, кроме как вариантом АЯ. Он существует и функционирует как самостоятельный легитимный вариант АЯ, относящийся к расширяющемуся кругу [25]. Мы полностью разделяем эту точку зрения и опираемся на определение варианта АЯ, данное З.Г. Прошиной: «...вариант английского языка может быть определен как социолингвистическая формация, характеризующаяся дистриктивными лингвистическими чертами, возникающими в результате адаптации английского языка к определенной национальной культуре и менталитету и служащими их отражением» [24].

Вышеизложенный подход к лингвистической ситуации в России находится в русле контактной вариантологии английского языка (WE) – современного научного направления, важной задачей которого является всестороннее изучение вариантов АЯ в мире, включая его экзонормативные варианты. Для российского исследователя объектом такого изучения должен стать русский вариант АЯ. Описание особых отличительных черт АЯ на всех уровнях его структуры, несомненно, окажется важным для современной лингвистики, социолингвистики, лингвокультурологии, теории межкультурной коммуникации, лингводидактики в плане создания адекватной модели его преподавания / изучения и других наук, связанных с уникальной лингвистической ситуацией в современном мире.

В заключение необходимо сделать некоторые выводы.

1. Контактная вариантология АЯ (WE) дает возможность концептуализации сложной вариантности АЯ в мире.

2. Английский язык, функционирующий в России, относится к третьему расширяющемуся кругу модели трех концентрических кругов Баджа Б. Качру.

3. Вопрос о статусе АЯ в России, как и в других странах расширяющегося круга, является на сегодняшний день спорным.

4. В статье приводится аргументация точки зрения, согласно которой АЯ в России, как и в других странах расширяющегося круга, является самостоятельным легитимным экзонормативным вариантом АЯ.

5. Важной задачей российских исследователей является изучение дистинктивных признаков русского варианта английского языка на всех уровнях его структуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь терминов межкультурной коммуникации / И.Н. Жукова [и др.]. – М. : Флинта, 2013. – 629 с.
2. Кабакчи, В.В. О специфике лексико-семантического уровня Russian English / В.В. Кабакчи // XXVIII Герценовские чтения: иностранные языки. – Ленинград : ЛГПИ им. А. Герцена, 1975. – С. 66–71.
3. Кабакчи, В.В. Лингвореволюция конца XX века и изменение лингвистической парадигмы / В.В. Кабакчи // Англистика в XXI веке : материалы конф. 22–24 ноября 2001. – СПб. : Изд-во СПбГУ ЭФ, 2002. – С. 80–86.
4. Прошина, З.Г. Контактная вариантология английского языка – основа для опосредованного перевода / З.Г. Прошина // Язык. Культура. Общение : сб. науч. тр. в честь юбилея заслуженного проф. МГУ им. М.В. Ломоносова С.Г. Тер-Минасовой. – М. : Гнозис, 2008. – С. 198–207.
5. Прошина, З.Г. Вариантность английского языка и межкультурная коммуникация / З.Г. Прошина // Личность. Культура. Общество. – 2010. – Т. XII. – Вып. 2. – № 55–56. – С. 242–252.
6. Прошина, З.Г. Глобальность и локальность английского языка в образовательных системах азиатских стран / З.Г. Прошина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2012. – № 3 (35). – С. 14–19.
7. Ривлина, А.А. О некоторых особенностях и лингвистических проблемах процесса формирования массового русско-английского билингвизма / А. А. Ривлина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2013. – № 1 (37). – С. 61–66.
8. Устинова, И.П. Языковые контакты в рекламном дискурсе / И.П. Устинова // Социальные и гуманитарные проблемы на Дальнем Востоке. – 2010. – № 2 (26). – С. 39–45.
9. Crystal, D. English as a Global Language / D. Crystal. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 229 p.
10. Eddy, A. English in the Russian Context: A Macrosociolinguistic Study. Dissertation. Doctor of Philosophy / Anna A. Eddy. – Wayne State University, Detroit, Michigan, 2007. – 231 p.
11. Graddol, D. The Future of English? / D. Graddol. – The English Company (UK) Ltd, 2000. – 65 p.
12. Jenkins, J. Current Perspectives on Teaching World Englishes and English as a Lingua Franca / J. Jenkins // TESOL Quarterly. – 2006. – Vol. 40. – № 1. – P. 157–181.
13. Jenkins, J. Euro-English / J. Jenkins, M. Modiano, B. Seidlhofer // English Today. – 2001. – Vol. 17. – № 4. – P. 13–19.
14. Johnson, R.K. International English: towards an acceptable, teachable target variety / R.K. Johnson // World Englishes. – 1990. – Vol. 9. – № 3. – P. 301–315.
15. Kachru, B.B. Standards, codification and sociolinguistic realism. The English language in the outer circle / B.B. Kachru // English in the World: Teaching and Learning the Language and Literature / R. Quirk and H.G. Widdowson (eds.) – Cambridge: Cambridge University Press, 1985. – P. 11–30.
16. Kachru, B.B. Models for Non-Native Englishes / B.B. Kachru // The Other Tongue: English across Cultures / B.B. Kachru (ed.) – Urbana and Chicago: University of Illinois Press, 1992. – P. 31–57.
17. Kachru, B.B. The Intercultural Nature of Modern English / B.B. Kachru // The 1995 Global Cultural Diversity Conference Proceedings, Sydney, 1995. – P. 1–22.
18. Kachru, B.B. World Englishes and Culture Wars / B.B. Kachru // The Handbook of World Englishes / B. Kachru, Y. Kachru and C. Nelson (eds.) – Oxford, UK, Carlton, Victoria, Australia: Blackwell Publ., 2006. – P. 446–472.
19. Kachru, Y. Cultures, Contexts and World Englishes / Y. Kachru. L. Smith. – New York: Routledge, 2008. – 231 p.
20. Kirkpatrick, A. Norms, Varieties and Intelligibility / A. Kirkpatrick // Plenary for the 5-th Malaysia International Conference on English Language Teaching. – Malacca, 2004. – P. 1–16.
21. Platt, J.T. The New Englishes / J.T. Platt and H. Weber and M.L. Ho. – London: Routledge and Kegan Paul, 1984. – 225 p.
22. Proshina, Z.G. Russian English / Z.G. Proshina // World Englishes. – 2005. – Vol. 24. – № 4. – P. 437–438.
23. Proshina, Z.G. English as a lingua franca in Russia / Z.G. Proshina // International Communication Studies XVII : 4. – 2008. – P. 125–140.
24. Proshina, Z.G. Russian English or English in Russia? (в печати).
25. Proshina, Z.G. Russian English: Myth or Reality? (в печати).
26. Schneider, E.W. The Dynamics of New Englishes: from identity construction to dialect birth / E.W. Schneider // Language. – 2003. – Vol. 79. – № 2. – P. 233–281.
27. Schneider, E.W. Postcolonial English: Varieties around the World / E.W. Schneider. – New York: Cambridge University Press, 2007. – 367 p.
28. Seidlhofer, B. Understanding English as a Lingua Franca / B. Seidlhofer. – Oxford: Oxford University Press, 2011. – 244 p.
29. Ustinova, I.P. English in Russia / I.P. Ustinova // World Englishes. – 2005. – Vol. 24. – № 2. – P. 239–251.
30. Yano, Y. World Englishes in 2000 and beyond / Y. Yano // World Englishes. – 2001. – Vol. 20. – № 2. – P. 119–131.
31. Yano, Y. Comment 5 / Y. Yano // World Englishes. – 2008. – Vol. 27. – № 1. – P. 139–140.
32. Yano, Y. English as an International lingua franca: from societal to individual. Y. Yano // World Englishes. – 2009. – Vol. 28. – № 2. – P. 246–255.

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ЭТНОСОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА (60-е – первая половина 80-х гг. XX века)

А.В. Ахметова

С.В. Бобышев

Ахметова Анна Валинуровна – кандидат исторических наук, доцент, начальник научного центра социально-экономических и гуманитарных проектов Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета.

Контактный адрес: wyrds@ Rambler.ru

Бобышев Сергей Васильевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

В статье изложено развитие образовательной системы автохтонных этносов Дальнего Востока. Влияние интернатской системы образования на социально-психологическую сферу коренных этносов Дальнего Востока было огромно, так как она способствовала постепенному разрушению традиционного уклада национального населения. Интернатская система школьного образования оказала негативное воздействие на социальную и культурную ситуацию на Севере. Изменения в области образования и культуры повлекли за собой окончательную ликвидацию безграмотности среди молодого и среднего поколения коренных народов. Рост сети школьных и дошкольных учреждений и охват их интернатской системой привели к повышению уровня образования среди аборигенного населения, увеличению числа специалистов с высшим и среднеспециальным образованием, в то же время негативно отразились на отношении подрастающего поколения к родному языку и другим культурным традициям.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы, Дальний Восток, интернат, культура, русификация, образование, воспитание.

В 1960-е – начало 1980-х гг. система образования коренных малочисленных народов Дальнего Востока прошла длительную эволюцию, в сети школ всеобща произошли значительные изменения. Если в начале становления народного образования школьная сеть росла быстрыми темпами, строились небольшие «карликовые» школы, так как это было нужно для полного охвата обучением детей оленеводов и охотников, то с концентрацией населения в культурных центрах, постепенным переходом кочевого населения на оседлость, необходимость в школах данного типа отпала. Совершенно исчезли кочевые школы, сыгравшие в свое время большую роль в повышении грамотности коренных народов.

В этот период сложились основные проблемы в развитии образовательно-воспитательной системы коренных малочисленных народов Дальнего Востока: интернатская система образования и воспитания, соотношение русского и национального языков в обучении, проблема педагогических кадров в школах для коренных малочисленных народов Дальнего Востока.

Ввиду национальных особенностей традиционных этносов Дальнего Востока при школах в национальных районах создавались интернаты. Первоначально интернаты предназначались для того, чтобы дать возможность детям, родители которых кочевали в тундре, получить образование. В крупных поселках были построены здания, завезено оборудование, и дети окрестных оленеводов и охотников проводили там до девяти месяцев в году.

Но вскоре интернатская система была распространена на детей ясельного и детсадовского возраста, а затем и на оседлые поселения. К середине 1960-х гг. интернаты стали единственной и обязательной формой получения образования для коренных малочисленных народов Дальнего Востока. Это привело к тому, что зачастую родители вынуждены были отдавать своих детей сначала в ясли, затем в сад, далее в интернат на 24 часа в день, 6 дней в неделю, а сами продолжали жить в том же поселке [4: с. 144].

Фактически во многих местах дети уже в возрасте одного года поступали на полное государственное обеспечение и были лишены семейного воспитания, а также не могли полностью овладеть

национальным языком. Так, в одном только Ульчском районе Хабаровского края в 1961 г. при школах имелось 11 интернатов, в которых находилось 520 учащихся, в том числе 207 на полном государственном обеспечении и 60 на бесплатном питании [6: л. 319]. В Нанайском районе учащиеся из малых народов было 1160 человек, из которых 251 жили в интернатах [7: л. 12]. В Корякском округе Камчатки были взяты на государственное обеспечение в 42 интерната 1645 чел. и открыты две новые школы-интерната [8: с. 154]. Дети возвращались в семью в возрасте 15–17 лет в значительной степени чужими людьми.

В результате политика принудительного интернатского воспитания круто изменила традиционные социальные и семейные формы жизни коренного населения, и способствовала формированию «поколения перелома». Эта система приводила к тому, что выпускники интернатов не получали необходимых навыков для самостоятельной жизни, были лишены жизненной энергии и инициативы. У большинства выпускников интернатов доминирующими психологическими чертами являлись апатия в сочетании с агрессией, на которую накладывались сильнейшие стрессы от столкновения с реальной действительностью.

Обучение и воспитание в школе-интернате не приучало детей к самостоятельности, труду, умению преодолевать трудности. Постоянная забота и опека воспитателей, отсутствие возможности участвовать в общественно полезном труде порождали робость, неприспособленность, иждивенчество. Интернат, по признанию воспитателей и родителей, не прививал трудовых навыков, не готовил к взрослой жизни [9: с. 123]. Выпускникам было очень трудно адаптироваться к новым условиям либо студенческой, либо профессиональной деятельности, так как они не умели самостоятельно распределить свой режим, вести расходы, обслуживать самих себя. В результате молодежь часто бросала учебу и возвращалась в родные места.

Интернаты размещались в крупных поселках, в них учились дети из этнически различных поселков: чукчи вместе с эскимосами, юкагиры – с эвенками и т.п. Поэтому основным языком в интернате являлся обычно русский. Интернаты оказались крайне эффективным средством разрушения национальных языков: после 8–10 лет круглосуточного интернатского обучения дети уже не могли говорить на своем национальном языке.

Учебно-воспитательная работа была поставлена в интернатах неудовлетворительно. Свидетельством тому стала крайне низкая успеваемость школ в 1960-е гг. в Тугуро-Чумиканском районе – 71,8 % против 95 % успеваемости по краю [9: с. 71]. В Аяно-Майском районе в 1961–1962 гг. в школь-

ных интернатах обучалось 695 чел., из которых 357 были представителями народов Севера. При этом неуспевающими были 42 учащихся, из которых 20 являлись детьми аборигенов. Таким образом, успеваемость составила 94 %. В 1963–1964 гг. эти показатели изменились. В интернатах обучалось 697 чел., из них – 357 из коренного населения, не успевало 55 чел., из них – 27 из народов Севера, т.е. успеваемость ухудшилась и составила 89,8 % [9: с. 76]. Причинами этому послужило отсутствие планов работы, перспективных планов на будущие годы, антисанитарное состояние интернатов, за что часто снимались их заведующие [9: с. 72].

Профессиональная ориентация молодежи коренного населения в школах-интернатах, план приема ее в учебные заведения различных уровней не были связаны с потребностями национальных районов в кадрах, где уже имелся переизбыток подобных специалистов, либо они вообще не требовались в данной местности.

Разрешение проблемы дошкольного воспитания значительно улучшило качество обучения учеников в общеобразовательных школах. Дети чаще стали поступать в подготовительные и первые классы с хорошим знанием русского языка. Общее развитие детей из малочисленных этносов в 1960–1970-е гг. значительно улучшилось по сравнению с предыдущим периодом.

В то же время развитие сети дошкольных общеобразовательных учреждений, как и внедрение интернатской системы образования в школах, вызвало болезненную реакцию среди коренного населения, так как дети с грудного возраста круглосуточно содержались в яслях и детских садах. Родители зачастую были лишены возможности видеться с ними, дети стали забывать национальный язык. Занятия по родному языку в детских садах были непродуманны и проводились непоследовательно. Воспитатели не обращали должного внимания на речь детей и активность групп [5: л. 81].

Это обстоятельство не могло не вызвать тревогу у органов власти. В связи с этим в 1967 г. Институтом истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР было проведено социолингвистическое исследование в районах Крайнего Севера. Полученные результаты, выявившие степень знания родных и русского языков у детей коренных малочисленных народов Дальнего Востока, были реализованы в рекомендациях, направленных в детские сады национальных районов. В 1967–1968 гг. в детские сады начали привлекать воспитателей со знанием национального языка детей.

Проведенные мероприятия улучшили ситуацию со знанием родных языков у коренных народов, но не смогли решить языковую проблему полностью. Эта проблема широко обсуждалась на совещаниях

учителей и общественности в Чукотском национальном округе в мае – июне 1967 г. Во всех школах, где в подготовительные классы приходили дети, не владеющие русским языком, было решено начинать обучение на родном языке; в тех школах, где были хорошие знания русского языка, нужно было сразу вести обучение на русском языке, родной язык преподавать как предмет. В школах первого и второго типа обучения русский язык решено было проводить по учебникам, специально разработанным для школ народов Севера, привлекая в необходимых случаях материалы из учебников для русской школы. Школы первого и второго типов должны были пользоваться общими учебниками по родному языку, хотя количество часов на родной язык для школ второго типа могло быть несколько сокращено по сравнению со школами первого типа.

Соотношение родного и русского языков в процессе обучения в большинстве школ Севера не могло оставаться тем же, как и ранее, когда обучение на родном языке проводилось в первом – втором классах. Подчеркивалась необходимость больше использовать родной язык в целях воспитания и развития мышления детей в детских дошкольных учреждениях. Комиссии, проводившие социолингвистические исследования, предлагали так укомплектовать воспитателями и нянями дошкольные учреждения, чтобы с этого возраста дети находились в двуязычной среде, приобретали навыки понимания речи и разговора на родном и русском языках.

Но подобные половинчатые меры не могли полностью решить данную проблему. Сложилась ситуация, в которой старое поколение, воспитанное в 1930–1940-х гг., мало говорило на русском языке, тогда как поколение 1950–1960-х гг. утратило родной язык, предпочитая изъясняться на языке более крупного этноса. Национальный язык оставался средством внутреннего общения между жителями одной национальности, одного населенного пункта.

В работах, рассматривающих образовательную сферу, зачастую ставилась проблема соотношения русского и родного языков в обучении и воспитании традиционных этносов. Историки приходили к неутешительным выводам о том, что поколение в 1960–1970-е гг. начинало делиться на две части: в школу дети приходили как из детского сада, так и из семьи. Нередко из семьи дети шли, не зная русского языка. Дети, которые 5–6 лет воспитывались в яслях и детских садах, приходили в школу, хорошо владея русским языком и не зная национального языка. Этот вопрос окончательно так и не был решен, хотя проводилось достаточно мероприятий по внедрению родных языков в дошкольных и школьных учреждениях [2: с. 26].

В 1970-х гг. в связи с ростом населения, изменением национального состава городского и сельско-

го населения, дальнейшим развитием системы народного образования по пути русификации национального населения, изменились общественные функции русского и родных языков. Русский язык стал средством общения не только коренного населения с русскими и другими национальностями, но и среди самих коренных национальностей.

С целью повышения уровня знания родного языка были осуществлены меры по изучению национального языка как предмета в начальных классах, который был введен факультативно в 4–8 классах, составлялись новые учебники, методические пособия [3: с. 90].

В Хабаровском крае велась большая работа по внедрению преподавания родных языков. В ней принимали участие научные сотрудники НИИ национальных школ министерства просвещения РСФСР. Были усовершенствованы нивхский алфавит и учебная программа для подготовительного класса. С 1978–1979 учебного года возобновилось изучение нанайского языка как учебного предмета. Преподавание языка осуществлялось в пределах начальной школы, а в следующих классах основным языком обучения являлся русский язык.

Данная проблема требовала решения вопроса подготовки необходимых кадров воспитателей, хорошо владеющих родным и русским языком. В большинстве северных педучилищ открыты отделения по подготовке таких специалистов для дошкольных учреждений.

В восьми педагогических училищах народов Севера обучалось более 700 человек коренных национальностей. Они находились на полном государственном обеспечении. Получали подготовку по родному и русскому языку и методике преподавания этих предметов в национальной школе.

Кадры преподавателей для средних северных школ готовили на северных отделениях Хабаровского педагогического института им. А.М. Горького, Петропавловского педагогического института на Камчатке и Магаданского педагогического института. В Комсомольске-на-Амуре обучали будущих учителей из коренных народов на отделении народов Крайнего Севера Комсомольского педагогического института [1: л. 98].

Таким образом, изменения в области образования и культуры повлекли за собой окончательную ликвидацию безграмотности среди молодого и среднего поколения коренных народов. Рост сети школьных и дошкольных учреждений и охват их интернатской системой привели к повышению уровня образования среди аборигенного населения, увеличению числа специалистов с высшим и средне-специальным образованием. В то же время это негативно отразилось на отношении подрастающего поколения к родному языку и другим культур-

ным особенностям, что явилось одним из факторов утраты национальных традиций.

Влияние интернатской системы на социально-психологическую сферу коренных этносов Дальнего Востока имело неоднозначный характер, так как способствовало постепенному разрушению их традиционного уклада, сказываясь на социальной и культурной ситуации в районах проживания народов Севера.

В настоящее время государство, преодолевая последствия данной системы, пересмотрело национальную образовательную политику, преобразовав интернаты в обыкновенные школы, что способствует возрождению культурных традиций коренных малочисленных народов.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Архивный отдел администрации Комсомольского района. – Ф. 28. – Оп. 1. – Д. 184. – Л. 98.
2. *Ахметова, А.В.* Историографические оценки политики советского государства в отношении коренных малочисленных народов Дальнего Востока в 1960-е – начале 1980-х гг. / *А.В. Ахметова* // Ученые записки КнАГТУ. № II – 2(2). – 2010 «Науки о человеке, обществе и культуре». – Комсомольск-на-Амуре: ГОУ ВПО «КнАГТУ», 2010. – С. 26.
3. *Бобышев, С.В.* Коренные малочисленные народы Дальнего Востока на завершающем этапе социалистической модернизации (середина 50-х – середина 80-х гг. XX века) /

А.В. Ахметова, С.В. Бобышев. – Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2008. – 130 с.

4. *Бойцова, А.Ф.* Школа народов Крайнего Севера / *А.Ф. Бойцова* // Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера ; под ред. *И.С. Гурвича.* – М. : Наука, 1971. – С. 141–158.

5. *Вахтин, Н.* Коренное население Крайнего Севера Российской Федерации / *Н. Вахтин.* – СПб. : Европейский дом, 1993. – 223 с.

6. Государственный архив Магаданской области. – Ф. Р – 146. – Оп. 1. – Д. 374.

7. Государственный архив Хабаровского края. – Ф. 704. – Оп. 1. – Д. 602.

8. Государственный архив Хабаровского края. – Ф. 704. – Оп. 1. – Д. 722а.

9. Государственный архив Хабаровского края. – Ф. 1747. – Оп. 1. – Д. 50.

10. Из справки корякского окружкома КПСС о выполнении постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера» от 4 сентября 1961 г. // Летопись жизни народов Северо-Востока РСФСР. 1917–1985 гг. – Петропавловск-Камчатский : Дальневосточное книжное издательство, Камчатское отделение, 1986. – С. 154.

11. *Траскунова, М.М.* Некоторые вопросы воспитания, образования, труда, молодежи коренных народностей Сахалинской области / *М.М. Траскунова* // Народности Севера: проблемы и перспективы экономического и социального развития : тезисы докладов и сообщений Всесоюзной науч. конф. Новосибирск, 4–6 октября 1983. – Новосибирск, 1983. – С. 123.

ИССЛЕДОВАНИЯ ФРИДРИХА ДЕРБЕКА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВВ.

С.В. Березницкий

Березницкий Сергей Васильевич – доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник отдела истории Кунсткамеры и отечественной науки XVIII века (музей М.В. Ломоносова), музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

Контактный адрес: svbereznitsky@yandex.ru

В статье рассматриваются основные этапы жизни и научно-исследовательской деятельности Фридриха Дербек – одаренного ученого, специалиста в сфере этнографии, истории, медицины, эпидемиологии, гидрографии, ботаники, музееведения. Многие аспекты его биографии и научного творчества еще содержат белые пятна и предполагают дальнейшие изыскания в этих областях.

Ключевые слова: этнографические, антропологические, медицинские и гидрографические исследования, коренные народы Дальнего Востока, Охотского побережья и Нижнего Амура.

Фридрих Альбертович Дербек (Фридрих Альберт) [Friedrich Albert Derbek] (1871–1945) сделал очень многое для развития российской науки. Биография Ф. Дербек, немца по этнической принадлежности, его научные достижения в сфере медицины, санитарии, истории, этнографии, антропологии, гидрографии, биологии, ботаники уже изучалась в трудах А.И. Тарасовой, А.А. Хисамутдинова, В.В. Подмаскина, Д.Б. Тарасенко, Г.В. Гукова, А.П. Бужиловой и других ученых [22: с. 239–244; 23: с. 39; 24: с. 203; 18: с. 15–16; 19; 20: с. 477–481; 8: с. 202–205; 6: с. 30; 5: с. 109–114]. Однако до сих пор остались спорными точные даты его рождения и смерти, места защиты им докторской диссертации, варианты написания фамилии, продолжительность, ведомственная принадлежность и оценки результатов его работы в научных и производственных учреждениях.

Например, в качестве даты рождения Ф.А. Дербек упоминается 1871 г., некоторые вехи биографии указывают на то, что он служил на стороне белогвардейцев на Восточном фронте в 1918–1919 гг. [15].

Известный дальневосточный историк А.А. Хисамутдинов в своих трудах о путешественнике и этнографе Владимире Клавдиевиче Арсеньеве в качестве дат жизни Ф. Дербек приводит 1871–1945 гг., хотя подчеркивает, что окончательно они еще не установлены. По данным Хисамутдинова, Ф. Дербек получил образование на физико-математическом факультете Санкт-Петербургского университета и в Императорской военно-медицинской академии, в Казанском университете защитил докторскую диссертацию по медицине. Затем Дербек служил корабельным врачом при Владивостокском морском госпитале, в 1902–1914 гг. исполнял обязанности заведующего музеем Общества изучения Амурского края (ОИАК) также во Владивостоке, где занимался

сбором флоры и фауны, систематизацией коллекций музея. В 1920-х гг., после окончания Гражданской войны на Дальнем Востоке России, Дербек через Шанхай эмигрировал в Германию.

С таким вариантом биографии Ф.А. Дербек в целом соглашается дальневосточный ботаник и биолог Г.В. Гуков, который считает, что Дербек получил профессию врача для того, чтобы иметь возможность посещать разные страны. В начале XX в. Дербек в качестве судового врача бороздил дальневосточные моря, собирал коллекции растений, животных, птиц, знакомился с бытом коренных народов региона. Гуков сообщает, что именно Дербек привел в стены ОИАК В.К. Арсеньева, и это стало важным этапом в жизни будущего этнографа, знаменитого отечественного путешественника, натуралиста и писателя, оставившего после себя огромный архивный фонд с ценнейшими материалами и собрание научных трудов [1; 2; 3; 4]. В работе Гукова, в отличие от других биографических справок, имеется краткое упоминание о близких родственниках Дербек, друживших с Арсеньевыми. Опасаясь репрессий конца 1920-х – начала 1930-х гг., семья Дербек вынуждена была эмигрировать сначала в Маньчжурию, а затем в Германию. Гуков, как и Хисамутдинов, убежден в том, что Дербек защитил докторскую диссертацию именно в Казанском университете.

Однако в самой диссертации Ф.А. Дербек (через первое «ё») «История чумных эпидемий в России с основания государства до настоящего времени», имеется краткая, но ценная биографическая справка с несколько другой информацией. Там мы находим запись о том, что родился Дербек в Санкт-Петербурге в 1866 г., а диссертационную работу для получения ученой степени доктора наук защитил в 1905 г. также в Петербурге, в Военно-меди-

цинской академии [9]. Среднее образование Дёрбек получил в 1884 г. в гимназии при евангелическо-лютеранской церкви Святой Анны. И в этом же году поступил на 1-й курс Военно-медицинской академии¹. Затем Дёрбек перевелся на медицинский факультет Дерптского университета, который и окончил в 1892 г. Следующие несколько лет Дёрбек работал врачом в петербургских больницах и различных организациях. Например, участвовал в качестве санитарного врача при строительстве постоянного Троицкого моста, где будущий этнограф наблюдал за здоровьем водолазов.

Дальнейшие биографические сведения, указанные в этой справке, например в том, что с июля по октябрь 1904 г. Дёрбек работал врачом в Кисловодске, противоречат уже известным нам по работам дальневосточных исследователей. Далее в *curriculum vitae* приведен список медицинских трудов Дёрбека (1895–1904 гг.), переводов учебников с немецкого языка. При любой из двух возможных дат рождений он мог быть автором и переводчиком этих работ.

Диссертация Дербека об истории чумных эпидемий России, над которой он трудился в течение пяти лет с 1900 по 1905 гг., является важным вкладом в отечественную науку. Работа имеет междисциплинарную направленность и актуальна не только для решения сугубо медицинских проблем, но также исторических, политических и культурных [9: с. I–III]. Вернее, даже межкультурных, ибо красной нитью через всю диссертацию Дербека проходит мысль том, что чума рождается исключительно на востоке и лишь затем распространяется в виде эпидемии в западные страны.

Одной из главных причин распространения эпидемий Дербек считал межэтнические контакты. На примере России Дербек иллюстрировал свое убеждение фактами вспышек чумы в Одессе и Астрахани, портах, соседствующих с азиатскими государствами.

При написании диссертации Дербек использовал сравнительно-исторический метод, и поэтапно рассматривал эпидемии в России на основе тщательно выверяемых им симптомов, характерных для данных заболеваний. В результате он пришел к интересным выводам о том, что в некоторых местностях России эпидемии случались часто, в других их можно считать отклонением от нормы, что связано с региональными условиями: в одних местах среда для вирусов была благоприятная, в других – препятствующая.

Важной заслугой Дербека перед отечественной наукой является выбор им в качестве источниковой базы для своего исследования Воскресенской,

Ипатьевской, Новгородской, Псковской и других русских летописей IX–XIV вв., которые для освещения того времени являлись единственными письменными источниками [9: с. 6–8, 11].

Однако с некоторыми моментами работы Ф.А. Дербека все же трудно согласиться. Например, с его выводом о взаимосвязи степени распространения эпидемий с уровнем развития культуры конкретного народа и способами защиты от такого массового бедствия [9: с. 1–3]. Противоречие заключается в том, что сначала Дербек подчеркивает, что эпидемии приносят наибольший урон в Африке и Азии, в странах, по его мнению, с низким уровнем культуры населения, а далее приводит примеры того, как чума XIV в. унесла 25 млн жизней европейцев в таких высокоразвитых в культурном отношении странах, как Англия, Испания и Италия.

В целом Дербек создал интересный, ценный труд, из которого можно выявить эволюцию взглядов россиян на эпидемии, способы борьбы с ними. Сначала эпидемии считались фатальной неизбежностью, затем проделками злых духов, и, уже на основе христианского мировоззрения, в качестве божьего наказания за грехи. Для защиты от чумы люди проветривали на ветру письма, вымачивали деньги в уксусе, сжигали вещи умерших, применялась также святая вода и мощи чудотворцев, запрещались коллективные скопления народа во время эпидемий, бродящих кошек и собак убивали, как возможных переносчиков чумы [9: с. 40, 75, 139, 200]. Наиболее реальным способом борьбы с заболеваниями, по мнению Дербека, служат санитарные мероприятия во всех странах, где уже распространилась эпидемия.

В настоящее время антрополог А.П. Бужилова продолжает исследовать тему, поднятую Дербеком. Она убеждена в том, что он защитил диссертацию именно в Санкт-Петербурге в Военно-морской академии в 1905 г. [6: с. 30]. В результате анализа русских летописей, применения компьютерного моделирования, сравнительного обобщения медицинских, демографических и антропологических показателей, Бужиловой удалось подтвердить правильность выводов Дербека о цикличности распространения чумных эпидемий на северо-западе Русской равнины. Нет особого смысла сравнивать работы Дербека и Бужиловой, разделенные сотней лет, ибо за это время наука ушла далеко вперед, но нельзя отрицать и того факта, что диссертация Дербека подтолкнула современных исследователей к дальнейшей разработке указанных проблем. В этом также заключается ее ценность.

Можно привести еще один фактор, правда, носящий косвенный характер, о том, что Дербек защищался в Петербурге, а не в Казани. Его оппонентами были жители Санкт-Петербурга, известные ученые Императорской Военно-медицинской ака-

¹ Если Дербек родился в 1866 г., то ему было 18 лет, а если в 1871 г., то только 13 и студентом в таком возрасте он вряд ли мог стать.

демии, внесшие большой вклад в развитие отечественной медицины. Известно, что Военно-медицинская академия является одним из старейших медицинских высших учебных заведений России, основанной в 1798 г. на базе ранних медицинских учреждений (рис. 1).

Возникает вполне резонный вопрос о том, зачем петербуржцу Ф.А. Дербеку нужно было ехать в Казанский университет для защиты диссертации? Хотя здесь вполне могут быть самые различные причины (культурные, этнические, семейные, личные и т.п.). Этот спорный вопрос биографии Дербека также требует дальнейшего исследования.

Кратко описывает основные этапы жизни и деятельности Ф.А. Дербека, анализирует его научные работы известный дальневосточный этнограф В.В. Подмаскин в своей диссертации и в последующих трудах. Д.Б. Тарасенко писал о том, что Дербек родился в купеческой семье в 1871 г., а умер в 1944; служил морским врачом на транспортах «Алеут» и «Тунгус», занимался этнографическими и естественнонаучными исследованиями, опубликовал на немецком языке монографию об особенностях культуры удэгейцев и орочей [18: с. 15–16; 19; 21: л. 233; 20: с. 477–481].

А.И. Тарасова в монографии о В.К. Арсеньеве кратко освещает не решенную окончательно до сих пор проблему о судьбе знаменитой рукописи Арсеньева «Страна Удэхе», и отношение к ней Дербека [22: с. 239–244]. Тарасова предположила, что Дербек опубликовал ее в Германии в 1956 г. под названием: «Die Waldmenschen udehe. Forschungsreisen im Amur – und Ussurigebie. [«Лесные люди удэхе. Исследовательские путешествия в районах Амура и Уссури»], под псевдонимом «Фридрих Альберт». Хотя Дербек указал, что он публикует устные сообщения и письменные материалы своего друга Арсеньева, умершего у него на руках [25: с. 7–8, 40].

Прежде, в 1913 г., у Дербека уже был опыт публикации этнографической статьи о медвежьем празднике нивхов Амурского лимана [14: с. 27–32]. Она написана на основе данных, сообщенных Дербеку лоцмейстером Амурского лимана М.Е. Чепелевым, наблюдавшим жизнь нивхов, а также на основе этнографических полевых сборов самого Дербека. Дербек прав в том, что культ почитаемого нивхами в качестве божества медведя наиболее ярко проявляется в медвежьем празднике. Ученый смог подметить отличия простого и включенного этнографического наблюдения: непосвященному человеку сущность этого праздника остается малопонятной. Лишь для «своего» исследователя, заслужившего доверие долгими годами совместного проживания, нивхи готовы раскрыть тайны древней мистерии (рис. 2).

Дербек описал весь ход праздника от содержания медведя в срубе до ритуального убийства и торжественного поедания священного мяса, особо оговаривая спорные места. Например, о сроках и причинах устройства праздника. Некоторые моменты Дербек описывает поверхностно, ибо он и его русский информант не знали досконально всей мировоззренческой глубины ритуала прощания людей с медведем, своим родственником, что внешне проявлялось в объятиях с ним и прощальных поцелуях. Кроме того, на этот обряд накладывается институт инициации, ритуал превращения мальчика в мужчину, в охотника, который должен публично проявить свою смелость и ловкость. Незаконченным логично остается и описание Дербеким финала праздника, связанного с ритуалом сохранения скелета медведя для будущего возрождения. Но в любом случае мы благодарны Ф.А. Дербеку за то, что он зафиксировал эту важную информацию о древней культуре нивхов.

Рис. 1. Здание Военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге. Фото Буллы. 1914 г.

Источник: Режим доступа: http://wap.panevin.ru/calendar/otkrita_mihaylovskaya_klinicheskaya.html (дата обращения 05.10.2011).

Рис. 2. Медвежий праздник. Нижний Амур. с. Булава, Ульский район. 1992 г.
Фото С.В. Березницкого

Источник: Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 403. Л. 57.

В течение нескольких лет (1902–1912) Ф.А. Дербек имел возможность изучать культуру удэгейцев, орочей и нивхов на территории будущего Приморского края, в бассейне реки Амур и на побережье Охотского моря. Впоследствии в предисловии монографии «Лесные люди удэхе» Дербек оповещает читателя, что в ней он использует материалы В.К. Арсеньева, с добровольного и любезного разрешения путешественника и ученого. В работе достаточно подробно описана духовная и материальная культура двух наиболее родственных коренных народов Дальнего Востока: удэгейцев и орочей². Дербек показал особенности мировоззрения этих народов, их представления об окружающем мире, роль верований и обрядов в промыслах. Дербеку удалось представить мировоззрение удэгейцев и орочей в виде комплекса, состоящего из духовных форм, первые из которых наполнены аниматическими верованиями, оживотворяющими все окружающее человека пространство: небо, землю, море, реки, горы и тайгу с их обитателями; другие связаны со сверхъестественными душами и духами, представляющими собой сложный пантеон, и влияющими на жизнь не только отдельного человека, но и целого социума, рода или общины [25: s. 182–184].

Отдельным блоком рассмотрен институт шаманства: образ и роль шамана в социуме, его облачение и атрибуты. Суть занятий шамана заключалась в помощи людям: шаман лечил больные человеческие души, искать потерявшиеся или украденные зловредными существами, отправлял в загробный мир души умерших людей.

Интересны материалы Дербека о структуре общества удэгейцев, законах, направленных на соблюде-

ние гармонии между людьми, между людьми и животными, что выражалось в щадящих формах промысла и хозяйства, в гармонии со сверхъестественными существами, хозяевами местности [25: s. 181–182]. Со многими духами связаны верования и ритуалы жизненного цикла, регламентирующие этапы рождения человека, взросления и смерти.

При описании медвежьего праздника Дербек верно показывает, что это важнейший институт культуры является дифференцирующим этническим компонентом, ибо удэгейцы устраивали праздник только с убитым на промысле зверем, а орочи еще и специально выращивали медведя в срубе [25: s. 208–214].

В качестве основополагающих элементов системы жизнедеятельности освещены приемы охоты, морского зверобойного промысла, морского и речного рыболовства, собирательства таяжных дикоросов и даров моря, заготовки продуктов впрок, особенности этнической кухни и т.п. Хрестоматийным является описание блюда из жеваной вяленой рыбы с добавлением ягод и тюленьего жира, которым угощали стариков и наиболее уважаемых гостей [25: s. 71, 85, 136].

Большой заслугой Дербека является то, что многие описываемые им сюжеты промыслов, хозяйства, декоративно-прикладного искусства он сравнил с подобными элементами других народов Дальнего Востока России.

Большой и важный жизненный этап связан у Ф.А. Дербека с его участием в работе Гидрографической экспедиции Восточного океана в начале XX в. на пароходе «Охотск». Кроме исполнения врачебных обязанностей, Дербек активно занимался биологическими сборами. Ценность этих исследований в том, что они осуществлялись в районах, практически не посещаемых тогда морскими биологами.

² Перевод текста данной книги с немецкого языка на русский осуществлен специалистом по немецкой охотничьей лексике, канд. филол. наук В.П. Куликовым.

В отчетах о работе Гидрографической экспедиции 1909, 1910, 1912 гг. Дербек писал о том, что исследователи работали в Амурском лимане и Татарском проливе, в заливах Петра Великого и Аян, в устье реки Яны, в Тауйской губе, у побережья Сахалина и Камчатки [10: с. XVII–XXIX; 12: с. XX–XXX; 13: с. XXIII–LV, LI–LIII]. Ученые фиксировали глубину, характер дна, температуру воды и воздуха, производили траление на более чем 50 морских станциях.

Добытые экспонаты морской флоры и фауны, ученые консервировали в стеклянных банках с использованием спирта и формалина. Применялась интересная методика спиртования моллюсков и инъектирования птичьих тушек формалином. Перед отправкой для систематизации в центральные лаборатории, Зоологический музей и Ботанический сад Академии наук, экспонаты проходили первичную обработку в музее Общества изучения Амурского края во Владивостоке.

В этот период Дербек совершил много сухопутных путешествий по побережью Охотского моря и бассейну Нижнего Амура, собирая растения, местных птиц, насекомых и животных, делая фотоснимки, наблюдая жизнь коренных народов у мыса Пронге, у островов Лангр и Удд. Возможно, какие-то этнографические материалы он мог позже включить в монографию «Лесные люди удэхе» (рис. 3). В отчетах Дербек имеют интересные описания белух, по появлению которых нивхи судили о начале лососевой путины; описание нивхских орудий и методики лова этих морских животных. Культ белухи заключался в ритуальном захоронении черепа на специальных кладбищах. По мнению Дербек, местные коренные народы полностью зависят от хода лосося, которым питаются и медведи, наедающие за сезон более 15 см. жира [13: с. LI–LIII].

В целом Дербек собрал, законсервировал, гербаризировал большое количество представителей флоры и фауны Дальнего Востока: таежных растений, морских водорослей, ракообразных, иглокожих, кишечнорастворимых, рыб и т.п. [17: с. 42–43].

Современный ботаник Г.В. Гуков высоко оценивает Дербек как естествоиспытателя. В начале XX в. на побережье Охотского моря Дербек обнаружил неизученное ранее растение, которому лишь через шесть десятилетий было справедливо дано название – «Камнеломка Дербек» [8: с. 204].

В архиве Российской Академии наук сохранились письма Ф.А. Дербек В.Л. Комарову (будущему академику и президенту АН СССР (1936–1945), датированные 1910–1911 гг. [16]. Ученые могли познакомиться зимой 1908 г., когда Комаров был проездом во Владивостоке, следуя на Камчатку [7: с. 53–74]. В письмах Дербек сообщает о состоянии посылаемых Комарову коллекций, собранных у мыса Пронге, в заливе Де-Кастри и других местах; подробно описывает, как сохранены препараты; благодарит Комарова за помощь по систематизации коллекций.

Отдельную историографическую сферу представляют примеры использования материалов Дербек современными авторами различных сообщений о неопознанных подводных объектах и явлениях. В отчете о работе Гидрографической экспедиции 1909 г. Дербек описал и научно обосновал наблюдаемый им случай свечения морских организмов в Охотском море [11: с. XXIX–XXXII]. В настоящее время выдержки из этой статьи, но без выводов ученого о биологической причине свечения, тиражируются на сотнях интернет-сайтах. Текст в них примерно одинаков: морской врач Ф.А. Дербек, во время экспедиции на транспорте «Охотск», зафиксировал таинственную, очень яркую и совершенно необъяснимую световую иллюминацию Охотского моря.

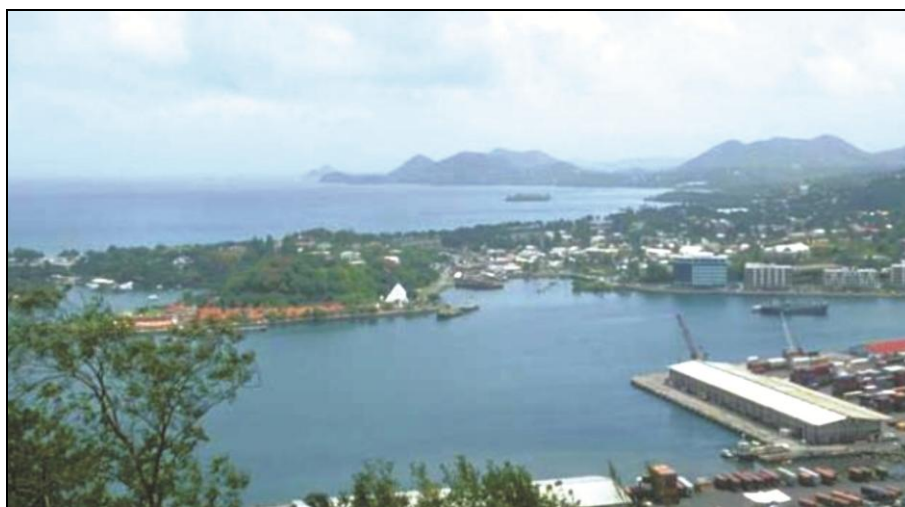

Рис. 3. Залив Де-Кастри

Источник: Режим доступа: <http://www.globeimages.net/img-castries-st-lucia-915.htm> (дата обращения 05.10.2011)

Таким образом, в начале и конце XIX, в начале XX в. Фридрих Дербек писал научные работы, занимался медицинскими, биологическими и этнографическими исследованиями, участвовал в экспедициях и деятельности музея ОИАК, в работе Переселенческого управления, что было важным для колонизационной политики на Дальнем Востоке, в обсуждении вопросов по изданию справочников для местных предпринимателей, по организации промыслового музея, по созданию биологической станции [17: с. 16]. Другими словами, к научным занятиям Дербека необходимо добавить и его активную гражданскую позицию.

В настоящее время по-прежнему существуют проблемы с уточнением некоторых дат биографии Ф.А. Дербека и его научно-исследовательской работы. Предстоит дальнейшая работа по уточнению важных аспектов его жизни и отношений с Арсеньевым. Наиболее актуальным вопросом не только в моральном, но и научном отношении является связь Дербека с рукописью В.К. Арсеньева «Лесные люди удэхе». Некоторые из указанных выше исследователей склоняются к выводу о том, что Ф.А. Дербек увез рукопись Арсеньева в Германию, где она была опубликована под псевдонимом, под которым все равно угадывается Ф.А. Дербек. Даже если Дербек и Арсеньев были большими друзьями, то Дербек не имел права публиковать работу практически под своим именем. Вполне может быть или монографию опубликовали родственники или ученики Дербека. Этого издательства, осуществившего печать монографии, уже не существует в современной Германии.

Вполне имеет право на существование и такая версия: В.К. Арсеньев мог сам попросить Ф.А. Дербека вывезти рукопись из страны. За самим Арсеньевым в то время усиливался контроль со стороны НКВД и еще неизвестно, что произошло бы с этой рукописью, попади она в руки чекистов. Непростые, порой трагические отношения Арсеньева с органами власти в то время подробно описывает А.А. Хисамутдинов в ряде своих трудов. В любом случае, точку здесь ставить пока рано, и необходимы дальнейшие исследования. Вклад Ф.А. Дербека в ряд естественных и гуманитарных дисциплин неоспорим. Его исследовательский багаж действительно значителен и является приращением новых знаний для российской науки.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Арсеньев, В.К. Лесные люди удэхайцы / В.К. Арсеньев. – Владивосток : Книжное дело, 1926. – 48 с.
2. Арсеньев, В.К. Мифы, легенды, предания и сказки народов Дальнего Востока / В.К. Арсеньев ; сост. Н.А. Соболевская. – Хабаровск; Steszew, Poland: Intern. Inst. of Ethnolinguistic and Oriental Studies, 1995. – 177 с.
3. Арсеньев, В.К. Сквозь тайгу / В.К. Арсеньев. – М. : Гос. изд-во геогр. лит., 1949. – 404 с.
4. Арсеньев, В.К. Собрание сочинений. В 6 т. / В.К. Арсеньев. – Владивосток : Примиздат, 1947–1949.
5. Березницкий, С.В. Ф.А. Дербек и его роль в развитии отечественного североведения / С.В. Березницкий // Реальность этноса: северное измерение: сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 12 октября 2011 г. ; под ред. И.Л. Набока. – СПб. : Астерион, 2011. – С. 109–114.
6. Бужилова, А.П. Палеопатологические исследования в России: история вопроса / А.П. Бужилова // Вестник Московского университета. – М. : Изд-во МГУ, 2009. – № 1. – С. 30. – (Серия XXIII «Антропология»).
7. Гоневчук, Э.В. Мемориальный научный гербарий Приморского государственного объединенного музея имени В.К. Арсеньева, связанный с именем Владимира Леонтьевича Комарова. Комаровские чтения / Э.В. Гоневчук. – Владивосток, 1997. – Вып. XLIV. – С. 53–74.
8. Гуков, Г.В. Чье имя ты носишь, растение? Сто пятьдесят кратких биографий: (Из истории ботанических исследований на Дальнем Востоке) / Г.В. Гуков. – 2-е изд. испр. и доп. – Владивосток : Дальнаука, 2001. – С. 202–205.
9. Дербек, Ф.А. История чумных эпидемий в России с основания государства до настоящего времени : дис. ... д-ра медицины / Ф.А. Дербек // Серия исторических диссертаций, допущенных к защите в Императорской Военно-медицинской академии в 1904–1905 учебном году. – СПб. : Типография Я. Трей, 1905. – № 14. – 389 с.
10. Дербек, Ф.А. Фаунистические изыскания, веденные во время плавания Гидрографической экспедиции Восточного океана / Ф.А. Дербек // Ежегодник Зоологического музея Императорской академии наук. – СПб. : Изд-во Имп. АН., 1909. – Т. 14. – № 1–2. – С. XVII–XXIX.
11. Дербек, Ф.А. Наблюдения над свечением Охотского моря / Ф.А. Дербек // Ежегодник Зоологического музея Императорской академии наук. – СПб. : Изд-во Имп. АН., 1909. – Т. 14. – № 1–2. – С. XXIX–XXXII.
12. Дербек, Ф.А. Отчет по естественноисторическим работам на опасном пароходе «Охотск» во время плавания Гидрографической экспедиции Восточного океана в 1909 г. / Ф.А. Дербек // Ежегодник Зоологического музея Императорской академии наук. – СПб. : Изд-во Имп. АН., 1910. – Т. 15. – № 4. – С. XX–XXX.
13. Дербек, Ф.А. Отчет по естественноисторическим работам в Гидрографической экспедиции Восточного океана во время кампании 1912 года / Ф.А. Дербек // Ежегодник Зоологического музея Императорской академии наук. – СПб. : Изд-во Имп. АН., 1913. – Т. 18. – № 2. – С. XXIII–LV, LI–LIII.
14. Дербек, Ф.А. Медвежий праздник гиляков / Ф.А. Дербек // Записки Общества изучения Амурского края Владивостокского отделения Приамурского отдела Имп. Русского Географического Общества. – СПб., 1913. – Т. 13. – С. 27–32.
15. Дербек, Фридрих Альбертович [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bfrz.ru/data/beloie_dvizgenie_volkov_5.pdf. (дата обращения 05.10.2011).
16. Дербек, Федор Альбертович. Доктор Морского госпиталя. Владивосток. 1910–1911. Пять писем (В.Л. Комарову) [Электронный ресурс] // Архив РАН. – Ф. 277. – Оп. 4. – Д. 549. – Л. 9. – Режим доступа: <http://isaran.arran.ru/isaran/isaran.php>. (дата обращения 05.10.2011).

17. Отчет о деятельности Общества изучения Амурского края за 1907 год // Записки Общества изучения Амурского края ВОПО ИРГО. Т. 12. Посвященный памяти исследователя Уссурийского края, первого председателя ОИАК – Ф.Ф. Буссе. – Владивосток, 1908. – С. 42–43.

18. *Подмаскин, В.В.* Традиционные народные знания удэгейцев о природе, человеке и обществе во второй половине XIX–XX в. (опыт историко-этнографического исследования) / В.В. Подмаскин. – Владивосток, 1984. – С. 15–16.

19. *Подмаскин, В.В.* Народные знания в традиционной культуре тунгусо-маньчжуров и нивхов Нижнего Амура и Сахалина (середина XIX–XX в.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / В.В. Подмаскин. – Владивосток, 2002. – 46 с.

20. *Подмаскин, В.В.* Исследовательская и общественная деятельность корабельного врача Ф.А. Дербека (1902–1930 гг.) / В.В. Подмаскин, Д.Б. Тарасенко // Россия на Тихом океане: роль личности в становлении российской государственности и проблемы безопасности (Шестые Крушановские чтения, 2009 г.). – Владивосток : Дальнаука, 2011. – С. 477–481.

21. *Тарасенко, Д.Б.* Традиционная культура коренных народов Дальнего Востока России в трудах Л.Ф. Гриневец-

кого, Ф.А. Дербека, М.М. Добротворского, Н.В. Кирилова и Н.В. Слюнина (вторая половина XIX – начало XX вв.) : рукопись дис. ... канд. (по спец. 07.00.07) / Д.Б. Тарасенко. – Владивосток, 2009. – Л. 233. (Рукопись хранится в текущем архиве отдела этнологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Владивосток).

22. *Тарасова, А.И.* Владимир Клавдиевич Арсеньев / А.И. Тарасова. – М. : Наука. 1985. – 334 с.

23. *Хисамутдинов, А.А.* Его звали Арсеньев-Уссурийский. Документально-исторический очерк / А.А. Хисамутдинов // Записки Общества изучения Амурского края. – Владивосток, 1997. – Т. 31. – 135 с.

24. *Хисамутдинов, А.А.* Владимир Клавдиевич Арсеньев. 1872–1930 / А.А. Хисамутдинов. – М. : Наука. 2005. – 222 с.

25. *Albert F.* Die Waldmenschen udehe. Forchungreisen in Amur-und Ussurigebiet / F. Albert ; S.W. Leske Verlag. – Darmstadt, 1956. – 275 s. («Лесные люди удэхе. Исследовательские путешествия в районах Амура и Уссури»).

Н.В. УСТРЯЛОВ О РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ. НОВЫЙ ДОКУМЕНТ ИЗ АРХИВА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Е.И. Гусева

Гусева Елизавета Игоревна – старший советник Историко-документального департамента МИД Российской Федерации.

Контактный адрес elizaveta_guseva_00@mail.ru

Впервые публикуется документ из Архива внешней политики Российской Федерации – письмо видного деятеля российской эмиграции, одного из основателей «сменовеховства» Н.В. Устрялова на имя генерального консула СССР в Харбине М.М. Славуцкого (1934 г.). Автор размышляет о настроениях в эмигрантской среде, предлагает пути облегчения участи так называемых «возвращенцев», их встраивания в жизнь СССР.

Ключевые слова: архив внешней политики Российской Федерации, Н.В. Устрялов, Харбин, эмиграция, «возвращенцы», сменовеховство, репрессии.

В мае 1935 г. профессор Н.В. Устрялов, один из видных деятелей российской эмиграции, вернулся из Харбина в СССР. После двух лет преподавания экономической географии в не самом известном московском вузе – Институте инженеров транспорта – он был арестован и в сентябре 1937 г. расстрелян. Вслед за ним, в 1938 г. была арестована и осуждена на восемь лет лагерей его жена.

Трагический финал жизни ученого был предопределен как логикой развития его общественно-политических взглядов, так и сложившимися обстоятельствами.

Николай Васильевич Устрялов (1890–1937), крупнейший философ, юрист и историк культуры, принадлежал к интеллектуальной элите русской эмиграции.

Будучи профессором Московского университета, он рано сделал себе имя в научных кругах дореволюционной России. В последующий период его работы привлекали внимание не только представителей российской эмиграции в Европе и на Дальнем Востоке, но и руководства СССР.

Более всего Н.В. Устрялов известен как один из идеологов так называемого «сменовеховства» или национал-большевизма – либерального направления общественной мысли русской эмиграции, получившего свое название по вышедшему в 1921 г. в Берлине сборнику публицистических статей «Смена вех». Странники этого течения пытались увидеть в большевизме и советском режиме залог сохранения сильного государства и, что было особенно важным для Н.В. Устрялова, развития национальной культуры. Будучи «государственником» и при этом приверженцем эволюционного развития, Н.В. Устрялов выступал за сотрудниче-

ство интеллигенции с советской властью, надеясь на ее постепенное перерождение в более гуманные формы и видя в ней единственную силу, способную защитить национальные интересы России.

При этом если до середины 1920-х гг. Н.В. Устрялов придерживался антикоммунистических взглядов, сохраняя свою идейную самостоятельность, то после поездки в СССР в 1926 г. его позиция постепенно меняется в сторону полной поддержки большевистского режима и политического курса Сталина [4: с. 226–228]. Ученый пришел к выводу, что российская интеллигенция, в том числе и находящаяся в эмиграции, должна безоговорочно поддержать советское государство, его внешнюю и внутреннюю политику.

Оказавшись в 1920 г. в эмиграции, Н.В. Устрялов прожил в Харбине 15 лет, и этот период оказался для него весьма плодотворным. Он стал одним из основателей и профессоров Юридического факультета, первого высшего учебного заведения Харбина, читал лекции в Харбинском институте Японо-Русского общества, в 1925–1927 гг. занимал должность начальника Учебного отдела КВЖД, а в 1928–1935 гг. – директора Центральной библиотеки КВЖД. Кроме того, он активно печатался, его работы выходили в харбинских и европейских эмигрантских изданиях.

В мае 1925 г. в Генконсульстве СССР в Харбине Н.В. Устрялов оформил советское гражданство [5: с. 180]. Материалы Архива внешней политики Российской Федерации свидетельствуют о том, что по крайней мере с начала 1930-х гг. он поддерживал контакты с советским представительством, встречался с его руководителями, посылал им свои работы.

В апреле 1934 г. Н.В. Устрялов направляет советскому генконсулу М.М.Славуцкому обширное письмо, посвященное положению русской эмиграции в Маньчжурии. [2: л. 92–99] Автор ссылается в нем на состоявшийся ранее разговор со Славуцким, запись которого не сохранилась (если вообще была сделана)¹.

Время написания этого письма неслучайно. С приходом в начале 1930-х гг. в Маньчжурию японцев и образованием государства Маньчжоу-Го положение русских эмигрантов изменилось к худшему. Безработица, бедность, неопределенность правового статуса и отсутствие перспектив для молодежи всегда сопутствовали жизни большинства эмигрантов. Однако предстоявшая продажа КВЖД означала потерю работы для многих тысяч советских граждан, обслуживавших дорогу². Японцы начали вытеснять русских предпринимателей, закрывать частные русские учебные заведения и увольнять русскую профессию. В 1934 г. Н.В. Устрялов вместе с группой преподавателей был вынужден покинуть Юридический факультет [5: с. 180].

Отражением растерянности среди эмиграции стало расслоение в ее рядах: росло число сторонников возвращения в СССР, одновременно возникла Русская фашистская партия; проявлялись как антияпонские, так и японофильские настроения. Пессимизм и почти отчаяние – так характеризовал настроения в колонии Н.В.Устрялов [2: л. 96].

При этом советская сторона не желала сохранения рядом со своими границами значительной сплоченной эмигрантской среды, которая могла быть использована японцами и марионеточными властями Маньчжоу-Го в борьбе против СССР. «Мы заинтересованы в том, чтобы расколоть эмигрантскую колонию в Маньчжурии, ослабить ее численно и разложить морально-политически», – писал заместителю наркома иностранных дел СССР Б.С. Стомонякову советник постпредства СССР в Японии, временно исполнявший обязанности генконсула в Харбине, Н.Я. Райвид 29 сентября 1934 г. [1: л. 35].

В этой ситуации, когда возвращение на родину для советских граждан, проживавших в Маньчжурии и лишившихся работы, стало неизбежным, а для эмиграции положение оказалось безнадежным в силу невозможности как вернуться в СССР, так и продолжать существовать по-прежнему, Н.В. Устрялов обращается к советскому представителю в

Харбине с письмом, в котором предлагает план если не спасения эмиграции, то хотя бы облегчения ее участи. При чтении документа возникает впечатление, что его подлинный адресат – не Наркомат по иностранным делам, а высшее руководство страны.

Н.В. Устрялов начинает письмо с предложения рассматривать эмиграцию как силу, которую следует привлечь на свою сторону, а не сбрасывать со счетов, так как она может принести как практическую пользу стране («в качестве небесполезных возвращенцев – прошедших европейскую школу специалистов в разных отраслях народного хозяйства» [2: л. 99]), так и оказаться полезной в политическом смысле.

Говоря об «японофильстве» некоторых эмигрантских кругов, автор осторожно намекает, что это во многом является результатом пренебрежительного отношения к эмиграции со стороны Москвы в последний период, а также информации о репрессиях, поступающей из СССР. «Террор – вот что отпугивает эмиграцию от советской власти в первую очередь», – замечает он [2: л. 95].

Н.В. Устрялов приветствует идею «амнистии» для эмигрантов, пожелавших вернуться в СССР, которая была выдвинута руководством Генконсульства. В письме Б.С. Стомонякову Н.Я. Райвид предлагал «...организовать для возвращающихся специальные поселения в отдаленных от основных центрах мест», где эмигранты должны были бы провести испытательный период в несколько лет [1: л. 34].

Лидер сменовеховцев пытается смягчить условия для возвращенцев, предлагая проявить к ним некоторое «благожелательство» и направлять на стройки «не слишком отдаленные» [2: л. 93], а также обратить особое внимание на эмигрантскую молодежь. Он указывает также на желательность поступления позитивной информации о судьбах лиц, вернувшихся в СССР, поскольку это могло бы несколько успокоить страх преследований на родине, распространенный в эмигрантской среде.

Н.В. Устрялов призывает проявить «сочувственное понимание» к людям, «бессмысленно прозябающим за рубежом» и лояльно относящимся к СССР. К сожалению, призыв к гуманности не был услышан советским руководством, напротив, в конце 1930-х гг. по стране прошла волна репрессий против репатриантов из Китая, так называемых «харбинцев», затронувшая, по некоторым оценкам, более 30 тысяч человек³.

Письмо, составленное в 1934 г., было направлено генконсульством в Харбине в НКВД летом 1935 г., когда Н.В. Устрялов уже находился в Москве.

¹ К сожалению, в АВП РФ отсутствуют записи бесед генконсула с Н.В. Устряловым, как и с кем-либо другим из деятелей эмиграции.

² По «Соглашению об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Республикой» 1924 г. на КВЖД могли работать лишь граждане СССР или Китая [3: с. 81–82].

³ Начало репрессиям положил приказ наркома внутренних дел СССР Н.И. Ежова №00593 от 20 сентября 1937 г., направленный против «террористической диверсионной и шпионской деятельности японской агентуры из так называемых харбинцев» [6].

Устрялов не был одинок в своем желании влиться в советское общество, стать для него «своим». Многие эмигранты добровольно возвращались на родину, внушая себе несбыточные надежды и питая иллюзии, что смогут изменить режим в лучшую сторону. Другие рассчитывали принести практическую пользу, быть востребованными в своей стране.

Действительность, с которой Н.В. Устрялов столкнулся на родине, опровергла все его теоретические построения. По возвращении он стал жертвой того самого тоталитарного государства, укрепление которого бескомпромиссно и искренне приветствовал⁴.

Трудно сказать, чего больше в публикуемом документе – искреннего патриотизма или удивительной наивности. По-видимому, это противоречие отражало сложность эпохи в один из ее переломных моментов и предопределило трагическую судьбу автора.

Совершенно доверительно

Многоуважаемый Михаил Михайлович,

Как мы условились, я попробую изложить письменно соображения, высказанные мною в нашей последней беседе.

*Можно двояко смотреть на русскую эмиграцию: 1) она *quantité negligible* и возиться о нею нечего: пусть доживает в своем зарубежья, пусть рассасывается по всем заграницам. СССР не только не имеет, но и не может иметь с ней ничего общего, и она ему повредит ничем не в состоянии. Ни одного нашего паспорта эмигрантам. И никаких «органических» мероприятий в этом вопросе, – и 2) хотя эмиграция не представляет собою самостоятельной силы, она способна, однако, принести Союзу и а) некоторый относительный вред, и б) некоторую относительную пользу. В частности, маньчжурские хотя бы события показали, что белогвардейцы и непосредственно, и главное через японцев – причиняют нам кое-какие неприятности. И второе – тоже в случае осложнения обстановки они могут быть использованы враждебными нам силами против нас. Напротив, при изменившихся настроениях хотя бы в части эмиграции, она а) способна доставить нам известное количество небесполезных возвращенцев – прошедших европейскую школу специалистов в разных отраслях народного хозяйства и б) свои связи с иностранцами может употребить не во вред нам, а в пользу; так, например, нельзя отрицать относительной объективной пользы для нас последних выступлений Милюкова в английских и*

французских влиятельных кругах. Не вредно было бы появление в эмиграции авторитетной группировки, более близкой СССР, чем Милюков. Если так, то эмиграцией следует заняться более пристально.

Таковы, в схематическом изложении, две возможных точки зрения на эмиграцию. Я не буду выяснять вопроса, какая из них правильней. И ту, и другую можно защищать. Дальнейшие мои соображения имеют смысл лишь при том условии, если стать, в основном, на вторую точку зрения. Таким образом, они имеют условный характер.

Несколько слов о современном состоянии маньчжурской и европейской русской эмиграции. Первую мы имеем возможность наблюдать воочию. О второй мы можем судить здесь по литературным источникам и кое-каким частным письмам.

Нужно различать в эмиграции «вождей» и «массу». В Маньчжурии «вожди» чрезвычайно захолустны, третьесортны. Тут среди них нет ни одного мало-мальски крупного человека (крупнее других И.А. Михайлов; но его беспринципный, нечистоплотный в самом элементарном смысле слова авантюризм оказался чрезмерным даже для видевшей на этот счет виды эмиграции, и он не пользуется в ее среде авторитетом; но японцы прислушиваются к нему больше, чем к другим).

Эмигрантских организаций здесь очень много (чуть ли не свыше сотни) и все они сейчас японофильские. «Вожди» так или иначе связаны с японцами, подчас подкармливаются ими, правда, довольно скудно. Одно время пыталась было возникнуть демократическая милюковская группировка, но из этой попытки ничего не вышло: «демократический» обыватель испугался, а милюковца не обывателя в Харбине не нашлось... за исключением Горчакова-Лидина, корреспондирующего в «Последние Новости», но он теперь совсем одинок и очень на дурном счету у вождей эмиграции, как и у японцев, угрожающих его выслать из Маньчжоу-го. Есть еще хилая «крестьянская» группа – «масловцы»; но недавно их лидер из Праги С.С. Маслов отлучил их от себя за японофильство и интервенционизм. Если говорить о японофильской «идеологии», то, пожалуй, наиболее четко и грамотно ее выражает Струве в своем парижском органе «Россия и Славянство». Как известно, Струве является непосредственным вдохновителем общевосточного союза.

Но было бы ошибочно это показательное японофильство «вождей» принимать за симптом японофильских симпатий эмигрантской массы. Правда, в первые месяцы, в начале 1932 г., и она, масса, возлагала на японцев кое-какие наивные надежды. Но теперь от них остается все меньше и меньше. Напротив, среди рядовых эмигрантов неудержимо растут антияпонские настроения.

⁴ Характерно, что первое заявление о реабилитации Н.В. Устрялова, поданное его вдовой в 1954 г., было отклонено, ученый был реабилитирован только в 1989 г. [5: с. 190].

Становится все очевиднее, что японское влияние вытеснит из Маньчжурии всех русских – без различий паспорта и политической веры. В торговых и вообще деловых сношениях японцы, по общим отзывам, вероломны и недобросовестны. Субсидирующие и нанимающие органы их скупы, грубы и мелочны. Наконец, тает мечта об «освобождении клочка русской земли»: во-первых, оказывается, японцы не так могущественны, как это казалось, а, во-вторых, даже и при осуществлении «буфера» в Приморье и Приамурье, – совершенно ясно, что роль русских была бы в нем отменно жалка и унижительна. Отсюда – резкое охлаждение эмигрантской массы к японцам. Мне передавали, что воскресают в ней там и здесь даже «брусиловские» настроения, питаемые сведениями о красной армии: «хоть и красные, а все же наши»... Рассказывают забавные беседы на тему: «эх, набили бы японцам морду, – хоть наше положение тут будет пиковым, а все же хорошо бы!». Будто бы подобные беседы не в диковину и среди самих белых элементов. Любопытно отметить, что в местном отделе общевойскового союза преобладают настроения, далеко не столь японофильские, как в европейском центре этого союза (Миллер, тот же Струве).

Но можно ли сказать, что японофильские настроения обертываются советофильскими? Нет, пока этого сказать нельзя, и было бы неправильно переоценивать значимость изложенных «патриотических» излияний. Настроений советофильских в подлинном смысле слова в дальневосточной эмиграции сейчас нет, или почти нет.

Они были «в эпоху нэпа». Тогда наблюдалась довольно значительная тяга эмигрантов на родину. Многие обзавелись советскими паспортами и перестали быть эмигрантскими. Некоторое их количество вернулось в СССР. «Активистские» настроения свелись к минимуму. Успех сменовеховской пропаганды был наглядным симптомом этой обстановки. Советская политика на КВЖД, ставившая ставку на освоение значительной части эмигрантской интеллигенции, довершила разложение в эмигрантских рядах.

Затем положение мало-помалу меняется. Читки на КВЖД, а затем и вести из Союза, где сначала подготавливалось, а потом началось социалистическое наступление, вновь отпугивают от СССР эмигрантов. Трудности переходного периода 1930–33 гг., находящие себе нередко преувеличенное отображение в белой прессе и в письмах с родины, усиливают, стимулируют «непримиримость» эмигранта. Со своей стороны, Москва перестает уделять эмиграции внимание, ликвидирует сменовеховские органы, перестает заботиться о средствах воздействия на эмигрантов. В частности, игнорируются настроения эмигрантской

молодежи, которые, быть может, при известных продуманных усилиях могли бы быть направлены по иному руслу. В результате – консолидация эмиграции на активно непримиримых позициях и фашистская зараза в эмигрантской молодежи.

Успехи пятилетнего плана, а, главное, наметившийся перелом в нашем сельском хозяйстве и, следовательно, во всем хозяйственном состоянии страны (перспективы зажиточной жизни), – думается, способны вызвать новый сдвиг в эмигрантских настроениях. Обстановка мирового кризиса больно бьет по русской эмиграции. Несомненно, преобладающие ныне в ней настроения – глубоко пессимистические, близкие к отчаянию. Но она видит двери СССР наглухо перед ней закрытыми.

Во-первых, они заперты формально: получить советское гражданство для эмигранта – ныне вещь невозможная. И затем – по существу: эмигрант смертельно напуган! Большое значение имеют в этом отношении письма, им получаемые. Особенно пугают нередко письма возвращенцев, подвергшихся тем или другим неприятностям на родине: арестам, высылке.

«Мы все равно отпетые люди: даже если в Союзе наступит экономическое благоденствие, нам там не дадут жить». Эта сентенция характерна для рядового эмигранта. Он боится не столько хозяйственных лишений (он к ним привык за границей), сколько политических преследований: «полгода не тронут, ну, год не тронут, – а там непременно заберут, безо всякой вины». И начинается перечисление примеров.

Мужская белая молодежь идет к японцам – на охрану линий, в диверсионные отряды и т.д. Идет с фашистскими выкриками, но зачастую с отчаянием в душе: «Куда же деться?» Не подыхать же с голоду! Будет ли она в случае войны драться с Красной армией и обслуживать японцев? – Думается, да, будет. Не потому даже, чтобы этого ей хотелось, а потому, что, при наличном положении вещей, она не видит иного выхода: «от красных все равно пощады не будет, мы люди пропащие!». Я говорю, конечно, о массе; – фанатики белой борьбы – немногочисленные.

Террор – вот что отпугивает эмиграцию от советской власти в первую очередь. В 1931–32 гг. действовал и другой мотив, усиленно питаемый соответствующей прессой и письмами лишенцев: голод. С улучшением материальных условий жизни в СССР – в силе остается лишь первый мотив: страх личных преследований.

Может ли он быть рассеян? – Очевидно, да. Но не столько пропагандой, сколько фактами. В этом отношении, громадное, прямо решающее значение имели бы письма возвращенцев надлежащего содержания. Приведу один пример. В прошлом году

из Харбина уехал в СССР некий Волонцевич, хорошо известный харбинской публике, человек в деловом отношении способный, но политически – глубокий обыватель, еще недавно плывший в эмигрантском русле. Теперь он пишет восторженные письма о своей работе и своих впечатлениях и, что особенно важно, об отношении к нему со стороны власти. Его письма производят фурор. Побольше бы таких писем: они разлагают эмигрантщину большие, чем все статистические таблицы об успехах («что нам до этих успехов, раз все равно нам туда и носу показать нельзя»).

В нашей последней беседе, в связи с изложенными соображениями, выплыла тема «амнистии», «честного предложения» тем эмигрантам, которые пожелали бы вернуться в СССР: возвращенцы обязуются отработать определенный срок на определенных стройках. Плодотворный план! Но было бы ошибочно приурочивать его только к Дальнему Востоку, – он должен иметь характер общегосударственного мероприятия. Иначе здесь нетрудно будет скомпрометировать ссылку на лицемерие, на его вынужденность, обусловленную напряженным местным положением, активностью дальневосточной эмиграции: последняя, мол, связана с японцами, и нужно ее ослабить, соблазнить, смутить. Если же этот акт будет исходить из центра и иметь общее применение, он утратит специфический привкус, не утрачивая эффективности. А кроме этого, даже и недостаточный успех его в местном масштабе (на первое время этого можно ожидать) не опорочит его: не удалось здесь – удастся в других местах.

Если эта мера будет одобрена, ей должны предшествовать, или, по крайней мере, сопутствовать подходящие авторитетные разъяснения в советской прессе, которые нужно довести до сведения широких кругов эмиграции. Было бы целесообразно допустить в этих разъяснениях мотивы известного, я бы сказал, сочувственного понимания по адресу некоторых элементов эмиграции, бессмысленно прозябающих за рубежом и не имеющих более оснований ненавидеть свою социалистическую родину. При этом тактически целесообразно провести разграничительную черту между поколениями в эмиграции, сделав акцент на молодежь. Нелепо, когда молодежь, которой может найтись место дома, голодает и безработничает на зарубежных улицах, либо служит интересом врагов России, либо становится добычей дельцов смешной и утопической реакции. Естественно предположить, что среди этой молодежи найдутся люди, готовые расстаться с эмиграцией и вернуться на родину. Но не менее, мол, естественно, что советская власть со своей стороны должна присмотреться к этим людям, не может

не быть бдительной, настороженной по отношению к ним: не исключена возможность проникновения в пределы Союза, среди возвращенцев, создательных и заклятых врагов. Поэтому известный срок определенных работ. Будущее возвращенцев зависит от них самих.

Нельзя рассчитывать на немедленный и всеобщий успех этой меры. Но если организовать ее продуманно, – она может принести плоды. Сначала поедут немногие, и от их впечатлений (как и от общей обстановки) будет зависеть дальнейшее. Нужно предоставить им сносные условия жизни и проявить к ним даже некоторое «благожелательство». Следует позволить им возможно более свободную переписку с заграничными кругами. Их письма будут лучшим агитационным материалом в пользу СССР – и гвоздями в гроб эмигрантской «непримиримости». Между прочим, именно поэтому целесообразно направить их на стройки не слишком отдаленные и не связанные с какими-либо специфически трудными условиями жизни. Ибо ведь дело не в том, чтобы перетянуть в СССР энное количество эмигрантов, а в том, чтобы обезвредить и даже использовать в своих интересах эмиграцию. С этой целью можно было бы несколько оживить идейную работу среди эмигрантских группировок.

На Дальнем Востоке сейчас обстановка для этой работы, нужно сознаться, крайне неблагоприятна: господствует режим сурового военного террора.

В Европе в этом отношении положение, насколько я могу судить, значительно лучше. Есть элементы, за которые можно было бы ухватиться, как за первое звено цепи. Следует обратить особое внимание на настроения некоторых группочек молодежи «евразийской», «утвержденческой» окраски (см. приложение). Не могут ли они быть использованы для организации новой советофильской войны в эмиграции, – на этот раз, конечно, уже не на почве нэпа (старая «устряловщина»), а на новом базисе бесспорных успехов социалистического переустройства нашей страны. Тем самым эта волна не будет носить в себе и той политической двусмысленности, которая была не чужда старому сменовеховству. Однако и здесь не обойтись без некоторых «гибридных», быть может, лозунгов (уже не в сфере политики, а в области, – скажем модным среди зарубежной молодежи словечком, – «историософии»), способных привлечь эмигрантскую молодежь. Впрочем, это уже особая тема.

* * *

Повторяю, все эти соображения имеют смысл лишь на тот случай, если за «проблемой эмиграции» будет признана известная (хотя бы и очень

относительная) значимость. Иначе они целиком отпадают.

Примите уверения в искреннем уважении и преданности – Н. Устрялов. 12.04.34 г.

Приложение:

Приведу выдержку из письма одного из «видных» евразийцев, на днях полученного мною из Праги. Она любопытно характеризует настроения соответств. среды.

«... Наши новости все мельче и так сказать безобиднее. Увы, даже не верится, что эти люди, "наши отцы", когда-то вели огромную страну, заряженную волею к нечеловеческим подвигам. Жалкая и скучная картина (я говорю, понятно, об эмиграции). Все более сильное и здоровое отделяется от верхов эмиграции, отъединяется в кружки и кружочки, ... или пробивает себе "иностранную" дорогу. Если бы Союз объявил "амнистию", могла бы получиться неожиданная перемена декораций. Кстати, один близкий мне человек, химик и агроном, 48 лет, работал 5 лет на заводах Крезо, очень хочет вернуться на родину. Спрашивает меня как сделать? А я и сам не знаю – как? Лично я о возвращении не думаю, но не вижу причины, почему бы Союз отказался в такое время от хорошего спеца, вкусившего при том Европу...».

**Комментарии к письму Н.В. Устрялова
М.М. Славуцкому**

Милюков Павел Николаевич (1859–1943) – политический деятель, историк, публицист. Один из основателей и лидер Конституционно-демократической партии (1905). Министр иностранных дел

Временного правительства (1917). С 1918 г. – в эмиграции. В 1921–1940-х гг. – редактор газеты «Последние новости» (Париж).

Михайлов Иван Адрианович (1891–1946) – экономист, министр финансов в правительстве А.В. Колчака (1918–1919). С 1920 г. – в эмиграции в Китае. Редактор газеты «Харбинское время». В 1945 г. арестован, после суда в Москве расстрелян.

Горчаков Николай Николаевич (псевдоним Н. Лидин) – журналист, до 1939 года печатался в газете «Последние новости».

Маслов Сергей Семенович (1887–1965) – агроном, экономист, публицист. С 1921 г. – в эмиграции в Чехословакии. Один из лидеров партии «Крестьянская Россия».

Струве Петр Бернгардович (1870–1944) – общественный и политический деятель, экономист, публицист, историк. С 1920 г. – в эмиграции (с 1928 – в Белграде). Издавал ряд журналов и газет, преподавал в Белградском университете.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Аблова, Н.Е.* История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX века) / Н.Е.Аблова. – Мн.: БГУ, 1999.
2. АВП РФ. – Ф.01006. – Оп. 4. – П. 102. – Д. 29.
3. АВП РФ. – Ф.01006. – Оп. 5. – П. 106. – Д. 27.
4. *Аурилене, Е.Е.* Российская диаспора в Китае. 1920–1950-е гг. / Е.Е.Аурилене. – Хабаровск : Частная коллекция, 2008.
5. *Быстрянцева, Л.А.* Мировоззрение и общественно-политическая деятельность Н.В. Устрялова (1890–1937) / Л.А. Быстрянцева // Новая и новейшая история. – 2000. – № 5. – С. 162 – 190.
6. Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://memory.irk.ru/pub/law/pr1.htm>

ПРОБЛЕМА ГОЛОДА И НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ДЕРЕВНЕ В 1922–1925 ГГ.

С.М. Стасюкевич

Стасюкевич Светлана Михайловна – кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и культурологии Дальневосточного государственного аграрного университета (г. Благовещенск).

Контактный адрес: svetasm@inbox.ru

В статье анализируется налоговая политика советской власти в дальневосточной деревне в 1922–1925 гг. Выявляются отношение крестьянства к налоговой политике, причины крестьянского восстания в Амурской губернии зимой 1924 г. Доказывается, что на активный протест против налоговой политики амурское крестьянство подтолкнул сильнейший неурожай 1923 г., поставивший деревню перед угрозой голода и разорения. Отношение крестьян к налогам характеризуется как экономически рациональное.

Ключевые слова: новая экономическая политика, налоговая политика, советская власть, крестьянство, Дальний Восток.

В 2014 г. исполнилось 90 лет самому крупному крестьянскому восстанию на Дальнем Востоке – Зазейскому мятежу. Эволюция оценок драматических событий, развернувшихся зимой 1924 г. в Амурской губернии, отражает этапы развития отечественной исторической науки. В работах 1960–70-х гг. утверждалось, что восстание представляло собой антисоветское выступление узкой группы кулаков, белоказаков и белых офицеров, не получивших широкой поддержки крестьянства [45]. Статья И.Д. Саначева, написанная в разгар тотального пересмотра и отрицания советского периода отечественной истории, акцентирует антикрестьянский характер политики советской власти и доказывает, что Амурский мятеж – это всеобщее самостоятельное, не связанное с маньчжурской эмиграцией антисоветское крестьянское восстание, вызванное массовым протестом против налоговой политики в дальневосточной деревне [44]. Более взвешенной точки зрения придерживаются современные исследователи, усилиями которых восстановлена детальная картина событий, имена и судьбы участников восстания. В трактовке причин восстания современная историография исходит из того, что условия для открытого вооруженного выступления крестьян были созданы повышением ставок налогообложения и антисоветской деятельностью эмигрантских белогвардейских организаций, с которыми организаторы восстания имели непосредственные контакты [1, 2, 18, 46]. Вместе с тем, по мнению ряда авторов, о массовой крестьянской поддержке восстания нужно говорить с известной осторожностью: до конца вели борьбу не более десятка старожильческих деревень, остальные три десятка сел в восстании участвовали только в первые дни [18: с. 59].

На наш взгляд, сложившееся в современной региональной историографии понимание основных

причин восстания нуждается в уточнении. Дополнительных комментариев требуют вопросы: почему амурское крестьянство, осенью 1922 г. в массе своей лояльно воспринявшее установление советской власти и возлагавшее на нее большие надежды, спустя год поддержало вооруженное выступление против этой власти? Насколько выступления крестьянства были обусловлены протестом против налогов и советской власти как таковых?

После окончательного освобождения Дальнего Востока от интервентов и белогвардейцев новая власть оказалась перед необходимостью организации сбора налогов. Налогообложение деревни в 1922/23 г. основывалось на законодательстве ДВР и включало государственный подоходно-поимущественный налог с сельского населения, общегражданский налог на восстановление сельского хозяйства, местные налоги – губернские и уездные, волостные и мирские сборы. Помимо текущих платежей, в 1922–1923 гг. власть пыталась взыскивать с крестьян недоимки, начиная с 1921 г., тем не менее, по наблюдениям дальневосточных статистиков, положение местного крестьянства было легче по сравнению крестьянами других районов страны. В среднем по СССР в 1922/23 г. налоги изымали 6,2 % валового или 11,4 % условно-чистого дохода крестьянского двора. В Забайкалье – соответственно 4,2 % и 7,0 %, Приморье – 3,3 и 4,7 %, Амурской области – 5,1 и 7,9 % [19: с. 43].

Однако на Дальнем Востоке ситуация осложнялась непривычной для местного населения проблемой продовольственного обеспечения. Житница региона Амурская губерния несколько лет подряд страдала от низких урожаев. Из-за сильнейшей засухи в 1921 г. было собрано всего 10,3 млн пудов зерна, в то время как на нужды только сельского населения без учета потребностей города было необходимо не менее 12 млн пудов [24: л. 99]. Деревня не

могла прокормить сама себя, уже в начале 1922 г. многие семьи северных районов области – Селемджинского, Зейского, Рухловского, находились на грани голода, питаясь исключительно картофелем. Весной голодовка распространилась и на ранее богатые зерном Бочкарёвский и Благовещенский районы, где во многих селениях хлеба не было совсем и заканчивались последние запасы овощей. Зимой 1921/22 г. на потребление ушла значительная часть семян. Губревком не смог ни организовать помощь, ни дать гарантии зажиточному крестьянству на возврат семсуды, которую они могли бы оказать неимущим. В результате посевная площадь в 1922 г. сократилась с 337,7 до 216,9 тыс. дес. или на 40 % [24: л. 20; 34: л. 292; 35: л. 108; 3: л. 20]. За счет неплохого урожая 1922 г. валовой сбор зерна увеличился до 17,5 млн пуд., но хлеба в деревне по-прежнему не хватало. Уже в феврале-марте 1923 г. в большинстве волостей Завитинского и Свободненского уездов, в Томской, Рождественской, Натальинской волостях Благовещенского уезда значительная часть крестьян не имели ни продовольственного, ни семенного фонда, и вынуждена была питаться исключительно картофелем [25: л. 95; 33: л. 3]. От крестьян поступали многочисленные просьбы об освобождении от недоимок [24: л. 99; 37: л. 15 об.].

Власть, убежденная в наличии больших запасов зерна у зажиточных и середняков, уклонение от уплаты продналога расценивала как акт сознательного сопротивления крестьян и изначально делала ставку на принудительные меры взыскания. «При решительном крепком нажиме с посылкой на места чрезвычайных сессий ревтриба и увеличении количества военотрядов под руководством ответработников надеемся, не вдаваясь в оптимизм, собрать к концу января до 80 % недоимки и госналога за 1922 год» – сообщал секретарь Амурского бюро в ДБ ЦК РКП(б) в ноябре 1922 г. [23: л. 4; 6: л. 3 об.]. Однако к 1 января 1923 г. амурское крестьянство внесло только 39 % оклада, забайкальское – 54,4 %. В Приамурье и Приморье сдача налогов началась только в январе [18: с. 56]. Для выколачивания налогов в деревню посылались специальные уполномоченные и выездные сессии революционного трибунала. По губерниям прокатилась волна массовых арестов председателей сельских и волостных управлений «за их бездействие» [32: л. 1–2].

Налоговая кампания 1922/23 г. вызвала сильное разочарование деревни и в других районах Дальнего Востока [43: с. 119–123]. Из обследованных в мае 1923 г. 25 волостей Благовещенского уезда только в 8, где большинство населения было бедняцко-середняцким, отмечалось преобладание благожелательного отношения крестьянства к советам. В остальных, не только зажиточных и казацких,

но и в бедняцких, выявилось глухое недовольство [32: л. 1–2]. Отчет о беспартийных крестьянских конференциях в приамурской деревне, прошедших в феврале-марте 1923 г., отмечал, что во всех селах крестьяне выражали недовольство сбором налогов за два года, нажимом на деревню и требовали налоговых послаблений [14: л. 2–2 об.]. Аналогичная информация поступала из Забайкальской и Приморской губерний. Крестьянский гнев в первую очередь обращался на сельских коммунистов и комсомольцев: сводки с мест сигнализировали о том, что коммунистами на селе быть небезопасно, местные ячейки просили выдать им оружие [30: л. 1, 20–21; 11: л. 32 об.]. Но активного сопротивления проводимой политике крестьяне пока не оказывали, что позволило дальневосточному партийному руководству констатировать: «...особенной угнетенности налогом все же не чувствуется. Правда, налог платят с большими затруднениями, жалуясь на недород и технические неправильности в его сборе и начислении. Но в общем, недоброжелательных предложений в резолюцию о налоге не вносится» [30, л. 20].

Летом 1923 г. причиной осторожного отношения дальневосточного крестьянства к введению единого сельхозналога вновь стали проблемы продовольственного обеспечения. Продолжавшееся сокращение посевов и гибель значительной части урожая из-за головни и кобылки уменьшили валовые сборы зерна на Дальнем Востоке с 40,1 млн пудов в 1922 г. до 25,5 млн пудов в 1923 г. Проблема снабжения населения хлебопродуктами остро стояла по всему Дальнему Востоку. Общий недостаток хлеба, рассчитанный исходя из крайне заниженных норм потребления, в 1923/24 г. составил 7 млн пудов. Если бы власть основывалась на оптимальных, а не «голодных» нормах, то она вынуждена была бы признать, что дефицит продовольственного зерна превышает 17,2 млн пудов [20: с. 6, 28, 32].

В особенно тяжелом положении оказалось крестьянство Амурской губернии, где в 1923 г. собрали всего 8,9 млн пудов зерновых и местная деревня снова оказалась перед угрозой голода [39, л. 34]. Причем, в отличие от Забайкалья и Приморья, для потребителей которых зерно продолжало ввозиться из Маньчжурии и Западной Сибири, что существенно снижало давление на местную деревню, продовольственная помощь амурчанам не предусматривалась. Несмотря на это для амурской деревни изначально был установлен достаточно высокий, четвертый разряд налогообложения, в дальнейшем разряд был повышен до пятого. Конечная сумма налога увеличивалась еще и за счет надбавок, которые имела право устанавливать местная власть в размере до 50 % к окладу (табл. 1) [17].

Таблица 1

Единый сельскохозяйственный налог 1923/24 г. на Дальнем Востоке, руб.

Губернии	Контрольная цифра ДРК	Первоначально исчисленная сумма налога	Сумма, подлежащая взысканию	Поступило с начала кампании на 13 марта	Всего поступило в уплату за всю кампанию
Забайкальская	1 670 000	1 850 567	1 725 754	1 392 233	1 674 942
Амурская	1 830 000	2 243 713	2 003 639	1 707 487	1 728 580
Приморская	2 000 000	2 668 194	2 485 968	1 464 110	1 979 339
По ДВО	5 500 000	6 762 474	6 215 352	4 563 835	5 382 861

Источники: РГИА ДВ. Ф. р-2478. Оп. 1. Д. 30. Л. 8; РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 865. Л. 88.

Непосильность налогов – основная тема повседневных разговоров, дальневосточных крестьянских конференций, прошедших осенью 1923 г., выступлений депутатов от крестьянства на заседаниях губисполкомов. Типичным можно считать обсуждение налоговой политики на крестьянской конференции Константиновской волости Амурской губернии 23 октября 1923 г. Здесь в присутствии секретаря Благовещенского уездного комитета партии Жуканова люди прямо говорили: «...налог непосильный, через что крестьянин может окончательно разориться. Не случилось бы взрыва недовольства как вулкана в Японии»; «крестьянству грозит голод, налога платить совсем нечем. Правительство обещает помогать, а в действительности не помогают, а хитро берут»; «...налог платить невозможно, но мы сами виноваты, так как добивались свободы сами, выбирали власть сами и поэтому отвечать нужно самим же». В резолюции причиной тяжести налогов была названа гибель урожая, в связи с чем, считали крестьяне, власть должна чутко прислушиваться к ходатайствам отдельных хозяйств об облегчении налога [5: л. 1].

Протестные настроения охватили все слои крестьянства: и зажиточных, и середняков, и бедняков [9: л. 15–16]. По сведениям Амурского губфинотдела осенью 1923 г. «определенных положительных данных, говорящих за то, что какая-либо группа крестьянства активно сочувствует нам в деле сельхозналога и до конца пойдет в нами в деле борьбы с кулачеством, в нашем распоряжении нет» [38: л. 55–56].

Дальневосточное крестьянство, как и крестьянство других районов страны, стало предпринимать меры по облегчению налогового бремени: во всех районах участились попытки разделов хозяйств и сокрытия объектов обложения. В целях недопущения высокого обложения в дальнейшем деревня начала ликвидировать поголовье скота до необлагаемого минимума [9: л. 12–15, 28; 41: л. 93]. В высшие инстанции пошел поток крестьянских жалоб на действия налоговых инспекторов, сотрудников ГПУ, партийно-советских работников, однако тревожные сигналы не были услышаны со-

ветской властью. Отвечая на критику в адрес политики в деревне, председатель Амурского губисполкома Малокович заявил на пленуме исполкома в ноябре 1923 г.: «Я думаю, что мы, здесь собравшиеся, не являемся плательщиками, а являемся представителями госаппарата, а здесь большинство высказывавшихся подходило к решению вопроса как плательщики. Это неправильно» [31: л. 179 об.]. Губком партии пришел к выводу, что «без нажима налога не собрать». В ноябре 1923 г. в амурской деревне работали 3 выездные сессии губсуда, 4 чрезвычайных уполномоченных (2 – в Благовещенском, по одному в Завитинском и Свободненском уездах), до 15 районных уполномоченных, финагенты. О масштабах насилия говорит такой факт: только одним уполномоченным с отрядом в 10 человек в Благовещенском уезде к 1 декабря было подвергнуто административным взысканиям 500 крестьян [25: л. 476; 181: л. 24; 7: л. 2].

В Никольск-Уссурийском уезде населению, отказывавшемуся от приема окладных листов, они вручались в присутствии армейских и милицеских конвоев. Здесь к 19 января 1924 г. налог был собран почти полностью, но отношение крестьян к власти резко ухудшилось [40: л. 103]. В Сучанском уезде, начиная с декабря 1923 г., «злостные» неплательщики – по 5–6 наиболее состоятельных хозяев из каждого села, вызывались в волисполкомы и к ним применялся «нажим», после которого «не было ни одного кулака, который бы отказался платить, многие согласились платить в срок» [9: л. 28–28 об.]. Под нажимом понимались двойные штрафы за первое утаивание подлежащей налогообложению собственности, продажа имущества с торгов за просрочку налоговых платежей, арест на 7 суток «злостных» неплательщиков, отдача под суд и тюремное заключение до 3 лет за отказ от приема окладных листов [44: с. 173]. В Сучанской и Шкотовской волостях вызовы недоимщиков в волисполкомы и конфискация у них в счет долга не только зерна, но и заработков, практиковались вплоть до лета 1924 г. [40: л. 61об– 62]. В уплату налоговых долгов крестьяне вынуждены были продавать скот, цена на который в это время сильно упала. В Бла-

говещенском уезде за хорошую овцу спекулянты вместо прежних 10–12 руб. платили 3–4 р., за корову вместо 60–70 руб. давали 20–25 руб. [21: л. 86].

Нежелание партийного и советского руководства учитывать реальную ситуацию в амурской деревне, третий год подряд страдавшей от недорода и нехватки хлеба, окончательно оттолкнуло крестьян от поддержки власти. Нарастание конфликта между властью и крестьянством вылилось в Зазейское восстание. Мятеж амурских крестьян влиял на налоговое поведение всей дальневосточной деревни. Информация о восстании доходила до самых глухих приморских и забайкальских деревень, обрастая, естественно, слухами. В результате крестьянство упорно уклонялось от уплаты налогов, ожидая прояснения ситуации. В этих условиях жесткость власти, проявленная при подавлении восстания, сделала крестьян более законопослушными [10: л. 62–63].

Необходимо отметить несоответствие некоторых выводов историков относительно результатов Зазейского восстания источниковой информации и реальному ходу событий. Так, в статье И.Д. Саначева утверждается: «...по разнарядке Совнаркома в 1923/24 г. на Дальнем Востоке предписывалось собрать 5451 тыс. руб. Есть основания полагать, что на самом деле было собрано гораздо больше». Из дальнейших рассуждений автора складывается впечатление, что в результате крестьянского восстания налог был существенно снижен: «решением ДБ ЦК РКП(б) единый сельхозналог по губернии был снижен вдвое, было расширено так же предоставление льгот. После корректировок налог с губернии сократился до 215 тыс. руб.». Данные в статье приводятся без ссылок на источник, тем не менее, они воспроизводятся и в других работах [44: с. 176; 43: с. 123–124; 2, с. 182]. Эти наблюдения опровергаются историческими документами. Согласно сведениям Уполнаркомфина и Дальревкома, представленным в табл. 1, никакого снижения налога, тем более в таких значительных размерах, как это указывается в цитируемых работах, для амурской деревни в результате восстания не произошло. Разница между первоначально исчисленной суммой и суммой, подлежащей взысканию, возникла в рамках предоставления льгот отдельным категориями крестьянства. Собираемость налога в целом соответствовала первоначальному окладу и контрольным цифрам Дальревкома.

Налоговая кампания 1923/24 г. крайне тяжело отразилась на положении крестьянства: весной-летом 1924 г. вновь голодали целые деревни в традиционно хлебных и не знавших ранее продовольственных проблем Александровской (здесь голодало 80 % жителей), Верхне-Бельской, Тамбовской, Гильчинской, Ерковецкой, Кумарской, Екатерино-Никольской волостях Амурской губернии. Увели-

чилось количество нищих. Власть не могла организовать продовольственную помощь деревне, что резко ухудшало ситуацию. Крестьяне были обозлены, среди голодающих шли разговоры: «налог правительство, коммунисты забрали – они обязаны помочь голодным». Представитель одной из деревень Александровской волости, прося оказать помощь крестьянам, от которых он был послан, говорил уездным властям: «мы налоги первые внесли, а теперь брошены на произвол судьбы». Когда ему отказали в помощи, сославшись на отсутствие возможности, он взял письменный ответ, сказав, что иначе ему не поверят [21: л. 90]. В сельскохозяйственный сезон 1924 г. по всему Дальнему Востоку продолжалось сокращение посевных площадей.

Среди дальневосточных партийный и советских работников было распространено понимание необходимости корректировки налоговой политики с учетом региональных особенностей и результатов конкретного сельскохозяйственного сезона. Осенью 1923 г. Амурский губревком пытался опротестовать в вышестоящих инстанциях необоснованное повышение разряда налогообложения, но протест был оставлен без внимания [44: с. 171]. О необходимости снижения налогов, приведения их в соответствие с доходностью крестьянского хозяйства в целях стимулирования его развития, писали в своих отчетах уполномоченные по сбору налога. Из отчета о поездке уполномоченных в Сучанский район Приморской губернии в декабре 1923 г.: «... крестьянское хозяйство стоит здесь перед кризисом и переходом к культурному его ведению. В данный момент большие налоги могут только усилить кризис и ослабить хозяйство настолько, что восстановиться ему не скоро удастся. Налоги нужно усиливать исподволь, одновременно приспособляя к ним хозяйство, увеличивать его доходность и емкость. А с разрушенного хозяйства взять будет нечего. Поэтому наша обязанность обратить внимание Правительства на введение таких налогов, которые дали бы возможность не разориться, а усиливаться сельскому хозяйству. Очень жаль, что при введении налога теперь забывают слова товарища Ленина по этому вопросу: "Берите с крестьян налога столько, чтобы он не разорился, и чтобы на следующий год с него можно было взять больше". Надо эти мудрые слова вспомнить» [9: л. 14–15]. Летом 1924 г. Уполнаркомфина по Дальнему Востоку, учитывая произошедший за предыдущие годы подрыв крестьянского хозяйства, прогнозировал затруднения в предстоящей налоговой кампании и считал, что для местного крестьянства посильным является 5-й разряд обложения. 4 октября 1924 г. Дальревком утвердил ставки обложения для Амурской и Забайкальской губернии по 5-му разряду, Приморской – по 4-му [22: л. 2; 15: л. 93].

Однако на завершающем этапе денежной реформы советское правительство, стремясь обеспечить надежность госбюджета, приняло решение об увеличении размера сельхозналога на 25 % в среднем по стране [42: с. 221]. Для ДВО центром был установлен повышенный 6-й разряд обложения (табл. 2).

Таблица 2

**Единый сельскохозяйственный налог
1924/25 г. на Дальнем Востоке**

Оклад налога, руб.	Начис- ления, руб.	Взыскано на 1 мая 1925 г., руб.	Выполнение плана, %	
			к окладу	к начис- лению
5 191 000	6 732 000	4 797 000	92,4	71,2

Источник: РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 895. Л. 95.

Оклад налога уменьшили на 260 тыс. руб. относительно 1923/24 г., но, как видно, из таблицы, реальные размеры обложения значительно увеличивались за счет местных надбавок. В среднем местная надбавка по Дальнему Востоку составила 30 %, в Амурской губернии – 40 %. Начисленная сумма налога для дальневосточной деревни практически не изменилась по сравнению с предыдущим годом. Помимо сельхозналога, финансовая нагрузка на крестьянское хозяйство увеличивалась за счет накопившихся недоимок, долгов по семенной ссуде. В итоге амурское крестьянство должно было внести обязательных платежей на сумму в 3,58 млн руб., в том числе налог 1,7 млн руб., надбавка к налогу 0,68 млн руб., долги за посевную ссуду – 1,2 млн руб. [21: л. 14–15]. Приморской деревне было начислено к уплате только сельхозналога 2,37 млн руб. при валовом урожае 1924 г. в 4,8 млн пудов, что означало, что сельхозналог изымал около половины валовой доходности основной отрасли крестьянского хозяйства – полеводства [29: л. 156–157].

Большинство дальневосточного крестьянства встретило кампанию 1924/25 г. негативно. Антиналоговые выступления вновь повсеместно звучали на крестьянских беспартийных конференциях, прошедших на Дальнем Востоке весной 1925 г. [12: л. 22]. Только беднота почувствовала облегчение от налоговых скидок и демонстрировала лояльность к власти. Например, в деревне Саратовка Гильчинской волости, для которой налог был сложен полностью, крестьяне все же собрали деньги и послали трех представителей-стариков в город к председателю уездного исполкома, с просьбой принять от них налог, так как они искренне желают помочь советской власти. Деньги уездные власти не приняли, предложив крестьянам потратить их на что-нибудь общественное у себя в деревне [21: л. 70]. Среднее крестьянство больше склонялось к протестным настроениям. В Приморской губернии по вопросам

налогообложения выносились «погромные» резолюции, появились «зеленые», собиравшие сходки и призывавшие не платить налог (Шкотовская волость, с. Болдыревка). В Амурской губернии, по информации губкома партии «... середняки стоят на распутье и способны идти с кулаком». Однако дальше этого крестьянские протесты не пошли. Дальбюро отмечало: «В общем, в деревне сейчас нет открытых возмущений даже и со стороны кулаков, но чувствуется что-то подавленное, глубоко скрытое, потенциальное» [27: л. 3 об., 49; 21: л. 60, 70].

В 1924/25 г. сопротивление крестьян приняло в основном пассивные формы: распространение слухов, сокрытие объектов обложения, попытки уклонения от уплаты налогов, ходатайства о пересмотре ставок и снижении оклада. В январе-марте 1925 г. информационные сводки уполномоченных ОГПУ сообщали об усилении недовольства в связи с высоким обложением по сельхозналогу крестьян низовьев Амура. Во всех селениях Нижне-Тамбовской и Троицкой волостей антиналоговая и антисоветская агитация приняла настолько широкий характер, что крестьяне переставали вносить платежи, а председатели сельсоветов старались уйти с выборных должностей. Нижнеамурская деревня ждала повторения зазейских событий 1924 г. [13: л. 9, 47].

Политические установки на период налоговой кампании 1924/25 г. не допускали применения административного нажима, однако, преодолеть пассивное, но упорное сопротивление крестьянства иначе советская власть не смогла. В деревне вновь началось преследование неплательщиков. В январе 1925 г. Амурский губисполком санкционирует применение к неуплатившим первой части налога всех законных принудительных мер взыскания вплоть до предания суду [4: л. 16]. В Благовещенский уезд была направлена выездная сессия губсуда, осудившая за неуплату налога 4 кулаков (2 человека были лишены свободы на 6 и 8 месяцев с уплатой налога в двойном размере, еще двое приговорены к конфискации и уплате в двойном размере). Эта акция не изменила позиции крестьянства, настроение которых власть уже расценивала как демонстративно антиналоговое. По информации Благовещенского уездного комитета партии деревня «массово ударилась в загул и свадьбы, как будто показывая этим, что они на все чихать хотят». Крестьяне говорили: «Пусть приезжают, описывают и берут что хотят, а самим нам платить нечем». В феврале применение репрессивных мер было расширено. В уезде работали 5 уполномоченных уездного исполкома и 3 сессии губсуда. К концу февраля осуждены 21 «злостный» неплательщик, описано имущество 200 хозяйств, из которых у пятидесяти оно принудительно отчуждено, 50 крестьян были оштрафованы. Остальные продажи описанно-

го имущества не допустили и поспешили внести налог. Мощная деревня Толстовка до нажима налога не вносила совершенно. Когда было описано 4 хозяйства, то в течение двух дней это село внесло 6000 руб., что практически равнялось недельному поступлению от целых волостей [21: л. 7, 55, 60]. Ради внесения налоговых платежей приморские крестьяне вновь распродавали скот, кровельное железо с крыш своих домов [29: л. 156–157]. К маю 1925 г. в 5 волостях Никольск-Уссурийского уезда Приморского края было проведено 900 описей имущества, продано с торгов имущество 200 дворов [22: л. 12].

К началу марта 1925 г. годовое сметное задание по сельхозналогу было выполнено на Дальнем Востоке на 84 %, в том числе в Забайкальской губернии – на 103,8 %, Амурской – на 71 %, Приморской – на 82 %. Поступление налога по Приморью и Амурской губернии Дальревком расценил как слабое, на места ушла директива, предписывающая принять срочные и решительные меры по обеспечению выполнения 100 % максимальных налоговых заданий в установленные сроки [28: л. 48, 70 об.]. Репрессивный нажим продолжался, несмотря на то, что с мест сигнализировали: «...полностью выполнить налог нам не удастся без подрыва крестьянских хозяйств... Уже сейчас при продаже с торгов описанного крестьянского имущества за невзнос налога, имел место случай массового недовольства крестьян этим актом» [21: л. 7].

В целом, в 1924/25 г. размах налоговых репрессий был значительно меньше, чем прежде. По сведениям Уполнаркомфина всего по Дальнему Востоку меры административного воздействия были применены в 360 случаях, в то время как в 1923/24 г. количество административно наказанных исчислялось десятками тысяч. Изменился и характер наказания – штраф вместо ареста [26: л. 97].

Очевидно, что налог 1924/25 г. был не менее тяжелым, чем в предыдущем году и взимался он также с применением репрессий. Однако социального взрыва не произошло. Власть объясняла осторожность деревни тем, что население ждало результатов от поданных жалоб в надежде получить скидку [21: л. 60,70; 27: л. 3 об.]. На поверхности лежит и тот факт, что участники конфликта учли опыт зимы 1924 г.: крестьянство, помня жесткое подавление советской властью Зазейского восстания, не шло на открытое противодействие, но и власть не обостряла ситуацию до крайности. Показательна в этом отношении динамика крестьянских ходатайств о пересмотре размеров налога. В ходе кампании 1923/24 г. было подано 56 656 жалобы на неправильное начисление платежей и ходатайство о снижении налога, из которых было удовлетворено 45 %, в 1924/25 г. – 49 700 жалоб, из которых

74 % были удовлетворены [26: л. 97]. Ходатайства о снижении налога обычно трактуется как пассивная форма сопротивления крестьянства налоговой политике советской власти. Но в этих актах можно усмотреть и процесс приспособления крестьянства к новой для себя экономической ситуации: крестьяне не отказывались платить налоги, а лишь выступали за их соответствие реальному положению хозяйства.

Не менее важным, на наш взгляд, было и то обстоятельство, что урожай 1924 г. оказался несколько выше, чем в 1923 г.: на Дальнем Востоке было собрано 32 млн пудов, в том числе в Амурской губернии – 16,5 млн пудов [16: л. 40]. Проблема угрозы голода в деревне была снята.

Влияли на поведение крестьянства и надежды на восстановление производства. С 1924 г. на Дальнем Востоке открывалось кредитование сельхозпроизводителя, разворачивалась агрономическая помощь, стала складываться система государственно-кооперативного хлебозакупа, которая в этот момент стимулировала крестьянство к расширению производства: во многих районах только деятельность государственного и кооперативного заготовительного аппарата предоставляла возможности для сбыта крестьянской продукции [16: л. 57]. В 1923–1925 гг. благоприятно для производителя складывалась конъюнктура хлебного рынка – цены на зерно постоянно росли. Для крестьянства особенно важным было иметь доступный и приемлемый по ценовым параметрам рынок сбыта, поскольку в первой половине 1920-х гг. уплата налога большей частью походила за счет реализации сельхозпродукции и лишь незначительная часть платилась из побочных заработков [36: л. 55]. Весной 1925 г. дальневосточная деревня внимательно следила за информацией о переменах в аграрном курсе правящей партии. Дальбюро так определило позицию крестьянства: «крестьяне как бы ждут, что будет дальше, в какие конкретные формы выльется лозунг лицом к деревне, прежде всего, действительно ли налог будет меньше прошлогоднего» [8: л. 5, 10].

Для адекватной оценки событий 1924 г. необходимо понимание мотивации экономической и социальной активности крестьянства. Из отчетов уполномоченных по проведению налоговых кампаний, налоговых инспекторов видно, что основным мотивом протестных настроений деревни в 1922–1925 гг. были не сама необходимость платить налоги и не сопротивление советской власти как таковой, а несоответствие налогового бремени реальным доходам крестьянского хозяйства. Антиналоговые протесты крестьян были вызваны объективной неспособностью оплатить начисленные оклады, не поставив перед угрозой голода собственные семьи и не подорвав производственные возможности хозяйства. Крестьяне постоянно поднимали вопрос об отсут-

ствии заработков, и подчеркивали, что при наличии доходов налоги будут платиться вовремя и в полном объеме. Весной 1923 г. на Хабаровской уездной конференции крестьяне говорили: «Будут лесные промыслы, будет налог внесен на 100 % легко, не будут – налог внесем, но разрушим хозяйство» [30: л. 21]. Осенью 1923 г. из Акшинского уезда Забайкальской губернии сообщали, что подавленное настроение крестьян и недовольство высокими ставками налога вызваны «расстройством состояния крестьянского хозяйства» [41: л. 93]. Инструкторы Владивостокского губкома партии, работавшие в декабре 1923 г. в Петровской, Новонезжинской, Фроловской и Шкотовской волостях Сучанского уезда, отмечали: крестьяне повсеместно признают «платить налог обязательно надо», но говорят, что «он слишком непосилен, и что это усугубляется неурожаем». Слабость поступления налога в приморской деревне объяснялась тем, что «у мужика нет денег и пока нет заработков»; «большинство крестьян волости имеют среднюю и нижесреднюю возможность уплатить налог полностью и в срок. Но эта уплата может быть произведена лишь за счет ликвидации большей части рогатого скота»; основная часть сельчан может «уплатить налог только за счет частичного разорения»; «единственная возможность обеспечить уплату крестьянством налога, не разорив его – это предоставление ему работ на лесозаготовках и рыболовных участках. При наличии этого условия крестьянин и налог уплатит полностью» [9: л. 12–15, 28]. В кампанию 1924/25 г. дальневосточное крестьянство вновь и вновь твердило о том, что дело не в тяжести налога, а в том, что упали заработки, по сравнению с довоенным временем. «...Прежде, – говорит крестьянин, – я поехал бы на Казаковский прииск и на паре лошадей заработал бы 70–80 руб. – вот тебе и налог. А сейчас нет заработка, поэтому и налог является тяжелым». Сбор налога тормозили недостатки хлебозаготовительных кампаний. Например, в Забайкалье сбор налога начался с ноября, а заготовки были развернуты только в декабре. Нажимая на плательщиков, партийные и советские работники сталкивались с таким вопросом: «Налог я уплачу, а купите ли вы хлеб?» [16: л. 32, 57].

Таким образом, отношение крестьянства к налогам можно характеризовать как экономически рациональное: деревня не отрицала налоги как таковые, и не стремилась избавиться от них, а заодно и от советской власти, а лишь хотела привести тяжесть налогообложения в соответствие с возможностями хозяйства. При этом крестьяне понимали социальное значение налогов и выражали готовность их платить. Советское государство в своей налоговой политике исходило из представлений о большой зажиточности дальневосточного крестьянства и не учитывало влияния неурожайных лет на реальное состояние крестьянского хозяйства.

Неспособность власти к компромиссу стала источником противостояния государства и крестьянства в 1923/24 г. Немаловажным мотивом протестных настроений широких слоев дальневосточного крестьянства в это время было стремление избежать угрозы голода и разорения своего хозяйства в условиях третьего подряд кризисного сельскохозяйственного сезона. Зазейское восстание 1924 г. не привело к снижению размера единого сельхозналога в дальневосточной деревне. Смягчили реакцию крестьянства на налоговую политику советской власти относительно нормальный урожай 1924 г., отодвинувший угрозу продовольственного кризиса, и начавшиеся в аграрном секторе восстановительные процессы.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. *Абеленцев, В.Н.* Памяти участников Зазейского восстания / В.Н. Абеленцев // Государство и личность. Политические репрессии на Дальнем Востоке в XX веке : матер. регион. науч.-практ. конф. – Благовещенск, 2005. – С. 62–72.
2. *Головин, С.А.* Дальний Восток РСФСР в 20–30-е гг. XX века (аспекты репрессивной политики) / С.А. Головин. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2005. – 349 с.
3. Государственный архив Амурской области (ГААО). – Ф. р-114 (Амурский областной исполнительный комитет) – Оп. 1. – Д. 144.
4. ГААО. – Ф. р-481 (Амурский губернский исполнительный комитет). – Оп. 1. – Д. 10.
5. ГААО. – Ф. р-481. – Оп. 1. – Д. 20.
6. ГААО. – Ф. р-481. – Оп. 1. – Д. 27.
7. ГААО. – Ф. р-481. – Оп. 1. – Д. 29.
8. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). – Ф. п-81 (Забайкальский губком РКП(б)). – Оп. 1. – Д. 1238.
9. Государственный архив Приморского края (ГАПК). – Ф. п-61 (Приморский губернский комитет РКП(б)). – Оп. 1. – Д. 120.
10. ГАПК. – Ф. п-61. – Оп. 1. – Д. 164.
11. ГАПК. – Ф. п-61. – Оп. 1. – Д. 55.
12. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). – Ф. п-2 (Дальневосточный краевой комитет (Далькрайком) ВКП (б)). – Оп. 1. – Д. 2.
13. ГАХК. – Ф. п-318 (Хабаровский уездный комитет (уком) ВКП (б) (1923–1926 гг.)). – Оп. 1. – Д. 317.
14. ГАХК. – Ф. п-335 (Приамурский губернский комитет (губком) РКП(б) (1922–1923 гг.)). – Оп. 1. – Д. 85.
15. ГАХК. – Ф. п-58 (Дальневосточный революционный комитет (1922–1926 гг.)). – Оп. 1. – Д. 44.
16. ГАХК. – Ф. п-58. – Оп. 1. – Д. 60.
17. *Ильиных В.А.* Сельскохозяйственный налог в сибирской деревне в 1924–1928 гг. / В.А. Ильиных // Налоги и заготовки в сибирской деревне (1890–1920-е гг.) : сб. науч. тр. ; под. ред. д-ра ист. наук В.А. Ильиных. – Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2004. – С. 175–208.
18. *Лыкова, Е.А.* Деревня Дальнего Востока в 20–30-е гг. XX века: Коллективизация и ее последствия / Е.А. Лыкова, Л.И. Проскурина. – Владивосток : Дальнаука, 2004. – 188 с.

19. Мишкин, А.С. Крестьянские бюджеты Дальневосточной области в 1922/23 г. / А.С. Мишкин – Хабаровск : Б.и., 1925. – 480 с.
20. Отчет Дальэконосо экономическому совещанию РСФСР / под ред. М.И. Целищева. – Б.м.: Изд-е Дальэконосо, 1924. – 416 с.
21. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17 (Центральный комитет ВКП(б)). – Оп. 31. – Д. 14.
22. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 31. – Д. 16.
23. РГАСПИ. – Ф. 372 (Дальбюро ЦК РКП(б)). – Оп. 1. – Д. 181.
24. РГАСПИ. – Ф. 372. – Оп. 1. – Д. 592.
25. РГАСПИ. – Ф. 372. – Оп. 1. – Д. 773.
26. РГАСПИ. – Ф. 372. – Оп. 1. – Д. 895.
27. РГАСПИ. – Ф. 372. – Оп. 1. – Д. 940.
28. РГАСПИ. – Ф. 372. – Оп. 1. – Д. 962.
29. РГАСПИ. – Ф. 372. – Оп. 1. – Д. 974.
30. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Ф. 478 (Народный комиссариат земледелия СССР). – Оп. 3. – Д. 2277.
31. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). – Ф. р-1771(Амурский губернский исполнительный комитет). – Оп. 1. – Д. 100.
32. РГИА ДВ. – Ф. р-1771. – Оп. 1. – Д. 222.
33. РГИА ДВ. – Ф. р-1780 (Амурский губернский революционный комитет). – Оп. 1. – Д. 24.
34. РГИА ДВ. – Ф. р-1780. – Оп. 1. – Д. 40.
35. РГИА ДВ. – Ф. р-1884. – Оп. 1. – Д. 21.
36. РГИА ДВ. – Ф. р-2413 (Дальневосточный краевой исполнительный комитет). – Оп. 4. – Д. 98.
37. РГИА ДВ. – Ф. р-2422 (Дальневосточный революционный комитет). – Оп. 1. – Д. 49.
38. РГИА ДВ. – Ф. р-2422. – Оп. 1. – Д. 178.
39. РГИА ДВ. – Ф. р-2422. – Оп. 1. – Д. 494.
40. РГИА ДВ. – Ф. р-2422. – Оп. 1. – Д. 1131.
41. РГИА ДВ. – Ф. р-2422. – Оп. 1. – Д. 1023.
42. Россия нэповская / С.А. Павлюченков [и др.]; под общ. ред. А.Н. Яковлева; [Международный фонд «Демократия» (Фонд Александра Н. Яковлева)]. – М. : Новый хронограф, 2002. – 446 с.
43. Саначев, И.Д. Дальневосточный нэп: опыт и уроки / И.Д. Саначев // Вестник ДВО РАН. – 1993. – № 4–5. – С. 115–128.
44. Саначев, И.Д. Крестьянское восстание на Амуре – кулацкий мятеж или шал отчаяния? (О восстании крестьян в Амурской области в 1924 г.) / И.Д. Саначев // Вестник ДВО РАН. – 1992. – № 3–4. – С. 170–181.
45. Флеров, В.С. Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства / В.С. Флеров. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1973. – 494 с.
46. Фомин, В.Н. Белоповстанческий мятеж на Амуре и его разгром в 1924 г. / В.Н. Фомин, К.В. Фомин. – М. : Типография на Люсиновской, 2005. – 159 с.

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ТЕАТР В УСЛОВИЯХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ 20–30-Х ГОДОВ XX В.

Э.В. Осипова

Осипова Эрика Викторовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра истории культуры и межкультурных коммуникаций Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток).

Контактный адрес: eossipova@yandex.ru

Культурная модернизация российского общества существенно ограничивалась авторитарным перерождением власти и утилитарным отношением этой власти к культуре. Специфика становления советской театральной системы на Дальнем Востоке в период общественных трансформаций заключалась в том, что в регионе сложились обстоятельства, позволившие смягчить процесс советизации искусства. Данное положение дел сохранялось вплоть до середины 1930-х гг.

Ключевые слова: театр, спектакль, репертуар, артист, антрепренёр, власть, культурная политика.

Русская театральная культура в период с 1917 до конца 1930-х гг. претерпела важные трансформации, обусловленные требованиями, которые предъявляло к ней проведение пролетарско-социалистических преобразований. Осознавая степень воздействия искусства театра на народные массы, руководство новой России в первых же декретах решительно подчиняет себе этот вид искусства и устанавливает за ним жёсткий контроль. Декретом СНК от 9(22) ноября 1917 г. театры страны были переданы в ведение отдела искусств Государственной комиссии по просвещению, в этом документе определялось значение театрального искусства как одного из важнейших факторов коммунистического воспитания и просвещения народа. Декретом об объединении театрального дела (26 августа 1919 г.), провозгласившим национализацию театров, искусство было передано на служение народу. В театр пришли новые зрители: рабочие, крестьяне, красноармейцы.

Проблема формирования большевистской культурной политики в регионе довольно глубоко и в самых различных аспектах изучена дальневосточными учёными (С.Б. Белоглазовой [1], В.А. Королёвой [15], С.Ю. Гамалей [7] и другими исследователями культуры Дальнего Востока).¹ Наряду с

анализом развития культуры дальневосточного региона в общероссийском контексте, в данных работах выявляются и специфические особенности формирования культурного пространства в обозначенный период.

Так, своеобразием исторического прошлого восточного региона России по праву можно считать Дальневосточную республику. Хотя этот период длился недолго, всего два года, периферийная культура дальневосточной окраины обрела специфические черты, обусловленные социально-экономическими отношениями в буферном государстве. Это был весьма благоприятный период для театральной жизни региона, так как после победы советской власти в центре страны сюда в большом количестве прибывала творческая интеллигенция. В Дальневосточной республике, являвшей собой политический компромисс между сторонниками советской власти и ее противниками, оба направления культурного развития получили равные права [22]. Сложившийся паритет привёл к стихийному смешению изобилующих в Благовещенске, Хабаровске, Владивостоке и Чите стационарных и «бездомных» коммерческих антреприз, снующих из приграничной зоны КВЖД, Сибири и центральной части России, с одной стороны, и коллективов государственных театров, отданных в подчинение власти большевиков, с другой [22]. Компромисс между сторонниками советской власти и её противниками объективно выражал себя в активном развитии любительского направления в театральной жизни региона. Существование Народных домов в городах Дальневосточной республики, как доброе наследие Пролеткульта, предназначаемых для любительских занятий искусством, способствовало приумножению различного рода самостоятельных драмкружков и студий, порой конкурировавших с профессионалами. Как свидетельствует дальневосточная пресса, в этот период практически по всей территории республики действовали люби-

¹ См.: Цупенкова И.А. История театральной культуры Сахалинской области: конец XIX–XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2005; Крылова В.К. Времени связующая нить... Страницы истории русского драматического театра в Якутии от истоков до 1990-х гг. Новосибирск: Наука, 2004; Крылова В.К. Времени связующая нить... Страницы истории Русского драматического театра в Якутии от истоков до 1990-х гг. Новосибирск: Наука, 2004. 380 с.; Романов Р.Р. Феномен провинциального театра (Экспериментальные площадки Хабаровского края): дис. ... канд. культурологи. Хабаровск, 2006; Акулов А.А. Формирование и деятельность военных учреждений культуры и органов печати в войсках Дальневосточного военного округа (1922–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2007; Синько В.Е. История театральной жизни Камчатской области (1918–1938 гг.) // Векторы культуры Тихоокеанской России. История и современность: сб. науч. тр. Владивосток, 2006. Вып. 1. С. 215–231.

тельские театральные кружки. Так, рабочий театр в Чите – первый любительский кружок – ставит пьесу Я. Гардина «Сатана», которая в рецензии характеризуется как «хорошая и серьезная постановка, не уступающая по своему характеру любой провинциальной труппе профессионалов» [10: 1922, 17 янв., с. 4]. Культкружок в сельской местности, в с. Казаново под Читой также начинает свою жизнь с театральных подмостков: «Было поставлено несколько спектаклей, ряд инсценировок и суд над самогонкой» [10: 1922, 25 фев., с. 4]. Во Владивостоке в 1921 г. театральная студия при обществе «Маяк» под руководством артиста К.А. Дроздова инсценирует пьесы для членов общества и его гостей [3: 1921, 8 окт., с. 2].

Драматическим искусством увлекались и любители при различных национально-культурных центрах. К примеру, во Владивостоке в 1922 г. при еврейском Народном доме действовал театральная кружок [4: 1922, 7 фев., с. 3], подобный кружок-студия существовал и при Мусульманской секции г. Хабаровска, где пропагандировалась национальная культура и пьесы исполнялись только на языках народов, исповедующих ислам [5: 1922, 28 июн.; 1922, 8 июл.].

Заметим, что подобная дозволенность национальных постановок свидетельствовала об отсутствии пролеткультовских позиций в молодом государстве, ибо национальное на данном временном этапе не входило в понятие «государственная культура» и даже отвергалось: по утверждению самого Ленина, «...Лозунг национальной культуры есть буржуазный ...обман» [21: с. 120]. Следует заметить, что местные партийные и пролеткультовские организации в своих позициях были достаточно близки.

Постепенно, в результате национализации, проведенной Дальсовнаркомом, происходило изменение организационно-правового статуса театров – Министерство просвещения республики учредило государственную сеть театров [20: с. 27, 37, 53]. Первоначально ее деятельность курировалась Отделом искусства управления народного просвещения, а с августа 1921 г. к его работе подключился дополнительный контролирующий орган – специально созданная с помощью Главполитпросвета при Дальбюро ЦК РКП(б) театральная комиссия [20: с. 46, 53]. Создание театральной комиссии было вызвано, с одной стороны, процессом усиления идеологического контроля государства в культуре, с другой – вполне гуманным стремлением содействовать приобщению трудящихся республики к достижениям искусства, предоставляя «дешевое и полезное развлечение» [1: с. 111]. Таким образом, в период существования буржуазно-либерального государства сложилась уникально благоприятная для развития театральной жизни социо-

культурная ситуация, способствовавшая, с одной стороны, творческой самореализации сценических деятелей, с другой – демократизации культуры, массовому доступу широких слоев населения к искусству театра. Репертуар всё ещё сохранял жанровое многообразие. Государственные же театры республики продвигали революционное искусство. Читинский театр, например, имел в своем репертуаре пьесы, специально поставленные по заявкам Политического управления Народно-революционной армии: «Огненный змей», «Красный галстук», «Черные казармы», «Изгнанники» и др. [1: с. 121]. Всегда актуальной для подмостков оставалась историческая тема, в этом зале в январе 1922 г. состоялась премьера пьесы времён Ивана Грозного и сочинения Островского «Василиса Мелентьева». В проведении культурной политики руководству ДВР приходилось лавировать между интересами частного капитала и интересами трудящихся, которые были ему ближе по идейным соображениям. Программные установки культурного строительства, зафиксированные в «Декларации о народном просвещении» от 22 ноября 1920 г. [20: с. 42], преемственно пытались продолжать политику первых месяцев советской власти в области культуры. Однако удавалось это не всегда и не везде. В таких городах, как Владивосток, Хабаровск и Благовещенск – ведущих культурных центрах региона, где среди городского населения значительную прослойку составляло чиновничество, купечество, мелкая и средняя буржуазия [26: с. 46], творческая инициатива оказывалась в руках представителей старых взглядов, которые не могли отказать себе в удовольствии как открытого противостояния советской власти, так и завуалированных драматургических аллегорий. Так, Владивостокская буржуазная газета «Вечер» пьесы Луначарского, «ставшие было хлебными для антрепренёров», упрекала в «отсутствии какой-либо художественной ценности» [3: 1921, 17 фев., с. 3].

В пике новой власти во Владивостокском Художественном театре «Миниатюр» под управлением антрепренёра Смоленского демонстрируется остроумный шарж «Перелет Москва – ДВР», повествующий о голоде в Советской России и желании действующих лиц «улететь» из неё [3: 1921, 1 июн., с. 3]. Этому же театру принадлежит идея злободневного обозрения – лубка «Карьера Краснощёкова». «Обозрение охватывает два совершенно противоположных момента деятельности этого «дельца» [3: 1921, 25 июн., с. 3]. «Революция на Олимпе» – очередная вольность Художественного театра «Миниатюр». Во владивостокской «вечёрке», вышедшей 22 сентября 1921 г., автор, печатавшийся под псевдонимом Генри Эстет, так характеризует Владивосток тех лет: «...Владивосток представляет

собой весьма и весьма большое поле для талантливого и острого пера сатирика».

Итак, возможности проявить артистические таланты у профессионалов в период ДВР были практически неограниченными. Талантливые антрепренёры пытались здесь творческую удачу, славу себе стяжали Е.М. Долин, Л.Я. Патушинский, Я.С. Варшавский, В.Н. Барский и др. Наличие огромного множества театральных площадок, чаще всего напрямую предназначенных для представления, давали возможность удовлетворить творческие амбиции и элементарно заработать на хлеб. Довольно часто под сцену приспособивали случайные для этих целей помещения, арендуемые коммерсантами – антрепренёрами. Очень модно было тогда развлекать театральными представлениями публику, отдыхающую в ресторанах. Преимущественное распространение этот сценический формат получил во Владивостоке, спектакли за столиками ресторанов («Нерыдай», «Медвежья берлога», «Три маски», «Буфф» и др.) владивостокские зрители смотрели до середины 1920-х гг. Репертуар этих ресторанных театров ничем не отличался от репертуара театров миниатюр (скетчи, экспромты, танцы, куплеты и т.д.).

И поскольку социалистическое переустройство в регионе начинается отсчёт лишь с 1922 г.², то именно в 1920-е гг. дальневосточный театр всецело включается в процесс советизации искусства. Стремление новой власти захватить контроль над деятельностью театральных коллективов и окончательно вытеснить антрепренёров, работа которых не отвечала задачам культурной революции, вынуждает её предпринять ряд радикальных шагов в театральном деле. Не теряя времени даром, Дальревком занялся национализацией театров.

В 1923–1924 гг. Дальбюро ЦК РКП(б) и губернские партийные комитеты приняли ряд соответствующих документов: Дальбюро ЦК РКП(б) постановлением от 6 апреля 1923 г. обязало Дальревком и ДальОно принять меры по улучшению материального положения театров и усилению контроля за их репертуаром. При политпросветотделах были созданы репертуарные комиссии. Приамурский губревком 20 апреля 1923 г. вынес решение «Об установлении надзора за постановками местами публичных зрелищ». Пленум Приморского губкома РКП(б) в сентябре 1924 г. призвал партийный и общественный актив «вести усиленную борьбу с халтурными и идеологически вредными постановками» [15: с. 143] и способствовать созданию революционного репертуара.

По примеру столичных театров сатиры³ во Владивостоке в декабре 1924 г. был открыт Театр Сатиры и Музыкальной комедии. Его постановки проходили в кинотеатре «Художественный», руководство театром возглавил бывший антрепренёр Е.М. Долин, возглавивший первый владивостокский гостеатр. «...Однако новое название театра не привнесло ни в содержание, ни в тематику репертуара ту новизну, тот дух экспериментаторства, которые были заявлены в театрах сатиры Москвы» [15: с. 147]. Так, в новых социальных условиях произошел процесс качественного содержательного переосмысления жанра миниатюры, соответственно сказавшись и на изменении формы театра – от театра кабаре к театру сатиры.

Одновременно с эволюцией театра малых форм наметился процесс окончательного размежевания театральных коллективов на драматическую и оперно-опереточную труппы. Толчком к этому послужила начавшаяся в 1923 г. национализация крупных дальневосточных театров, на базе которых открывались гостеатры. Опера – сложный музыкально-драматургический постановочный материал, поэтому с дальневосточных сцен чаще звучала оперетта. Большинство из спектаклей было возобновлено из старого репертуара – это классические западно-европейские оперетты Кальмана, Штрауса, Легара, Оффенбаха и др. Оперетта всегда была любима публикой, но считалась жанром легким и «буржуазным». Однако в послереволюционном Петрограде оперетта не исчезла, а наоборот, продолжала продуктивно работать. Периферия не отставала, правда, не всегда удавалось делать это на достойном художественном уровне, о чём свидетельствовали критические статьи по поводу спектаклей в местной прессе.

И всё же спрос на оперетту оставался по-прежнему высоким. Благовещенский театр Артистического товарищества, находившийся с 1922 г. в ведении горисполкома, был реорганизован в музыкально-драматический. Его репертуар также включал популярные миниатюры и отдельные оперетты [28: с. 4]. Но к 1926 г. из общего театрального коллектива, объединившего труппы артистов оперы и Комической оперетты, произошло выделение музыкального «ядра» и оформление его в музыкальный театр. Чуть позже, в том же 1926 г. артист М. Иванов сформировал постоянную драматическую труппу. Выделившийся из драматического, самостоятельно

² После завершения Гражданской войны на Дальнем Востоке решением ВЦИК СССР от 16 ноября 1922 г. Дальневосточная республика завершила своё существование, а территория бывшего буферного государства была воссоединена с СССР.

³ В 1919 г. в Москве создан Теревсат (Театр революционной сатиры), который давал представления в клубах и открытых площадках города для широкого круга зрителей, подающие злободневные темы в сатирическом контексте.

оформившийся музыкальный театр перебазировался из Благовещенска в Хабаровск [28: с. 4].

Таким образом, к середине 1920-х гг. усилиями местных подразделений Рабис, театральных деятелей, артистов и музыкантов проделана большая организационная работа по созданию музыкально-драматических и драматических сценических коллективов, достигнут весьма высокий профессиональный уровень деятельности у хабаровчан и вполне достаточный у владивостокцев и благовещенцев, выведший Дальневосточный музыкально-драматический театр на новый этап развития [15: с. 152].

Разрыв между директивными установками советской культурной политики по превращению театра в государственную идеологическую структуру и их практической реализацией с осуществлением тотального партийно-государственного контроля за театральной деятельностью в начале способствовал благоприятному разрешению многих театральных проблем. С 1925 г. социокультурная ситуация стала меняться, что было вызвано ужесточением партийной установки по переориентации театра с эстетических функций на политико-пропагандистские, идеологические. Под руководством агитпропотдела Дальбюро ЦК РКП(б) в августе 1925 г. в Хабаровске был проведен краевой съезд работников искусства. По разработанному ДальОНО проекту съезд утвердил «Временное положение о государственных театрах на Дальнем Востоке».

На совещании при Агитпропе Далькрайкома ВКП(б) в марте 1926 г. был принят план организации театрального дела в городах ДВК [9: л. 14]. В мае совместным решением Далькрайкома ВКП(б) и крайисполкома общее руководство театрами было возложено на ДалькрайОНО, который образовал Управление зрелищными предприятиями (УЗП) во главе с директором читинского театра П.А. Воскресенским, входившим в состав руководства местного Рабиса и Дальрабиса. Забота о материальном положении театров вменялась в обязанность исполкомов местных советов. Они должны были выделять дотации на содержание трупп.

В связи с известной инертностью общественной жизни колебания исторического маятника не всегда синхронно отражались в регламентирующей художественную жизнь деятельности органов государственного управления, но были директивы, в которых постулаты культурной жизни советского общества формулировались предельно ясно. Так, на Всесоюзном партийном совещании по вопросам театрального дела при Агитпропе ЦК ВКП(б) в мае 1927 г. была сформулирована официальная концепция театра исключительно как орудия политического воздействия. Критерием оценки работы театра, которым должны были руководствоваться в проведении театральной

политики государственные органы, утверждалась социально-политическая значимость и соответствие его деятельности официальной идеологии [19: с. 32]. В апреле 1928 г. вышло постановление СНК РСФСР об организации в составе Наркомпроса особого органа – Главискусства, которому надлежало осуществлять идеологический контроль в области литературы, кино, театра и пр.

Майский Пленум Дальбюро ВКП(б) 1928 г., корректируя политику местных органов власти в области художественной культуры, поддержал линию центра. Партийные органы включились в работу по созданию Художественных советов, ставших своего рода партийной цензурой [1: с. 134]. Получили распространение издаваемые в центре единые «репертуарные бюллетени», рекомендовавшие к постановке в первую очередь современные идеологически выдержанные пьесы. Из классического отечественного и зарубежного репертуара рекомендовались пьесы, не противоречащие этим требованиям.

В Хабаровске, 14 октября 1926 г., исполнением оперетты И.Кальмана «Сильва» состоялось рождение Первого Дальневосточного трудового коллектива комперы Хабаровского городского театра. Основной репертуар театра составили оперетты («Голубая мазурка», «Жрица любви», «Осенние маневры», «Фраскита», «Танец стрекоз», «Коломбина», «Год без любви» и др. [14].

В результате проведенной реорганизации к началу зимнего театрального сезона 1926/27 г. Дальневосточным УЗП было сформировано четыре труппы, которые должны были в течение восьми месяцев поочередно выступать во Владивостоке, Благовещенске, Чите и Хабаровске, находясь в каждом городе по два месяца.

Несколько слов об одной из таких передвижек, о так называемом «деревенском театре» под руководством Карамазова. Выполняя партийный «заказ практическому и художественному гению пролетариата» [12], который один из первых советских театроведов П.С. Коган называл «великим волевым усилием, источником новых ритмов и красочных сочетаний» [12: с. 37] театральной жизни, рабоче-крестьянский театр под управлением Карамазова в своем творчестве акцентировал внимание на следующих актуальных моментах современности: ликвидация неграмотности (пьеса «Тьма» с рефератом); оборона страны и популяризация Осовиахи-ма; переустройство быта деревни и села; перевыборы в Советы; индустриализация страны; борьба с хулиганством и кулачеством. Все это было отражено в частушках, инсценировках, декламации, песенках и живых лубках. Ещё одной актуальнейшей в то время проблемой было так называемое сан-

просвещение. С этой целью театр ставил пьесу «Заражённые», «которая прошла почти везде в ударном порядке, с рефератом о сифилисе» [8: л. 35]. Весь репертуар постановок этой труппы был утвержден Крайметом и Дальполитпросветом.

Поскольку своих квалифицированных кадров в Дальневосточном крае с середины 1920-х гг. не хватало (артисты массово мигрировали с советской территории за рубеж), приглашались театральные коллективы из других городов страны. Владивосток принимал труппу комедии и сатиры под руководством Жданова, Благовещенск – драматический коллектив во главе с бывшим артистом Малого театра и кино А.А. Желябужским, а Чита – украинский коллектив под руководством Бунчука. Репертуар последних состоял из старых, дореволюционных постановок «Вий», «Тарас Бульба», «Суламифь» и др. Краснозаводский передвижной агиттеатр из Харькова работал на территории региона в течение двух лет (с 1927 по 1929 г.). Сформированный Дальневосточным Крайполитпросветом «для обслуживания частей Красной Армии», театральная передвижка, состоящая частично из харьковских артистов, частично из дальневосточных, завершила свою творческую миссию в войсках Приморской группы в августе-сентябре 1929 г. Репертуар этого театра «...состоял исключительно из малых форм с прибавлением двух пьес» [8]. Вот как комментировал художественную программу коллектива сам руководитель антрепризы Стенников: «...По договорённости с Политотделом корпуса, в программу наших постановок включались частушки, которые разрабатывались по темам из местной жизни частей. В этих частушках отражались плюсы и минусы жизни части как то: бодрое настроение красноармейцев, хорошее отношение к бедняцко-средняцким слоям населения, помощь частей на полевых работах, рост рядов партии, как ответ на провокации войны и т.д. и из отрицательных моментов: сон на посту, небрежное отношение имуществу, случаи нарушения дисциплины и др.» [8].

Таким образом, творческие поиски нового театрального языка, способного ярко и доступно выразить новое социальное содержание приводили к уже известному, далеко не новому сценическому формату – театру малых форм. Театры всё чаще обращались к воплощению тематики нового времени через миниатюры-агитки и бытовой скетч, рождённые Московским театром «Синей блузы», гастролировавшим по городам Дальнего Востока в 1927 г. «Синя блуза» – театр быстрого реагирования, стал новым жанром эстрадно-театральных представлений, своего рода вершиной эволюции театра «малых форм».

Близким по духу и содержанию оказались театры рабочей молодёжи (ТРАМ). Этот вид театра приобрёл популярность как образец пролетарского искусства, поскольку его деятельность напрямую была связана с активистами комсомольского движения, агитационной работой. Трамбовское движение началось в регионе с 1930-х гг., с открытия во Владивостоке и Чите первых театров [18]. Наибольшее распространение это движение получило к концу первой пятилетки. ГубОНО всячески поощряло развитие самодеятельного искусства в рамках драматических кружков, функционировавших при клубах, народных домах, избах-читальнях, а также направляли деятельность союза работников искусств (Рабис) по организации культурного шефства над частями Красной армии. Свои ТРАМ открыли китайские и корейские рабочие, проживающие на территории ДВК.

На конец 1920-х – середину 1930-х гг. приходится становление политического и эстетического единомыслия. Всецело побеждает социалистический реализм. Складывается централизованная партийно-государственная система управления культурной жизнью. В известном ответе Сталина драматургу В.К. Билль-Белоцерковскому (которому не давали покоя лавры драматурга М. Булгакова) в письме, датированном февралём 1929 г., критерии оценки искусства обозначены самым определённым образом: «...вернее всего оперировать понятиями классового порядка, или понятиями «советское-антисоветское», «революционное-антиреволюционное» [25]. Последовательное стремление Сталина огосударствить культуру принесли невиданные в театральной истории масштабы. Именно в этот период происходит массовое стационарирование театральных площадок в стране, с использованием уже действующих методов национализации. Театральная инфраструктура региона стремительно развивалась «вширь». В первую очередь открывались так называемые специализированные театры, ориентированные на определенные категории населения: детские, колхозно-совхозные, угольщиков, армейские, железнодорожные и др.

Передвижные театры как особая форма профессионального зрелищного предприятия обслуживали города, районные центры, не имеющие своих стационарных сцен. На Дальнем Востоке таких ТЗП было более чем достаточно: театр ДОРПРОФСОЖа Уссурийской железной дороги и Амурский Передвижной театр ДОРПРОФСОЖа (база его находилась в г. Свободном, 1940-е гг. руководил этим театром легендарный дальневосточный режиссер Н.И. Уралов), колхозно-совхозные театры в Спасске и в Амурской области, коллективы которых по указанию Далькрайуправления ТЗП были сформированы.

рованы в Москве в 1934 г. Создавались и национальные театры⁴ – китайский, корейский, нанайский и еврейский.

В центральной прессе страны сообщалось: «...Вместе с ростом и расцветом социалистического хозяйства, техники и культуры на Дальнем Востоке появились замечательные мастера сцены, достойные представители советского театрального искусства, артисты-патриоты» [23]. Только в Приморье функционировало девять профессиональных театров (Краевой театр им. М. Горького, Краевой ТЮЗ, кукольный театр во Владивостоке (дважды открывавшийся), Сучанский театр угольщиков, Ворошиловский драматический театр, Спасский колхозно-совхозный театр, Театр 1-й Краснознамённой армии, Театр Тихоокеанского флота, Театр Дорпрофсожа Уссурийской железной дороги. Тем не менее в заключение к оптимистичной оценке состояния театрального дела на Дальнем Востоке столичный инспектор настоятельно рекомендовал открывать «всё новые и новые театры» [23], задача расширения сети театров по-прежнему оставалась актуальной. В первой половине 1930-х гг. практически во всех дальневосточных городах краевого (областного) уровня открывались театры. В различных городах проблемы, связанные с их открытием, были различны: где-то не было подходящего для этих целей здания, где-то недоставало актёрских ресурсов, достойного руководства и т.д.

Процесс формирования государственной системы руководства театрами страны, начавшийся с конца 1920-х, закончился в 1936 г. созданием Всесоюзного комитета по делам искусств. Одновременно в этот период усилился идеологический диктат со стороны государства. Следствием этого стало введение системы планирования в театральную сферу путём утверждения пятилетних планов развития искусства по стране. Планирование затронуло все стороны деятельности театрального коллектива: регулировало процесс создания и закрытия театра, репертуарные планы, финансово-хозяйственную сторону деятельности, учебную работу, гастроли. В обязанности театров включались также военно-шефская и учебно-воспитательная работа, помощь самодеятельным кружкам, выезд театральных бригад на посевную и уборочную кампании

и т.д. Главную роль в процессе планирования театральной работы края играло Краевое управление зрелищными предприятиями (КрайУЗП), в дальнейшем реорганизованное в Краевой комитет по делам искусств. В задачи последнего входило: увеличение количества театров, внедрение в их репертуар пьес советских драматургов, организация военно-шефской работы над частями ОКДВ, сокращение дефицитности театральных предприятий, активное привлечение зрителей и т.д. Постоянной проблемой сценических коллективов являлось их недостаточное финансирование, в результате – нехватка театральных зданий и отсутствие жилья для актёров, препятствующее заключению долгосрочных трудовых договоров. Театральное дело погрязло в бесконечных проблемах организационного характера. На взгляд столичного инспектора, «...их так много... что иной раз трудно пробиться сквозь них и составить представление о чисто творческом состоянии того или иного театра. Поток организационных проблем захлёстывает отделы искусств, крайкомы и обкомы ВКП(б). Вопросами же художественного порядка местные организации занимаются крайне редко, от случая к случаю» [23].

Концепцию «партийности» искусства Ленина, Сталин заменил понятием «государственности». Сталин объяснил это просто: «Надо понимать две разные позиции: когда мы были в оппозиции и когда находимся у власти» [24: с. 146]. Большевикам не удалось всех загнать в РАПП (российскую ассоциацию пролетарских писателей), поэтому была предложена блестящая альтернатива – горьковский Союз советских писателей, туда же зачислили театральных драматургов. Предлагаемая литературно-сценическая тематика была предельно ясна: «успехи и достижения» социализма; «преодоление пережитков капитализма» в сознании людей. Материал художественных произведений – жизнь и опыт людей Днепроостроя, Магнитогорска, героичелюскинцы, комсомольцы, пионеры, партийцы, рабочие и колхозники – основные типы и основные герои литературы и театральной сцены.

С середины 1930-х гг. в истории советской страны наступает период так называемого «большого террора». Руководящую силу обретают крылатые афоризмы Сталина о том, что «писатели – это инженеры человеческих душ», что изображать действительность нужно с позиций «метода социалистического реализма». Двигаясь по пути овладения методом социалистического реализма, театр будет стремиться к сценическому показу образов во всём богатстве их идейного и эмоционального материала» [2] – так живо откликнулись на призыв партии в Хабаровском театре драмы. В январе 1935 г. в Хабаровске состоялось краевое театральное совещание бюро крайкома ВКП(б), первооче-

⁴ К концу 1930-х гг. национальные театры – корейские и китайские – вскоре были депортированы с территории советского Дальнего Востока (См.: Королёва В.А. Китайский и корейский театры на Дальнем Востоке России //Россия и современный мир. 2002. № 2. С. 176–182), а еврейский в 1949 г. закрыт «по причине нерентабельности» (См.: ГАЕАО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 28. Л. 3). Судьба нанайского театра оказалась не менее печальна, равнодушие власти к этому удивительному культурному феномену привело к финансовой несостоятельности маленького театра.

редной задачей которого писатель А. Фадеев определил «вопросы создания и воспитания художественной интеллигенции рабочего класса и колхозного крестьянства, ... так как искусство театра проникает в глубокие толщи народа» [27].

Как верно замечено дальневосточным исследователем С.Ю. Гамалей, «...упрочение тоталитарного режима, репрессии в отношении деятелей искусств, утверждение плановости, способствовали окончательному превращению театра в средство идеологического воспитания на всем пространстве СССР» [6: с. 190].

В эти годы прошла «чистка» рядов от всех, кто не хотел играть по предложенным «правилам», а заодно и от тех, кто играл неубедительно. Развернувшиеся в регионе репрессии в отношении творческой интеллигенции привели к арестам талантливых актёров, режиссёров, руководителей сферой искусства края [13]. В сентябре 1937 г. на страницах «Тихоокеанской звезды» была напечатана большая «разоблачающая» статья о «проклятых врагах социализма... пролезших на подмостки сцен, закопавшихся в театральные коллективы» [11]. Подобная статья появилась месяцем позже в газете «Тихоокеанский комсомолец» [6]. Репрессии окончательно способствовали становлению «однородности» театрального дела в СССР. В результате репертуар, режиссура всех театральных коллективов были одинаковы и определялись не самим творческим коллективом, а общегосударственной политикой. Даже в проходивших ежегодно соревнованиях на лучший спектакль разными коллективами выставлялись одни и те же пьесы.

Советская классика занимала самые прочные позиции в театральном искусстве, при этом непременной составляющей репертуара дальневосточных театров были выдержавшие испытания временем пьесы отечественных драматургов, поднявшихся на волне революционного искусства 1920-х гг. (А. Афиногенова, В. Иванова, В. Маяковского, Б. Лавренева, К. Тренева, В. Билль-Белоцерковского и др.), а также драматургов, вошедших в историю советского театра в 1930-е гг. (А. Корнейчука, Н. Погодина, В. Вишневского и др.).

Исследование организационно-творческого состояния дальневосточных театров в условиях общественных трансформаций 1920–1930-х гг. позволяет сделать следующие выводы. Политические события Октября и Гражданской войны на Дальнем Востоке не возымели существенного влияния на ход развития театрального дела в регионе. Существование буржуазного государства, выступило смягчающим обстоятельством, своеобразным буфером, позволившим «мягкий» вариант, переходного этапа. Как верно заметила В.К. Королёва, такой вариант развития событий представлял собой

наиболее предпочтительную модель развития культуры в реформируемом обществе, поскольку синтезировал в себе опору на культурное наследие дооктябрьской России с его общечеловеческими ценностями и подлинную демократизацию культуры» [15: с. 206]. Мощное антрепренёрское движение, позволившее творческий простор и неограниченность профессиональных ресурсов; сложившиеся традиции театрального любительства, вовлекшие в последствии в сферу искусства рабочих и мелких служащих, как и многие другие факторы, свидетельствуют в пользу данного суждения.

В целом на Дальнем Востоке в исследуемый период сложилась своеобразная ситуация. Даже с началом пролетарско-социалистических преобразований в регионе государственным органам сложно давалось управление искусством. Долгое время госструктуры ограничивались налоговым регулированием и репертуарными рекомендациями, и только усиление идеологического диктата большевиков в конце 1930-х гг. закрепляет государственную власть над искусством окончательно.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Белоглазова С.Б. Культура Дальнего Востока России в условиях общественных трансформаций 20–30-х годов XX в. Очерки истории / С.Б. Белоглазова. – Владивосток : Дальнаука, 2001. – 192 с.
2. Бронский В.Е. Краевой драматический театр перед новым сезоном / В.Е. Бронский // Тихоокеанская Звезда. – Хабаровск, 1936. 16 сент.
3. Вечерняя газета. Владивосток.
4. Вечерняя Звезда. Владивосток.
5. Вехи. Хабаровск.
6. Воробьёв, Н. О делах в музкомедии / Н. Воробьёв // Тихоокеанский комсомолец. – 1937. – 12 окт.
7. Гамалей С.Ю. Государственная политика в области театрального дела на советском Дальнем Востоке: 20–30-е годы XX века : дис. ... канд. истор. наук / С.Ю. Гамалей. – Владивосток, 2005.
8. ГАПК. – Ф. Р-2480. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 2, 35.
9. ГАХК. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 8.
10. Дальневосточный путь. – Чита.
11. Дьяков, Б. Под вывеской музыкальной комедии / Б. Дьяков // Тихоокеанская Звезда. – 1937. – 13 сент.
12. Коган, П.С. В преддверии грядущего театра [Электронный ресурс] / П.С. Коган. – М. : Первина, 1921. – С. 33. – Режим доступа: // <http://www.teatr-lib.ru> (дата обращения 20.10.2012).
13. Козлов, А.Г. Театр на северной земле: Очерки по истории Магаданского музыкально-драматического театра им. М. Горького (1933–1953 гг.) / А.Г. Козлов. – Магадан, 1992. – 101 с.
14. К открытию театрального сезона // Тихоокеанская звезда. – 1926. – 3 нояб.
15. Королева, В.А. Музыкальная культура Дальнего Востока России. Кн. 1. На рубеже эпох (1880-е–1917)–(1917–1920-е) / В.А. Королева. – Владивосток: Дальнаука, 2004. 272 с.

16. *Королева, В.А.* Музыка и театр корейцев на Дальнем Востоке России. 1860–1937 гг. Диалог истории и искусства / В.А. Королева. – Владивосток : ДВГУ, 2008.
17. *Королева, В.А.* Китайский и корейский театры на Дальнем Востоке России / В.А. Королева // Россия и современный мир. – 2002. – № 2. – С. 176–182.
18. *Кузнецов, М.С.* Дальневосточная партийная организация в борьбе за осуществление задач культурной революции (1928–1937 гг.) / М.С. Кузнецов. – Томск, 1971. – С. 355–358.
19. Культурная жизнь в СССР. 1928–1941. – Хроника. – М., 1976.
20. Культурное строительство на Дальнем Востоке (1917–1941 гг.). Документы и материалы. – Владивосток, 1982.
21. *Ленин, В.И.* Критические заметки... / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. Т. 24. – М.
22. *Осипова Э.В.* Специфика форм и содержания театральной жизни в условиях Дальневосточного буферного государства / Э.В. Осипова // Гражданская война и иностранная интервенция на российском Дальнем Востоке: уроки истории : материалы Второй Междунар. науч. конф., посвящённой 90-летию окончания Гражданской войны и иностранной интервенции на российском Дальнем Востоке. Владивосток, 25–27 октября 2012 г. – Владивосток: Изд. дом Дальневосточного фед. ун-та, 2012. – С. 256–261.
23. *Рыжакин, Я.* В театрах Дальнего Востока / Я. Рыжакин // Советское искусство. – 1938. – 22 дек.
24. *Симонов, К.М.* Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине. 23 марта 1979 г. / К.М. Симонов. – М. : Изд-во АПН, 1989.
25. *Сталин, И.* Ответ Билль-Белоцерковскому [Электронный ресурс] / И. Сталин. – Режим доступа: [//www.hrono.ru/libris/stalin.11-21.html](http://www.hrono.ru/libris/stalin.11-21.html) (дата обращения 12.06.2013).
26. *Ткачева, Г.А.* Демографическая ситуация на Дальнем Востоке России 20–30 гг. XX в. / Г.А. Ткачева. – Владивосток. 2000. – 262 с.
27. *Фадеев, А.* Заметки о театре. К краевому театральному совещанию / А. Фадеев // Тихоокеанская звезда. – 1935. – 12 янв.
28. 75 лет Амурскому областному драматическому театру. – Благовещенск, 1958.

ОРГАНИЗАЦИЯ И ПРОВЕДЕНИЕ ТУРИСТСКИХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ МАРШРУТОВ В ХАБАРОВСКОМ КРАЕ (60–80-е ГОДЫ XX В.)

Н.А. Пичугина

Пичугина Нина Андреевна – президент некоммерческого партнерства Хабаровской краевой ассоциации экскурсоводов и гидов-переводчиков (г. Хабаровск).

Контактный адрес: guide-association@mail.ru, tour@festu.khv.ru

Статья посвящена малоисследованной теме организации транспортных маршрутов (на примере железнодорожных туристско-экскурсионных поездов). Индустрия туризма и гостеприимства как перспективное направление в экономике Хабаровского края являлась в 60–80-е гг. XX в. своеобразным катализатором его социально-экономического развития. Из всех видов транспорта в 60-е гг. XX в. получил широкое развитие железнодорожный туризм. Туристские поезда или, как их называли «туристские базы на колесах», стали наиболее доступным видом массовых путешествий. Такие путешествия позволяли за одну поездку многое увидеть, обогатить свои знания в области географии, экономики, истории, искусства, стать свидетелями трудовых достижений народа.

Ключевые слова: вагон, вагон-ресторан, вокзал, город, железная дорога, договор, купе, музей, поезд, питание, путешествие, руководитель, экскурсии, экскурсовод.

В 60-е гг. XX в. в СССР стали активно развиваться транспортные путешествия. Туристские организации профсоюзов с 1960 г. впервые стали арендовать у Министерства путей сообщения СССР поезда для организации путешествий по железной дороге [11]. В 1962 г. Президиум ВЦСПС принял Постановление «О дальнейшем развитии туризма». В нем были подведены итоги большой, многолетней работы туристско-экскурсионного управления и добровольных спортивных обществ профсоюзов, а также определены меры, направленные на укрепление материальной базы и расширения массового туризма [13].

В исследуемый период времени транспорт раздвинул границы времени, позволил трудящимся вместить в рамки очередного отпуска, а то и обычных выходных дней, посещение самых отдаленных районов, знакомство с новыми достопримечательностями.

Особенно быстрыми темпами этот вид туризма начал развиваться с 1969 г., после принятия известного Постановления ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС «О мерах по дальнейшему развитию туризма и экскурсий в стране» [10], в котором было обращено особое внимание на расширение транспортных путешествий. Важность этого вида туризма подчеркнул XXIV съезд КПСС. Это стало возможным благодаря быстрому развитию транспортного парка, переводу его на более совершенные и современные виды тяги, повышению комфортности.

За период с 1966 по 1975 г. пассажирооборот всех видов транспорта вырос с 366 млрд пассажирокилометров до 747,1 млрд, т.е. более чем в 2 раза. Соответственно было перевезено в 1,9 раза больше пассажиров [1].

Техническое перевооружение транспорта, его совершенствование позволили разработать маршруты новых интересных и содержательных транспортных путешествий, которые приобрели в 60–80-е гг. XX в. большую популярность среди населения. С каждым годом возрастало число участников транспортных путешествий. В 1970 г. их было 5 млн, в 1976 г. – свыше 13 млн [1].

Основной формой транспортного туризма было сочетание перевозок на одном виде транспорта с экскурсиями во время стоянок. Широкое распространение таких путешествий потребовало перестройки движения пассажирского транспорта, порядка мест и продолжительности стоянок, которые определялись целями путешествия. В отличие от графического движения обычного пассажирского транспорта, стоянки теплоходов и туристских поездов были более продолжительными, занимали от нескольких часов до нескольких суток. Транспортные путешествия сопровождалась отдыхом на природе, организовывались зеленые стоянки утром и днем. В ночное время осуществлялось движение по утвержденному графику.

Решения Центрального совета по туризму и экскурсиям и транспортных министерств способствовали укреплению деловых отношений туристско-экскурсионных организаций и предприятий различных видов транспорта, улучшению качества обслуживания туристов, позволили разработать интересные и содержательные маршруты, обеспечить их интенсивное развитие. К услугам путешественников и туристов были предоставлены все виды транспорта: автомобильный, речной, морской, воздушный, в том числе и железнодорожный.

Значительное развитие в рассматриваемый период времени получил железнодорожный транспорт.

Туристские поезда или, как их называли, «туристские базы на колесах» стали наиболее доступным видом массовых путешествий. В 1960 г. – первыми пятью поездами воспользовались всего 1650 чел. В 1969 г. было обслужено – 1007,9 тыс. чел., в 1970 г. – 1623,6 тыс. чел., в 1972 г. – 2213,3 тыс. чел., в 1975 г. – 3636,2 тыс. чел. В 1977 г. на туристских железнодорожных маршрутах отдохнуло свыше 4 млн чел. К тому времени курсировало более 2600 туристских поездов [1].

В исследуемый период времени тяга туристов к путешествиям на поездах была настолько сильной, а их отзывы о первых поездах настолько восторженными, что туристским организациям вместе с Министерством путей сообщения СССР пришлось серьезно заняться организацией массовых туристских поездок по железным дорогам. Железнодорожные поездки, которые в основном преследовали экскурсионные цели, удовлетворяли культурными потребностями советских людей. Такие поездки совершались круглый год. Туристские поезда отправлялись в рейсы и зимой, и весной и осенью, т.е. в периоды спада основных перевозок. Они являлись важным средством смягчения неравномерности пассажирских перевозок, и в этом смысле оказывали эффективное влияние на развитие самого железнодорожного транспорта. Железнодорожные туристские маршруты стали очень разнообразны по длительности и содержанию. Путешествия по таким маршрутам осуществлялись в выходные и праздничные дни, во время отпуска или каникул. Их продолжительность составляла от 3 до 30 дней. Туристско-экскурсионные поезда формировались специально для путешествий, места распределялись по следующей схеме (таблица).

Несмотря на то, что туристские поезда не имели всех необходимых удобств (не было клубного вагона, душевых, на остановках в городах приходилось пользоваться умывальником и туалетом на вокзалах), многих устраивала «турбаза на колесах», сформированная из 10–12 купированных, хорошо оборудованных вагонов (с мягкой постелью), трех вагонов-ресторанов с питанием на всем пути следования, штабного вагона.

В стоимость путевки на туристских поездах включалась оплата за проезд с постелью, трехразовое питание, экскурсионное и культурное обслуживание. Такие поезда являлись по существу передвижными турбазами, цены на поездки были следующими:

- Хабаровск – Средняя Азия – Хабаровск – 340 руб. 00 коп.;
- Хабаровск – Прибалтика – Хабаровск – 320 руб. 00 коп.;
- Хабаровск – Украина – Хабаровск – 340 руб. 00 коп.;
- Хабаровск – Кавказ – Хабаровск – 350 руб. 00 коп. [15: с. 120].

Туристские поезда обслуживали опытные руководители маршрутов и инструктора по туризму, в задачу которых входила организация отдыха туристов, проведение пешеходных и автобусных экскурсий в остановочных пунктах.

Туристско-экскурсионные поезда, маршруты которых проходили в пределах двух и более дорог, независимо от продолжительности рейса, формировались только приказом Министерства путей сообщения по представлению Центрального совета по туризму и экскурсиям.

Таблица

Распределение мест в туристских поездах (при трех вагонах-ресторанах)

Наименование	Количество вагонов			Примечание
	10	11	12	
1. Всего мест в составе, в т.ч. неоплачиваемых советами по туризму и экскурсиям:	378	416	454	Для отдыха работников вагонов-ресторанов выделяются в вагоне, смежном с вагоном-рестораном, по 2 четырехместных купе, рядом со служебным
а) для работников одного вагона-ресторана	8	8	8	
б) для отдыха поездной бригады	20	22	24	
2. Подлежат оплате советами по туризму и экскурсиям и полностью включаются в стоимость путевки «внутримаршрутный транспорт»	350	386	422	
3. Служебные места советов по туризму и экскурсиям:				Для отдыха поездной бригады выделяются двухместные купе (места 37 и 38)
а) для обслуживающего персонала	8	8	8	
б) медпункт-изолятор	4	4	4	
в) для рассадки туристов	2	2	2	
4. Места для работников двух вагонов-ресторанов	16	16	16	
5. Подлежат продаже	320	356	392	

Для того чтобы Министерство путей сообщения назначило туристско-экскурсионный поезд, местные советы по туризму и экскурсиям должны были в установленные сроки по имеющейся форме направить заявки в Центральный совет по туризму и экскурсиям на все намеченные в следующем году рейсы туристско-экскурсионных поездов и согласовать план-график движения поезда с управлением дорог. После этого Министерство путей сообщения и Центральный совет по туризму и экскурсиям утверждали план-график движения поезда. Утвержденные маршруты туристско-экскурсионных поездов рассылались для непосредственного исполнения соответствующим управлениям железных дорог, советам по туризму и экскурсиям, а также Министерству торговли СССР и Главдиректору Министерства торговли РСФСР. Согласованные и утвержденные маршруты вносились в хозяйственно-финансовый план и не подлежали их изменению.

Не разрешалось менять предусмотренные планом расписание движения поездов, маршрут следования и время стоянок. Все это было четко регламентировано при составлении годового плана. В 1978 г. был подготовлен перспективный план развития туризма и экскурсий для территории Сибири и Дальнего Востока, рассчитанный на продолжительное сотрудничество с транспортными министерствами, от которых во многом зависело качество обслуживания путешественников. Министерство путей сообщения должно было осуществить при долевом участии ЦСпоТиЭ строительство новых пунктов стоянок туристских поездов в городах Новосибирске, Тобольске, Омске, Томске, Красноярске, Иркутске, Владивостоке, Хабаровске, а также на станции Волочаевка Еврейской автономной области. В 1978 г. было организовано более 150 железнодорожных рейсов туристских поездов для жителей Сибири и Дальнего Востока [2].

Туристско-экскурсионные поезда имели твердые графики движения, предусматривающие время нахождения в пути и продолжительность остановок в определенных пунктах. География их была разнообразна. Железнодорожные туристско-экскурсионные маршруты могли начинаться от любой станции города и группировались так, чтобы следование поезда от станции к станции проходило в основном в ночное время суток, а прибытие поезда в каждый новый город – утром в одни и те же часы. Это позволяло более рационально использовать пропускную способность станций для приема туристских поездов, а в дальнейшем специально их благоустроить [16].

Туристско-экскурсионные учреждения совместно с советами профсоюзов организовали реализацию туристских путевок и разнообразную рекламу.

При этом необходимо было очень внимательно относиться к тексту путевок. В путевке указывались данные о маршруте, о местах остановок, о плановых экскурсиях, об особенностях проживания в поезде. О том, что умывальники и туалеты на стоянках закрыты, должен был знать каждый турист.

После получения утвержденного плана туристско-экскурсионных поездов на предстоящий год советы по туризму и экскурсиям или бюро путешествий заключали договоры:

- с управлением железной дороги на вагоны для формирования туристско-экскурсионного поезда;
- местными торговыми организациями: конторой вагонов-ресторанов, управлением общественного питания.

В этом случае следовало руководствоваться основными условиями обслуживания туристов в вагонах-ресторанах туристско-экскурсионных поездов. Если питание туристов было намечено в столовых или ресторанах городов по пути следования, то предполагалось предварительное заключение договоров и перевод определенных денежных средств. Данный процесс необходимо было четко и оперативно контролировать, чтобы в пути не было срыва питания из-за несвоевременного заключения договора или задержки переводов денег. Затем заключались договоры с бюро путешествий или экскурсионным бюро на экскурсионное, культурно-массовое и другое обслуживание, предусмотренное планом.

Экскурсионное содержание маршрута должно было быть продумано и подготовлено не менее чем за два месяца до начала рейса [16]. Прежде всего, всем экскурсионным организациям по маршруту следования поезда сообщались дни его прибытия в каждый пункт, а также продолжительность стоянки. Необходимо было заказать экскурсии, предусмотренные планом маршрута, оплатить их стоимость и получить подтверждение времени проведения экскурсии и ее темы. За несколько дней до приезда в данный пункт подтверждалось время прибытия и количество заказанных экскурсий. Организация, принимающая поезд, должна была сообщить подробный план обслуживания, тему экскурсии, ее продолжительность, указать вместимость автобуса, расстояние пешеходной экскурсии. Все эти подробности необходимо было своевременно и грамотно сообщить туристам. К моменту прибытия поезда в место назначения все должно было быть заранее подготовлено. Экскурсии начинались без лишних хлопот и потери времени. Благодаря поручению Министерства путей сообщения обеспечивалась готовность действующих станций для приема туристских поездов.

Штат для каждого туристско-экскурсионного поезда устанавливался в соответствии с постановлением президиума ВЦСПС от 4 декабря 1964 г.

«О типовых штатах базы экскурсионных бюро советов по туризму». В указанном постановлении был предусмотрен следующий штат туристско-экскурсионного поезда.

При продолжительности более 5 дней:

- директор;
- ст. инструктор-методист;
- инструктор;
- врач;
- массовик-культурорганизатор;
- аккомпаниатор;

При продолжительности не более 5 дней:

- директор;
- ст. инструктор-методист;
- массовик-культурорганизатор.

Существовали два вида железнодорожных туристских маршрутов: маршруты выходного дня (без ночлега) и специальные туристско-экскурсионные поезда, сформированные по установленному маршруту, с учетом проживания туристов в вагонах и окончанием его на станции отправления. Их длительность могла достигать 30 дней.

В графиковых поездах регулярного сообщения осуществлялись перевозки групп туристов до места начала маршрута, а также от одного пункта маршрута до другого. В праздничные дни или каникулы использовались целые составы графиковых поездов регулярного сообщения или назначались Министерством путей сообщения дополнительные туристские рейсы.

Существовали разнообразные виды железнодорожных путешествий. Очень популярны стали однодневные поезда здоровья, которые курсировали в пригородном сообщении. Они назначались отделением дороги после подписания договора и оплаты за перевозку. Поезда здоровья были предназначены для проезда участников походов выходного дня – коллективов лыжников, грибников, любителей рыболовной ловли, организованных групп.

От таких туристско-экскурсионных поездов не отставало Хабаровское бюро путешествий и экскурсий. В зимние, воскресные дни от ст. Хабаровск-I отправлялся туристско-экскурсионный поезд «Снежинка». Сотни рабочих, студентов и школьников выезжали на лыжную прогулку. Прибывающих на место отдыха встречал заснеженный лес, чистый свежий воздух, организовывались катания на ледяных горках, лыжах, санках. Квалифицированные спортивные инструкторы помогали начинающим лыжникам, а ароматный чай поднимал силы уставшим. Туристско-экскурсионный поезд ожидал отдыхающих на ст. Красная Речка, а туристам в нём можно было отдохнуть и погреться. Первый подобный поезд, получивший также название «Снежинка», отправился из г. Комсомольска-на-Амуре в декабре 1968 г. Экскурсантами этого

поезда были рабочие треста «Комсомольскжилстрой», работники швейной фабрики и школьники – 1000 комсомольчан-лыжников и любителей покататься на санях могли отдохнуть в воскресные дни в живописном местечке Малмыж и проложить первую лыжню [18].

Неувядаемой славой покрыта легендарная единственная в Советском Союзе железнодорожная экскурсия «Волочаевские дни». В 60–80-е гг. XX в. она пользовалась большой популярностью у дальневосточников. Особый размах она приобрела в дни подготовки к празднованию 50-летия СССР и освобождения Дальнего Востока от интервентов и белогвардейцев. От Хабаровского перрона регулярно отправлялись экскурсионные поезда к легендарной Волочаевке. Ветераны Гражданской войны, участники исторических боев знакомили экскурсантов поезда с историческими подвигами бойцов народно-революционной армии и партизан, рассказывали о штурме Волочаевской сопки. Экскурсии проходили в очень торжественной обстановке [17: с. 14]. Неоспоримо её значение в патриотическом воспитании советских людей. Туристско-экскурсионный поезд был сформирован из 10 плацкартных вагонов, при каждом из них был свой инструктор, в состав поезда входил вагон-ресторан и штабной вагон, где экскурсовод по радиотрансляции давал путевую информацию. Участниками таких экскурсий были люди разных возрастных категорий. Экскурсанты знакомились с местами Волочаевского сражения, посещали памятник-музей, останавливались у братской могилы 118 бойцов и командиров народно-революционной армии, чтобы почтить их память. На проходившем митинге у братской могилы выступали участники «Волочаевского боя»: П. Фартушнов, А. Анойкин, В. Золотухин. По прибытии на станцию Волочаевка, все выстраивались в колонну: впереди – ветераны Гражданской войны, за ними следовал духовой оркестр. Далее представители города, учащиеся, трудовые коллективы, семьи. Над сопкой Июнь-Корань звучала песня красных партизан «По долинам и по взгорьям». Здесь звучали клятвы вступающих в комсомол, вручались комсомольские билеты, первые паспорта, участники «Дальневосточного перекопа» повязывали красные галстуки юным ленинцам...

За активное участие в экскурсионной работе и организации туристских поездов выделялись премии экскурсоводам-общественникам и организаторам-общественникам [7].

Прошли годы... Не идут экскурсионные поезда, не работает музей. Уходит из памяти героизм бойцов.

С 1973 г. в Хабаровске стал популярным туристско-экскурсионный поезд «Владивосток-театральный», следовавший по маршруту: Хабаровск – Владивосток – Хабаровск. Он отправлялся из Ха-

баровска в пятницу в 19.00, прибывал в г. Владивосток в субботу в 09.00, далее проводилась обзорная экскурсия по городу Владивостоку, знакомство с музеями, вечером – посещение Владивостокского цирка. В летний период времени была предусмотрена вечерняя прогулка на теплоходе по акватории Амурского залива.

На время экскурсий состав туристско-экскурсионного поезда находился в пригороде г. Владивостока на ст. Седанка, где специально был оборудован «отстой» для туристско-экскурсионных поездов. Для отдыхающих предоставлялись комнаты отдыха, душевые, умывальники, туалеты. По примеру туристско-экскурсионного поезда «Владивосток-театральный», отправлялись туристско-экскурсионные поезда по маршрутам: Хабаровск – Владивосток – Находка – Хабаровск, Хабаровск – Благовещенск – Хабаровск и туристско-экскурсионный поезд «Веснянка» по маршруту: Хабаровск – Кульдур – Хабаровск.

Особого внимания также заслуживает организованный Хабаровским бюро путешествий и экскурсий детский туристско-экскурсионный поезд «Красная гвоздика», следовавший по местам боевой и трудовой славы дальневосточников по маршруту: Хабаровск – Дальнереченск – Спасск-Дальний – Уссурийск – Владивосток – Хабаровск.

В г. Спасске-Дальнем экскурсии проводили ветераны Гражданской войны. Они показывали окрестности, где были когда-то вражеские укрепления, где был ранен Александр Фадеев, знакомили со школой, названной именем Ивана Дербенева – руководителя комсомольцев-подпольщиков г. Спасска-Дальнего. Совершали автобусную экскурсию по городу, посещали краеведческий музей. У памятника героям Гражданской войны возлагались венки. В г. Дальнереченске было организовано знакомство с городом, героизмом участников боевых действий на о. Даманском. В Уссурийске экскурсанты посещали суворовское училище, в с. Кондратенково возлагали цветы на могилу Виталия Банивура. Во Владивостоке принимали участие в обзорной экскурсии по городу, посещали краеведческий, военно-исторический музей, мемориальный музей-корабль «Красный вымпел», встречались с воинами-моряками. Экскурсионный поезд замедлял ход на станции Лазо, где погиб герой Гражданской войны Сергей Лазо.

Все участники путешествия объединены были в батальоны, туристы одного вагона – в роту. Каждой роте присваивались имена героев Гражданской войны на Дальнем Востоке, героев Советского Союза. Так появились роты имени В. Блюхера, С. Лазо, П. Постышева, С. Вострецова, И. Шевчука, В. Банивура, И. Стрельникова, В. Бубенина, Д. Леонова, Ю. Бабанского. Вокруг этих известных имен проводилась вся воспитательная работа – беседы о

героях, встречи с героями Гражданской и Великой Отечественной войн.

Во время путешествия организовывались смотры-конкурсы на лучшую стенгазету и художественную самодеятельность. Командир и комиссар батальона, воспитатели и политруки рот, в качестве которых привлекались лучшие воины Хабаровского гарнизона, стремились помочь участникам путешествия осознать сущность подвига, героизм простых советских людей.

Также Хабаровский краевой совет по туризму и экскурсиям организовывал туристско-экскурсионный поезд «Красная гвоздика» по местам ссылки декабристов по маршруту: Хабаровск – Чита – Петровский завод – Улан-Удэ – Иркутск – Братск – Хабаровск [9]. Кроме того в Хабаровском крае курсировали такие туристско-экскурсионные поезда, как «Факел» из г. Биробиджана и «Юность» из г. Комсомольска-на-Амуре. В г. Хабаровск прибывали туристско-экскурсионные поезда «Орленок» из г. Владивостока, «Амурчонок» из г. Благовещенска, «Забайкалец» из г. Читы, «Буревестник» из г. Уссурийска.

О деятельности детских туристско-экскурсионных поездов были созданы телефильмы «Дорогами наших отцов», «По местам ссылки декабристов». Эти фильмы демонстрировались по телевидению во время передач «Племя молодое», «Мы с «Красной гвоздикой».

Из всех видов путешествий на поездах первое место занимали дальние путешествия до 30 дней. Такие путешествия пользовались большой популярностью у дальневосточников. В 1971 г. Дальневосточное управление железной дороги и Хабаровский краевой совет по туризму и экскурсиям в порядке эксперимента отправили первый поезд, и такое путешествие привлекло дальневосточников.

К середине 1970-х гг. количество отдыхающих в туристских поездах дальнего следования выросло более чем в пять раз. Так, в 1977 г. свыше тридцати тысяч человек побывали в Средней Азии, в городах Куйбышеве, Ростове-на-Дону, в курортных местах Закавказья и Черноморского побережья. В этот период времени отраслевые комитеты рекомендовали для таких поездов ударников труда, новаторов производства, молодых гвардейцев пятилеток. В 1978 г. завоевывали право совершить такие путешествия более пяти тысяч рыбаков, работников сельского хозяйства, строителей Байкало-Амурской магистрали [14].

Хабаровским краевым советом по туризму и экскурсиям в 1979 г. были предложены и разработаны новые железнодорожные туристско-экскурсионные маршруты. Однако ни одно из предложенных не было поддержано министерством путей сообщения. На увеличение поездов не дало согласия

и главное пассажирское управление, а два туристских поезда – по городам-героям и Закавказью – были исключены из плана. Таким образом, в этот период количество туристских пассажирских поездов стало заметно сокращаться.

Несмотря на это, желающих принять участие в подобных экскурсиях было много. Из г. Хабаровска уходили туристско-экскурсионные поезда в Среднюю Азию, Закавказье, по республикам Прибалтики, по городам-героям. Маршрутами дружбы народов называли путешествия по Средней Азии и Казахстану, по республикам Прибалтики, по Кавказу и Забайкалью, по Закарпатью, Молдавии и Крыму.

Особо стоит отметить маршрут «По городам-героям» (Москва, Ленинград, Брест, Киев, Одесса, Севастополь, Волгоград), который оставлял у его участников неизгладимое впечатление. Бюро путешествий и экскурсий, находящиеся в городах-героях, прилагали немало усилий к широкому и разностороннему экскурсионному обслуживанию туристов, прибывающих к ним. В г. Волгограде, например, была разработана специальная экскурсия на тему: «Волгоград – город-герой». Экскурсанты проходили по местам героических событий. Организовывались встречи туристов с ветеранами Великой Отечественной войны. Хорошо продуман был прием туристов в г. Севастополе, где каждый туристско-экскурсионный поезд встречал духовой оркестр военных моряков. Особенно популярны стали в 60–80-е гг. XX в. маршруты «По местам жизни и деятельности В.И. Ленина». Путешествия по древнерусским городам – Пскову, Новгороду, Ярославлю, Горькому, Владимиру, Суздалью – воссоздавали в памяти эпоху образования централизованного русского государства и в то же время знакомили с современным их обликом.

На каждом маршруте туристам предоставлялся «чистый» отдых – посещение театров и кинотеатров, садов и парков, прогулки по реке или морю, отдых на пляжах.

Организация массовых транспортных путешествий стала возможной благодаря быстрому развитию транспорта в нашей стране, его модернизации, переводу транспортного парка на более совершенные и современные виды тяги, повышению его комфортности. Основной формой транспортного туризма явилось сочетание перевозок на одном виде транспорта с экскурсиями во время стоянок. Широкое распространение подобных путешествий потребовало соответствующей перестройки движения пассажирского транспорта, продолжительность стоянок которого определялась, главным образом, целями путешествий.

Подводя итоги, можно сказать, что в Хабаровском крае железнодорожный туризм был особенно популярным. Приобретая важное общественно-политическое и социально-экономическое значение, он превратился в один из самых массовых и эффективных видов отдыха, став делом государственной важности. Железнодорожные туры являлись идеальным способом предоставления комфортабельного размещения, проживания и проезда в поезде с насыщенной экскурсионной программой по маршруту следования, средством широкого охвата различных объектов показа и посещением их на всем протяжении путешествия.

Также следует отметить, что в 60–80-е гг. XX в. развитие туризма просто не мыслилось без железнодорожного транспорта – надежного помощника туристам и экскурсантам.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Абуков, А.Х. Туризм сегодня и завтра. Туристско-экскурсионная работа профсоюзов / А.Х. Абуков. – М. : Профиздат, 1978. – 272 с.
2. Абуков, А.Х. От Урала до Сахалина / А. Х. Абуков // Труд. – 1978. – 28 июля.
3. ГАХК. – Ф. Р 1623. – Оп. 1. – Д. 623в. – Л. 63.
4. Объединенный архив Хабаровского крайпрофобъединения. – Ф. 34. – Д. 1. – Оп.док. по л/с. – Л. 16.
5. Объединенный архив Хабаровского крайпрофобъединения. – Ф. 34. – Д. 1. – Оп.док. по л/с. – Л. 27.
6. Объединенный архив Хабаровского крайпрофобъединения. – Ф. 34. – Д. 1. – Оп.док. по л/с. – Л. 28.
7. Объединенный архив Хабаровского крайпрофобъединения. – Ф. 34. – Д. 1. – Оп.док. по л/с. – Л. 38.
8. Объединенный архив Хабаровского крайпрофобъединения. – Ф. 34. – Д. 1. – Оп.док. по л/с. – Л. 79.
9. – Объединенный архив Хабаровского крайпрофобъединения. – Ф. 34. – Д. 1. – Оп.док. по л/с. – Л. 159.
10. О мерах по дальнейшему развитию туризма и экскурсий в стране: постановление президиума ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС от 30 мая 1969 г. // Правда. – 1969. – 26 июня.
11. Пасечный, П.С. Туристская работа в трудовом коллективе / П.С. Пасечный. – М. : Профиздат, 1983. – 160 с.
12. Певзнер, Л.М. Идут по стране туристские поезда / Л.М. Певзнер. – М. : Профиздат, 1974. – 74 с.
13. Сборник нормативных актов по туристско-экскурсионной работе. – М. : Профиздат, 1969. – Т. 1. – Ч. 1. – С. 6.
14. Стародубов, П. Укороченный маршрут / П. Стародубов // Труд. – 1979. – 23 января.
15. Туристские маршруты на 1974 год. ВЦСПС, Центральный совет по туризму. – М. : Профиздат, 1974. – С. 120.
16. Шапакина, К.Е. Основы организации транспортных путешествий / К.Е. Шапакина. – М. : Турист, 1982. – 56 с.
17. Щетинин, Г. Там, где Амур свои воды несет / Г.Щетинин // Турист. – 1972. – № 10. – С. 14
18. Шипилова, С. Поезд здоровья / С. Шипилова // Молодой дальневосточник. – 1968. – 15 декабря.
19. Объявления // Тихоокеанская звезда. – 1969. – 1 февр. – 14 марта. – 16 марта.

СТАНОВЛЕНИЕ ПОДГОТОВКИ ТЕХНИЧЕСКИХ КАДРОВ ДЛЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ ОТРАСЛИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

Г.А. Тронова

Тронова Галина Александровна – аспирант кафедры теории и истории государства и права Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: g.tronowa@yandex.ru

В статье освещаются исторические аспекты зарождения технического образования в железнодорожной отрасли Дальнего Востока в конце XIX – начале XX вв. Рассматривается проблема профессиональной подготовки квалифицированных кадров для железных дорог. Освещается роль государства в становлении и формировании технического обучения.

Ключевые слова: училище, школа, профессионально-техническое образование, квалификация, подготовка рабочих кадров, железнодорожная отрасль, специальность.

На рубеже XIX–XX вв. российский Дальний Восток представлял собой обширную территорию с развивающейся сферой промышленного производства (рыбная, горнодобывающая промышленность, лесная) и транспортной инфраструктурой (речной и морской транспорт). Большое значение для региона имела постоянная ширококомасштабная миграция, которая привела к росту численности населения и позитивно сказалась на темпах развития экономики региона.

Однако дальнейшее развитие Дальнего Востока сдерживалось острой нехваткой квалифицированной рабочей силы. Частично проблема решалась за счёт привлечения кадров из центральных районов России, но это была вынужденная мера [2: с. 24]. Кадровая проблема обострилась уже в период строительства Транссибирской магистрали.

В 1887 г. начались изыскания Уссурийской железной дороги от Владивостока до Хабаровска. 17 марта 1891 г. Александр III подписал в Петербурге Высочайший Рескрипт о строительстве Транссиба, с поручением своему сыну цесаревичу Николаю совершить во Владивостоке закладку Уссурийского участка Великого Сибирского рельсового пути. Ее сооружение в конце XIX – начале XX вв. вдохнуло жизнь в сибирские и дальневосточные просторы, определило невиданные ранее перспективы в развитие отдалённых районов России.

Правительству надлежало принять меры к созданию определенной инфраструктуры в сети профессиональных учебных заведений, способных вести подготовку рабочих и специалистов из местного населения. Это мнение разделял и генерал-губернатор Приамурского края С.М. Духовской, который в отчёте правительству за 1893–1895 гг. отмечал, что «для скорейшего и успешного развития производительных сил края требуется много людей с низшим техническим образованием, выпи-

сывать которых из Европы затруднительно, приготовить таких людей на месте – дело местных технических школ» [2: с. 24]. Однако если в центральной России к этому времени уже сложилась система профессиональной подготовки кадров, то на Дальнем Востоке ее еще предстояло создать с учетом географического и стратегического положения края игравшего роль восточного форпоста страны.

Изыскателями и инженеры-первостроителями железных дорог были выпускники Института Корпуса инженеров путей сообщения (С.-Петербург). Так, строительными работами на Уссурийской железной дороге руководили опытные инженеры – А.И. Урсати, а затем О.П. Вяземский.

Уссурийская железная дорога была введена в эксплуатацию в 1897 г., Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД) – в 1903 г., Амурская железная дорога – в 1914 г., железнодорожный мост через Амур, ставший замыкающим звеном Транссиба – в 1916 г. Уже при строительстве дорог, а затем и при вводе их в эксплуатацию, в большом количестве потребовались технические исполнители – дорожные мастера, машинисты паровозов, их помощники, телеграфисты и др. Ещё при постройке Уссурийской трассы в железнодорожном батальоне были созданы учебные роты, где обучались по 400–500 человек. Из них готовили квалифицированных рабочих для службы пути, тяги, телеграфа, которые затем работали на Уссурийской и Китайско-Восточной железных дорогах. Бывшие дорожные строители использовались на службе пути и сооружений, были заняты перевозкой груза, являясь наиболее дисциплинированным контингентом [10: с. 49].

Самой распространённой в России формой подготовки технических кадров для железной дороги были железнодорожные училища. Они создавались на средства железнодорожных компаний, частных пожертвований, государства. С 1888 по 1903 г. в

России появилось 20 технических училищ, в том числе и железнодорожных, но потребность железнодорожной отрасли в квалифицированной рабочей силе не была в полной мере удовлетворена [9: с. 117].

При этом государство стремилось к тому, чтобы выпускники технических железнодорожных училищ не только овладели техническими знаниями, необходимыми для выполнения служебных заданий, но и обладали уровнем гуманитарной подготовки, что формировало их нравственные качества. В соответствии с утверждённой в августе 1879 г. МПС структурой и программой железнодорожных училищ в них изучались следующие предметы: закон Божий, русский язык и русская словесность, география, математика, физика, чистописание, черчение и рисование, железнодорожное дело, механика, технология металлов и дерева, телеграфия, пение и гимнастика [4: с. 9]. В организации учебных занятий и методов преподавания в учебных заведениях не было устоявшейся системы. Большой проблемой для профессиональных училищ был недостаток учебников и учебных пособий, особенно по специальным предметам. Уровень профессиональной квалификации достигался благодаря применению системы обучения, разработанной русскими учёными С.А. Владимирским, Г.Ю. Гессе, Д.К. Советкиным и П.И. Устиновым [2: с. 24].

В апреле 1886 г. все железнодорожные училища как казённые, так и частные, были переданы в подчинение Министерства путей сообщения. В связи с этим в структуре министерства для работы с училищами был создан специальный учебный отдел. Аттестат об окончании училища получали успешно окончившие трёхлетний теоретический курс обучения и после этого не менее двух лет проработавшие на технических должностях на железнодорожном транспорте [4: с. 29].

Транссибирская магистраль строилась за счёт государственной казны, поэтому учебные заведения здесь открывались на государственные средства. Именно так было открыто в Хабаровске техническое железнодорожное училище.

Постановление об открытии в Хабаровске технического железнодорожного училища – первого в Сибири и на Дальнем Востоке – было подписано в Комитете Сибирской железной дороги 13 мая 1894 г. Распоряжение об открытии первого технического заведения на Дальневосточной (в то время Уссурийской) железной дороге сделал министр путей сообщения М. И. Хилков.

Так, 9 марта 1895 г. управляющий учебным отделом Министерства путей сообщения Е.С. Волков поставил в известность Приамурского генерал-губернатора П.Ф. Унтербергерга о том, что «на основании Высочайше утверждённого от 7 апреля 1886 г. положения о технических училищах» [17: с. 15],

с начала наступающего 1895–1896 учебного года в г. Хабаровске будет открыто техническое железнодорожное училище ведомства путей сообщения. Торжественное открытие состоялось 6 октября 1895 г. в присутствии Приамурского генерал-губернатора.

Первым его директором был назначен инженер-механик, коллежский советник Николай Николаевич Окулов, окончивший императорское Московское техническое училище. В 1895 г. на первый курс было зачислено 16 человек в возрасте от 14 до 18 лет независимо от сословной принадлежности. Был установлен трёхлетний срок обучения и двухгодичная практика. Три первых учебных года (1895–1898) училище размещалось в деревянном одноэтажном доме на ул. Хабаровской (ныне ул. Дзержинского). 22 июня 1897 г. на участке, безвозмездно отведённом Хабаровской городской думой на окраине города, в присутствии Приамурского генерал-губернатора С.М. Духовского была совершена закладка нового здания училища. Его постройкой занималось управление работ Уссурийской железной дороги. В 1898 г. училище уже размещалось в собственном каменном двухэтажном здании на центральной улице города (ныне четырёхэтажное здание, ул. Карла Маркса, 53).

Учащиеся овладевали квалифицированными профессиями: машинистов и помощников машинистов паровозов, дорожных мастеров, надсмотрщиков телеграфа. После окончания училища они получали свидетельство об окончании теоретического курса, а после двухлетней практики и сдачи экзаменов – аттестат, получение которого давало право занимать инженерные должности. До революции из стен училища вышло 320 специалистов, каждый десятый из которых мог работать инженером (при наличии ставки).

Открытие технического училища на Дальнем Востоке свидетельствовало о понимании государством необходимости развития системы образования в регионе в целом, но особое внимание уделялось формированию рабочих кадров для железнодорожной отрасли. Хабаровский техникум железнодорожного транспорта является одним из самых старейших учебных заведений Дальнего Востока в системе средне-профессионального образования. Ежегодно, начиная с 1898 г., именно в этом году состоялся первый выпуск специалистов, Хабаровское училище железнодорожного транспорта обеспечивало кадрами железную дорогу. Так, например, в 1901 г. было выпущено со свидетельствами об окончании училища 11 человек [11: с. 8]; в 1902 г. – 15 [6: с. 8]; 1903 г. – 17 [3: с. 8]; в 1904 г. – 13 [7: с. 10]; а уже в 1916 г. свидетельства получил 21 человек [5: с. 9].

Таким образом, железная дорога ежегодно пополнялась кадрами среднего звена, хотя динамика

увеличения числа выпускников была не ярко выражена. Нужно отметить и тот факт, что, согласно годовым отчётам Хабаровского училища, общая подготовка учеников до поступления в учебное заведение была очень слаба. По результатам приёма 1900 г. из 24 поступающих условиям приёма удовлетворяли только 8–10 человек [6: с. 10]. К желающим поступить в училище предъявлялись определённые требования. Прежде всего, необходимо было представить аттестаты об окончании полного курса двухклассных сельских, городских или уездных училищ Министерства народного образования или двухклассных церковно-приходских училищ и выдержать проверочные испытания по русскому языку и арифметике [17: с. 18]. Например, согласно годовому отчёту Хабаровского училища за 1902 г. из 39 человек, допущенных к испытаниям, было принято 14, из них 9 окончили полный курс городского училища, двое окончили полный курс уездного училища и три человека полный курс двухклассного сельского училища [6: с. 9]. Остальной контингент добирался из учеников городских и других училищ, неокончивших срок обучения. Подготовка учеников, поступающих в 1-й класс училища была очень слабой, большая часть поступающих была малограмотной [5: с. 9]. Такая ситуация объясняется несколькими причинами.

Во-первых, отсутствовала сама система всеобщего начального образования. Школы в основном были воскресные, программа которых приравнивалась к программе одноклассных народных училищ.

Нередко школы открывались по инициативе отдельных предпринимателей или просто группы крестьян. Например, в селе Толстовка Гильчинской волости на средства родителей работала частная школа, в ней обучалось 40 мальчиков и 20 девочек [8: с. 20]. Отсюда и уровень подготовки выпускников был разным.

Во-вторых, большое количество переселенцев материально были плохо обеспечены. Они в большинстве своём не могли позволить себе дополнительные расходы на образование.

В-третьих, Хабаровское училище не было рассчитано на массовую подготовку кадров. Приём осуществлялся по заявкам Уссурийской железной дороги в соответствии с её потребностями и носил «штучный» характер.

Хабаровское училище железнодорожного транспорта вносило ощутимый вклад в подготовку кадров среднетехнического персонала для нужд железной дороги. Окончившие трёхлетний курс, получали свидетельство и направлялись на срок не менее двух лет на железнодорожную практику на технические должности. По окончании практики выдавались аттестаты, дающие преимущество на занятие технических должностей [17: с. 18].

К сожалению, одно учебное заведение не могло устранить дефицит рабочей силы в железнодорожной отрасли. В 1902 г. Министру путей сообщения было представлено положение об учреждении курсов для ремесленных учеников при железнодорожных мастерских и депо. Курсы находились в ведении дел Министерства путей сообщения и учреждались при главных железнодорожных мастерских и депо. Полный курс обучения составлял два года. Обучение было бесплатным. По разрешению Министра путей сообщения при курсах открывались общежития для иногородних учеников. Расходы по содержанию общежития ложились на плечи родителей учеников, и часть суммы вычиталась из их заработка. Учащиеся, успешно окончившие курсы, получали свидетельства. Заведование курсами поручалось одному из служащих дороги, имевшего образование не ниже среднего. Назначение происходило по предложению начальника или управляющего дорогой и утверждалось Министром путей сообщения [15: с. 21]. Основными предметами, как правило, являлись: Закон Божий, русский язык, арифметика, практическая геометрия, рисование с черчением, начальные понятия из технологии производства.

Требования к преподаванию на курсах были достаточно высокие. Для преподавания русского языка и отечествоведения приглашались лица, имеющие право преподавать в учебных заведениях не ниже двухклассных сельских училищ. Преподавание арифметики, практической геометрии, рисования с черчением и начальных понятий из технологии возлагалось на лиц, получивших техническое образование. Преподаватели избирались заведующим курсами и утверждались начальником дороги или управляющим [15: с. 104].

Таким образом, курсы стали ещё одной возможностью уменьшить кадровую потребность в квалифицированных рабочих на железной дороге.

Но несмотря на явную необходимость увеличить сеть технических учебных заведений, на территории Дальнего Востока к 1917 г. было одно железнодорожное училище с контингентом обучающихся в количестве 70 человек [1: с. 41].

Трудности открытия профессионально-технических учебных заведений были связаны, прежде всего, с отсутствием надлежащей материально-технической базы и недостатком финансирования. Всё это заставляло искать упрощённые пути развития профессионально-технического образования. Определённую профессиональную подготовку давали ремесленные классы. Они предназначались для обучения простым рабочим профессиям и сообщали учащимся элементарные профессиональные знания и умения [1]. Сроки обучения определялись педагогическими коллективами на месте в зависимости от материальной базы.

Ремесленные училища, открывавшиеся на территории Дальнего Востока, формировались в зависимости от нужд местной инфраструктуры. Все учебные заведения имели профессиональный уклон в области сельского хозяйства, горного, коммерческого лесного дела и рыбного промысла. В 1909 г. в Никольск-Уссурийске открылось ремесленное училище с четырёхгодичным курсом обучения, дававшее начальное и профессиональное образование. Училище готовило квалифицированных рабочих по «механической части» [15: с. 103]. Они являлись той кадровой базой, которая пополняла ряды ремесленных учеников, желающих работать при железнодорожных мастерских [16: с. 6].

Таким образом, система подготовки кадров для железнодорожной отрасли региона состояла из двух подсистем: технического училища и курсов для ремесленных учеников (или ремесленных училищ). Первая давала возможность готовить специалистов, в том числе на инженерно-технические должности, но в ограниченном количестве. Вторая – исключительно квалифицированных специалистов рабочих профессий.

Были и другие пути пополнения рабочего контингента железнодорожной отрасли. В 1912 г. управляющий дорогой вынужден был ходатайствовать перед генерал-губернатором Н.Л. Гондатти о допуске на строительные работы по Уссурийской линии железной дороги корейцев, подавших прошение о принятии их в русское подданство [13: с. 3]. В том же году Уссурийское отделение Службы пути и сообщений поместило в дальневосточной газете «Приамурье» объявление о приглашении лиц, желающих взять на себя производство следующих работ: повышение полотна с переустройством мостов на 44-й, 72-й и 77-й верстах Гродековского участка; расширение станционной площадки ст. Угольная с устройством водоотводных канав; мощение товарных дворов на ст. Первая Речка, ст. Уссури, ст. Хабаровская пристань; земляные работы по устройству переезда с северной стороны Имана и др. [12: с. 11]. Подобная ситуация наблюдалась и на других участках. «...Совет управления Китайской Восточной железной дороги призывает лиц, желающих принять на себя производство работ материальной службы Китайской Восточной и Уссурийской дороги: нагрузки, выгрузки, развозки, распиловки и подачи на паровозы дров и угля на сроки: на Китайской Восточной дороге с 1 июня 1912 г. по 1 июня 1915 г.; на Уссурийской железной дороге с 20 августа 1912 по 20 августа 1915 г.» [14: с. 1]. При этом было указано на то, что производимые работы должны вестись исключительно подданными российского государства.

В 1915–1916 гг. в правительстве обсуждалась реформа профессиональной школы, которая была направлена на увеличение числа профессиональных учебных заведений, изменение содержания обучения, преемственность общеобразовательных программ. Реформа должна была затронуть учебные заведения не только Министерства народного просвещения, но и Министерства путей сообщения. Предполагалось создание единой системы профессионального образования. Однако мероприятия по реформированию и дальнейшему развитию технического образования России были прерваны революционными событиями 1917 г. Отчасти цели реформы – создание единой системы технической подготовки кадров для железных дорог страны – были достигнуты в послереволюционное время и в других исторических условиях.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Балдин, С.С. Профтехшкола Приморья. История и современность / С.С. Балдин, В.В. Моисеенко. – Владивосток : Дальнаука, 2004.
2. Балдин, С.С. Профессионально-техническое образование на ДВ в конце XIX – начале XX вв. / С.С. Балдин. – Владивосток: Дальнаука, 2007.
3. Годовой отчёт о состоянии деятельности Хабаровского технического железнодорожного училища при Уссурийском отделении за 1902–1903 уч. год. – Хабаровск, 1904.
4. Годовой отчёт о состоянии деятельности Хабаровского технического железнодорожного училища за 1915–1916 уч. год. – Хабаровск, 1916.
5. Годовой отчёт о состоянии деятельности Хабаровского технического железнодорожного училища за 1914–1915 уч. год. – Хабаровск, 1916.
6. Годовой отчёт Хабаровского технического железнодорожного училища ведомства путей сообщения за 1901–1902 у. год. – Хабаровск, 1903.
7. Годовой отчёт Хабаровского технического железнодорожного училища ведомства путей сообщения за 1903–1904 уч. год. – Хабаровск, 1905.
8. Денисов, Р.П. Становление и развитие народного образования в Амурской области 1858–1940 гг. / Р.П. Денисов. – Благовещенск, 1999.
9. История железнодорожного транспорта России : учеб. пособие / А.В. Гайдамакин, В.В. Лукин. – М. : Учеб.-метод. центр по образованию на ж.-д. транспорте, 2012.
10. Ковальчук, М.А. История транспортной отрасли Дальнего Востока / М.А. Ковальчук. – Хабаровск : РГО, 1997.
11. Краткий годовой отчёт Хабаровского технического железнодорожного училища ведомства путей сообщения за 1900–1901 уч. год. – Хабаровск, 1902.
12. Приамурье. – 1912. – № 1573.
13. Приамурье. – 1912. – № 1592.
14. Приамурье. – 1912. – № 1593.
15. Профтехобразование России: Итоги XX века и прогнозы : систематизированный сб. нормативных документов. Т. 2. – М., 1999.
16. РГИА ДВ. – Ф. 1. – Оп. 5. – Д. 1405. – Л. 6–10.
17. Романов, В.В. Из истории становления системы образования в Приамурье / В.В. Романов. – Хабаровск, 2003.

РЕДАКЦИОННАЯ ПОЧТА

ЗАРУБЕЖНАЯ И РОССИЙСКАЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ: ОПЫТ СОПОСТАВЛЕНИЯ

А.И. Затулий

Затулий Альбина Игоревна – доктор технических наук, кандидат культурологии, доцент, профессор кафедры информационных систем и технологий Хабаровской государственной академии экономики и права (г. Хабаровск).

Контактный адрес: albina-mail-77@mail.ru

В статье рассмотрены системы образования в России и за рубежом исходя из личного опыта обучения в языковых школах и участия в международных конференциях.

Ключевые слова: языковые школы, интерактивные уроки, зарубежные библиотеки, международные рейтинговые показатели, недостаточность практики в российских вузах, нехватка высококвалифицированных преподавателей.

... a Bridge Between Civilisations ...

Предваряя настороженное отношение читателей, необходимо заметить, что все большее количество студентов из России учится в зарубежных вузах и все большее количество преподавателей стажироваться за рубежом. Процесс этот трудный и хлопотный, но реально осуществимый. Более того, весьма увлекательный и дающий великолепные шансы на жизненный успех. Многолетняя замкнутость российской системы образования и святая уверенность в том, что наше образование лучшее в мире, привели к тому, что только ничтожная часть преподавателей российских вузов имеет опыт обучения и/или преподавания в вузах других стран. Поделиться подобным опытом представляется, по мнению автора, важной задачей.

Бакалавры многих европейских университетов обязаны (!) в течение 1–2 семестров пройти подготовку в другом вузе, нередко, в другой стране. Студент самостоятельно организует подобную зарубежную практику, пользуясь поддержкой многочисленных государственных и частных благотворительных фондов (для российских студентов и ученых наиболее известными являются программы Фулбрайта, Фонда Джона и Кэтрин Макартуров, фонда Рокфеллера, программа Хьюберта Х. Хамфри и др.). Для американских и европейских студентов таких программ – множество и они доступнее, чем программы для россиян.

Предполагается, что за год студент освоит разговорный язык страны по выбору и пройдет профессиональную подготовку по направлениям выбранного вуза. Подобное испытание формирует у зарубежного студента, помимо знания языка, ряд важнейших качеств:

– умение встроиться в незнакомую среду (мобильность);

– умение достаточно быстро в ней адаптироваться, приобретя уникальный практический опыт бытовой и профессиональной мобильности;

– готовность (желание) и способность расширить границы ментальных установок (принятие нового, толерантность и т.д.);

– возможность сравнить особенности профессиональной подготовки в различных странах и выбрать лучшее.

Кроме того, такого рода опыт создает предпосылки для будущего сотрудничества, взаимодействия, либо преимущества в конкурентной борьбе. В некоторых университетах, особенно связанных с творческими специальностями, есть отделы «sponsor helping», помогающие талантливым студентам найти софинансирование образования. Например, такой отдел «Aid and Sponsorships» существует в Griffith University (Австралия) и возглавляет его Michael Holder.

В Хабаровских вузах примеры обучения студентов из Европы, США или Австралии единичны. Например, студентка Чикагского университета из США один семестр изучала в ТОГУ экономику; в 2013 г. ТОГУ принял студентку-стажера из финского университета Турку [2]. Данные по Хабаровским вузам относительно числа иностранных граждан из стран Северной Америки и Океании, стран Африки и Латинской Америки, стран Западной и Восточной Европы, обучающихся в вузах Хабаровска, ниже данных официального статистического сборника «Education of foreign citizens in the higher educational institutions of the Russian Federation» А.Л. Арефьева, А.Ф. Шереги, согласно которым в вузах Дальнего Востока в 2008/2009 учебном году обучалось лишь 4,1 % от общего числа студентов-иностранцев [4: с. 23]. Европейцы, сту-

денты из стран Западной Европы, где традиционно сильные университеты, предпочитают учиться не в России или не на Дальнем Востоке России. У Дальневосточного Федерального округа с 1998/1999 по 2008/2009 учебные годы в этом отношении самые низкие показатели [4: с. 79–117]. Статистические данные о том, сколько хабаровчан поступили в зарубежные университеты, найти не удалось.

Российские интернет-источники одобряют указ В. Путина об оказании существенной государственной поддержки российским студентам, самостоятельно поступившим в зарубежные вузы. Подобная господдержка, теоретически могла бы помочь талантливым ребятам поступить в Оксфорд, Гарвард или Сорбонну, однако, поддержку предполагается оказывать студентам, уже поступившим в ведущие зарубежные университеты. Сколько стоит ориентировочно год языковой подготовки (оплата уроков, проживание, питание) и поступление в вуз, знают только родители. Даже для семей с доходом выше среднего – это неподъемная ноша. Поэтому интернет-комментарии весьма недружелюбны: это будет государственная поддержка детей богатых и/или очень богатых родителей. Тем не менее решение, безусловно, позитивное.

Анализ ситуации с международными контактами в хабаровских вузах сделал очевидной бюрократизацию взаимоотношений, являющуюся маской слабой поддержки финансирования вузов и отсутствия финансирования за счет сторонних компаний. В 80 % случаев подобные встречи ограничиваются «встречей с руководством университета» (института, академии, etc.) и «обсуждением перспектив сотрудничества». Перспективы нередко остаются «в перспективе» и процесс повторяется с новой делегацией. Нужны открытые, яркие, показательные лекции, семинары, дискуссии для студентов и преподавателей, нужны более интенсивные профессионально-содержательные обмены, публичные интеллектуальные «поединки», которые при существующем низком «размере вознаграждения представителей преподавательского состава» невозможны в принципе. В системе образования за рубежом благотворительность преподавателей не принята.

В России практика доучивания студента в центральных вузах Москвы и Санкт-Петербурга существовала ранее, существует и в настоящее время, однако, количество таких студентов не превышает 0,02 % от общего числа. При этом отбор кандидатов на завершение образования в престижных российских вузах производится не по принципу выбора наиболее талантливых, а по принципу выбора тех, чьи родители в состоянии взять финансовые затраты на свои плечи. В этой связи неудивительно, что «...студенты, неудовлетворенные или не полностью удовлетворенные обучением в вузе, составляют около 46,6 %» [1].

Непрерывно растет доля студентов из России, обучающихся в языковых школах и впоследствии в вузах за рубежом. Автору посчастливилось кратко-временно учиться в трех языковых школах – English Language Institute, Слима-Валетта, Мальта; Australian International College of Language AICOL, Голд-Кост, Австралия; English Language Academy (ELA), Тас-Слима, Мальта. Особенностью этих школ является нацеленность на интенсивное и сверхинтенсивное обучение, пунктуальность и дружелюбность преподавателей, гибкие системы уроков, жесткая система тестирования уровня знаний, разнообразные, нередко игровые, формы и методы преподавания. Принципиально важным является отсутствие мелкого надувательства и крупного обмана, хамелеонства, приспособленчества и системы «придите завтра»; практически исключаются любые производственные нарушения: отсутствуют опаздывания педагогов, уходы пораньше, разговоры с другими учителями и т.п. Ни одного случая опоздания учителя на урок не было. Обычная практика – учитель приходит в класс за 20–30 минут до начала занятия, встречает студентов и спрашивает, как прошел предыдущий день. В случае опоздания учителя ждут серьезные штрафные санкции, вплоть до увольнения. Кроме того, учитель (преподаватель) не имеет права выйти за пределы класса (аудитории) во время урока. Все эти административные меры направлены на формирование достойной академической репутации университета, школы, колледжа, определяя (среди прочих) высокое качество образования.

Отдельного внимания заслуживают активные уроки. Урок на тему «Животные Австралийского континента» проходил в парковой зоне на фермерском рынке, где можно было подоить корову, поддержать в руках ягненка и принять участие в стрижке овец. Урок на тему «Известные личности Австралии» проходил в читальном зале городской библиотеки. Схема урока: 20 минут – на дорогу туда-обратно; 30 минут на подготовку рассказа о личности по выбору; по 5 минут – на рассказ об известной личности; оставшееся время на вопросы и обсуждение. Урок на тему «Продукты питания» проходил в формате соревнования в супермаркете. Две интернациональные команды на скорость должны были найти продукты по выданному списку, записать их цены и сделать вывод о соотношении цен в Австралии и стране постоянного проживания. Еще одно занятие проходило на почте и предполагало рассказ о своем городе и своей стране, а также отправку открытки близким (правила адресации и особенности языка страны проживания, включая культуру письменности и культуру почтовых сообщений). Одно из самых сложных и интересных занятий включало просмотр пяти коротких фрагментов телевизионных передач разной тематики:

- фрагмент дискуссии двух кандидатов в президенты (Тони Эбботта и Кевина Радда);
- борьба экологов за чистоту континента;
- обсуждение проблемы избыточности углеводов (сладостей) в пище, проблемы «fast food» и соответственно ожирения;
- спорт в современном мире (на материале серфинга);

– фрагменты опроса мнений студентов из разных стран, обучающихся в австралийских университетах. Телевизор большой, качество изображения и звука – отличное. По результатам просмотров требовалось составить письменный обзор и высказать собственную точку зрения.

В мальтийской языковой школе (English Language Institute) запомнился урок, где одна команда из трех человек должна была договориться и, обеспечив алиби, «огрбить банк» («воры»); другая команда – «полицейских», тщательно «допросив» «грабителей», вывести их на чистую воду.

Превосходно отлажена система предоставления информации. Так, 15 марта 2014 г. в гостинице «Интурист» г. Хабаровска состоялась XXIII Выставка «Обучение за рубежом», включающая встречи с представителями языковых школ (для подготовки к поступлению) и крупнейших университетов Австралии, Канады, Новой Зеландии, Великобритании, США, Мальты. Сотрудники различных образовательных учреждений этих стран отвечали на актуальные вопросы, оказывали совместно с «Education Group students International» информационную поддержку и помощь-запись на экзамен IELTS. Аналогичные возможности были предоставлены потенциальным студентам из Владивостока, Южно-Сахалинска, Петропавловска-Камчатского, Якутска, Магадана и других городов Сибири и Дальнего Востока. Участвовавшие в выставке университеты реально могут получить в качестве студентов самых грамотных, талантливых российских ребят.

Доступность интернет-информации не заменяет для соискателей степени кандидата и доктора наук аналитической работы в библиотеках. Для многих российских исследователей, проживающих вне Москвы или Санкт-Петербурга, работа в крупнейших национальных библиотеках или архивах России практически неосуществимая мечта, не говоря уже о работе в крупнейших библиотеках мира. В этой связи знакомство с правилами и работа в Национальной библиотеке Мальты, библиотеке Голд-Коста, штат Квинсленд в Австралии и в библиотеке Сорбонны во Франции доставили автору истинное наслаждение. Так, в Сорбонне распространена система действенной помощи, которую обычно оказывают темнокожие сотрудники библиотеки, говорящие, как правило, по-английски, по-французски, на арабском языке и каком-либо африканском. Мой помощник быстро переводил

мне на английский язык оглавления и краткое содержание (summary) французских книг по авангардному искусству, что позволило нам в четыре руки просмотреть за два дня около 60 монографий последних лет. Библиотека бесплатная, вход свободный, условия для работы – комфортные. Основной недостаток – отсутствие столовой (кафе) с горячей пищей. Приходится довольствоваться бутербродами и напитками из автоматов (рисунок).

The image shows two library membership forms. The top form is from the Maltese Public Libraries (BIBLIJOTEKI PUBBLIĊI TA' MALTA) and is a Borrowers' Application Form. It is filled out by Zatuliy Albina, with her address at Slina Marina Hotel. The bottom form is from the Sorbonne University library (BIBLIOTHÈQUE INTERUNIVERSITAIRE DE LA SORBONNE) and is filled out with the name ZATULIY and the first name ALBINA. Both forms include a barcode and a unique ID number (L 00077831 2).

Рисунок. Читательские билеты автора в Мальтийской национальной библиотеке и в библиотеке Сорбонны

Автору посчастливилось также быть участником нескольких международных конференций: в Маниле, Филиппины, Филиппинский государственный университет Факультет «Contemporary art and letters» (Современного искусства и каллиграфии) декабрь 2011 г.; в Сеуле, Южная Корея, Международный Женский университет, июль 2011 г.; в Гонконге, Китай, август 2011 г., Гонконгский политехнический университет; в Люблине – Наленчове, Польша, Люблинский католический университет, май 2011 г.; в Сорбонне, Париж, Франция, ноябрь 2012 г.; в университете Гриффита, Голд-Кост, Австралия, август 2013 г. Руководство вуза, на который автор работала, оплатило только одну командировку в Польшу. Все остальное – за собственный счет. Для сопоставления: среднестатистический профессор американских университетов принимает участие до 15–20 конференций в год и имеет соответствующую публикационную активность (со всеми, вытекающими из этого рейтинговыми «последствиями», см. например, Times Higher Education).

По данным 2013 г. в рейтинг 200 лучших университетов мира (The World University Rankings) не вошел ни один российский вуз, а в рейтинг 300 лучших профессоров мира ни один профессор из России. Единственный человек с русской фамилией в этом списке – Dr. Constantine Pleshakov работает на Mount Holyoke College. Согласно World Reputation Rankings-2013 МГУ им. М.В. Ломоносова занимает 50-е место. Катастрофически низкими являются индексы цитируемости и Хирше российских преподавателей вузов, потому что ни говорить, ни писать по-английски не умеем, а признанных в мировом сообществе российских научных журналов практически нет. О наукометрическом анализе продуктивности и цитируемости в российском научном сообществе говорить не принято по причине многочисленно-специфических фальсификаций результатов научного труда, а именно: повсеместны плагиат и самоплагиат (многократное использование одного и того же текста в разных публикациях под разными названиями), заимствование научных идей у зарубежных ученых и издание переводов их трудов под собственным именем нередко без ссылок на первоисточник, компиляция, научная невыразительность аргументации, плохой язык, etc.

Например, методическая разработка «Вычисления в MS Excel: методические указания по выполнению лабораторной работы по информатике для студентов дневной формы обучения / сост. Н.Д. Белова. Хабаровск : Изд-во Тихоокеанского гос. ун-та, 2006. 16 с.» есть прямое заимствование заданий из книги: Лавренов, С.М. Excel: Сборник примеров и задач. М.: Финансы и статистика, 2003. 336 с., без ссылки на автора. Неуважительное отношение к авторскому праву не делают чести составителю методички, однако, и руководство факультета, и руководство крупнейшего в Хабаровске университета оказываются не на высоте, если попустительствуют плагиату. То обстоятельство, что указанная методическая разработка выложена на сайте кафедры, может быть расценено знающими русский язык зарубежными коллегами как свидетельство низкой академической репутации университета. Вызывает недоумение то обстоятельство, что студенты 2014 г. обучаются по методичке-плагиату 2006 г. издания – уровень обновлений задержался на 8–10 лет. В зарубежных вузах методические материалы обновляются каждые 2–3 года. Справедливости ради необходимо отметить, что у профессора за рубежом обычно имеется «helpdesk coordinator» и «part-time assistant», о чем российскому профессору приходится только мечтать.

Слабое положение у хабаровских вузов с таким международным рейтинговым показателем, как «Отношение количества иностранных представителей профессорско-преподавательского состава к численности местных». Удалось найти ссылку на

лекцию Хидэо Охцубо (Япония) в ТОГУ в 2012 г., да и то, глубокоуважаемый Хидэо Охцубо – менеджер-практик, не имеющий профессорского звания. Присвоение ему звания «Почетный доктор ТОГУ» мало что меняет по существу. Однако на фоне других вузов Хабаровска подобная практика привлечения зарубежных специалистов представляется актуальной и архинужной. Нельзя не отметить успешный опыт Факультета архитектуры и дизайна ТОГУ, сотрудники которого немало делают в этом направлении в рамках ежегодного Международного научно-практического форума «Новые идеи нового века». В большинстве других образовательных подразделений хабаровских вузов подобный практический опыт – фрагментарный и редкий.

Медленнее, чем хотелось, но, тем не менее, меняется в лучшую сторону система приглашенных преподавателей из других стран. В ХГАЭП (Хабаровской государственной академии экономики и права) работают по контракту Юкико Одзава (Япония) и Уоркман Дэвид Аллен (США), а коэффициент «отношения количества иностранных представителей профессорско-преподавательского состава к численности местных» составляет $2/321 = 0,62\%$. По состоянию на 1 марта 2014 г. в ТОГУ этот показатель равен $3/687 = 0,43\%$, в ДВГУПС – $3/611 = 0,49\%$ соответственно.

Допустимо использовать опыт Дальневосточного федерального университета, где каждую неделю (!) проходят лекции ведущих российских и зарубежных преподавателей в рамках программы «Visiting professors». Участниками этой программы ДФУ в 2013 г. были: заслуженный изобретатель Украины, профессор Черноморского государственного университета им. Петра Могилы Ю. Кондратенко; доктор наук, профессор Цзилиньского университета Сунь Гэ (Китай), заместитель директора Центра Азиатско-Тихоокеанских исследований Стэнфордского университета Дэниела Снайдер (США); магистр в области права Филипп Боннэ из Франции; доктор юридических наук и практикующий юрист Мэрибет Сорейди из США; доктор юриспруденции Фу Куэнь Чэнь из Тайваня; известный мексиканский адвокат Архел Умберто Агирре Гарсия и др. Интернационализация образования и развитие академической мобильности преподавателей должны, наконец-то, найти отражение и в хабаровских вузах.

Признавая необходимость «привлечения ученых с мировым именем, в том числе и наших соотечественников, проживающих за рубежом, в российские вузы», Правительство Российской Федерации приняло постановление от 9 апреля 2010 г. № 220, согласно которому предполагается грантовая поддержка российских ученых для получения научных результатов мирового уровня, «создание условий для улучшения качественного состава научных и научно-педагогических кадров, эффективной сис-

темы мотивации научного труда»; создание устойчивых связей российских вузов с ведущими мировыми научными школами. Первоначальная надежда, что ситуация изменится в лучшую сторону разбилась об обязательное условие участия в конкурсе – привлечение внебюджетных средств в объеме не менее 25 % размера гранта, что для «бедных» и «очень бедных» провинциальных вузов не представляется реальным. В переводе на простой русский язык это означает, что профессор-авторитет в международном академическом сообществе, должен приехать в Россию, жить и работать здесь не менее 4 месяцев в году и найти не менее четверти средств для этой работы. Четверть средств – это, ориентировочно, оплата труда лауреата Нобелевской премии. То есть ученый с мировым именем должен сам найти оплату своей работы.

Еще одна проблема – превращение части высшего образования из профессионального в общее. Недостаточность практики отмечают многие студенты. Н. Самарцева, выпускница Thompson Rivers University 2008 г., а до этого студентка одного из университетов в Пензе, отмечает: «... вузы на Западе успешно сочетают теорию с практическим обучением, а этого мне в российском вузе как раз и не хватало. Теорией нас «пичкали» достаточно, а вот, к сожалению, практическим навыкам не обучали ...» [3]. В результате выпускники вузов оказываются неготовыми начать трудовую деятельность по окончании вуза, а предприятия берут новых сотрудников только при наличии трудового стажа. В совокупности это нередко приводит к тому, что выпускники меняют профессию и работают не по специальности. Исправить ситуацию можно только совместными усилиями предприятий и вузов.

Оставляет желать лучшего список специальностей, по которым вузы России готовят дипломированных специалистов. Если взять в качестве примера Griffith University (Голд-Кост, Австралия), а этот вуз немного меньше Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск, Россия), то становится очевидной сверхсовременность специальностей, по которым там готовят специалистов. Вот неполный перечень дизайнерских специальностей по состоянию на 1 сентября 2013 г.: Interface, Representation and Sequence, Design Usability and the Community, Media Integration, Interactive Spaces, Design Strategy and Application, Design Studio Management, Design and Business, Design in Practice, Design Culture and Theory, Ideas Generation in Visual Communication, Systems of Communication, Frameworks of Design, Typography and Context, Symbols and Distribution, Design Research и др. [5]. Ни одной (!) из этих специальностей, востребованных сегодня на рынке труда, в хабаровских вузах нет.

По-прежнему немало проблем в сфере продолжения образования на магистерском и докторском уровнях (в вузах за рубежом уровень российских кандидатских степеней отсутствует). Недостаток высококвалифицированных кадров, нехватка профессоров вынуждает руководство вузов заполнять профессорские ставки преподавателями без ученых степеней и даже ассистентами, что недопустимо в принципе. Решение этой проблемы – давно назревшая необходимость: если в вузе нет кадровой стабильности, открытие магистратуры, аспирантуры, докторантуры невозможно. Одним из вариантов решения проблемы могло бы стать post-graduate education (последипломное или дополнительное образование). Система такого образования в вузах Хабаровска также пока отлажена недостаточно хорошо. Назрела неприятная необходимость, если преподаватель за два срока не в состоянии подготовить и защитить диссертационную работу, считать его неперспективным и на третий срок не избирать. Десять лет более чем достаточно, чтобы осилить кандидатский уровень.

В целом основные оценочные критерии – международная студенческая и преподавательская мобильность, количество международных стипендиальных программ, уровень научных исследований, объем финансирования исследовательской деятельности университета по отношению к численности профессорско-преподавательского состава и объем финансирования сторонними компаниями, вклад в инновации, цитируемость научных статей, уровень образовательных услуг и так далее, все эти критерии у хабаровских вузов невысоки. Они останутся такими до тех пор, пока не будет проведена серьезная реформа российской системы высшего образования. Требуется перемены, чтобы не только в языковых школах и зарубежных университетах учились хабаровчане, но чтобы больше иностранных студентов учились в хабаровских вузах и большее количество иностранных профессоров здесь работали.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доступность высшего образования в России / отв. ред. С.В. Шишкин // Независимый институт социальной политики. – М., 2004. – С. 101.
2. *Зубарев, А.* Рейтинг ТОГУ в мировой системе образования непрерывно повышается / А. Зубарев // «Мой университет». – 2013. – № 4 (16). – С. 51–57.
3. Образование в Канаде: Students International. – М. : Центр обучения за рубежом Students International, 2013. – С. 2.
4. Education of Foreign citizens in the Higher Educational Institutions of the Russian Federation: Statistical Collection. Issue 7 / Ministry of Education and Sciences of the Russian Federation. – М. : Social Forecasts Center, 2010. – 160 p.
5. Griffith University, Queensland, Australia: International Undergraduate and Postgraduate Guides. – www.griffith.edu.au/international.

НЕКРОЛОГ

8 июня 2014 года ушел из жизни известный российский философ и государственный деятель *Юрий Никифорович Солонин*.

Юрий Никифорович родился в 1941 г. в г. Тбилиси. Двадцатилетним юношей он поступил на философский факультет Ленинградского государственного университета, с которым оказалась тесно связана вся его последующая жизнь. В 1971 г. защитил кандидатскую диссертацию по истории логики, а в 1988 г. – докторскую диссертацию «Наука как предмет философского анализа». Длительное время преподавал на факультете журналистики, что обусловило его интерес (и не только академический, но и непосредственно-практический) к проблемам идеологии и ее функционирования в системе социальных отношений. Ю.Н. Солонин обладал административными способностями, которым он нашел достойно применение, работая в качестве декана факультета журналистики и философского факультета СПбГУ, занимая должность председателя Санкт-Петербургского отделения Философского общества РФ, возглавляя докторский диссертационный совет.

Поражает многоплановость и универсальность его научных интересов: логика, история философии, философия и история культуры, русская общественная мысль, политология. Он впервые осуществил анализ немецкой философии: Я. Фриза и его школы, Х. Динглера, Г. Файхингера, исследовал воззрения Г. Кайзерлинга, Т. Лессинга, Л. Клагеса и других представителей европейской философии культуры, был крупным специалистом по польской философии XX в. Работы Ю.Н. Солонина открыли России европейский философско-политический консерватизм С.Х. Чемберлена, Э. Юнгера. Им изданы и научно подготовлены их труды, что стало интеллектуальным событием принципиального значения. Ю.Н. Солонин впервые представил воззрения и жизнь забытых пионеров русского Просвещения XVIII в. Рассматривая механизм развития науки, он обосновал значение маргинальных

линий духовной культуры и философии, противостоящих парадигмальным концепциям и несущих в себе потенциал будущей научной революции.

Своими фундаментальными исследованиями Ю.Н. Солонин внес значительный вклад в разработку теории научной деятельности как социокультурного феномена, детерминированного реалиями исторической эпохи. Идеи, выдвинутые и обоснованные им, обладают значительным эвристическим потенциалом. Так, он выступал против плосколинейного истолкования истории науки как развертывания единого идейного комплекса, утверждая, что в любую историческую эпоху существуют альтернативные варианты эволюции науки. Им выдвинуто также представление о существовании в современном государстве «политико-идеологического комплекса» как инструмента, обеспечивающего сохранение господствующей элиты.

С 2005 по 2013 г. Ю.Н. Солонин представлял Хабаровский край в верхней палате российского парламента. Занимая этот высокий пост, он предпринял немалые усилия для отстаивания интересов дальневосточного научного сообщества, в частности, для обеспечения нормальных условий функционирования и развития диссертационного совета по философским наукам в ДВГУПС и нашего журнала.

Ю.Н. Солонин всегда ставил общее выше частного и был нетерпим к любым проявлениям лени, эгоизма, разгильдяйства. Он жил, мыслил и работал на пределе человеческих возможностей. Мы знали Ю.Н. Солонина как человека скромного, трудолюбивого, обаятельного и умного собеседника, неутомимого труженика. Ему были присущи такие черты, как отзывчивость и готовность помочь. Именно таким он и останется в нашей памяти.

От имени редколлегии проф. Б.В. Марков
(Санкт-Петербург, СПбГУ),
проф. Р.Л. Лившиц
(Комсомольск-на-Амуре, АмГПУ)

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

ПОРЯДОК ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ В НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ» И ТРЕБОВАНИЯ К НИМ

1. В журнале печатаются рукописи, как правило, не публиковавшиеся ранее.
2. Все поступившие в редакцию статьи проходят рецензирование.
3. Рассмотрение работ аспирантов и соискателей кандидатской степени осуществляется только при наличии отзыва научного руководителя и рекомендации кафедры по месту их обучения.
4. Для аспирантов и соискателей публикация статей бесплатно
5. Статьи должны быть в объёме от 0,5 до 1 п. л. (20 000–40 000 знаков). В них может быть, как правило, размещено не более трех иллюстраций, графиков или схем.
6. Требования к рукописи, представляемой в редакционную коллегию.
 - 6.1. Направляемые в редакционную коллегию материалы должны быть представлены в электронном и распечатанном видах. Принимаются диски и два экземпляра распечатки текстового оригинала (файлов), имеющегося на диске. Если дисков два и более, необходимо указать их номера и размещение файла на дисках (папки). На распечатке должны быть указаны имена файлов. Текстовый редактор – Word. Материалы должны быть подписаны автором на титульном листе около фамилии.
 - 6.2. Титульный лист статьи содержит комплекс элементов, расположенных на странице в следующем порядке. В верхней части страницы располагается заглавие статьи, которое печатается прописными буквами жирным шрифтом. Фамилии авторов следуют после заголовка и печатаются строчными буквами, иные сведения при этом не указываются.
 - 6.3. Ссылки на источники даются в виде алфавитного списка литературы с нумерацией после текста. Сначала идут источники на русском языке, затем на иностранных. В самом тексте (после цитирования) информация об источнике печатается в квадратных скобках с указанием номера по списку. Библиографическое описание источника в списке литературы (фамилии и инициалы авторов печатаются курсивом) составляется в соответствии с действующими нормами ГОСТ 7.1–2003. Шрифт и межстрочный интервал те же, что и в статье.
 - 6.4. Поля страницы: верхнее – 2 см; нижнее – 2 см; левое – 3 см; правое – 1 см; размер бумаги – А4 (210×297 мм); шрифт – «Times New Roman» № 14; межстрочный интервал – 1,5.
 - 6.5. Примечания в тексте статьи приводятся в постраничных ссылках и должны иметь сквозную нумерацию.
7. Материалы, не имеющие научного аппарата или неправильно оформленные, не соответствующие указанным выше правилам, не рассматриваются. Рукописи не возвращаются.
8. К рукописи должны прилагаться следующие сведения об авторе: Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы, должность, рабочий адрес, домашний адрес, рабочий телефон, домашний телефон, факс, e-mail.
9. К статье прилагается краткая аннотация, ключевые слова (не более 15), а также профессиональный перевод на английский язык аннотации, ключевых слов и названия статьи.
10. Материалы следует направлять по юридическому адресу журнала: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (ДВГУПС), к. 262. Редакция журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке». Электронная почта: journal@festu.khv.ru. Материалы, присланные ценными письмами и бандеролями, не принимаются.

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ

Наш журнал распространяется по подписке и поступает в розничную продажу.

Стоимость одного номера – 300 руб. (с учетом НДС). Подписка оформляется банковским или почтовым переводом (образец купона прилагается). Журнал будет выслан по адресу подписчика почтой. Почтовые расходы включены в стоимость подписки. Подписку на журнал также можно оформить по каталогу «Газеты. Журналы» ОАО Агентства «Роспечать». Подписной индекс – 84277.

Просим высылать копии платежного документа и адрес для рассылки по адресу: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (ДВГУПС). Редакция журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке».

<p>Извещение</p> <p>Кассир</p>	<p>Дальневосточный государственный университет путей сообщения <u>УФК</u> <u>по Хабаровскому краю</u> (наименование получателя платежа) <u>2724018158 № 40503810500001000191</u> (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)</p> <p>ГРКЦ ГУ ЦБ РФ по Хабаровскому краю (наименование банка получателя платежа) БИК 040813001 № 06109339920 (номер Л/кс) <u>№ 272401001</u> (номер КПП)</p> <p>Подписка на журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» на 2014 год (наименование платежа)</p> <p>Сумма платежа _____ руб. _____ коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого: _____ руб. _____ коп.</p>
<p>Квитанция Кассир</p>	<p>Дальневосточный государственный университет путей сообщения <u>УФК</u> <u>по Хабаровскому краю</u> (наименование получателя платежа) <u>2724018158 № 40503810500001000191</u> (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)</p> <p>ГРКЦ ГУ ЦБ РФ по Хабаровскому краю (наименование банка получателя платежа) БИК 040813001 № 06109339920 (номер Л/кс) <u>№ 272401001</u> (номер КПП)</p> <p>Подписка на журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» на 2014 год (наименование платежа)</p> <p>Сумма платежа _____ руб. _____ коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого: _____ руб. _____ коп.</p>

ARTICLES

GLOCAL: LANGUAGE, LITERATURE AND METHODOLOGY OF TEACHING

NOUNS OF TEMPORAL SEMANTICS NAMING DEFINITE UNITS OF TIME IN THE LEZGIN AND ENGLISH LANGUAGES

S.I. Asaliyeva

Saida Ismailovna Asaliyeva is Candidate of Philology, Associate Professor, Department of the Second Foreign Language, School of Foreign Languages, Dagestan State University.

E-mail: SaidaAS1982@mail.ru

The present article deals with nouns of temporal semantics naming definite units of time in the Lezgin and English languages. Some units of time are compared in the considered languages and a conclusion is made that in the English language the nouns naming definite units of time are original, while in the Lezgin language they are mainly borrowed from other languages.

Key words: noun, temporal semantics, grammatical and lexical meaning of time, time units, borrowings, native origin, standard model, compared languages, the Lezgin language, the English language.

INTERACTION OF CLASSICAL TRADITIONS IN CHINESE AMERICAN LITERATURE

E.M. Butenina

Evgenia Mikhailovna Butenina is Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Far Eastern Federal University (Vladivostok).

E-mail: butenina.em@dvfu.ru

The focus on the research of hybrid poetics characterizing the works created by multicultural authors has become one of the most important and exciting areas in American Studies. This paper discusses how the classical traditions of China and the USA interact in fiction of two recognized Chinese American women writers, Maxine Hong Kingston and Gish Jen.

Key words: hybrid poetics, Chinese American literature, literary classics, cultural heritage.

REPRESENTATION OF CULTURAL VALUES IN THE TYPE OF NOMINATION

E.A. Vishnyakova

Elizaveta Alexandrovna Vishnyakova is Candidate of Philology, Associate Professor, Post Doctoral Student of the Department of English Linguistics, School of Philology, M. Lomonosov Moscow State University; Head of the English Department, L. Tolstoy Tula State University.

E-mail: vishnyalis@yandex.ru

The notions of cultural values are broadly represented on the level of indirect nomination. In New Zealand English the process of euphemization is to a great extent determined by national cultural component in the semantics of linguistic units, as well as the tendency to use different types of abbreviations.

Key words: cultural values scale, indirect nomination, national cultural component, concept, abbreviation, New Zealand English.

ENGLISH AS A SEMIOTIC RESOURCE IN EVERYDAY RUSSIAN COMMUNICATION

E.S. Gritsenko

Elena Sergeevna Gritsenko is Doctor of Philology, Professor, Vice-President for Research, Nizhegorodsky State Linguistic University (Nizhniy Novgorod).

E-mail: elena.s.gritsenko@gmail.com

The paper examines the use of English in Globalized Russian where it serves as a tool for communicating local ideas and articulating a local decoding of the world. It presents the results of a two year study on linguistic globalization which, among other issues, explored the impact of English on present-day Russian from the linguistic-ideological point of view. Based on the ethnographically collected data and discourse analysis, I show how the employment of English creates new semiotic opportunities in professional settings, virtual communication and how the emblematic use of English helps to articulate new identities in various spheres of life.

Key words: globalization, language, ideology, communication, Global English, indexicality.

JAPANESE ENGLISH? REFOCUSING THE DISCUSSION

J. D'Angelo

James D'Angelo is Professor, College of World Englishes, Chukyo University, Nagoya, Japan; Editor-in-chief, *Asian Englishes* journal, Routledge Publ.

E-mail: dangelo@lets.chukyo-u.ac.jp

This paper was given at the 26th conference of the Japan Association for Asian Englishes (JAF AE) at Kobe Design University in July 2010 as part of a closing panel, chaired by the author, entitled “The Possibility of Japanese English.” The paper outlines the indebtedness of Japan and other ‘Expanding Circle’ contexts to the world Englishes (WEs) paradigm, discusses early and current work by scholars exploring Japanese English, and then looks at more recent efforts in the area of language contact, change, and variation – including new WEs offshoots such as “new” EIL and English as a Lingua Franca (ELF) – and their implications for Japan. The author argues that it may be more productive, at this juncture, to look beyond the traditional Kachruvian 3-Concentric-Circle Model and the need to gain recognition of an emergent Japanese English, to these vibrant new paradigms which increasingly focus scholarly attention on the use of English as an International language (EIL).

Key words: World Englishes, Expanding Circle, Japanese English, English as a Lingua Franca, EIL, Functional Wes.

THE USE OF PRECEDENT TEXTS IN MAGAZINE ARTICLE TITLES

M.B. Dyuzheva

T.M. Vlasova

Maria Borisovna Dyuzheva is Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Special Translation, Far Eastern Federal University (Vladivostok).

E-mail: dyuzhevamaria@gmail.com

Tatyana Mikhailovna Vlasova is Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages for Special Purposes, Far Eastern Federal University (Vladivostok).

E-mail: vlasova.tm@dvfu.ru

The article deals with the use of precedent texts in the titles of the articles in the “Rolling Stone” magazine (Russian edition). The authors focus on the sources of precedent texts and the patterns employed.

Key words: precedent text, sources of precedent texts, precedent phenomenon, characteristics of magazine titles, patterns and ways of precedent text realization.

**PECULIARITIES OF LINGUA FRANCA COMMUNICATION
IN ASIA-PACIFIC: PROBLEMS OF EAST ASIAN ACCENT PERCEPTION ***

V.L. Zavyalova

Victoria Lvovna Zavyalova is Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, School of Regional and International Research, Far Eastern Federal University.

E-mail: zavyalova.vl@dvfu.ru

The article presents the findings of the study of English verbal communication in Asia-Pacific. The focus is the sound system of East Asian English varieties and problems of its perception by native English speakers. The article describes the method of identifying problem areas in the perception of English accented speech by native speakers, and the results of the data analysis. The author concludes that there is a possibility to make a description of accent typology in English speech by Chinese, Korean and Japanese speakers, as well as to develop strategies of the accented speech perception.

Key words: English in the Asia-Pacific Rim countries, phonetic variation in bilingualism, typology of accent in non-native speech, non-native speech perception by native English speakers.

*The research is supported by the "Research Foundation of FEFU"

**ON GLOBALIZATION OF FOLKLORE
(ETIOLOGICAL LEGENDS ABOUT COFFEE IN RUSSIAN INTERNET RESOURCES)**

T.V. Krayushkina

Tatyana Vladimirovna Krayushkina is Doctor of Philology, Head of the Center for History of Culture and Intercultural Communication, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples in the Far East, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences (Vladivostok).

E-mail: kvtpb@yandex.ru

This article dwells on the problem of the folklore globalization. The material selected for the analysis comprises etiological legends about coffee (the shepherd Kaldi Sheikh Omar, Mohammed, and roasting coffee fruit, etc.) on the Russian Internet. Conclusions are made on new features of folklore genres, on the transformation characteristics of folklore, and on the effects of tunnel vision and lack of competence of the authors of Internet resources on texts of etiological legends.

Key words: globalization, folklore, etiological legends, Internet resources, coffee, Russian language.

SOCIOCULTURAL AND LINGUISTIC ASPECTS OF ADVERTISING COMMUNICATION: TENDENCIES, PROBLEMS AND SOLUTIONS

O.A. Ksenzenko

Oksana Alexandrovna Ksenzenko is Candidate of Philology, Associate Professor, Department for Theory of Teaching Foreign Languages, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, M. Lomonosov Moscow State University.

E-mail: kseniaksen@mail.ru

The article considers specific features of advertising as an element of mass communications, and describes the influence of advertising on language norm and social standards. Attention is also paid to the question of optimization of research methods in the field of advertology with special reference to its integrated character.

Key words: integrated approach, advertising communication, the system of mass communications, socioculturally marked language units, background knowledge, language norm.

ENGLISH IN SPORTS SUBCULTURE CALLED ULTIMATE FRISBEE

A.O. Kuznetsova

Alexandra Olegovna Kuznetsova is Postgraduate student, Department of Russian Philology and General Linguistics, Nizhegorodsky State Linguistic University (Nizhniy Novgorod).

E-mail: alexandrakuznetsova77@gmail.com

The paper examines the interaction of language and globalization, looking at different practices of the youth subculture called ultimate frisbee. The article analyzes the role of English as a means of identity construction and as a way of accentuation of hidden meanings – that are both globally and locally oriented.

Key words: language contacts, globalization, hybridity, truncated repertoire, language as a mobile translocal resource.

ENGLISH LANGUAGE TEACHING: TEACHING MODELS AND STRATEGIES IN THE WORLD OF LINGUISTIC RELATIVITY

O.V. Lazaretnaya

Olesya Vitalievna Lazaretnaya is Candidate of Philology, Researcher of the University of Lisbon Centre for English Studies.

E-mail: lck_str@mail.ru

The article analyses new approaches and educational models in English language teaching. It focuses particularly on the introduction of alternative educational strategies that could be used in the national context with the emphasis on linguistic and cultural aspects, characteristic of Russian users of English.

Key words: English language teaching, teaching models, teaching strategies, interethnic and intercultural communication.

THE FORMATION OF THE LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD AND ITS CHARACTER ACCORDING TO W. VON HUMBOLDT'S PHILOSOPHY OF LANGUAGE

L.P. Lobanova

Lidia Petrovna Lobanova is Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Foreign Languages Department, Faculty of History, M. Lomonosov Moscow State University (Moscow).

E-mail: lydia.lobanova@mail.ru

W. von Humboldt's philosophy of language indicates a change of paradigms in the understanding of the relations between mind and language, objects and concepts. Considering language as the condition of thought or concept possibility and, therefore, as a condition for the possibility of mental objects, Humboldt concludes that the picture of the world is conditioned by language. Since objective perception is inevitably tinged with subjectivity and since this subjectivity also affects language, «a characteristic picture of the world sits in every language». The individual perception of the world by every nation and its language as an expression of the national character can also be defined as the spirit of a nation.

Key words: philosophy of language, cognitive linguistics, worldview, linguistic picture of the world, concept, spirit of a nation.

PHONOLOGICAL AND ORTHOGRAPHIC PECULIARITIES OF BRITISH NAMES IN CAMEROON ENGLISH

E.O. Martynova

Elvira Olegovna Martynova is Postgraduate student, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, M. Lomonosov Moscow State University.

E-mail: marrtina@yandex.ru

The paper examines the way British names are realised in Cameroon English. This is followed by a description of the orthographic representations of British names and an analysis of their phonological renderings.

Key words: varieties of English, Cameroon English, pronunciation, spelling.

ENGLISH BORROWINGS IN RUSSIAN CHEMICAL TERMINOLOGY

N.S. Mullyadzhanova

Natalia Sergeevna Mullyadzhanova is Instructor, Novosibirsky State University, Postgraduate student, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, M. Lomonosov Moscow State University (Moscow).

E-mail: nataliachernikova@yandex.ru, nataschachernikova@gmail.com

Chemical terminology is one of the broadest terminological systems. It is enlarged via lexemes of the literary language, international notions and loanwords. Today most loan terms come from the English language as an international language. This article presents a study of the borrowed English terms, their features and reasons for borrowing.

Key words: terminology, loanword, calque, direct borrowing.

LITERATURE-MUSIC DIALOGUE ILLUSTRATED BY «ETERNAL IMAGES»

E.O. Omelichkina

Elena Olegovna Omelichkina is Candidate of Philology, Docteur (France), Senior Instructor, Department of Romance Philology, Faculty of Philology, St. Petersburg State University.

E-mail: elenamel@mail.ru

The paper studies some aspects of intertextual and intermedial collaboration of literature and music. It focuses on “eternal images” and “vagrant plots” which are subject to reconsideration by means of different arts techniques while retaining their invariant features and exhaustive meanings recorded in various cultures.

Key words: intertext, intermediality, polyphony, dialogue of arts, archetype, eternal image, “vagrant plot”, character-referent.

STUDENT’S AUTONOMY AT TODAY’S TERTIARY SCHOOL

U.M. Proshina

Uliana Mikhailovna Proshina is Instructor, Department of Linguistics and Information Technology, M. Lomonosov Moscow State University.

E-mail: uproshina@yandex.ru

The article dwells on the major terms used in educational standards and pedagogical literature to name independent cognitive activities of students and graduates from tertiary institutions. An effort to differentiate between the terms *samostoyatel'naya rabota* (self-study) and *avtonomnaya rabota* (autonomous study) of students is made.

Key words: autonomy, self-study, learner’s autonomy, educational standards, foreign languages.

ENGLISH-RUSSIAN INTERACTION IN MODERN RUSSIAN LINGUISTIC LANDSCAPE

A.A. Rivlina

Alexandra Abramovna Rivlina is Candidate of Philology, Associate Professor, English Department, Higher School of Economics, National Research University, Moscow.

E-mail: rivlina@mail.ru

“Linguistic landscape”, that is, the sphere of public urban signage, has become one of the leading areas in the globalization of English research in different countries. This paper deals with some issues pertaining to the introduction of linguistic landscape analysis into Russian urban linguistic studies. It also aims to stress the importance of linguistic landscape research for the investigation of the globalization of English in Russia and highlights the most crucial aspects of English-Russian interaction in the sphere of urban texts and signs.

Key words: globalization, linguistic landscape, code-switching and code-mixing, bilingualism.

LOCAL PERSPECTIVES IN THE GLOBAL POLITICAL DISCOURSE

N.V. Roiba

Natalia Vladimirovna Roiba is Candidate of Philology, Associate Professor, Department of English Philology and Translation, Amur State University (Blagoveschensk).

E-mail: nat.roy@bk.ru

This paper focuses on the prospects of political discourse study due to integrating tendencies both in social and political life and current research fields. We attempt to adjust the concept of global political discourse by including the means of international political communication, that is Global English, which consolidates and communicates national identities of political agents. Thus, successful research of contemporary global political discourse should embrace a comparative analysis of national varieties of Englishes in cultural and discursive aspects.

Key words: political communication, political discourse, global political discourse, multiethnic language, global English, consolidating function, identifying function of the English language, culture-bound political discourse.

LITERARY TRANSLATION: AN INTEGRATED APPROACH

N.I. Serkova

Nelli Isidorovna Serkova is Doctor of Philology, Professor, English Philology and Intercultural Communication Department, Far Eastern State University of Humanities (Khabarovsk).

E-mail: serkovanelli@gmail.com

This paper discusses effective literary translation as the result of symbiotic contact and networking of several spheres, such as semiosis of communication, aesthetic/ literary sphere, interlingual / intercultural competence, and hermeneutics (as a trilateral relationship between the author, the text, and the interpreter).

Key words: integrated approach, literary translation, literary meanings, hermeneutics, source text, translated text.

RESEARCH INTO SPECIFICS OF THE GERMAN LANGUAGE OF MIGRANTS IN GERMANY

V.A. Sobyagina

Valentina Alexandrovna Sobyagina is Doctor of Philology, Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Institute of Foreign Languages, Moscow Teacher Training University (Moscow).

E-mail: valensob@mail.ru

The article dwells on the problem of the influence of the migrants' language on the modern German language in the era of globalization. The author analyzes works of German scholars in this field and provides examples of the impact of «Kiezdeutsch», migrants' language, on modern German at the phonetic, grammatical and lexical levels.

Key words: language of migrants, Kiezdeutsch, code-mixing, ethnolect, multiethnic dialect, ethnic stereotype.

LINGUISTIC BORROWINGS IN CONTEMPORARY CHINESE JOURNALISM IN ENGLISH

V.V. Fyodorov

Vitaly Victorovich Fyodorov is Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Translation Studies and Asian Languages Department, Vitus Bering Kamchatsky State University (Petropavlovsk-Kamchatsky).

E-mail: vvfyodorov@mail.ru

The article dwells on borrowings in Chinese English mass media. Two groups are singled out: a) language units which do not have any specific Chinese semantics; b) nationally-marked language units, which are not registered by the competent lexicography. The further research of their semantics and functions allows us to distinguish alien orientalisms (language units nominating borrowed notions and key conceptions of Chinese culture in English and fully assimilated) and exotic orientalisms (lexemes which are not assimilated in English and, as a rule, render only phonographic form of the source language unit).

Key words: Chinese journalism in the English language, borrowings, oriental words, alien orientalisms, full alien orientalisms, publicistic alien orientalisms, exotic orientalisms.

DEVELOPMENT OF IDEAS ABOUT THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS IN TRADITIONAL LINGUISTICS

E.B. Chernyshova

Elena Borisovna Chernyshova is Candidate of Philology, Associate Professor, Department of the Russian Language and Methods of Elementary School Teaching, Borisoglebsky State Teacher Training University; Post-doctoral student, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences.

E-mail: elena-chernishova@yandex.ru

This article analyzes the development of concepts of linguistic consciousness in classical linguistics. There are several levels of comprehension of this problem. On the metaphorical level the category of linguistic consciousness is applied as an illustration. The operational level assumes that this concept reflects certain aspects of linguistic and extra-linguistic reality as an auxiliary category. The conceptual level of understanding is connected with an attempt to identify the essential features of linguistic consciousness as an independent phenomenon.

Key words: linguistic consciousness, comprehension levels, consciousness, language, psychological and structural approaches to the understanding of language consciousness.

ON RUSSIAN ENGLISH

N.A. Shatalova

Natalia Alexandrovna Shatalova is Instructor, Foreign Languages Department, Faculty of Economics, M. Lomonosov Moscow State University (Moscow).

E-mail: kab200@mail.ru

The paper addresses the controversial issue of the status of English in Russia within the framework of the World Englishes paradigm. Similar and distinctive aspects of the use of English in Russia and in other countries of the Expanding Circle as well as in the Outer Circle are summed up. The paper argues that English in Russia is a legitimate exonormative variety of English.

Key words: World Englishes / World Englishes Paradigm, a cline of competence / bilingual cline, acrolect, mesolect, basilect, intelligibility, exonorm, endonorm, nativization.

PROBLEMS OF THE FAR EAST

SOVIET STATE AND ORGANIZATION OF UPBRINGING AND EDUCATION OF INDIGENOUS POPULATION OF THE FAR EAST IN THE 1960S AND THE FIRST HALF OF THE 1980S

A.V. Akhmetova

S.V. Bobyshev

Anna Valinurovna Akhmetova is Candidate of Science (History), Associate Professor, Komsomolsk-na-Amure State Technical University, Head of Research Centre for Socio-Economic and Humanitarian Projects.

E-mail: wyrds@rambler.ru

Sergey Vasilievich Bobyshev is Doctor of Science (History), Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Far Eastern State Transportation University.

The article deals with the development of educational system of indigenous population of the Far East. Social and psychological sphere of indigenous population of the Far East was greatly influenced by the boarding school educational system, as it contributed to the destruction of traditional way of life of national population. The boarding school educational system had a bad impact on social and cultural situation in the North. Changes in education and culture entailed final liquidation of illiteracy among the young and middle-aged generations of the aborigines. The development of school and infant school network within the framework of boarding school system resulted in the rise of educational level among the national population, the increase of the number of specialists with higher and secondary trade education. However, it had a bad impact on the young generation's attitude towards native language and other national peculiarities, i.e. it made one more step in the direction of russianization of the indigenous peoples.

Key words: indigenous population, The Far East, boarding school, culture, russianization, education, upbringing.

FRIEDRICH DERBEK'S RESEARCH IN THE FAR EAST OF RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

S.V. Bereznicki

Sergey Vasilievich Bereznicki is Doctor of Science (History), Professor, Senior Researcher of the Museum of Anthropology and Ethnography named after Peter the Great (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: svbereznitsky@yandex.ru

The article discusses the main stages of life and research activities of Friedrich Derbek, a gifted scientist, specialist in the field of ethnography, history, medicine, epidemiology, hydrography, botany, and museum management. Many aspects of his biography and scientific work still contain white spots and suggest further research in these areas.

Key words: ethnographic, anthropological, medical and hydrographic research, indigenous peoples of the Far East, the Sea of Okhotsk coast and the Lower Amur.

N.V. USTRIALOV ON THE TOPIC OF THE RUSSIAN EMIGRATION: NEW DOCUMENTS FROM THE ARCHIVE OF FOREIGN POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION

E.I. Guseva

Elizaveta Igorevna Guseva is Senior Advisor to the Historical Documents Department of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

E-mail: elizaveta_guseva_00@mail.ru

The author presents the document from the Archive of Foreign Policy of the Russian Federation, related to the Russian intellectual and scholar Nikolai Ustrialov. After the October revolution Ustrialov became widely known as one of the leading figures in the Russian emigration, a founder of the "Smena Vekh" school of thought. When living in Harbin (China), Ustrialov applied for the Soviet citizenship hoping for the transformation of the USSR into a less rigid and more human regime. In his letter to the Soviet Consul in Harbin, published now for the first time, he contemplates the future of the Russian emigration.

Key words: archive of Foreign Policy of the Russian Federation, N. Ustrialov, Harbin, emigration, "Smena Vekh", repressions.

THE PROBLEM OF HUNGER IN THE FAR EASTERN SETTLEMENTS IN 1922–1925 AND TAX POLICIES OF THE SOVIET GOVERNMENT

S.M. Stasyukevich

Svetlana Mikhailovna Stasyukevich is Candidate of Science (History), Professor, Far East State Agrarian University (Blagoveshchensk).

E-mail: svetasms@inbox.ru

The article examines the tax policy of the Soviet government regulating the Far Eastern settlements in 1922-1925. The author outlines the attitude of peasantry to the tax policies implemented and causes behind peasants' rebellion in the Amur province in the winter of 1924. It has been established that the major reason for the active protest of the Amur peasants against the tax policy in question was the crop failure of 1923, which resulted in the acute threat of famine for the peasantry. The peasants' attitude to taxes is characterized as economically rational.

Key words: new economic policy, tax policy, Soviet authorities, peasantry, the Far East.

FAR EASTERN THEATER UNDER THE CONDITIONS OF SOCIAL TRANSFORMATIONS OF THE 20–30S OF THE XX CENTURY

E.V. Osipova

Erica Viktorovna Osipova is Candidate of Science (History), Researcher of the Center for the History of Culture of the Far East and Intercultural Communication Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Far Eastern branch of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: eossipova@yandex.ru

Cultural modernization of the Russian society was greatly limited by the authoritarian rebirth of power and utilitarian attitude of the government to culture. Specifics of formation of the Soviet theatre system in the Far East during the period of social transformations consisted in the fact that the region in question fostered the circumstances which allowed for the mitigation of the process of Sovietization of art. This state of affairs lasted until the mid-1930s.

Key words: theatre, drama, repertoire, actor, entrepreneur, power, cultural policy.

ORGANIZATION AND MAINTENANCE OF TOURIST RAILWAY ROUTES IN THE Khabarovsk Krai (1960s–1980s)

N.A. Pichugina

Nina Andreevna Pichugina is President of Non-Commercial Organization “Khabarovsk Krai Association of Tour-Guides and Guides-Interpreters”, Associate Professor of the Department of Service and Tourism at Far East State Transportation University (Khabarovsk).

E-mail: guide-association@mail.ru, tour@festu.khv.ru

This paper is devoted to the little-investigated theme of organization of transport routes – railway tourist-excursion trains. In the 1960s-1980s, tourism and hospitality industry, viewed as a prospective direction in the economy of the Khabarovsk Krai, acted as an original catalyst of the social and economic development of the territory. In the 1960s, railway tourism obtained the widest development out of all kinds of transport. Tourist trains, i.e. “tourist camps on wheels”, became the most available kind of mass traveling. Such journeys allowed the tourists to see much within the framework of one trip, to enrich their knowledge in the spheres of geography, economy, history and arts and to witness the achievements of the labor of the Soviet people.

Key words: bus, railway car, dining car, railway station, railway, contract, compartment, museum, train, meals, public catering, journey, traveling, tour leader, excursions, supervisor, tour guide.

COMMENCEMENT OF TECHNICAL TRAINING IN THE FAR EASTERN RAILROAD INDUSTRY (LATE XIX CENTURY AND EARLY XX CENTURY)

G.A. Tronova

Galina Aleksandrovna Tronova – Postgraduate student of the Chair of Theory and History of State and Law, Far Eastern State Transportation University.

E-mail: g.tronova@yandex.ru

The article presents the historical aspects of technical education in the domain of railway construction and maintenance. The problem of professional teaching of the qualified personnel for railway industry is considered in the article. The role of the state in the formation of technical education is outlined.

Key words: specialized school, profession, professional technical education, qualification, training of personnel, railway department, specialization.

AUTHORS GUIDELINES

1. The journal publishes materials which have not been published before.
2. The articles submitted to the editorial board undergo a reviewing procedure.
3. Manuscripts of articles and other materials are to be recommended by the faculties of higher schools, laboratories and other structural divisions of scientific research institutions, research-methodological or academic conferences and seminars. Works by post-graduate students are accepted for publishing with references from their academic adviser.
4. The volume of the article should not exceed 1 publication base (40 000 printable characters). No more than three illustrations, diagrams or schemes can be placed within the article.
5. The following are the requirements for manuscripts submitted to the editorial board.
 - 5.1. The materials submitted to the editorial board must be presented in electronic and in print format (diskettes 3.5» and two copies of the original text (files)). If there are two or more diskettes, their numbers and files should be labeled on the diskettes. The names of files must be specified in the printed copy. The text-based editor is Word. The materials should be signed by the author on the title page near the name of the author.
 - 5.2. The title page of the article must contain the complex of the elements located on the page in the following order. At the top of the page the title of the article is printed in capital letters bold font. Surnames of the authors follow the heading and are printed by lower case letters. No other data is to be specified.
 - 5.3. References should follow the body of the text in alphabetical order, first the sources in Russian language, then the sources in foreign languages. References to the cited sources, and notes should be incorporated in the text of the article, after the quotation in square brackets, with the number from the list of references. Bibliographical description of the source in the list of references is implemented in accordance with the rules of GOST 7.1-2003. Font and line spacing, is the same as in the article.
 - 5.4. Margins: top – 2 cm; bottom – 2 cm; left – 3 cm; right – 1 cm; the size of a paper – A4 (210×297 mm); font «Times New Roman» № 14; line spacing – 1.5.
 - 5.5. Notes and quotations incorporated in the body of the text should be numbered consecutively.
6. Materials without substantiated research support or not corresponding to the rules mentioned higher will not be considered. Manuscripts will not be returned.
7. The following data about the author should be attached to the manuscript: first name, middle name initial, last name, academic degree, academic title, place of employment, postal address, work address, home address, office phone number, home telephone number, fax, e-mail.
8. A short abstract of the article in Russian and English, the title of the article in English and the list of key words (no more than 15) are to be attached.
9. Please address the materials to the following address: 47, Seryshev Str., Khabarovsk, 680021, Far Eastern State Transportation University (FESTU) Editorial board of the journal «The Humanities and Social Studies in the Far East».

E-mail: journal@festu.khv.ru
<<mailto:journal@festu.khv.ru>>

Научное издание

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Научно-теоретический журнал № 2 (42) 2014

Под общей научной редакцией Ю.М. Сердюкова

Редактор *А.А. Иванова*
Технический редактор *И.А. Нильмаер*

План 2014 г. Поз. 14.6. Подписано в печать 18.06.2014 г.
Гарнитура «Times New Roman». Уч.-изд. л. 27,0. Усл. печ. л. 25,1. Зак. 126. Тираж 500 экз.

Издательство ДВГУПС
680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47.